

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД
ЗНАМЕНЕМ
МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВ.-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 1

ЯНВАРЬ 1924

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „МАТЕРИАЛИСТ“
МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>В. Ильин.—Ленин</i>	5
<i>А. Добров.—Ленин—попытка оценки материальности</i>	10
<i>В. Волин.—Печальный из мастеров революции</i>	29
<i>А. Радомир.—К письмам А. Лебедеву</i>	35
<i>А. Лебедев.—Письма Ф. Энгельсу</i>	41
<i>С. Гинзбург.—Учение Гегеля о "действительности"</i>	81
<i>Гр. Бакмал.—К вопросу об историч. реальности родоначальника докт. материализма</i>	93
<i>К. Борылев.—Дialectический метод в психологии</i>	107
<i>А. Гольдман.—Энштейн и материализм</i>	114
<i>А. Гильфердинг.—Физика, материя и т.п. Гольдмана</i>	127
<i>Н. Орлов.—Существует ли актуальная бесконечность?</i>	136
<i>Б. Фриман.—Главнейшие течения последней литературы Запада</i>	148
<i>Маг. Позенсон.—В. Ленин и национальный вопрос</i>	164
<i>Б. Городец. Н. К. Михайловский и марксизм</i>	188
<i>Г. Жуков.—Теодор Адамс</i>	205
<i>Д. Фридман.—Две книги о К. Марксе и Ф. Энгеле</i>	218
<i>И. Месник.—Старые ошибки в новом освещении</i>	232
Трибуна.	
<i>В. Румян.—Раневые раны наших дней</i>	240
Библиография.	
<i>В. Румян.—По гранитным камням</i>	250
<i>Н. Крупин.—Профessor истории в другом мире жизни</i>	257
<i>Н. Дрожжина.—А. Г. Бульфус. Опытные проблемы волны "Преображения"</i>	262
<i>С. Ериноев.—Ю. Борхардт. Введение в научный социализм</i>	264
<i>Петровым.—"Проблема злоступности", гл. ст.</i>	265
<i>А. Максимов.—Акад. В. Столбов. Математика и ее значение для человечества</i>	267
<i>З. Цойцель.—О. Д. Хвольсов. Строение атома и рентгеновская линия. Проф. Д. А. Гольдманн. Понедельник глазу мир</i>	278
<i>В. Минченков.—Архитектурная политика в России</i>	279
<i>Н. Л.—Герман Виктор. А. Бебек</i>	283
<i>В. Румян.—Марк Вавилов. Что нужно знать подготовленному марксисту</i>	285
Сообщения и заметки.	
<i>Письмо в Ц. К. Р. К. П.</i>	288

Л е н и н .

Умер Владимир Ильин, умер Ленин, умер тот, на ком покоялись члены сотен миллионов угнетенного человечества, кто даривший этой рукой пошатнуло самое основание современного общества и, приоткрыши завесу будущего, огненными ~~жг~~квами вписал новую страницу истории.

Умер гений, величайший вождь человеческих масс, их организатор и учитель, умер друг человечества, того человечества, которое целиком тысячелетия влажило ярмо раба и не смело взглянуть вверх, человек, рожденный массой и созданный для руководства этой массы.

Да, несмотря на то, что Ленин не был физически, в буквальном смысле слова, рожден массой, духовно, всем своим существом, своей волей, своим умом Ленин был создан тем величественным, революционным рабочим движением, которое характеризует современную эпоху человеческой истории.

Ведь, действительно, тайна влияния нашего вождя на массы, общее признание его, как вождя, всем трудающимся человечеством в том и заключается, что Владимир Ильин был одним из величайших организаторов масс. Это одна из основных главнейших черт его гения, свойство его существа, ставящее его выше всех вождей и руководителей рабочего класса.

В самом деле, стоит пребежать хотя бы бегло его революционную деятельность, чтобы убедиться в этом. Уже в первых работах своих Владимир Ильин говорил о массовом рабочем движении; затем в течение всего "Петровского" периода и времени, предшествующего первой русской революции, он наиболее полно, наиболее всесторонне освещает начавшееся массовое рабочее движение, а в эпоху первой русской революции он является настоящим ее истолкователем и руководителем, так сказать, певцом неизданный по своему размаху и глубине борьбы народных масс со старым порядком. А затем, во дни реакции, когда, казалось бы, не было никакой возможности для развития широкого массового движения, разве не гениальный ум Ленина создает эти необыкновенные методы организации, это использование

легальных возможностей с чисто нелегальными революционными способами борьбы, методы, в свою очередь, приводящие в движение все новые и новые массы. Наконец, в эти последние годы, кто, как не Владимир Ильич был тем вождем, той силой, которая поднимала, собирала и вела, куда хотела, не десятки, не сотни тысяч, а десятки миллионов людей, заставила их не принудительно, не штрафом, не вынуждением, а только авторитетом, властью, обличием своей личности покидать дом, семью, близких, друзей, покой и бросаться в бой, на верную смерть.

В чем же дело здесь, какие же свойства существа Ленина делали это чудо, это невероятное титаническое движение настоящих дополнительных народных масс?

Дело在于 том, что Ленин был организатором и вождем масс, т.е. прежде всего умел опираться на эти массы, из них самой глубины и гущи созидающих тех самых организаторов и вождей, сначала десятки и сотни, а затем тысячи и десятки тысяч организаторов и вождей всевозможных степеней, качеств и достоинств, тех организаторов и руководителей, присутствие которых только и превращает разрозненную стихийную толпу, массу в организованный коллектив, единой волей которого, лучшим выражителем и истолкователем, словом—вождем, являлся он сам, Владимир Ильич, тов. Ленин, "наш Ильич", "старик", гениальный руководитель невиданной в мире борьбы.

Действительно, еще в 1902 году была брошена Лениным эта поразительная мысль о профессиональных революционерах. И это они, эти профессиональные революционеры, интеллигенты и рабочие от стихии, все эти агитаторы, пропагандисты, транспортеры, "техники", комитетчики, что они были теми организаторами и собирателями масс, что они приводили в движение эти массы, организовывали забастовки и демонстрации, вели рабочих на баррикады и в огнь восстаний и наполняли шумом и блеском борьбы арену русской истории.

Это они, эти организаторы, создавали десятки, сотни и тысячи новых организаторов-вождей, рабочих, вскормленных и воспитанных рабочей гущей и созидающих своего главного вождя, единственного гениального из гениальных уже с миллиардами рабочих и крестьян.

Таким образом и крепла та связь, та удивительная связь, которая существовала у нашего Ленина с самыми настоящими, подлинными рабоче-крестьянскими массами. Таким образом и создавалась то удивительное взаимное понимание, какое существовало между Лениным вождем и руководимой им массой.

Все поражались какой-то чудесной интуицией Ленина, помогавшей ему делать прогноз, предсказывать будущее и почти никогда не ошибаться.

Все видели и знали эту черту личности Ленина и часто становились в тупик, как он по одной маленькой черточке, невзначай брошенном слову простого немудрящего рабочего или замечанию какой-нибудь работницы создавал целый новый план, ломая вдребезги старые схемы и строил новые. Почему это было так? Поэтому, что Ленин был создан массой, слився с ней, впитав в себя ее стремления, надежды и чаяния, через десятки тысяч своих организаторов связанных с миллиардами и потому мог улавливать в самом маленьком и ничтожном самом важном и общем.

А мощный ум, чудесная гигантская диалектическая способность этого ума помогала ему, отбрасывая все временное и случайное, выдвигать на первый план нетленное и вечное.

Но этого мало. Ленин, ведь, был организатором прежде всего русских рабочих и крестьянских масс, а затем уже гениальным вождем мирового масштаба.

Да, Ленин был прежде всего русским национальным со-братьем рабочих и крестьянских масс не только, конечно, велико-россов, но именно русских в том смысле, что, обладая всеми лучшими чертами русского национального характера, Владимир Ильич как-то впитал в себя весь интернациональный багаж рабочего насе-ления России—от батраков-крестьянок русской деревни до высоко-кавалифицированного металлиста венециан, латыша, поляка или финна; от самого неразвитого рабочего перса или татарина до сознательного рабочего Петербурга или Варшавы.

Этот нестырый национальный состав нашего рабочего класса, это его разнообразие, эта смесь из рабочих и крестьян, эта интернацио-нальность самого нашего движения и соединила чисто-русские на-циональные черты в лице Ленина с интернациональной сущностью его характера.

Кто не знает, как далеко шел Ленин в национальном вопросе, как именно вследствие этой черты его личности, он может стать визи-кой дум о вождях народов Востока.

Это двуединое свойство его индивидуальности, могущей вырасти только в России, в широкой России—в ее вековом национальном гне-том, с ее великородовым национализмом, это свойство и давало то понимание рабочей души всякой нации, которое и делало Ленина человеком, могущим стать выше национальности, сделавшим, действи-тельно, мировым вождем в полном смысле этого слова.

И в другом смысле Ленин является чисто национальным вождем, порождением своего народа и целой исторической эпохи. В самом деле, не есть ли история России за последние два века не что иное, как беспрестанные попытки создать такого всестороннего совершен-ного вождя, как Ленин. Несомненно, это так и есть.

После Развана и Пугачева, этих созданий массового крестьянского движения, народные движения переходной эпохи, а такой эпохой нужно считать всю историческую эпоху, когда по мере развития капитализма выросла рабочий класс и его движения, народные движения, несовершенные и незаконченные, выдавали различные несовершенные типы вождей от Пестеля к Бакунину, от Нечава и Ткачева к Желибову, от одиозных ненавистных руководителей поссессионных и военных бунтов к таким организаторам, как Халтурин и Монсценко, от вождей групп и отдельных слоев и классов, к завершению всех этих движений к движению рабочему и к их генциальному вождю, этому историческому синтезу многовековой, многостадальной, полной нетленной красоты и драматизма истории герояического русского революционного движения. Только на пороге великих эпох созываются великие, мировые гении, ибо они своей мыслью и своими делами подводят ноги прошлому и прокладывают путь на много веков вперед.

Бессспорно, мы живем в великовремя великих дельцов. В самом деле, наше время можно сравнить только с началом нашей эры. Ни французская революция, да и никакая другая буржуазная революция не затрагивали сущности и основы общества, частной собственности, меняли классы-козеев, а частная собственность оставалась, так как в начале нашей эры рушился старый мир и созывались новые формы собственности и хозяйствия вместо старого рабского строя, так и в наше время рушатся стадии, самые основные, устои общества и на место общества частной собственности создается мир коммунистический, а вместе с ним создаются все новые формы,—и государство, и семья, и наука, и искусство, и даже приемы мышления.

В такие эпохи нужны люди, нужны умы, гениальные умы и собиратели человеческих масс, которые бы как в гармоническом синтезе выражали все стремления масс, и новые пути этих масс. И тория, как природа, в разных местах и странах через ряд несовершенных форм и приходит постепенно к совершенным образцам таких вождей восставшего, бунтующего, разрушающего старое и вместе с тем создающего новый мир человечества. Такими вождями нашей эпохи являются Маркс, как гениальный теоретик движения рабочих масс, и Ленин, как гениальные умы, сумевшие дать синтез этой теории с практикой этих революционных масс. И если, следуя терминологии Гегеля, можно считать, что в Марксе выявленна та идея немецкого народа, которая живет, по мнению Гегеля, в немецкой нации, то в Ленине, наконец, осуществлялась та мечта русских самобытников, по мнению которых русская идея спасет «гигантский запад».

Только умы, и несчастье этих самобытников, русская идея в гении Ленина насквозь пропитана духом и идеями Маркса, стало быть, духом и идеями коммунизма, которые не дает предпочтение одной нации

пред другой, ибо сущность коммунизма в его интернационализме и борьбе рабочих всех стран против эксплуататоров всего мира.

Таким образом гений Ленина, его чудесное свойство организатора и ироков рабочих и крестьянских масс есть результат долгого исторического развития, явившегося синтезом двух струй всемирной истории: массового революционного рабочего движения Запада и рабоче-крестьянского движения России, венцом которых являлись Парижская Коммуна 1871 года и Петроградский Совет рабочих 1905 года, с синтезом—Советская власть октябрьской революции.

Ленин—лучший наследник Парижской Коммуны, подготовитель и член Петроградского Совета и создатель, организатор наших октябрьских рабоче-крестьянских Советов, теоритик и истолкователь диктатуры пролетариата и крестьянства, этого воспоминания и завершения пафоса революционных масс нашего времени. После Ленина история долго еще будет ити по пути, найденному им, и его организаторские методы и идеи еще долго будут путеводной звездой человечества.

Вот почему рабочие и крестьянские массы всего мира так любили живого Ленина, и вот почему эти массы так дорога память отошедшего в вечность Ленина.

Ленин умер... Потеря эта ужасна и невознаградима. Трудящиеся всего мира остались... Но даже пессимальная смерть не может взять того, что раз завоевана жизнью, а жизнь завоевана тот Ленин, который, как организатор многомиллионных рабочих и крестьянских масс указал им практически дорогу к спасению. Трудящиеся всего мира, рабочие и крестьяне, выше голову, вперед грудь, хотя и со скорбными сердцем! У нас был Ленин, но даже и смерть не отнимет его...

В. Невский.

Ленин — воинствующий материалист.

I.

В лице Ленина сошел в могилу не только великий математик, не только первоклассный политик, не только гениальный вождь рабочего класса, но и выдающийся революционный мыслитель — воинствующий материалист.

«Философи лишь объясняли мир так или иначе, — говорил Маркс, — но дело заключается в том, чтобы изменить его». Старый тип философа, объясняющего мир, изобретавшего системы и созерцательно относившегося к жизни и действительности, скептически посмотревшего на бурный поток жизни и осуждающего действительность, поскольку она не укладывается в изобретенную им систему, — этот тип мыслителя принадлежит старому миру. Эти мыслители делали иногда великолепные открытия в области объяснения мира, но мысль и воля у них почти никогда не были скованы в железное и неразрывное единство.

Большое обновительное движение рабочего класса выдвигает новый тип революционных мыслителей, ставящих себе целью не только познание, но и преобразование мира. Ленин и представляет собой яркий тип такого революционного мыслителя, у которого мысль и воля не разбегаются в разные стороны, а составляют диалектическое единство. В этом отношении он полностью отрекся „пргороду“ того рабочего класса, идеологом и вождем которого он являлся. Всю свою титаническую волю и яркую мысль он вложил в дело ослобождения рабочего класса, в дело преобразования и изменения мира. В этом отношении Ленин поистине не имеет себе равного во всей истории международного социализма.

Ленин же был просто революционером-практиком, эмпириком. Каждый этап рабочего движения осмысливался им с точки зрения общей теории марксизма в целом. Марксизм как теория изменения мира являлся тем ричтагом, при помощи которого он стремился перевернуть весь мир. Эмпирик-практик действует, так сказать, от случая к случаю. Он не видит всей совокупности явлений, их внутренней связи и закономерности. Революционный же мыслитель типа Маркса или Ленина не удовлетворяется случайными или частичными фактами, поверхностью явлений, он стремится в своей деятельности опираться на „сущность“ явлений, на их закон. Законы функциони-

рования и развития общества суть внутренние его пружины и рычаги. Действительность находится в состоянии непрерывного изменения и развития, совершающегося согласно этим внутренним законам. Человечество слепо и бродит в темноте до тех пор, пока эти законы остаются для него тайной. Но человечество становится зрячим, когда оно познает эти законы. Но человечество становится „свободным“, когда овладевает слепой необходимости общественной эволюции. Теория Маркса и представляет собой такое учение, которое открыло эти законы. Маркс выработал понятие общественно-экономической формации. „Взгляды на исходный пункт основной для всякого человеческого обожжения факт — способ добывания средств к жизни, она (теория Маркса. А. Д.) поставила в связь с ним те отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни, и в системе этих отношений („производственных отношений“ по терминологии Маркса) указала ту основу общества, которая облечена политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли. Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм“¹⁾.

Теория объяснения социального мира состоит в открытии его особых законов зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм, как выражается Ленин. Без теории, — конечно, правильной и объективно-истинной, — нет планомерной, созидательной исторической и общественной деятельности. Такая теория является необходимой предпосылкой созидающего воздействия на исторический процесс. Но, ведь, недостаточно открыть высуказанные законы, хотя такое открытие является само по себе делом величественным. Необходимо еще, опираясь на эти открытия законы, указать способы изменения и осуществлять это изменения и превращение одного „созидающего организма“ в другой. Можно владеть прекрасной теорией и относиться к действительности созерцательно-философски. Чтобы изменить действительность, необходимо, чтобы сама теория стала действительностью, активно-творческой силой, — словом, чтобы теория стала практикой. Марксизм и представляет собой совершенно отличную от других теорий или философских мировоззрение, которое требует претворения практики в теорию и теории в практику. Марксизм не знает отрыва теории от практики. Диалектическое единство теории и практики требует, чтобы теория была „практична“, а практика была „созидающей“, чтобы она сама стала теорией. У Маркса, — говорит Ленин, — нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, фантазировал „новое“ общество. Нет, он

¹⁾ Н. Ленин. За 12 лет. стр. 57.

изучает, как естественно-исторический процесс, рождение нового общества из старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки. Он "учится" у Коммуны, как великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта великих движений угнетенного класса, никогда не относясь к ним с презрением ("правовуючения"). Слова Ленина о Марксе вполне применимы к самому Ленину. Более того, они применимы к нему в большей степени, ибо он, в отличие от Маркса, имел возможность применить свои теории в огромной стране при чрезвычайно сложной международной обстановке. И надо сказать, что Ленин мог, конечно, ошибаться, о чем он сам неоднократно говорил, но ошибки эти были особого рода. Будучи ортодоксальным марксистом, ему чуждо было доктринерство. Марксизм учит, что теория сама по себе не имеет самодостаточной ценности или самостоятельного значения в смысле абсолютной истины, имеющей свое оправдание и критерий в самой себе. Усвоив прекрасно дух марксизма, овладев в совершенстве его методами, он не свяпался за отвлеченные теории, но поклонился феноменам. Он их безжалостно отмежал, как подчасо убеждался в их "абстрактности", т.е. безжизненности. Подобно Марксу, Ленин учился "у опыта массового пролетарского движения" и из него извлекает практические уроки, претворяя их в теории. Теория прежде всего должна выдержать испытание практики. "Практикой человек должен доказать истину своего мышления". Теория не представляет собой самостоятельного царства. Первоначально принадлежит практике. Теория, выдерживающая испытание практики, есть объективная истина. Не следует ограничиваться, учили Маркс, объектами, существующими в вашем голове, а необходимо иметь дело с конкретными объектами. Поэтому действительность и следует рассматривать "в форме конкретной человеческой деятельности, в форме практики". Так теория приобретает совершенно особый характер, чем у прежних мыслителей.

Кто лучше других понимает движущие силы действительности, тот дальше других видит. Он видит путь, по которому направляется действительность, он способен предвидеть будущее. Но марксизм требует, в качестве теории освободительного движения, не беспристрастного и созерцательного отношения к действительности, а изменения самой действительности в согласии с нарезанными объективными возможностями. Ленин соединил в своем лице революционного мыслителя и преобразователя жизни. Революционные мыслители и представляют собой особый тип, новый тип людей, выдвигаемых историческим движением пролетариата и отличающихся тем, что они ставят непосредственной своей целью изменение мира, преобразование жизни. Марксизм есть поэтому не

9 Женев., т. XIV, Государство и революция, стр. 135.

только теория, но и практика освободительного движения пролетариата, не только объяснение, но и изменение действительности. Говоря о Ленине, как о преобразователе жизни, мы ни на минуту не забываем тех особых объективных условий, которые сделали возможным деятельность его. Ленин является гениальным учитенком и последователем Маркса. Несомненно, что вся сила Ленина заключалась, помимо, конечно, личной гениальности, в правильном применении марксизма на практике, в проведении его в жизнь. Сила Ленина в марксизме. Ленинин есть революционный марксизм, как его понимал и применял Ленин. Маркс прежде всего гениальный теоретик, колоссальный ум, который видит на сотни лет вперед. Буржуазия таких мыслителей не выдвигала и никогда не имела. Она имела, разумеется, много крупных гениальных умов; они строили всеобъемлющие философские системы; они сделали очень многое вообще для науки. Но на их системах лежала печать "академизма". Эти мыслители и учёные добирались до отдаленных небесных тел, до глубин атома. Но для общественно-исторической науки они сделали сравнительно очень мало. Здесь они были грубыми эмпириками, ибо история против них. Они должны были остановить и ограничить ход исторического развития. Вся духовная мощь пролетарских революционных мыслителей сосредоточилась на овладении человеческим обществом, на перестройке его, на познании движущих его сил. Маркс и поднял общественные науки на недосгаемую высоту, на высоту точной науки. Марксизм превратил политику в науку. Ленин был гениальным политиком этой школы. Теоретическая базу научной политики составлял для него марксизм. Поэтому надлежит не противопоставлять ленинизм — марксистскую политику — марксизму как философской, исторической и экономической теории, на которой политика и тактика Ленина строились, а видеть в нем применение и дальнейшее развитие марксизма. Ленинизм в свою очередь обогатил марксизм, т.е. марксистскую науку, марксистскую теорию, которая еще не успела переварить и осмысливать весь "левинский" опыт. Но несомненно, что Ленин, будучи первым, ортодоксальным учеником Маркса, сделал чрезвычайно многое для развития и углубления самого марксизма.

Общество может при известных условиях стать предметом эксперимента. Природа противостоит нам, как нечто чуждое. Эксперименты там возможны лишь в ограниченных пределах. В общественной жизни дело обстоит иначе. Здесь мы, люди, прежде всего сами являемся активными деятелями и творцами. Ведь история делается людьми, между тем как природа людьми не делается. Ленин — великий социальный экспериментатор. Он каждое теоретическое положение подвергал практическому испытанию.

II.

Для понимания всей деятельности Ленина необходимо обратиться к общим основам его мировоззрения и метода. Ленин был марксистом, т.е. диалектическим материалистом. Для него, как и для Маркса,

практикой мышление доказывает свою истинность. Точка зрения жизни, практики,—говорит он,—должна быть первой и основной точкой зрения теории познания: И она приводят непременно к материализму, отбрасывая с порога бесконечные измышления профессорской складки. Конечно, при этом не надо забывать, что критерий практики никогда не может по самой сути подтвердить или опровергнуть полностью какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько „неопределён”, чтобы не позволять знаниям человека превратиться в „абсолют”, и в то же время настолько определен, чтобы нести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма. Если то, что подтверждает наша практика, есть единственная, последняя, объективная истина, — то отсюда вытекает признание единственным путем к этой истины путь науки, стоящей на материалистической точке зрения¹⁾. И далее, он говорит о теории Маркса в том же духе: ...Но так как критерий практики, — т. е., ход развития всех капиталистических стран за последние десятилетия, — доказывает только объективную истину в ее общественно-экономической теории Маркса вообще, а не той или иной части, формулировки и т. п., то ясно, что толковать здесь о „когнитивизме” марксистов—значит делать непротестильную уступку буржуазной экономики. Единственный вывод из того, разделенного марксистами, мнения, что теория Маркса есть объективная истина, состоит в следующем: иди по пути марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не отстанешь ее); иди же по всякому другому пути, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи²⁾.

Вдумайтесь, читатель, в эти две цитаты. Ленин ясно и кратко формулирует здесь основную мысль марксистской гносеологии, составляющей теоретический фундамент его собственной практической деятельности. И что же мы видим? Ленин, в согласии с Фейербахом, Марксом, Энгельсом и Плехановым, подтверждает прежде всего необходимость положить в основу теории познания всю совокупность человеческой практики. Этот момент составляет отличительную черту именно марксистской философии, т. е. материализма, между тем как идеализм „ставит и разрешает вопрос об объективности и субъективности, о действительности или недействительности мира только с теоретической точки зрения”, как выражается Фейербах. Идеалистическая философия ищет критерия истины в самой мысли. Марксистская же философия обращается к практике. Поэтому идеализм имеет всегда дело с безназначенными абстракциями, материализм же выше всего ставит точку зрения жизни, практики. Материализм и идеализм являются выражением двух классовых идеологий, при чем идеализм есть идеология класса, оторванного от не-предстороннего процесса производства, от производственной практики.

¹⁾ Ленин, Собрание сочинений, т. X, стр. 115.

²⁾ Там же, стр. 115.

Материализм же является выражением мироощущения и миропонимания класса производителей, т. е. класса практического по самому существу своему. Для идеализма истинно-человеческая деятельность есть только деятельность теоретическая, деятельность мысли; для марксиста же практическая деятельность есть истинно-человеческая деятельность. Материалист Фейербах даже говорил, что философия, по сравнению с практикой, есть лишь „необходимое зло”¹⁾.

Итак, Ленин кладет в основу теории познания всю совокупность человеческой практики. Однако тут же необходимо оговорить, что Ленин не понимал примата практики в том смысле, в каком это понимают мастисты и pragmatists. С таким неправильным пониманием и истолкованием этого основного исходного положения марксистской теории познания мы встречаемся не только у мастистов. Познание может быть биологически полезным, говорит Ленин, возвращая мастистам, — полезным в практике человека, в сохранении жизни, в сохранении вида, лишь тогда, если она отражает объективную истину, независящую от человека. Для материалиста „успех” человеческой практики доказывает соответствие наших представлений с объективной природой вещей, которые мы воспринимаем. Для одиониста „успех” есть все то, что мно нужно на практике, которую можно рассматривать отдельно от теории познания. Если включить критерии практики в основу теории познания, то мы неминимо получим материализм, — говорит марксист. Практика путь будет материалистична, а теория способ статья, — говорит Май²⁾. Вульгарный буржуазный практицизм ничего общего не имеет, конечно, с практикой в понимании марксизма и материализма. Как понимает Ленин успех че-

¹⁾ В этой связи замечательно будет указать на высокую и, с нашей точки зрения, спортивную окраску Ленинских Фейербаха. Ленин в философии, конечно, является „учеником” Плеханова, о чём он сам неоднократно заявлял. Но то обстоятельство, что он, как и все мы, учился у Плеханова, не становится Ленину самостоительно подходить к нашему разбору вопросов в некоторых существенных пунктах, „переигрывая” Плеханова. Оба эти мыслителя одинаково хотят ханжам сердце. Мы не приводим к тем, кто отвергает Плеханова ради Ленина или Ленина ради Плеханова. В известном смысле они дополняют друг друга. Плеханов, проще всего, теоретик. Ленин же, прежде всего, практик, политик, писатель. Но оба они чрезвычайно много сделали для развития и углубления нашего мироощущения. Возвращаясь к Ленину, мы и обращаем внимание на то, что в то время, как Плеханов в своих „Основных вопросах марксизма”, напечатанных в 1908 году, этот эго и той точки зрения, будто Фейербах за познания „практически-критической деятельности”, Ленин в своем „Материализме и эвансионизме” 1909 года стует спреклонение на противоположной точке зрения. Ленин же отдаёт в этом отношении Фейербаха от Маркса и Энгельса. „И Фейербах, — говорит Ленин, — подобно Марксу и Энгельсу, дают всевозможные в точки зрения Шульца, Фихте и Маха „прямые” практики в основных вопросах теории познания”. Фейербах берёт учёный способ познания человеческой практики в основу теории познания” (Собр. соч. т. X, стр. 114). В статье „От идеализма к материализму” (1915 г.) Плеханов, посмешно под вздохи Ленина, пишет свою точку зрения в отношении Фейербаха. И, что еще забавнее, Плеханов в подтверждение того, что „мысль о гибельных влияниях на философскую теорию разрыве ее с практическим хозяйством вполне соответствует всему духу фейербаховской философии”, отворачивает на то же место, которое было приведено Лениным.

човеческой практики? Как он понимает соответствие наших представлений с объективной действительностью? Подобно тому, как наши представления и понятия не являются абсолютными отражениями объективной действительности, так и успех человеческой практики, человеческой деятельности, составляет лишь приближение к объективной истине. Такое правильное и глубоко марксистское понимание вопроса снедает ставку об отсутствии в мировоззрении Ленина догматизма и доктринерства. Или же путем марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше, никогда не исчерпывая ее". Именно поэтому теория Маркса есть объективная истинка. То, что подтверждает наша практика, как в области чисто теоретической, так и в области общественной деятельности, есть единственная объективная истинка. Другого пути к объективной истине нет. Но Ленин говорит именно о пути, о методе, превосходя пониманием, что всякая давняя истинка представляет собой не абсолютную, а относительную истину. И поэтому важен путь, привильное направление, которое ведет к истине. Самое же абсолютное истинное мы никогда не обладаем. Мы к нему в нашем познании и в нашей деятельности лишь приближаемся. Критерий практики достаточно "неопределен" для отрицания велького идеализма и абсолютных точек зрения, и достаточно определен для отрицания велького идеализма и беспощадной с них борьбы. В своей практической революционной деятельности Ленин поэтому всегда придавал решительное значение и испытанию опровергнутых лозунгов, политических форм и пр. практикой. Не теоретическое преодоление, а практическое, жизненное преодоление путем переживания и испытания определенных форм, напр., демократии или конституции, в целях изживания их как "липовых", "истинных" на одних ступенях развития, по ложным и обманчивым на высшей ступени развития. "Развитие демократии до конца, изыскание форм такого развития, испытание их практико и т. д.—все это есть одна из составных задач борьбы за социальную революцию". Ленин в другом месте подчеркивает историческую ограниченность и условность буржуазного парламентаризма. Объективной истиной для марксистов является либо коммунизм или первоначальная его стадия—социализм. Поэтому парламентаризм, формальная демократия и государство вообще суть реальности, известные степени и способы приближения к социализму, но вместе с тем противоречие между формальным рабством и наемным рабством будет раскрывать глаза массам, переживающим этот исторический опыт со всеми с ним связанными для них страданиями. Массы в ходе исторического развития должны притти к пониманию исторической ограниченности всех этих форм, и приближаться, вместе с объективным экономическим развитием, порывающим и обостряющим все противоречия, к социализму, как объективной действительности.

¹⁾ Ленин. т. XIV, стр. 361.

III.

Но что такое объективная истинка? И каково отношение между абсолютной истиной и истиной относительной? В значительной степени ответ Ленина на эти вопросы нам уже известен. Но не безынтересно остановиться на этом вопросе несколько подробнее, особенно, зная существующей на этот счет путаницы и среди многих современных марксистских литераторов.

А Богданов утверждает, как известно, что истинна есть только идеологическая форма. Против этого взгляда Ленин возражает, что так как иная идеология, кроме человеческой, не существует, то с этой точки зрения не может быть истиной объективной, т. е. от субъекта не зависящей. Но наилепше этой точки зрения очевидно. Впервые, она опровергается вполне очевидными фактами. Естествознание,—говорит Ленин,— не позволяет сомневаться в том, что его утверждение существования земли до человечества есть истинна. С материалистической точки зрения это вполне совместимо: существование независимого от отражающих отражаемого (независимости от сознания внешней мира) есть основной посылка материализма. Утверждение естествознания, что земля существует до человечества, есть объективная истинна¹⁾. Но если истинна есть организующая форма опыта или только идеологическая форма, как это утверждают марксисты и прочие, то, не может быть истинным утверждением о существовании земли вне велького человеческого опыта²⁾. Естествознание несовместимо с марксизмом, позитивизмом, эмпириокритицизмом и т. д. С другой стороны, если истинна есть только организующая форма человеческого опыта, то нет никакого критерия для разрешения вопроса об объективности и субъективности нашего опыта. При таком взгляде на вопрос католицизм,—говорит Ленин,—также является истиной. Но не подлежат сомнению, что католицизм есть организующая форма человеческого опыта³⁾. Из этого положения думают пытаясь выйти тем, что под объективностью понимают общезначимость, социально организованный опыт. Но разве религия не обладает общезначимостью? „Учение религии,—говорят Ленин—общезначимо" в большей степени, чем учение науки: большая часть человечества держится еще现在е первого учения. Католицизм „социально организован, гармонизован, согласован" вековым его развитием; в „цепь причинности" он „укладывается" самим неоспоримым образом, ибо религии изначально не беспричинно, держатся они в массе народа при современных условиях вовсе не случайно, подлаиваются к ней профессоры философии вполне „закономерно". Если этот несомненно общезначимый и несомненно высок社会组织化的 социально-религиозный опыт „не гармонирует" с „опытом" науки, то, значит, между тем и другим есть принципиальная, коренная разница⁴⁾. Этак коренная

¹⁾ Ленин. т. XIV, стр. 98.

«принципиальная разница стирается, когда отвергают объективную истину, стирается разница между наукой и философией, т.е. между знанием и верой. Религия тогда покончится на одинаковых гносеологических основаниях, что и научное познание. Так, марксисты, пусть бессознательно, подводят научно-философский базис под философией, подпозицию, как выражается Ленин. Понятие объективной истины в смысле материалистическом проводит разрез между между религиозным опытом и научным; оно же стирает между ними границы, а, наоборот, устанавливает между ними коренную, принципиальную разницу. „Если существует объективная истина (как думают материалисты), если есть естествознание, отражая внешний мир в „опыте“ человека, одно только способно давать нам объективную истину, то всякий философ отвергается безусловно. Если же объективной истины нет, истина (в том числе и научная) есть лишь организованная форма человеческого опыта, то этим самым признается основная посылка поповщины, открывается дверь для нее, очищается место для „организующих форм“ религиозного опыта“¹.

Вопиющая, материалистическая Ленин не может сделать, разумеется, ни малейшей уступки вскысшим агностикам, какие бы наряды они на младенцев наворочались, понимая, что „незнайство“ или „немогузнатство“ есть лишь своеобразная форма философии, чрезвычайно утонченных видов поповщины — в век необычайного расцвета подложительных наук и техники и обостренной классовой борьбы. Ленин вскрывает классовый характер и сущность „немогузнатства“. Этот революционный гений рабочего класса, великий строитель нового дома человечества, художник новых форм жизни беспощадно разрывает и отбрасывает в сторону, как гнилую, вонючую ветвь, все тонкие как кружева идеалистические построения, которые лишь подталкивают и подшивают фундамент строящегося дома. Малейшее отклонение от материализма клеймится им как пособничество философии, как уступка классовому врагу.

Оригинация объективной истины ведет к недопустимой атерпимости, к оппортунизму в области мысли и философии. Но этот философский оппортунизм имеет своим неизбежным следствием оппортунизм классовых, политический, общих рабочих, извращение марксизма. „Мещанская, флигельская, троцкивая терпимость к учению о ленинских, домовых, кагульских смыслах и тому подобных вещах“ есть неизбежное следствие отрицания объективной истины. Но не следует понимать дело так, будто Ленин стоит на почве „классового субъективизма“, будто объективной истины является для него то, которая полезна и выгодна рабочему классу. Всёли мы уже знаем, что для него познание полезно лишь тогда, когда оно отражает объективную истины. Материализм и марксизм не потому истины, что они полезны, общезначимы, что выражают социально-организованный опыт пролетариата. Наоборот, они полезны, „общезначимы“ и пр. потому,

¹ Ленин, Собр. соч., X т., стр. 100.

что отражают объективную истины. В современных условиях только пролетариат и может стоять на почве материалистического объективизма. Классовый субъективизм составляет отличительную черту реакционных классов. Поэтому филосомы и всевозможные виды идеализма составляют идеологию именно этих классов. И именно их учения противоречат естествознанию!

Что же касается в частности машистов, то они субъективисты и агностики. Они не признают объективной, независимой от человека реальности, как источника наших ощущений. Они не видят в ощущениях верного снимка с этой объективной реальности, приходя в прямое противоречие с естествознанием и открывая дверь для философии. Напротив, для материалиста мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны. Для материалиста наши ощущения есть образы единственно и последней объективной реальности, — последней не в том смысле, что она уже познана до конца, а в том, что кроме нее нет и не может быть другой². Объективная действительность никогда не может быть познана „до конца“. В этом смысле не надо говорить об абсолютной истине, ибо „всесъемлющая, раз навсегда“ установленная система познания природы и истории противоречит основным законамialectического мышления, хотя она отнюдь не исключает, но, напротив того, подразумевает, что систематическое познание внешнего мира может делать гигантские шаги от поколения к поколению“ (Энгельс). Этот dialectический взгляд на процесс познания чужд как метафизическим абсолютистам, так и метафизическим relativistам. Одни требуют абсолютной истины, т.е. истины, познанной до конца, и на меньшем помириться не могут. Другие же отвергают существование объективной истины на том основании, что истина, наше познание находятся в состоянии развития. Из этого обстоятельства и несомненного факта, что познание внешнего мира не исчерпано до конца, и что „каждый шаг развития науки... как выражается Ленин, открывает в нем новые стороны“, они делают тот неслыханный вывод, — будто самого внешнего мира не существует. Это уж настоящий *salo mortale*, а не *salo vitalis*. В свете метафизического абсолютизма мир представляется готовым, заключенным, раз навсегда данным, мертвым, застывшим: все категории его приобретают характер вечен и неизменных. Может ли марксист примириться с такой точкой зрения? Могли Ленин — этот вечно рвущийся вперед и всесокрушающий революционер жизни, по самому существу своего характера принять готовый и застывший мир? Не следовало ли расплющить этот мир в огне революции, чтобы построить новый лучший мир? „Мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны“, новые возможности, новые горизонты, новые более широкие перспективы. Если бы этот

² Там же, стр. 102—103.

мир не изменялся в силу присущих ему законов, то, конечно, никакая внешняя сила не могла бы привести его в движение. Опираясь на эти законы изменения и развития мира, подчиняясь им, действуя в том же направлении, в каком мир развивается сам по себе, мы способны содействовать его более быстрому темпу развития, мы приываем участие в этом общем космическом—ибо и общество человеческое составляет часть космоса—процессе развития.

В противоположность метафизическим абсолютистам или объективистам, субъективные реалисты утверждают изначальность наших ощущений, отрица при этом существование внешнего мира, объективной реальности. Но из потока наших ощущений не может получиться изменения мира. Субъективизм так же несовместим с марксизмом, как он несовместим с естествознанием. «Положки релятивизма в основе теории познания, значит неизбежно осудить себя либо на абсолютный скептицизм, агностичизм и софистику, либо на субъективизм». Релятивизм, как основа теории познания, есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было объективной, независимой от человечества существующей, мерки или модели, к которой приближается наше познание. С точки зрения «логического релятивизма» можно оправдать всякую софистику, можно признать «условным», умер ли Наполеон 5 мая 1821 года или не умер, можно простым «удобством» для человека и для человечества объяснять допущение рядом с научной идеологией («удобия» в одном отношении) религиозной идеологии (очень «удобной» в другом отношении) и т. д.¹⁾.

Частца истины заключается как в утверждении абсолютного объективизма, так и в признании относительности наших знаний. Каждое же из этих утверждений, взятое отдельно, само по себе, есть ложь. Стремление построить целую, целостную теорию знания или мировоззрения из таких частичных, односторонних утверждений, ведет к мифофизике. Часть не есть целое, хотя целое и состоит из частей. Только диалектический материализм дает научное разрешение вопроса о взаимоотношении между абсолютной и относительной истиной. Указанные противоположности между абсолютным или объективным и относительными не являются противоположностями метафизическими, а относительными, диалектическими. Для диалектического материализма не существует непереводимой грани между относительной и абсолютной истиной²⁾. С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, — говорит Ленин, — исторические условия предельно приближения наших знаний объективной, абсолютной истины, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры картинки, но безусловно то, что эта картина изображает объективно-существующую модель. Исторически

условно то, когда и при каких условиях мы подвижнулись в своем понимании сущности вещей до открытия алizarина в каменноугольном дегте или до открытия электронов в атоме, но безусловно то, что каждое такое открытие есть шаг вперед, безусловно объективного познания³⁾. Одним словом, исторически условия всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа. Вы скажете: это разделение относительной и абсолютной истин неопределенено. Я отвечу вам: оно как раз настолько «неопределенено», чтобы помешать превращению науки в догму и в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закостенелое, но оно в то же время как раз настолько «определенено», чтобы отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от философии агностичизма, и Канта. Тут есть грань, которой вы не заметили, и, не заметив ее, скатились в болото реакционной философии. Это—грань между диалектическим материализмом и релятивизмом⁴⁾.

IV.

В нашу изумительную по открытиям в области естествознания эпоху, когда каждое новое открытие подтверждает правильность диалектического материализма, когда крупнейшие физики начинают сознательно становиться на точку зрения диалектики, не понимая еще вполне тол прозы, которой они говорят,—именно в это время мы видим немножко уже понятное движение среди марксистов, которые в качестве гегельянцев в отрицают диалектику в природе (мы имеем в виду прежде всего Г. Лукача)⁵⁾. Энгельс созерценно справедливо указывает на то, что «природа служит пробным камнем для диалектики, и мы должны быть благодарны естествознанию за то, что оно доставляет для ее испытания с каждым днем все возрастающий материала и тем самым доказывает, что в природе, в конечном счете, все совершается диалектически, а не метафизически»⁶⁾. Мы полагаем, что эта замечательная мысль Энгельса для нашего времени, при совершающейся наше революции в естествознании, имеет особенно глубокий смысл. Ну, и что же? Разве новаторы, о которых мы говорили, постарались привести какие-либо доводы в пользу своего взгляда и в опровержение взгляда Энгельса, являющегося общепризнанным среди антиоксакальных марксистов,—диалектических материалистов? Нет, этого мы не видели. Энгельс вполне правильно опять-таки указывает, что Гегель в натурфилософии, в естествознании оказался «значительно позади Канта». Гегель видел развитие только в сфере «духа»; на долю же природы он оставляет простое

¹⁾ Там же, стр. 109.

²⁾ См. его книгу „Geschichte und Klassenzweckstreit“. Berlin.

³⁾ Энгельс. Аль-Бирни, 1915 г., стр. 21.

⁴⁾ Ленин, там же, стр. 109—110.

"существование". Позволительно ли нам совершить такой возврат к Гегелю, при котором были бы восстановлены его ошибки, быть может, его идеализм? А между тем процесс, который происходит в современной физике, может быть формулирован словами Ленина: "Современная физика лежит в редах. Она рожает диалектический материализм".

Стихиатический материализм в естествознании, о котором говорит Ленин, медленно и постепенно переходит в сознательный. Точно так же обогащают дело и с диалектикой. Но при той замке, при том краине, который переживает современная физика, не удивительно, если мы встречаемся с весьма "странными" заявлениями. Новые открытия в области физики используются идеалистами для отрицания материи, стало быть, и материализма.

Ленин очень тонко проводит в защиту материализма разграничение между философскими и физическими понятиями. Небесспорочно в этой связи напоминать о недавнем выступлении в печати "сокрушителя" философии и о продолжающейся еще и в настоящее время полемике по вопросу "о попсе философии". Эти товарищи, тоже "новаторы", полагают, что философия можно уже выкинуть за борт и что надлежит довольствоваться положительными науками. А "новатор" из "новаторов", Э. Еничем, даже подготавливает возможным все "употребить" в своей знаменитой "теории новой биологии", считая материальную, эксплататорскую обманом¹.

Ленин на этот счет, конечно, придерживается другого мнения, превосходя пониманием разницы между философией и специальными науками. "Ни единому из этих профессоров," — говорит он, — способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии". "Задача марксистов... суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими "приказчиками" (т. е. буржуазными учеными. А. Д.)... и уметь отечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов"²). Но именно для того, чтобы уметь переработать завоевания науки и вести свою линию, необходимо иметь свое философское мировоззрение, которое дает возможность выполнять эту задачу и не поддаст под влияние "физического" или "физиологического" идеализма. Надо уметь отделять и различать философские категории от физических и всяких иных категорий. Как же вы прикажете выполнить эту работу без знания "философских категорий"? Смешиваются, напр., говорит Ленин, вопросы о том или другом строении материи с гносеологической категорией материи, с вопросом о существовании объективной истины. Если объективная истина существует, то нужно для нее

философское понятие. Это философское понятие есть материя. "Материя," — говорит Ленин, — есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них. Поэтому говорить о том, что такое понятие может "устареть", есть младенческий лепет, есть бессмыслицеское повторение доводов модной реакционной философии³.

Диалектический материализм, в отличие от метафизического, рассматривает всякое физическое учение о строении материи лишь как относительное приближение к объективной действительности, которая никогда не может быть исчерпана полностью до конца. Философское же понятие материи не совпадает и не может совпадать целиком с физическим понятием материи, которое на каждой данной ступени развития науки отражает лишь данный предел объективной реальности. Философское понятие материи есть некий "абсолют". Но что означает этот "абсолют"? Философское понятие материи, не означает ничего нового, кроме как объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им⁴). Принимать объективную реальность значит "так или иначе", как подчеркивает Ленин, признавать абсолютную истину. Для диалектика абсолютная истина складывается из относительных истин. Энгельс в своей критике Дюринга указывает на то, как следует диалектически трактовать проблему бесконечности. Бесконечность составляется из конечных величин. То, конечно, противоречие. Но без противоречия нельзя себе мыслить бесконечность. Именно поэтому, — говорит Энгельс, — что бесконечность есть противоречие, она представляет собой бесконечный, во времени и пространстве беспрестанно развертывающийся, процесс. Прекращение этого противоречия было бы концом бесконечности. Такова же, как известно, и точка зрения Гегеля. "Диалектика," — говорит Ленин, в согласии с Энгельсом и Гегелем, — признает относительность всех наших знаний, но не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности предметов приближения наших знаний к истине. Подобно тому, как бесконечность составляет из величин конечных, так и абсолютная истина складывается из истин относительных. Итак, человеческое мышление по природе своей способно давать и даст нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии наук прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истинки каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания⁵). Диалектика включает в себе момент относительности, отрицания, скептицизма,

¹ Там же, стр. 103.

² Там же, стр. 218—219.

³ Там же, стр. 105.

⁴ См. трехтомную брошюру т. И. Бухарина "Истхенза".

⁵ Ленин, Х. ч., стр. 290.

но не сводится, как подчеркивает Ленин, к relativизму. Тому мысль Ленина необходимо особенно подчеркнуть потому, что многие марксисты не понимают диалектического характера проблемы о взаимоотношении между моментом «отрицания», относительности и объективной реальностью. Они не понимают, что объективная реальность есть некая бесконечность, неисчерпаемая никогда полностью, но составляющаяся для нас из конечных, относительных пределов. Поэтому одни приходят к признанию одного лишь временного, ограниченного, условного и относительного предела, любой же отразивший объективную реальность ведет к субъективизму и скептицизму. Такая точка зрения ведет к субъективизму и скептицизму, к отрицанию объективной реальности и положительного характера научного знания. Другие же упираются в другую крайность: они рассматривают каждую данную «степень» в развитии науки как полное и абсолютное отражение объективной реальности, что ведет к метафизическому пониманию «дополнительности» и человеческого познания. Новая физика, по мнению Ленина, смущалась в идеализме потому, что физики не знали диалектики. Отрицая неизменность известных до тех пор элементов и свойств материи, они склонялись к отрицанию материи, т. е. объективной реальности физического мира. Отрицая абсолютный характер наилучших и основных законов, они склонялись к отрицанию всякой объективной закономерности в природе, к объявлению законов природы простой условностью, «ограниченным ожиданиями», «логической необходимости» и т. п. Наставая на приблизительном, относительном характере наших знаний, они склонялись к отрицанию независимого от познания объекта, приближительно-верное, относительно-правильное отражение «такого познания»¹).

Метафизики отстаивают и из маинство элементов или свойств материи и абсолютный характер законов природы и общества. Реалисты же стоят на противоположной точке зрения. Из относительного характера нашего знания, из факта изменчивости элементов материи и проч. они выводят заключение об отсутствии всякой объективной реальности и закономерности и о чисто условном или субъективном характере законов. Как первое, так и второе понимание вопроса одинаково ошибочно. Ленин в качестве диалектического материалиста показывает ошибочность каждой из этих точек зрения в отдельности. То, что на одной ступени развития кажется неизменным и абсолютным, то на другой обнаруживается как нечто относительное. Так, напр., по недавнему времени полагали, что непроявляемость, инерция, массы составляют абсолютные свойства материи. Теперь мы знаем, что это не так.

Однако следует заметить, что диалектический материализм резко отличается от метафизического или механического, с которым связано, повидимому, определенное конкретное физическое учение о материи и ее свойствах. Но диалектический материализм в качестве

философского мировоззрения значительно углубил все эти вопросы, предоставив, с одной стороны, более широкое поле физическим исследованием и учениям, не связывая себя ни с каким конкретным физическим учением о строении мира; но тем самым философское понятие о материи, правда, суживается, но тем одновременно и углубляется, так как оно допускает бесконечное количество конкретных форм и свойств материи. Каковы бы ни были успехи физических наук, они не затрагивают философского учения о материи. И в этом смысле можно сказать, что философский материализм служит, для Ленина, даже оплотом против «физического», «физиологического» и пр. идеализма. Верно, конечно, что материализм, «каждым, соединяющим эпоху, открытым даже в естественно-исторической области» («не говоря уже об истории человечества»), как выражается Энгельс, должен изменять свою форму, говорит Ленин. Но смешивать форму с основной сутью, изменять суть материализма под видом критики формы его неправомерно, а это-то и делают маинсты. Теперь мы уже знаем, что Ленин понимает под формой материализма. Это определенный конкретный вид его, который дается исторически-относительным содержанием, т. е. конкретным учением о строении и свойствах материи и учением об определенных исторически-ограниченных законах ладного социального организма, данной исторической ступени в его развитии. «Следовательно»,—говорит Ленин,—ревизия «формы» материализма Энгельса, ревизия его натурфилософских положений не только не заключает в себе ничего «ревизионистского» в установленемся смысле слова, напротив, необходимо требует марксизма». Философское понятие материи связано неразрывно лишь с одним ее свойством: ее оно утверждает существование, объективное бытие материи, существование ее вне нашего сознания; отсюда же вытекает и второе: действие ее на наши чувства, отражение ее в наших ощущениях. Этим Ленин подтверждает два момента: момент существования, объективного бытия и момент теоретико-познавательный — отражение в наших ощущениях. «Незнание с точки зрения Энгельса, — говорит он, — только одно: это отражение человеческими сознаниями (когда существует человеческое сознание) независимо от него существующего и развивающегося внешнего мира. никакой другой «независимости», никакой другой «сущности», никакой «абсолютной субстанции» в том смысле, в каком разрисовал эти понятия пражская профессорская философия, для Маркса и Энгельса не существует. «Сущности» вещей или «субстанции» тоже относительны; они выражают только углубление человеческого познания объектов, и если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня—далее электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих вех познания природы прогрессирующей наукой человека. Электрон так же не исчезает, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно существует, и вот это-

¹) Ленин, т. 28, стр. 213.

единственно категорическое, единственно безусловное признание ее существования вне сознания и ощущения человека и отличает диалектический материализм от реалистического агностицизма и идеализма¹⁾.

«Разруинность атома, циничность его, изменчивость всех форм материи и ее движения всегда были опорой диалектического материализма. Все грани в природе условны, относительны, познанья выражают приближение нашего ума к познанию материи, — но это несколько не доказывает, чтобы природа, материя сама была символом, условным знаком, т.-е. продуктом нашего ума»^{2).}

При таком широком, логистико-диалектическом понимании материализма падают сами собою все возражения, которые выдвигаются обычно «критиками». Метафизический материализм признает существование абсолютных, неизменных элементов или сущностей. Механический материализм опирается на механику и ее законы. Но диалектический материализм во всех этих грехах несколько не похож. Поэтому новейшие открытия в области физики не только не опровергают материализма, а, наоборот, подтверждают правильность диалектического материализма. Метафизический взгляд на природу действительно терпит полное и окончательное крушение. Это еще не осознаны марксистами, не говоря уже о противниках его. Но диалектические материалисты, в том числе, конечно, и Ленин, превосходно поняли сущность этого движения уже давно. Мироощущение Маркса и Энгельса получает только новое подкрепление со стороны современного естествознания. Ленин, как один из крупнейших представителей диалектического материализма, также считает, что «природа служит проблемам каким-либо для диалектики».

Что касается механической картины мира, то она для материализма, как мы уже говорили, не обязательна. Новая физика выдвигает электрическую теорию материи, на место материи она ставит электричество. Если до сих пор естествознание следило все содержание физического мира к приемамющим понятиям: к материи, электричеству и атому, то в самое материи, повидимому, удастся снести к электричеству. Законы механики не просто отвергаются, как некоторые думают, а их «сфера действия», так сказать, ограничивается. Законы механики рассматривают уже как частный случай электромагнетизма или электродинамической картины мира. Мир есть движущаяся материя. Механика, при окончательном торжестве этих новых учений, была бы снимком с медленных реальных движений, говорит Ленин, а электромагнитская теория была бы снимком с гигантских быстрых движений. Постоянство массы, принцип инерции сохранили бы силу только для средних скоростей тел. Таким образом старая механика не выкидывается за борт, но она применяется в более узких

пределах. Во всяком случае, как в механике, так и в новой физике мы имеем дело с реальными движениями и движением, изменением и превращением объективной реальности, т.-е. материи, эта диалектика материальных превращений, предполагаемых в лаборатории и на заводе, служит в глазах идеалиста, — подчеркивает Ленин, — подтверждением не материалистической диалектики, а доводом против материализма. Действительно, нужно делать идеалистические выводы из новой физики. Мы «оперируем» электричеством, атомами и электронами в наших лабораториях. Мы не только «наблюдаем», но «испытываем» эту диалектику материальных превращений. Очевидно, что если бы эти процессы не были реальными, объективными, материальными, они бы вовсе не существовали, и мы бы о них ничего не знали.Правда, то, что мы теперь знаем и наблюдаем, много мудрее старой механики, но все это есть движение материи в пространстве и во времени. Ум человеческий открыл многое ликовинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней, но это не значит, чтобы природа была «созданием нашего ума или абстрактного ума, т.-е. уорловского бога, бодгановской „подстановки“ и т. п.»

Против метафизического материализма выступили, как известно, основоположники марксизма, видя в «механическом» его направлении основную его ошибку. При таких условиях, приходится действительно поразиться дальновидности этих «стариков». С высоты современной физики их взгляды приобретают более глубокий философский смысл.

Маркс и Энгельс были последователями диалектиками и материалистами и поэтому они видели дальше и глубже других. В качестве диалектиков они знали, что наше проявление не дано в готовом и законченном виде, что относительное знание ведет к объективному и incompleteко все более полному и точному «знания». По их же словам пошел и Ленин, совмещавший глубочайший реализм с испечерпаемым революционным энтузиазмом и практическим идеализмом. Он был каждое отдельное «звено» или момент развития, как относительное и приблизительное выражение целого, не остававшись, не застывая на отдельных стадиях, а практически преодолевая их и двигаясь все дальше и дальше вперед. Ему были чужды как беспочвенный утопизм, так и полузаданный эмпиризм. «Мы не доктриниры. Наше учение, — говорил он о марксизме, — не догма, а руководство к деятельности. Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вадор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут к нему, а конкретно, практически это покажет лишь опыт миллионов, когда они возмутятся за дело»³⁾. Он никогда не терял из виду конечную цель, к которой стремился, опирался на объ-

¹⁾ Там же, стр. 220.

²⁾ Ленин, там же, стр. 236.

³⁾ Ленин, XIV т., ч. II, стр. 83—84. В приведенных словах прекрасно выражена «суть» ленинской философии, т.-е. «теоретической», т.к. «практической».

активное развитие современного общества. Но он вместе с тем сознавал, что к конечной цели ведет тяжелый и мучительный путь, ряд препятствий и конкретных ступеней, которые необходимо преодолеть, ибо без их преодоления действительного, практического нет дальнейшего движения вперед. Если целое составляется из таких отдельных, относительных моментов, то в каждом отдельном моменте надо уметь схватить его сущность, т.-е. душу и отражение целого. В этом и заключается умение диалектически смотреть на мир, искусство овладеть миром. Такова непреоборимая сила марксистского метода, которым Ленин владел в совершенстве.

Он со всей силой своего темперамента обрушился на тех, кто, быть может, с грехом пополам и усвоил экономическую и историческую теории Маркса, но не связал ее с ее основой, не выяснил себе ее философских корней, т.-е. диалектического материализма. Нельзя быть материалистом сверху (т.-е. в общественных науках) придерживаться исторического материализма и идеалистом внизу (т.-е. в отношении природы), как нельзя быть материалистом внизу и идеалистом сверху. Диалектический материализм представляет собой целостное мировоззрение, охватывающее как природу, так и общество. Ленин является ярым представителем этого мировоззрения. Каждый шаг его практической деятельности был неразрывно связан со всем его мировоззрением и освещался полным светом марксизма.

(Окончание в след. №).

А. Деборин.

Величайший из мастеров революции.

Маркс утверждал, что вооруженное восстание, как и война,— искусство.

Революция тоже искусство, самое трудное—ибо оно многогранно, многосложно, самое ответственное,—ибо оно вершит судьбу многочисленной массы, оно ненадежно стоит жизней многих и многих тысяч.

И нужно быть величайшим мастером, чтобы ее проделать, ее использовать, в ее бури, стихийный ураган внести волю, в ее хаос видеть определенное.

Хаос революции есть безумное сплетение многосложных сил, взаимно перекрецивающихся. Найти равновесующую их—можно, но можно—лишь обладая исключительным мастерством.

Подобным мастерством обладали в большей или меньшей степени все великие вожди великих революций.

Однако мастерство их было ограниченное. Наступал такой момент, когда никакое мастерство не помогало, и они, великие руководители,— становились слепыми, подобно всем, уносимые в вихре или попадали под обломки бушующего урагана.

В этом одни видели неумолимую руку Немезиды, а другие— кариющую лесинцу сверхъестественного существа. Это приводило и отчаяние малодушных, в малознательных это вызывало рабскую покорность.

Лишь XIX в. создал великого мастера, который доказал, а XX в. создал другого величайшего мастера, который показал на деле, на практике двух революций, что подлинных мастеров революции создает лишь рабочий класс; они и доказали и показали, что на том самом месте, где кончалось мастерство старых революционеров, на том месте как раз и начинается подлинное мастерство, подлинное искусство делания революций.

На самом деле, припомнив только гениальную схему различия между старыми революциями и грядущей пролетарской революцией, данную Марксом. Там феерверк, они и быстрее стремятся от успеха к успеху, их драматические эффекты импровизные, люди и события как бы озарены бенгальским огнем, экстаз является господствующим настроением каждого дня; тут—величайшие трудности, нечеловеческие напряжения, упорство и методичность, подлинное искусство;

пролетарские революции „непрерывно критикуют самих себя, то и дело прерывают свой ход, возвращаются назад и заново начинают то, что, повидимому, уже совершенно, с беспощадной суровостью осмысляют полновластичность, слабость, недостатки своих первых попыток, изважергают противника, как будто для того, чтобы он набирался новых сил и встал перед ними еще более могучим, все снова и снова отступают назад, пытаясь неизрекаемой колоссальности своих собственных задач, пока, наконец, не будут созданы условия, исключающие возможность всякого отступления, пока сама жизнь не заявят власту: Nie Rhodus, hic salta”.

Там люди для оправдания своих дел, чтобы обмануть себя относительно истинного содержания своих революций, вызывают на помощь себе духом прошлого, „берут у них имена, беевые пароли, kostюмы, чтобы в этом освещенном веками одеянии, этим замысловатием у предков языком разграть новое действие на всемирно-исторической сцене” — пролетарская революция может почтить себя позором лишь в будущем: „она не может даже начаться, пока не вытравлены все суеверия прошлого”.

Там — господствует фраза, тут — суеверия власти дела.

Так предлагал был гениальным взором грядущий характер рабочих революций.

Пришел новый класс, — фундаментально отличный от классов, до него прибывавших к осуществлению своих идеалов, — и привнес с собой небывалые до того элемент в революцию, он поставил перед ней такие задачи, осуществление которых требовало вытравления всех суеверий, и из искусства делать революции, где не менее, если не более, было внесено и суеверия, и мертвых традиций, и застывших догм.

Если Маркс доказал это, то практика рабочей революции еще долго находилась под баснословным гнетом суеверий прошлого, который в сущности и побудил социал-демократический II Интернационал.

Болеечайшей заслугой Ленина является то, что он с исключительной гениальностью, скорее предчувствуя, чем сознавая эту насущную задачу, начал свою революционную деятельность именно с этого громадного дела — вытравления суеверий прошлого.

Всю свою революционную жизнь гениальнейший мастер революции поставил этой задаче с двух сторонки: критик суеверий, кони-марш тяготеющий над революционным пролетариатом и создании своего пролетарского мастерства, искусства революции по свежим следам практической жизни на основе революционнейшей и самой практической теории всех времен — марксизма.

Характернейшие черты, отличающие его от искусства старых мастеров?

Основы его?

II.

Диалектика, материализм — научный социализм, вот что кадет называет гладкую печать своеобразия на ленинское мастерство.

Нельзя понять деятельность Ленина, если не усвоить ее. Двери ленинского мастерства нагло закрыты перед тем, кто не усвоил, не склонился органически с ней.

За фееричном бурением и пылкима буржуазных революций наступило с неизменной регулярностью „продолжительное настроение похмелья”, охватывающее не только общество, но и вождей; ибо не только общество, но и вожди не оказывались в состоянии трезво чистить ни движущие силы событий, ни уроки проделанной революции.

И только пролетариат доказал, что не только победы, но и поражения могут прибрать свою долю силы в мощном океан коммунистической революции. И только пролетариат мог использовать не только наступление, но и отступление в интересах и для подготовки пролетариата и его великой миссии.

Но все это на деле мыслимо было осуществлять, лишь обладая таким великолепным инструментом, как диалектика, этой наукой „общих законов движения как во внешнем мире, так и в человеческом мышлении”.

Вот уже когда диалектика внушала буржуазии „злобу и ужас”, так это теперь, когда она оказывалась в руках удивительного мастера, и не только теоретически, но и практически, на деле стала решавшим революционным фактором.

Диалектику Ленин взял такой, какой она вошла в систему Маркса, такой, какой ее усвоил и Плеханов, однако само поверхностное сравнение достаточно для того, чтобы видеть и разницу между ними.

Плеханов был теоретиком по призванию, а потому диалектика под его руками становилась тончайшей ариадиной нити для ориентировки понимания и объяснения сложнейшего лабиринта человеческой мысли, идеологии.

Для Ленина диалектика была тем острым топором, которым он прорубал просеку в будущем в густом, сложно сплетенном лесу сегодня.

Отходя и незаслуженные и краине несправедливые упреки Плеханова Ленину в уловчатости, отходя и абсолютная беспомощность Плеханова перед выдумывающимися волами революций, и великая легкость, с коей Ленин нащупывал пульс ее.

Сама диалектика имеет свою логику: она может превратиться в абсолютный релятивизм — если ограниченно поле анализа и обозрения сегодняшним днем, она может стать беспильной игрушкой, прикрывающей голову метафизику, ежели в жестоком бою заботится о ее догматической чистоте и педантичной узорности.

Революционер не кружевница. Диалектика ему необходима для того, чтобы определить, где наступают повороты в общественном развитии.

Рассматривая „вещи и отражающие их понятия преимущественно в их общей связи, в их сплетении, в движении, в их возникновении и исчезновении”, революционер должен, тем не менее, уметь искать и найти самое главное для каждого данного отрезка времени. Всякий поворот по существу говоря есть не что иное, как констатирование того факта, что возникло нечто, что должно стать самым главным, и что вчерашнее главное уже себя изменило.

Это не мог понять Плеханов: это составляет величайшую заслугу Ленина перед диалектикой действий, диалектикой революционного дела.

В каждом данном отрезке времени есть ограниченное количество явлений, которые вносят в себе всю сумму поступательной потенции революции; искусство заключается в том, чтобы на уметь различать, чтобы на них сосредоточиться, предельно исподобливать их.

Они, в свою очередь, не могут не привести к образованию новых явлений, которые должны сменить существующее. Есть такой предел, дальше которого автоматически, независимо от желания революционеров, центр этой потенции перемещается с одних явлений на другие.

Уметь определить этот предел — вот в чем основное искусство революционера, вот в чем величие государства Ленина.

Напробуйте с этой точки зрения подойти к деятельности Ленина — начиная от разных пор самостоятельной революционной работы и кончая его последней статьей о Габриэне. Это салютный путь диалектических перемещений опорных пунктов и центров боевых действий.

Его спасло непрерывно от „продолжительного пастроения потемень” не только знание закона общественного развития, не только уверенность в то, что все детерминировано, а тем самым всему есть исход, не только то, что, будучи научным социалистом, он все явления он умел смотреть с точки зрения их возникновения и исчезновения, не только это и не столько это, сколько то, что он в каждом данном обстоятельстве, повторяя, умел и найти самое главное для пролетарской революции.

А умел он найти потому, что он был диалектиком.

Характернейшая черта, что отличает его мастерство от всех до него существовавших, — это его диалектическая насквозь, материалистическая диалектика Маркса, которую он превратил в последнейшую инструмент в своих могучих руках.

III.

Что лежит в основе его мастерства? Что прибрал он к унаследованному от старых революционных мастеров искусству?

Многие, на всем том, что является его вкладом в это труднейшее и сложнейшее из всех искусств, мы останавливаться не будем теперь — когда-нибудь позже.

Огнем лишь три особо ценных вклада в скромницу пролетарской революционной мысли: учение о партии пролетариата и ее роли в коммунистической революции, учение о роли и значении крестьянства в пролетарской революции и, наконец, его учение о диктатуре пролетариата в пролетарском государстве в эпоху диктатуры.

Это одно из тех занятий, которые были сделаны Лениным по дымным следам жизни.

Вопрос об образовании политической партии пролетариата — добровольного союза тесно сплоченных единомышленников, ставящих себе задачей борьбу за осуществление определенной программы — был уже задел до Ленина решен в международном рабочем движении.

Пролетариат к моменту выступления Ленина на революционную арену имел уже такую мощную политическую партию, как германскую социал-демократию, которая имела десятки тысяч членов, высоко даровитых и авторитетных вождей и теоретиков и огромный опыт борьбы и побед.

Но германская социал-демократия была партией, вся богатейшая практика которой ограничивалась эпохой мирного развития, все победы которой были победами у ура, — в то время как XX век принял с собой грозный призрак новых потрясений.

Ленин с гениальной пророческостью это понял на самом пороге XX века. Если предстоит пролетариату тяжелые и долгие бои, то авангард его, организованный в партию, не может не стать авангардом и в бою.

Но какой же авангард может вести войну, если он не организован наилегчайшим образом. Авантгард не может вести войну, не имея своего штаба опытных „руководителей и организаторов”, сверху да внизу не будучи централизованным. Авантгард не может взыскать единой воли, не будучи строжайше дисциплинированным, он не будет способен к единству действий.

Без стального, монолитного авангарда, объединенного в единую политическую партию, нельзя руководить теми промежуточными классами, которые составляют грандиозную силу, и действия которых будут решать вопрос о судьбах грядущей революции пролетариата.

Самым большим, самым сильным промежуточным классом является, особенно в России, многочисленное крестьянство. Пролета-

рат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полу proletарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии". Так решал Ленин вопрос о том, на каком пути и решать вопрос о свержении самодержавия и буржуазии: в союзе с крестьянством в "смычке" с крестьянством, выражаясь современными словами.

"Социалистическая революция"? Но до Ленина—Маркса жестоко извращали, его отдельными утверждениями пользовались, его именем клялись, но почти никто не задумывался над вопросом о том, что такое диктатура пролетариата, каковы ее задачи, о судьбах государства в эпоху пролетарской революции, об условиях социалистического переворота.

Разъединенный изнутри оппортунизмом, II Интернационал трактовал эти вопросы, как вопросы отдаленного будущего, в то время как в жизни современности все условия, указывающие на катастрофическое приближение эпохи войны и революций.

Ленину принадлежит великая заслуга разработки в единую систему учения о диктатуре пролетариата, о пролетарском государстве, об условиях социалистической революции.

И не только теоретически,—ему принадлежит великая заслуга практического осуществления первого пролетарского государства, положившего начало эпохи, которая не может не закончиться победой коммунизма.

Умер Ленин. Умер величайший из мастеров революции.

Но мы были бы плохими учениками величайшего мастера, если бы предались унынию и отчаянию.

У великого мастера много подмастерьев. Его искусство перешло к величайшей и славной многотысячной партии пролетариата.

Не уныние, не отчаяние, а настойчивое и нацеленное усвоение искусства великого мастера, его методов и его опыта, кропотливое изучениеialectического материализма и марксизма, лучшим и наиболее современным выразителем и воплощителем которого был Ленин—таков тот последний завет, который оставил нам после смерти наш великий вождь.

В. Ваганян.

К письмам А. Лабриолы.

2 февраля 1924 г. исполняется двадцать лет со времени смерти самого выдающегося теоретика марксизма в Италии, Антонио Лабриолы. За пределами своей родины он больше время был известен во Франции, Германии и у нас в России, где его больше знали в изложении Петеханова, чем по скверным и искаженным переводам его главных сочинений.

Но и до сих пор, несмотря на обещания его непосредственных учеников в Италии, не существует даже краткого очерка его жизни и деятельности. Несколько газетных некрологов—вот все, что имеется в нашем распоряжении. Нет и спонсного собрания его сочинений, которое помогло бы проследить эволюцию взглядов Лабриолы от заштатного буржуазного строя до теоретика пролетарского движения.

А. Лабриола (родился в Кассине 2 июля 1843 г.) стал социалистом очень поздно. Первое публичное выступление в римском рабочем обществе для изучения социальных наук, когда Лабриола по приглашению секретаря этого общества, наборщика и поэта Пьетро Мандре, выступил с лекцией "О социализме", имело место в июне 1889 г. О каком-нибудь сильном влиянии марксизма нет еще и речи. Видев только интерес к росту рабочего движения, особенно в Германии. "Икларација прав буржуазии 1789 г. Лабриола противопоставляет декларацию прав рабочего класса—право на существование, право на образование, право на труд, право на полное вознаграждение за исполненную работу. Только в следующем году он покрывает с римскими радикалами и демократами в письме, обращенном к Э. Соччи (Prolétariat à radicaîs; Рима 1890), проводит уже разницу между либеральной демократией и социальностью и выдвигает необходимость организации не новой демократической партии, которая была бы только крайней левой течь буржуазных партий, в партии пролетариата, которая объявляла бы войну капитализму.

И в этом политическом заявлении, которое относилось к маю 1890 г. нет еще ни слова о Марксе и его учени. А между тем, Лабриола ужеступил в это время в переписку с Энгельсом, и перв-

Все же письмо его свидетельствует, что еще в начале 1890 г. он уже сильно приблизился к материалистическому пониманию истории.

К сожалению, мы не можем сказать, что имеющиеся в нашем распоряжении собрание писем Лабриолы и Энгельса является полным. Трудно сказать даже, является ли первое из начатых нами писем действительно первым. Несомненно является и большой пробел в действительно первым. Несомненно является и большой пробел в переписке — нет ни одного письма за 1892 и 1893 г.г., — которая тянется почти до смерти Энгельса. Мы не знаем даже, кому принадлежала инициатива в этой переписке. Возможно, что посредником явился П. Мартиниетти, который уже в 1883 г. перевел на итальянский язык "Развитие научного социализма", а в 1885 г.—"Происхождение семьи" Энгельса.

Как бы то ни было, первое письмо (оно написанное на немецком языке, остальные — на итальянском), имеющее большую автобиографический интерес, показывает, что Лабриола скорее заинтересовался Марксом и Энгельсом, как представителями особого течения в левом гегельянстве, которое от Гегеля пришло к коммунизму. Старый гегельянин, и очен ортодоксальный, как это видно из его первой работы, против "возвращения к Кантю", которое выдвигал, как задачу для гегельянцев Целлер, еще в 1862 г.¹⁾, он изучал философию Гегеля в такое время, когда участие Маркса и Энгельса в идеологической борьбе против правого гегельянства было совершенно забыто. Характерно, что Лабриола, неудовлетворившись ортодоксальным гегельянством, не остановился на Фейербахе, а перешел к Гербарту, последователем которого, несмотря на отрицание его религиозных и метафизических учений, он оставался очень долго, являясь деятелем, ныне сотрудником главного философского органа гербартианцев.

Только зимой 1890—91 г. Лабриола выступает в своих лекциях решительным сторонником исторического материализма. Легкомысленное выступление его однодомашним Артуро Лабриоли, которая уже с первых шагов своей литературной деятельности проявил невероятную способность сливаться в одну кучу самые противоположные вещи и имена, заставило Антонио Лабриолу в письме в редакцию "Critica Sociale" (10 августа 1891 г.) резко отмежеваться от своего тезки, который не приходится ему ни сыном, ни братом.

"С ноября прошлого года и до нынешнего года,—писал Антонио Лабриоли,—я поставил свой курс философии истории, читаяй мною в римском университете, изложение и критику материалистического понимания истории или учению Маркса и его последователей, учению, которое рассматривает не только государство и

1) Эта юридическая работа Лабриолы опубликована в "Scritti vari di filosofia politica", изданных Б. Кроше в 1906 г.

право, но и мораль, религию и искусство как следствия, результаты, произведения и отображения экономической структуры общества. Что же касается этой структуры, то она, согласно этому учению, сама определяется способом производства, изменяется вместе с изменением этого способа. Так вот мой однофамилец, рассуждая из главы своей, утверждает, что все социалисты, включая Маркса, рассматривают государство, как предпосылку, а это, говоря без обиняков, сводится к полному незнанию принципов научного социализма, основоположниками которого были Маркс и Энгельс, и главной осью которой является именно материалистическое понимание истории".¹⁾

Письма Лабриолы к Энгельсу показывают, как по-профессорски основательно он взялся за дело изучения марксизма. Он старается проследить все фазы развития этого учения из первоисточников и не щадит ни труда, ни издерзких, — об этом свидетельствуют и письма его к Рихарду Фишеру, — чтобы получить в свое распоряжение или приобрести ранние произведения Маркса и Энгельса. Мы уже знали из переписки последнего с Зорге (письма 30 декабря 1893 г. и 23 февраля 1894 г.), что "Святое семейство" для Лабриоли пришлось выписывать из Соединенных Штатов, так как Энгельс боялся распространяться с именем ими у него экземпляром.

Письма Лабриолы проливают и некоторый свет на его политическое развитие, но, чтобы понять их значение, необходимо сказать несколько слов о тогдашнем рабочем и социалистическом движении в Италии.

С начала семидесятых годов гегемония Мадзини в итальянском революционном движении сменилась гегемонией Бакунина. История социализма в Италии ведет свое начало от I Интернационала. Среди старых гарibaldийцев и мадзинистов, оставшихся после объединения Италии без дела, в борьбе между бакунистами и первыми весьма сомнительными "марксистами" или приверженцами Генерального Совета, очень скоро одержали верх более революционные бунты — бакунисты. Нужно было преодолеть горький и бесплодный опыт ряда восстаний и бунтов, чтобы к началу восьмидесятых годов итальянские рабочие окончательно разочаровались в бакунизме. Безраздельное господство интеллигентии и студентов в рабочем движении вызвало среди рабочих сильную реакцию, нашедшую свое выражение в образовании "чисто рабочей" партии, лидерами которой являлись К. Лидзари и Джузеппе Кроche (рабочая партия). По своим тенденциям она напоминала поссоблистическую рабочую партию во Франции. Она относилась к крайне недоверчиво к интеллигентии, вели упорную борьбу

1) "Critica sociale" 1891, № 12. Una collista doverosa (Вымужденная поправка).

с итальянскими демократами и республиканцами и, подчеркивал экономические требования рабочего класса, преобразовывая общеполитическими вопросами. Когда во второй половине восьмидесятых годов, под влиянием роста марксистского рабочего движения во Франции и Германии, многие молодые демо-какты перешли в ряды социализма, они организовали свои собственные группы. К числу этих демократов принадлежали Тураги, Биссолати, Прамонти и др. К ним присоединились и некоторые бывшие баумисты, в том числе и Альдо Кулешова, которая сыграла большую роль в истории итальянского социализма, как посредника между рабочими организациями и марксистской интеллигенцией.

Центром нового движения была Северная Италия, как наиболее промышленная область. В Милане же была сделана первая попытка добиться соглашения между Рабочей Партией и Социалистической Лигой, во главе которой стоял Тураги, с 1891 г. надавливавший, вместе с А. Кулешовой, новый социалистический орган „Critica Sociale“, который обычно считается первым органом итальянского марксизма. В действительности же это с самого начала был электический журнал, в котором рядом со статьями Энгельса, Плеханова, Каутского, Лабриолы помещались статьи Лория и его учеников. Тураги в своих передовицах уже с самого начала умудрился восхвастать фамилии одновременно Маркса и Лория, а также с восторгом приветствовать всяко-бумажного буржуазного ученого, который относился „с симпатией“ к рабочему классу.

Первым толчком к прочному сближению между Социалистической Лигой и Рабочей Партией послужила победа германской социал-демократии на выборах в феврале 1890 г. Обе организации, к которым присоединились и группы в других городах, в том числе и в Риме, посыпали приветственным адрес конгрессу немецкой социал-демократии в Галле в октябре 1890 г. Под этим адресом имеется подпись Антонио Лабриолы, принимавшего участие в его редакции.

На письм, относящихся к первой половине 1891 г., мы видим, что Лабриолапытается принять непосредственное участие в рабочем движении, то помогая при организации помощи безработным, то подготовляя первомайскую демонстрацию. Но старый профессор, как видно, плохо приспособлен к этой работе. Небезымянныекудачи, которыми сопровождаются первые шаги всякой новой организации рабочего класса, действуют на него угнетающим образом. Из-за деревьев он не видит леса. Он ясно видит все ошибки и дефекты молодого движения, но у него не хватает ни энергии, ни настойчивости, чтобы отдаваться хотя бы на времена целиком организационной и агитационной работе. Ученый все время одерживает верх над политиком. Более того. Он все еще не может отказаться от старых традиций духовного

аристократии. Он прекрасно понимает историческую роль пролетариата, но его отталкивает подчас очень грубоватая, мало культурная среда итальянских рабочих собраний. Он готов прочитать лекции, „принять участие в нововведении в уголовной практике партийной жизни, получать и наносить удары, состояться с профаними—это смысл его силы. И так же мало он был приспособлен к публицистической работе. Прекрасный лектор и опытный педагог, он предпочитал устную форму изложения и писал очень мало, долго подготавливая и отрабатывая свои немногие литературные работы. Его письма к Энгельсу показывают, как долго он работал, чтобы написать свой маленький этюд о Коммунистическом Манифесте. Понадобилось несколько лет, чтобы Лабриола убедился, что он мало пригоден к непосредственной политической деятельности и вышел вилотную за разработку теории исторического материализма.

Как недоверчиво относился он к попыткам организации новой партии, видно из письма от 14 августа 1891 г. На приглашение Кроche поехать на Миланский конгресс Лабриола ответил отказом. А между тем именно на этом конгрессе, который выбыл делегатов и на Брюссельский международный конгресс, уже произошло фактическое слияние Социалистической Лиги и Рабочей Партии и выбрана была комиссия для выработки новой программы. В следующем году на конгрессе в Генуе—8 августа 1892 г.—произошел окончательный раскол с анархистами и основана была новая итальянская социалистическая партия с программой, которая представляла собой вариацию Эрфуртской программы. Еще до Генуэзского конгресса юниоры из Падерно, в мае 1892 г., принял, по инициативе Антонио Лабриолы, революцию в марксистском духе¹⁾.

Но этим и ограничились его участия в партийной работе. Нам известно еще для 1892 г. приветство, посланное Лабриолой Венскому конгрессу австро-венгерской социал-демократии и Марсельскому конгрессу французской рабочей партии. В 1893 г. Лабриола является одним из делегатов новой итальянской социалистической партии на международном конгрессе в Цюрихе. Там он впервые познакомился лично с Энгельсом. В пленуме Лабриола не выступал, в протоколе имеется только его заявление, в котором он от имени итальянцев подчеркивает их солидарность с австро-венгерскими социал-демократами, но он работал в одной из комиссий, выступая по вопросу об эмиграции.

После Цюрихского конгресса, Лабриола совершенно отказывается от политической деятельности. Даже в бурный 1894 г., когда Италия переживала в связи с финансовым крахом и спциалистами волнениями сильнейшей политической кризиса, Лабриола остается больше

¹⁾ R. Michels, Storia del Marxismo in Italia, 1910 стр. 75.

наблюдателем, чем активным деятелем. Он продолжает работать над своими этюдами о материалистическом понимании истории, откликаясь на предья-на злобу для то статьей, то в интервью. Надо сказать, что и его заветы под конец жизни империалистическая горячка молодой итальянской буржуазии. В 1902 г. он поддержал своим авторитетом антиитальянскую политику Италии в Триполи.

К сожалению, у нас нет ответных писем Энгельса. А они, наверно, содержали не только подробные ответы на теоретические сочинения Лабриолы, но и некоторые практические советы итальянскому, легко опускавшему руки в практической борьбе, профессору. Правда, Энгельс наблюдал еще только зарождающееся марксистское движение в Италии, переживавшее как раз в 1893—1895 гг. большой подъем. Он поэтому был склонен относиться более синхронительно к грехам главного теоретического органа итальянского марксизма, чем Лабриола, которого раздробила академическая канцелярия, преподносившая читателям в „Critica Sociale“. Одновременно с выходом в свет третьего тома „Капитала“, в предисловии к которому Энгельс так беспощадно разделялся с Лориа, на страницах „Critica Sociale“ его продолжали считать величайшим последователем Маркса, и абоненты этого журнала в виде премии предлагалась новая книга Лориа И., действительно, предисловие к третьему тому, посланное Энгельсом для напечатания в „Critica Sociale“ могло появиться только в буржуазном журнале, где его пристрояли Лабриола.

Д. Рязанов.

Письма Антонио Лабриолы к Ф. Энгельсу.

Рим, 3 апреля 90 г.
(Stampa de' Barberi, 16).

Уважаемый товарищ.

Приншу Вам свою горячую благодарность за любезную присыпку нового и отчасти переработанного издания Вашего интересного труда о Фенебахе, который я уже читал раньше в „Neue Zeit“.

Эти строки, которые я, в эзак моего уважения, немедленительно Вам посыпаю, я позволяю себе написать на Вашем родном языке; отсюда Вы увидите, что я, насколько это возможно для чужестранца, вникся в немецкую культуру.

Очень немногие из моих соотечественников поняли, как человек, который долгие годы неутомимо трудился над абстрактной философией, именно через философию медленно обратился к социализму и потом принял участие в практической пропаганде. Вы не только господствуете своим умом над всем современной культурой, но и достойным образом непосредственно внесли свою долю в развитие социальных идей; поэтому Вы несомненно противостоите тем, что учили, с высоты Кантовской моральной философии через Гегельевскую философию истории и Гербартовскую психологию народов, пришел к убеждению в необходимости представить перед публикой социализм, как свое собственное призвание.

И пережил в своей молодости вторичный расцвет гегелианства в Неаполе. И долго колебался между филологией и философией. Когда я приехал в Рим в качестве профессора, я был бессознательным социалистом и ярым противником индивидуализма, правда, лишь из отвлеченных соображений.

Потом я изучал государственное право, административное право и народное хозяйство, и около 1879—1880 г.г. я уже почти совсем сделался решительным сторонником социалистических воззрений; правда, и больше исходил из общего исторического мифосозерцания, чем внутренне руководился личными действительными убеждениями.

Медленное и непрерывное приближение к действительным проблемам жизни, брезгливость к политической коррупции, общение с рабочими постепенно превратили научного социалиста in abstracto в

действительного социал-демократа. В моем положении и в итальянских условиях такого рода деятельность небезопасна и не чревата больными надеждами.

Четыре года назад я впервые привнес социалистическое учение на кафедру королевского университета, и дело пошло почти неизменно. Но совсем другое было в прошлом году, когда я читал в сокращенном изложении лекции о Французской Революции перед большой публикой. В это время я выступил в движение в пользу мира и произносил публичные речи против Красини, против Бисмарка и против милого германского императора. Студенты поддались нашептываниям, будто бы я принимал участие в рабочих беспорядках в феврале предыдущего года, и прашли толпой к университету, чтобы освистать меня. Мои лекции были прерваны на два месца, и теперь я снова вернулся к скромному академическому тому. Моя многочисленная аудитория исчезла, так же как исчезла и моя сладкая мечта привлечь академическую молодежь к интересам пролетариата.

Либералы и радикалы очень смели против буржуазных попов и против слабых конституционных монархов: они так охотно предаются мечтам о Джирардо Бруно в масонских ложах — только собственность для них священна, только буржуазные министры, банки и магнаты для них несравнены.

И буду Вам сердечно признателен, если Вы когда-нибудь прочтете мои лекции. Это как бы программа книги в зачаточной и схематической форме. Все мои научные работы в Вашем распоряжении, если Вы интересуетесь. К сожалению, моя деятельность, как агитатора, за последние годы погибла для газетных отчетов, так как я очень охотно говорю экспромтом.

Желаю Вам от всего сердца ближайших и дальнейших триумфов немецкой социал-демократии, этой великой, новой и полной надежд воспитательницы народов, которая во многих отношениях была Вашей ученицей.

С высоким уважением и сердечным приветом
Преданный Вам А. Лабриола.

II.

Рим, 21 февраля 1891 г.
(Corso de Barberi, 16).

Милостивый Государь.

Позвольте мне писать Вам по-итальянски. Вы это не очень затрудняете; а я избавлю Вас от моего немецкого языка, представляющего что-то среднее между жаргоном философов и кацциллским слогом.

Теперь больше чем когда-либо я живу в нашем обществе. В университете, где, в конце концов, я слова обрел бодрость и свободу слова, уже несколько месцев я развиваю материалистическую теорию истории. Для плохо подготовленного юношества теории

„Капитала“ оказываются слишком темными; поэтому я начал с учения и комментирования „Коммунистического Манифеста“, работы, непрерывной по глубине мысли и простоте формы. Комментирование Манифеста расширилось у меня в ряд соображений о зарождении современных государств и особенно о запоздалом объединении Германии и Италии.

Затем, поскольку это возможно в пределах университетских занятий, я перешел к возникновению борьбы классов. Германская марка, русский мир и гениальные реконструкции Моргана — вещи слишком отдаленные от умственных навыков студентов. Если они либералы, они не идут в эту сторону дальше Гарнье, а если радикалы — удовлетворяются революционной фразеологией, облеченней в мадчински наименование.

Ошибаюсь ли я, утверждая, что форма стиля „Манифеста“ должна принадлежать Вам? Мне, в самом деле, кажется, что она не совпадает с произведениями Маркса того времени. Не могли ли бы Вы, всегда желавшие в силу своей необыкновенной скромности, играть роль „второй скрипки“, открыть мне эту маленькую тайну составления „Манифеста“?

Работы над интеллектуальной подготовкой социалистической пропаганды на более долгий срок, я иду здесь помочь и утешения в горьких разочарованиях, которые мне принесло преждевременное „создание“ кружков, лиг, федераций и рабочих партий — всех организаций, какие здесь в Италии распадаются, лишь только их создают, распадаются в настоящее время совершение так же, как это случалось двадцать лет назад, в хорошо Вам известные времена Интернационала.

Сообщил ли Вам Бернштейн о письме, которое я через него послал Каутскому, извиняясь за мое молчание? Оно — горькая истинна. „Рабочие партии“ вылезла в трубу никакими выборов, обе стороны — сторонников легальности и противников ее, — действуют, как банды политиков. И к своему сожалению я должен сказать, что на стороне противников легальности, если учесть должным образом их сумасбродство и наизнанку, больше самостоятельной инициативы и добросовестности, в то время как некоторые из сторонников легальной тактики представляют собой только людеп, фабрикующих оплачиваемые префектами кооперативы и учреждающие газеты, субсидируемые мелкими банками.

Итальянская буржуазия более пластична для католического влияния и представляет собой пропитанную большим макиавеллизмом разрывательницу, чем буржуазия какой бы то ни было другой страны. Обладая своим политическим инстинктом, она не нуждается в том, чтобы черпать „зеленую науку“ в вы повышенных советах знаменитого Шеффле.

Номином общих условий промышленности и независимо от невежества рабочих, в Италии социализм встречает препятствие в де-

магистрских хитростях Aftersocialisten. Впрочем, если Каутский не боится, когда говорят всю правду, он получит то, что ему нужно.

Если мое скромное обозрение не лишило Вам, примите его от всего моего сердца за напечатание письма Маркса; оно взволновало меня до глубины души не потому, что оно заключает в себе что-нибудь новое, после того, как мы уже получили „Учение и дело Маркса“, будь потому, что нам нужен призыв к настоящим источникам социалистического вдохновения именно теперь, когда на полях социальной демократии так легко размываются дурацкие посвящения марксизма — с одной стороны, юношеской само- надеянности — с другой.

Возникшая по поводу этого письма полемика нашла отголосок и в Италии, но в грубом, гадком и непристойном виде. Сообщая Вам, между прочим, что мы нашли добровольное и бесплатного защитника в том профессоре Лорни, который Вы имели случай заметить на страницах „Social-Demokrat“ в мае 1883 г. У меня нет ни авторитета, ни компетенции экономиста, чтобы спорить с коллегой проф. Лорни, но все же это любопытное зрелище, когда одно и то же лицо играет стольные роли в комедии: антиконсервативист академических надежд, марксист — в полемике, а потом еще хвалит политические журналы за то, что он вновь разбил все „софизмы“ Маркса!

Прежде чем закончить это письмо, которое я пишу, чтобы напомнить Вам о своем уважении, и, желаю Вашего совета и Вашего поощрения, позвольте мне обратиться к Вам с несколькими просьбами. Куда в конце концов делись издания „Genossenschaftlicher Verlag“, существовавшего в Лейпциге в 1878 г.?

Переведена ли оттуда в Цюрих? Я тщетно ищу изданной им брошюры „Zur Wohnungsfrage“.

В Риме имеется только один экземпляр сочинения Маркса „Zur Kritik der Polit. Oekon.“; он хранится в министерстве земледелия, библиотека которого чрезвычайно богата подобными работами. Анти-квардия Прагер из Берлина был таким наивным, что запросил 18 марок, чтобы разослать его. К кому мне нужно обратиться?

Здесь, в Риме, поэт-анархист Маркса, фанатический поклонник Штирнера и собиратель всего, что было написано о нем одноком философом. Знаю об оставшейся неизданной Вас в Риме работе, в которой к числу других послегегельянских философов относились так же и Штирнер. Можете ли Вы через меня сообщить ему, каким путем я с какими гарантиями вы позволили бы ему прочесть эту рукопись.

Не могу ли я получить от г-жи Эвеллин-Маркс экземпляр „Манифеста“ о создании международного секретариата?

Не откажите мне в Вашем совете и примите мой сердечный привет.

Преданный Вам А. Лабриола.

Рим, 23 марта 1891 г.

Милостивый Государь!

Посыпаю Вам различные итальянские газеты, с отметками синим карандашом; они могут дать хотя бы приблизительное понятие о настоящем положении рабочей агитации в Италии. Почти все газеты буржуазные, но в них можно найти довольно много.

Новое министерство заинтересовано в том, чтобы показать себя более либеральным, чем Криспи. Через несколько дней это кончится. Вопрос о безработных всплыл в острый период. При наличии нескольких тысяч лир, какими можно было расплатиться, существовал способ изолировать агитацию от влияния политических и социалистических когорий.

Вы увидите, какой хаос царят в умах этих рабочих. Но, таковы они лишь покоятся, и следует ожидать, что они разовьются с опытом и практикой.

Что представляет собой когория социалистов, стоящих на почве легальности, можете судить по газете „Memento“, являющейся их органом. Она прямо непристойна по своему натальству. Затем, я предложу Маркс-Эвеллин, чтобы она из всего, что касается Италии, ограничилась для настоящего времени собиранием лишь простых сведений фактического характера. Нет такого центра сил, нет такой организации, которая могла бы что-нибудь обещать или отвечать за что-нибудь.

Успокоено работал теперь с безработными, шлю Вам свой привет и сердечное уважение.

Ваш А. Лабриола.

Рим, 30 марта 1891 г.

Милостивый Государь!

В „Italia del Popolo“, которую я Вам посыпал, Вы найдёте манифест одного собрания, имевшего место в Милане. Инициатива шла из малдинанских кругов, но я, хотя не расположжен быть в компании некоторых осей, не отказался поддерживать ее. Тот манифест не только значительный и благородный, но даже почти социалистический.

Идея не очень практична, как уже отметил Берлинский „Vorwärts“. Но в Италии в настоящее время нет иных средств, и надо же обновить партию от излишней радикализма. Вообще, среди малдинанцев развивается некоторая склонность к социализму.

Если когда-нибудь к Вам придет приглашение из Милана, — по тому что меня просят указать некоторые имена, — не презрите якобы открытым письмом, которое можно было бы напечатать. Ваше имя

окружено уважением в душах всех революционеров Италии.

"Агитация безработных завершила для настоящего времени свой круг. Восемь тысяч рабочих были отправлены из Рима за счет правительства; во Флоренции и в Неаполе были разогнаны собрания; в Римини, в Мессине, в Катании были произведены аресты и обыски. Но вопрос поставлен, и неопределенное слово социализма мало-помалу заменяется понятием борьбы классов.

Междуд этими явлениями, возникающими самопроизвольно, и развитием сознанием пролетариев революции, в Италии отсутствует соединительное звено, какое представляет социалистическая культура. Наша рабочие не будут, конечно, наследниками немецкой классической философии именно потому, что эта философия едва ли прошла через одинокий мозг какого-нибудь итальянского профессора. Новое поколение знает только позитивистов, которые, по-моему, представляют собой выражение буржуазного типа до кретинизма.

В другом номере "Italia del Popolo" Вы увидите, как Колайлии, лучший из итальянских социологов позитивистской школы, споривает с материалистическое понимание истории. А в номере 5-м "Critica Sociale", где ведут дискуссию многие, включая и моего однофамильца, Вы увидите еще, как Кандидаря станет Лория в отриятии этого принципа на место Маркса.

В области знания мы теперь расплачиваемся за реакцию 1815 г. и за австрийскую тиранию, между тем как до конца XVIII-го века мы были в общем потоке великого европейского движения. Гениальный аббат Гальян!

С совершенным почтением
преданный Вам А. Аббриола.

V.

Милостивый Государь.

Посылаю Вам некоторые газеты, чтобы Вы могли иметь приблизительное представление о печальных событиях, случившихся третьего дня. Если бы я послал их Вам двадцать вместо трех, Вы узнали бы из них то же самое, потому что газетам важно лишь одно: оправдывать или обвинять министерство. А, впрочем, репортеры разбежались при первых выстрелах, и подлинной истории событий не может дать никто.

Здесь были приложения большие усилия, и я одним из первых стремился создать чисто-рабочую манифестацию по случаю 1-го мая. Над ней работали около полутора месяцев. И, действительно, делошло успешно, потому что все было в руках хорошо организованных рабочих обществ (типографии, каменщики и т. д.), и руководство определялось точными соглашениями о способах манифестации. Но исполнительная комиссия была большей частью плохо осведомлена, была

мало авторитетна в глазах рабочих масс и имела слишком декоративный характер. Представьте себе, что на акции комиссии красовался длинный ряд адвокатов и других статистов!

Я участвовал в деле до часу пополудни (в пятницу), но когда увидел, что комиссия спорит о революции, которую нужно было предложить, мною овладело печальное предчувствие. Страх охватил всех горожан, все конторы и магазины были закрыты, и не было сделано ничего, чтобы дисциплинировать собрания и ввести его в границы.

Но я не предвидел ничего ужасного и кровавого: напротив, я вообразил, что все должно кончиться чрезвычайно быстро, благодаря неспособности комиссии что-нибудь предвидеть. У меня был перед глазами номер однодневной газеты "Ле-Мая", составленный как ни попало, как будто у него отсутствовал редактор, и бессмыслица этого листка уже дала мне представление о собрании.

Вся сущность вопроса лежит теперь в особе этого Ланди, которого до сих пор не разыскали. Никто из здешних анархистов и социалистов никогда его не видел. Говорили, будто он приехал из Парижа, захотел получить слово своих, возбурил сумятицу и затем исчез. В. Кернер передавал, со слов Чиприани, уже после того, как последнего разыскали, такое заявление: "Ланди — агент-прокуратор". Чей и за чей счет? Если секреткроется не здесь, его нужно искать в Париже.

В трагедии пролетариев, действительно разбитых на голову, мы заметаем и комическая ноту, прыжок с забора депутата Баррикана, вмешавшегося в дело в качестве ханжи.

С сердечным уважением
Ваш А. Аббриола.

VI.

Рим, 11 мая 1891 г. (взвес).

Милостивый Государь!

Благодарю Вас за письмо, к которому я должен буду вернуться позже. Сейчас мне нужно осведомить вас о студенте Кэрнера. Он был арестован в среду, в 5½ часов дня, и мне сообщили об этом через несколько минут. Я поспешил отыскать депутатов крайней левой и, действительне, в его защиту написали Канти и Джанниетто. На следующее утро я использовал генерала Канцио, зятя Гарнбальи. Депутат Сантини также поспешил вмешаться, и пять газет заговорили об этом в благоприятном тоне.

Стремясь выручить этого худосочного юношу, который мог окаться самым, самое большое, недородженным из языков, я написал и передал многим, что вполне за него ручалась. Мне было важно снять с него обвинение в том, что он анархист, — что здесь теперь означает злодей — и заставить выпустить его на свободу, чтобы он мог сам хлопотать по своему делу.

Предприятие казалось удавшимся. Но в то время, как миланские газеты сообщали, что, благодаря моему вмешательству, его, мо-

может быть, уже освободили, Кэрнер был переведен в субботу из полицейского управления, где он провел три дня, в тюрьму, а это означает, что его отдали под суд. Больше мне не удалось узнать ничего.

Юноша обратился к кому из германского посольства и консульства. Начиная с вечера среды, стали телеграфировать в "Berliner Tagesschau" уже не о переговорах относительно освобождения, но об аресте настоящего апартиста-конспиратора, имевшего большую переписку и великого опасной пропаганду в университете.

Может быть, здесь имеет место торжественное *qui pro quo*, со стороны полиции, на которую произвел впечатление тот факт, что Кэрнер посыпал все собрания и что у него в доме оказалось большое число писем и брошюр. Но я боюсь еще, не сказали ли Кэрнер какую-нибудь крупную глупость после первого маля, когда он казался мне уже совсем отчаявшимся и экзальтированным, или не совершил ли он из-за юношеской мании великих какую-нибудь неосторожность в те три дня, которые он провел в полицейском управлении.

Он мне давно был известен, как простой социал-демократ, который всегда вел споры со всеми, чтобы обратить их. Он желал знать все и всех, чтобы быть в состоянии писать об итальянском движении. Несомненно, он сближался с опасной и двусмысленной публикой, но при его умении корректно держать себя, ему, в конце концов, удавалось открывать ширину среди минимум друзей.

Было бы хорошо, если бы германская социалистическая пресса поскорее и с жаром стала его защищать.

Читая ежедневно "Vorwärts", но относительно Италии в нем нет ничего, кроме телеграмм официальных агентств. Постыдлю Вам другие газеты. Напишу Вам потом еще раз.

P.S. Во время обсуждения событий первого маля так называемые социалистические депутаты в палате отсутствовали.

Наш А. Лабриола.

VII.

*
Несмотря. 31 июня 1921 г.
(Rivera di Chiara, 180).

Милостивый Государь.

Если бы мои письма обязывали Вас к какому-либо ответу, я очень постарелся бы послать их Вам. Я не смел отрывать Вас от серьезных и трудных работ ради одного удовольствия переписываться с Вами; ведь мы все это нуждаемся в третьем томе "Капитала". Но, читая мои письма, смотрите на них, как на сообщения, заменяющие социалистические газеты, которые отсутствуют в Италии или не заслуживают того, чтобы их принимать в серье. Накануне Брюссельского конгресса я даю Вам краткий отчет о положении.

Арестованные в связи с первомайскими событиями в Риме, приблизительно сто человек, были наскоро преданы суду городского

судьи (претора) и были присуждены к тюремному заключению на малые сроки.

Затем пришло время первого серьезного процесса пятидесяти одного, обвиняемых в вооруженном сопротивлении государственной власти. Их дело умышленно изъяли из суда присяжных и передали в уголовный трибунал, который и осудил их всех, за исключением шести, в позавчерашнем пятницу (17 числа), среди исполненного шума в зале и на прилегающих улицах.

За исключением двух студентов университета и одного студента лицей, дело шло о людях, случайно арестованных на площади или после. Непристойный процесс, основанный на одних подозрениях, на простых показаниях агентов полиции, при чем те и другие отличались противоречивостью и безнадежностью. В приговоре, достойном не судей, а смычков, были вынесены самые тяжкие наказания: в общем около ста лет тюрьмы: Относительно одного из осужденных (он получил два с половиной года тюремного заключения) было установлено только то, что он разбил камнем фонарь. Против приговора, председатель трибунала должен был бежать из зала суда, вследствие беспорядка, который затем последовал.

Этот приговор был только актом обдуманной репрессии. Все в Риме знают, что эти 51 человек не были ни главными участниками, ни главными зачинщиками мятежа. Всем также известно, что очень многие на рабочих, будучи или ранены, или избиты, беспрепятственно возвращались к себе домой. Несомненно еще и то, что в беспорядках, продолжавшихся на площади и прилегающих улицах с 4½ до 8 часов вечера, дело не соприходило так легко, если бы рабочие пользовались чем-нибудь, кроме случайно подобранных камней, и если бы солдаты не стреляли в воздух.

Задача заключалась в том, чтобы иметь в руках "коалы" отпущения; задача заключалась в том, чтобы совершил акт белого террора. Общественное мнение подготовилось к этому подлнейшей и еще более невежественной, чем подлой, печати. В крохотных головах наших журналистов происшествия первого маля приворочили великого исторического события и характер серьезной революционной угрозы. В этот момент почти вся печать была в руках двухглавого правительства (Рудрик—из бесприимных правых в Никотера—из левых, бывший радикал). Самы радикалы вели себя непристойно. Их представители на крайней левой устроили в палате кулачный бой, чтобы спасти Никотера, т.е. карикатуру на Криспин. Никотера, нарушивший ранее наше публичное право запрещением всех собраний, направленных против троцкистского союза, под переговоры с анархистами, социалистами и республиканцами о том, чтобы 1-го мая удалось к его чести и славе; теперь, когда дело у него расстроилось, он был настолько нага, что заявил в парламенте, будто он собрал столько народа на площади, чтобы "заманить его в западню". И три пятых депутатов аплодировали. При таком со-

столицей общественного духа, естественно, что полиция и магистрату лишили каков бы то ни было уала. В праздники конституции были награждены медалями за гражданские заслуги агенты полиции и офицеры карабинеров, руководившие репрессиями 1-го мая. Венок за гражданскую войну! Или мы в России?

Я погнался бы за свою страну, если бы не писал уже влече-
ние многих лет,— я меня еще не побил камнями,— что мои современники похожи на итальянцев шестнадцатого века, но только упо-
довившихся сияниям и иллюзиям, с меньшим талантом, без куль-
туры и без гроша за лушон.

Римскому приговору толь в точке соответствуют приговоры, вы-
досенные в других частях Италии; повсюду они были неистовыми
и жестокими, особенно во Флоренции, в Парме, в Губбло. Осужденных и обвиняемых насчитывают уже тысячи, как будто мы живем
снова в 1849—1850 гг.

Затем подает в Риме крупное дело об анархическом заго-
воре, который, при отсутствии специальных законов, усподается
заговору разбойничьему. В этом процессе и студент Кирнер.
Возможно, что он будет разбираться в октябре. Дело еще в периоде
предварительного следствия, и я был допрошен в качестве свидетеля
даже третьего дня.

Построение процесса намечается следующее: инварский, съезд
в Каполаго, на котором было решено организовать революционные
группы; путешествие Чизарини в Рим, после того, как он совершил
подполью по всей Италии, и его присутствие в столице во время при-
головления к 1-му мая; также путешествие Малатесты по Италии;
приезд известного Палья из Парижа (таково, ведь, имя мнимого
Венерио Ланди); существование анархических групп по всей Италии
и их тайные (?) решения; обнаружение переписки по поводу свиданий
в Риме; возбуждение речи во время собрания; намеченный нака-
нуно ночь план вернуться в город революционным порядком.

С римским процессом связаны и другие процессы, которые ве-
дутся здесь, в Мессине, в Катании и т. д.— с ними же не связывали в
связь и арест Малатесты в Швейцарии, выдачи которого потребовали
и не получили. К Малатесте пристал тот знаменитый шпион Терраги,
чье подвиги в туринском процессе Интернационала в 1872 г. Вы еще помните. Задешних заключенных долго держали в Кастелло-дель-Кар-
мино в камерах, расположенных ниже уровня моря.

Было построено римского процесса суммы бы разбиты искусственные
адвокаты; они могли бы даже обратить судебные прения в обвини-
тельный акт против правительства и против полиции, особо нико-
же против прошлого Крисси. Но таких искусственных адвокатов будет трудно
найти и они могут оказаться вроде адвокатов в другом известном
процессе; их там было 32, но, исключая Польгини, Мадда и Франти,
они все оказались самозванцами-молодокоссами, в большинстве части-

консервативного направления, и выступали они в силу обизнанности
службы, так как обвиняемые были белликами.

Я расскажу Вам мимодром о некоторых крайне печальных
явлениях, потому что они бросают много света на стоящие воды, в
которых мы движемся в Италии.

Революционная съезда в Каполаго целиком печатались в либераль-
ных и консервативных газетах в течение всего января: правитель-
ство и пальцем не шевельнуло. Между прочим, всем из-
вестно, что г. К., явившийся на съезд в качестве делегата, получал
вознаграждение от двух римских консервативных газет, так как
посыпал им корреспонденции, которые позже оказались источником
всех сведений. Г. К. всегда был подозрителен, как шпион, а теперь
он среди обвиняемых. Он продолжает крикливанную комедию раз-
нудзования страсти каждой партии и каждой группы против
стальных.

Чиринани обхажал всю Италию, но как только он приехал в
Форли, он заявил в предизваничном для публики письме, что он
был обманут и что в Италии нельзя пока надеяться на революцию.
И вскоре, где он говорил или писал, он высказывался в том же духе,
а в это самое время правительство посыпало газетам сообщения, что
Чиринани подготавливает революцию. Западная, о которой говорил
Никотера, следовательно, чистая, хотя и непристойная истина. Об маи,
на который указывали Чиринани, конечно, исходил от одного из тех,
кто для публики является анархистом, но кто в то же время цели-
ком уходит в дловные комбинации и представляет собой агента по
выборам. Известно всем, что многие проповедники неучаствуют в вы-
борах затем обращаются избирателей или в положительном, или в
отрицательном смысле.

Чиринани присутствовал в Риме на многих чисто рабочих со-
браниях и не брал там слова и никогда не участвовал в голосовании,
но полиция уже посыпала сообщения газетам, что это были собра-
ния анархистов.

В Риме образовывались революционные группы, но они собира-
лись в трактирах и других общественных помещениях. В их рядах
скоро оказывались агенты-прокураторы и шпионы, которым давалось
поручение толкать эти группы на действия или смешные, или преступ-
ные. Все это было выяснено за много дней до 1-го мая, особенно
благодаря Кирнеру, когда созывался один из главных интриганов,
г. М., журналист, который, будучи прикреплен к стене, заявил, что по-
лучал 200 лир в месяц за такое благородное ремесло, было даже
сделано нечто вроде следственной комиссии. Первое мая, арест
многих сотен людей и последовавший затем террор сделали беспо-
лезным расследование, за которым я издала наблюдая, решив извлечь
из него материал крайне скандального характера. Теперь, когда
интрига дала весь свой результат, не представляется больше случая
говорить о ней. Можно было бы издать хорошую юмористическую

броншору, заглавленную так: "Западная дестопочтенный Никотери, разъяснения народу".

Были установлены следующие факты: много раз проповедники неучастия в выборах оказывались работодателями за плату, и делалось это во вред противореволюционным кандидатам; агенты-проповедники толкали анархистов на то, чтобы распространить движение безработных, которое становилось на прочную ногу и представляло собой серьезную угрозу; когда трое анархистов явились с угрозами в кабинет к Никотери, они только повторили баунтины ими начавшуюся речь некоего Н. Н., который получил также поручение заманить в Рим Малетству, чтобы предать его в руки полиции. Некий Б. вел с полицеистским управлением переговоры о высоких безработных; наконец, неудачникам, помешанным и экзальтированным, были даны советы устраивать кражи, вымогательства и подлоги.

Это особый повод, чтобы я воскликнул: куда же привела ты, в конце концов, моя белая философия! Потому что многих из этих азодеев я видел, и их слыхал, и их изучал со священным терпением. И часто я говорил этому белнагу Кёрнеру, который все стремился проповедывать новое евангелие, что для того, чтобы жить в Италии, следует сначала выучить написать "Финеско" Шиллера и каждый вечер читать сказку Гаули "Schneidersgesell".

После 1-го мая интриги продолжались, и я видел, как за моей квартирой целых два месяца следила полиция. Всюду высаживали анархиста, постоянно разыскивали фальшивые бомбы и минные документы, и, при помощи интриг чрез особенно трудами г. Г., аресты продолжались целый месяц.

Теперь, думается мне, начинают испытывать неудобства, связанные с этим колоссальным процессом, а публика уже начинает чувствовать прахи правительства. Я поседелась насколько могу, чтобы публичные судебные прения приняли такой оборот, при котором обнаружилась бы указанная мною мимоходом закулисная сторона.

Презентуйте себе, какая скуча, какие злоности, какие егорчения вызвали во мною долю в это время, и минувшее для скользких искусствующих и скрытых «беневиций» я сделала. Но я не придал бы всему этому значения, если бы случившееся послужило уроком и советом, как сделать лучше. К сожалению, оно создало только страх и обжиг.

Масса рабочих осталась при убеждении, что правительство, распространяющие анархисты—все обманули ее. Горячка маджинавана, взвившая на себя команду 1-го мая в Риме, усилилась затем в сильном спокойствии. В Риме сделалось уже невозможными созвать хоть одно собрание рабочих.

В Милане должно было состояться 29-го июня собрание делегатов от рабочих обществ для выборов представителей, которые отправлялись бы в Брюссель. Но, виду недостаточного числа сочувствующих, дело пришлося отложить на 14-е июля, а затем окончательно на 2-е августа. Значит, собрание, которое итальянское красноречие именует конгрес-

сом, состоится послезавтра. Боясь, что дело здесь в обыкновенных авантюрах и покоренях, которым выгодно волновать пролетариат и использовать его так, чтобы последний примирялся со своим беззащитным и дезорганизованным положением. Об этом я откровенно писал третьего дня перчаточнику Кроче в Милане, приглашавшему меня: «дать созерцать рабочей партии, но не изобретать ее».

Но среди всех неприятных фактов, о которых я Вам расскажу, самым неизримым было затем поведение сторонников левитанности, т.е. банды социалистов, привившей это имя. Они рассматривали римское несчастье, как свою собственную победу. Они воззривались на принципиальных соображенях от посещения палаты до 10-го июня, и Коста, бывший там, молчал во время прения 1, 2 и 3-го мая. С тех пор, как его амнистировали, он всплыл в своей Имоле и говорит, что «на него в качестве Синдика и председателя Конгрессции Равенства возложен долг показать, что социалисты созрели для управления государством» (sic!). Примполин отличился еще больше, потому что в своей газете "Справедливость" (Реджю Эмилия) начал, называя их по именам, на минных защитников римских бородюков. О других депутатах-социалистах я не говорю, потому что они—полное ничтожество; поэтому Коланини я хочу быть вне общей массы.

При этом яжилом положении вещей, слово «социалист» уже кажется в Италии эквивалентом или сумасшедшего, или афериста, и особенно оно кажется таким для глубокого здравого смысла неаполитанцев (если бы я был родом из Романы, я сказал бы—мои Неаполь). Они, ведь, помнят старые подвиги Гамбуччи, Капоруссо и т.д. и у них перед глазами тенеренчие подвиги г. Д. А., собственника «Монтагни», называвшего себя социалистом, а в действительности агента бразильской эмиграции на жалованье в 2.000 лир в месяц.

Все это—не начало новой жизни, а крах лиц предел буржуазного разложения, по-итальянски веселого и иерашливого.

Бедный Кёрнер прислал мне из первых всего одну записки и передает в нее притет заключенных в римской тюрьме студентов Брюссельскому конгрессу. Он хотел, чтобы я, переведя на немецкий язык, послал это приветствие Бебелю. Но я не знаком с Бебелем и потому прошу Вас удовлетворить это честное желание моего доброго и смелого Кёрнера.

Когда бы созванные с 1-м мая дела шли в Риме хорошо, я бы попытался поехать в Брюссель, чтобы немного подышать воздухом того мира, который в самом деле живет, и завязать некоторые знакомства. Я заехал бы в Лондон, чтобы познакомиться с Вами. Но теперь я не обладаю ни положением, ни возможностью ехать в качестве частного лица целиком за свой счет. Мне остается только отправиться туда в качестве корреспондента какой-нибудь газеты—нейц для меня, между прочим, довольно противная.

Это письмо слишком затянулось, прошу у Вас извинения; ему

не свойственен красивый слог—тот, кто спешит, бросает слова, как попало."

С запозданием уплачиваю я свой долг Вам, принося благодарность за две брошюры Маркса, не только перепечатанные, но и исправленные и дополненные Вами.

Бедный Мартинетти потерял должность в Бергамо; это меня мучит, но я и не знаю, что сделать. В Риме, где он нашел меня в плохую минуту, он внушил мне живое сострадание.

С сердечным уважением
Ваш А. Альбрехт.

Фантucci не сделался более сильным... Мне кажется, в этом мало хорошего.

VIII.

Назаро, 14 августа 1891 г.
(180 Копейки).

Милостивый Государь.

Сердечно благодарю вас за очень любезную открытку, помеченнную Раидом, и позвольте мне еще немного затруднить вас.

Узнав от Геда, что Лафарг с 30 числа прошлого месяца изводится в Сент-Ледаки, я вчера написал ему и самым осторожным образом, как только мог, сообщил о своем желании сделать для него все, что может принести ему облегчение. Затем я поручил одному итальянцу-типографу, служащему корректором в "Voix du Travail", сходить и от моего имени приветствовать Лафарга. Его имя Лундже Марано.

Сейчас я не знаю, каково материальное положение Лафарга. Я не хотел бы задеть его предложением, которое грело бы излишним предупредительством. Поэтому я обращаюсь к вам, так как вы знаете и уважаете Лафарга, так же как и членов его семьи. Если не обходимо помочь им материально и самим делавшим и возможно менее шумным образом, я к вашим услугам.

Я не мог покаять в Брюсселе и живо сожалею об этом. Дело не в том, чтобы я желал быть там чьим-нибудь представителем. Не чувствуя к агому признания, особенно при тщеславии положения Италии. Но я хотел отправиться в Брюссель по своим собственным делам, чтобы завтра там некоторые знакомства и посмотреть на многих избраных.

В известный момент мне пришлоось убедиться, что такой расход поставил бы меня в стеснительное положение. И я хотел обратиться к какой-нибудь либеральной газете, чтобы получить от нее субсидию в качестве корреспонденции; но в конце концов свою ошибку отвращение к тому, чтобы наложить на себя эти малоиз可观ательные узы. И вот с некоторым горечью я почувствовал себя лишенным удовольствия близко познакомить многих людей, которых никогда больше не встрету вместе.

Я очень сильно чувствую затруднительность своего положения, ограничивающего мое свободу действия и навязывающего мне осторожность. Я вынужден оставаться еще многие годы профессором университета, а в качестве профессора я уже давно привнес самую широкую меру всякой свободы. Если мне не пришлося до сих пор плохо, несмотря на все knowne политики и доносчики печати, это зависит от двух обстоятельств, имеющих большое значение в Италии: от того, что я пользуюсь известностью, надеясь заслуженной, как человек безупречный и незанимательный, что означает у нас человека беззрелиного, и оттого, что, происходя из патриотически-либеральной семьи, я уже мальчиком был знаком почти со всеми людьми, которые последние тридцать лет так скверно правят страной, а это дает мне возможность оценивать их силу, способности, характер и страсти.

Но это положение со всех сторон становится для меня с каждым днем все более и более непрятным, и нужно, в конце концов, что бы я из него вышел.

Прочтите, пожалуйста, в "Гибина", которую я вам посыпал, о кружном скандале в Болонье. Протекло уже много дней, а еще не известно, какие меры соблаговолят принять министр. Король затребовал бумаги к себе. И это—только эпизод. Подобные же события случились одновременно в Палермо, в Аеколи и в иных местах. Самыми серьезными оказались события в Энполи, где офицеры гардии национальной гвардии радикальной газеты, выбросили воин весь прифт и избили пажами членов редакции и печатников. После этого, один из них, уполномоченный своими товарищами, приехал в Рим, чтобы вызвать на лузу трех радикалов. Этот храбрый поручик Пини, в течение полугода нагло нападавший на всю радикальную печать, вчера был, наконец, арестован в Ливорно по требованию судебной власти.

Это—очевидные признаки реакции. Монархия, призвав к власти многих экс-радикалов и имея против себя много радикалов-сторонников легальности и так мало социалистов, при том бесстыдных, опираясь на Австро-Италию, уже поворачивает к старому.

Прочтите, пожалуйста, и корреспонденцию из Милана в "Vorwärts". № 185: не могу понять, как Иакоби, перечитывая одну-две газеты и по временам перекидывая парой слов в кафе "Чери" с Тури, может называть подобные фантазии.

В конце концов маленькие рабочие и социалистические газеты первней Италии, в которых обыкновенно пишут слогом хвастулов и оправдывают маленькие величины, рассказывают, что дело было почти пропрано. Почти все представители были от Милана и соседних местностей, самое ничтожное число—от других городов, при том имелось много письменных мандатов на представительство по Доверию. И результат назначили комиссию—также исключительно из миланцев, которая должна была формулировать программу партии. Между

прочим, все жалуются на вечную борьбу между сторонниками и противниками легальности и на несознательность, с какой большая часть итальянских рабочих голосует поднятием руки за предложение, сделанные интеллигентными, образованными людьми, как Тураги, при чем эти предложения никого и ни к чему не обзывают, ибо никто их не понимает. Одним словом, это дом, который всегда начинают строить с крыши.

Вероятно, Иакоби слишком по-немецки добродушны, чтобы понять итальянскую комедию; но, по крайней мере, он не должен бы забывать, что это уже не первый, а седьмой конгресс подобного рода, и что сам он в прошлом году реферировал шестой, собравшийся на конец выборов, в результате которых все затмилось пражом. И вот в седьмой раз голосуют для заслушивания предложения и потому избирают комиссии, которая и должна искать *lapis philosophorum* программы. Ничего демократического здесь нет, потому что всегда имеется подложники надемократов, у которых в кармане все то, за что должны голосовать; впрочем, можно видеть проявление демократии в обмене пальчужными ударами, а в них-то уж не было недостатка в Милане.

Причины такого положения, очевидно ненормального, очень просты, хотя и неведомы Якоби. Почти все рабочие общество, называющие настоящими депутатами или просто письменные мандаты, которых накапливается до 30 или 40 в руках одного человека, представляют собой просто-на-просто организации взаимопомощи. Далее, так как наши рабочие не имеют ни желания, ни средств оплачивать расходы взаимопомощи, они подпадают под покровительство господ из уважаемых кругов, которые, субсидируя ассоциации, держат их в руках, как свою клиентелу. Другие общество—кооперативы; они тоже субсидируются или же тысячи способов связаны с префектами и министерствами. Фабрикация таких кооперативов процветает особенно в Романье и в Эмилии, где много народа корчится ими в качестве посредников, консультантов, счетоводов и секретарей. Этому ремеслу предалась теперь Коста, который постоянно бегает по префектам и министрам; без него он никогда не сделал бы депутатом от Имолы, особенно теперь, когда уничтожена баллотировка племенами списков. Безд этого ремесла в плаще депутатов не было бы Альвиани и Маффеи, известных консультантами по рабочим делам, особенно второго, который основал в Риме «Монделло» на субсидии от Римского Банка, затем обнирхстал и бросил в критическую минуту на борщиков и сотрудников. Существует затем небольшое число обществ сопротивления, которым наредка удается руководить стачкой. Напоследок идут действительно политические кружки из рабочих, или реставриканцев, из социалистов или анархистов, и среди них встречаются люди, удивительные по своему закалу, характеру, воле, но неизменно самоизвержения. Они прирожденные трибуны и ораторы.

Когда созывается конгресс, этому меньшинству, подразделяю-

щемуся на противников участия в выборах и политиков, всегда удается взвинтить верх, особенно, если есть кто-нибудь, у кого в кармане имеется десяток резолюций, которые нужно провести. Другие смотрят на дело, как на загородную прогулку, как на спорт, как на парламентскую забывню, и довольны тем, что скакали кое-что приятное этим шельмам буржуа, возвращаются домой, чтобы ничего не делать, так как ни к чему не подготовлены.

Так, 5-й работнический конгресс, собравшийся в Болонье в 1888 году, вскоре проголосовал, с целью содействия коммунистическим выборам, такую массу вопросов в течение одного дня, какую никогда не могла поместить на своих столбцах ни одна французская или белгийская газета того времени. В самом деле, это был момент расширения избирательного права и многие рабочие и социалисты входили в коммунальные советы, особенно в Романье и Эмилии, раздавая, подобно коммунарумам из комедии, смехотворные обещания; а потом они были изгнаны почти отовсюду с двойным обвинением в неспособности ничего осуществлять на практике, и это обвинение идет от самих рабочих и с другим, еще более тяжким,—что они погубили общественное дело из-за сбоя в выборах фаворитизма, как это было доказано в Луге, Флоренции и Равенне.

При таком положении вещей, борьба между противниками легальности и сторонниками ее не настолько безразлична, имеет не только внешнее значение и не так случайна, как подчеркивалось только раз Иакоби в *«Vorwärts»*. Иакоби естественно смотрит на вещи через очки немецкого цвета. Он, может быть, не знает, что в Италии голоса покупаются или на собственные деньги, или на деньги государства. И никто не сумел бы ничего отговорить на такие возражения противников легальности: каким образом Коста четыре раза проходил депутатом от Равенны, в выборной коллегии которой на четырех депутатов избирательно-социалистов по точному подсчету приходилось только 1500, тогда как, чтобы победить их, нужно было по меньшей мере 6000? Каким образом в Реджо-Эмилии, где нет и тени политической рабочей организации, социалист Прамполин прошел депутатом только потому, что граф Корбелли Феррари, бывший сторонником герцога и бывший офицер австро-итальянских улан, сделался его товарищем и погратил на выборах саму малость—60 тысяч лир?

Вот в чем сущность вопроса, который оставил искренним Миланский конгресс, и для решения которого недостаточно прочесть ни проплаченную готскую программу, ни будущую орфографию.

Обещаю вам в течение долгого времени не допускать своим письмами, по-шоку, прежде чем окончить это письмо, мне хочется сказать, что я чистую сильное желание лично повидаться с вами, и что это желание рано или поздно я должен удовлетворить.

С сердечным уважением

Преданный вам А. Лабриэль.

IX.

Рим, 9 ноября 1891 г.

Милостивый Государь.

Очень благодарен Вам за присланый мне в подарок экземпляр нового издания "Ursprung der Familie". Эта драгоценная книжечка, которая, под скромной внешностью линии рецензии на работу Моргана содержит настоящую сокровищницу сведений и мыслей, в естественном году служила мне спутником во второй части моих лекций о "материалистическом понимании истории", когда я пытался дать полные случаев ее приложения. Послезавтра я начну курс под названием: "До-история семьи, собственности и государства", и ваша книга является ко мне в добрых час, желанный и нужный. Наш школьный год продолжается от ноября до марта без разделения на семестры.

Быть может, позже я разъясню в брошюре сущность идей, изложенных в прошлом моем курсе. Он продолжался около 70 часов и читался для аудитории интернационального состава. Но мне скучно иметь сразу дело с тысячами предметов, а кроме того, я по природе более склонен говорить, чем писать. Я начал свою карьеру с книги о Сократе, которую очень хвалил Целлер, и я всегда остался немногого учеником Сократа в своих склонностях.

Можно было предполагать, что моей академической деятельности угрожает в этом году некоторое ограничение. И в самом деле, к моему материальному ущербу, был уничтожен один институт, который обычно состоял при моей кафедре. Казалось также, что я не должен больше читать по "Философии истории". Умеренные газеты открыли анти, связанные мои лекции с 1-м мая (от изменения профессии до Амальвара Чиприани!). Но на этот раз дело еще сошло. Теперь правительство при всяком случае и с уважением подчеркивает любовь ко всему французскому; быть может, кое-кто из радикалов войдет в министерство, и многое будет покрыто цепью обновления. Монархия еще не целиком переварила Гарньери и плебисцит.

В предделии своем письме, за которое я приношу вам живую благодарность, вы напомнили на то, что хотите прислать мне экземпляр оригинального издания "Манифеста". Если бы Вы как-нибудь вспомнили об этом, я был бы очень признателен. Кроме этого издания, являющегося столь драгоценным подарком на память, мне очень хотелось бы обладать автографом Маркса, если есть такой, который не представляет никакого исторического значения и с которым нам не было бы неприятно расстаться.

Нужне же нужна будет Ваша помощь и Ваш совет относительно задуманного мною плана популяризации идей научного социализма. Обещанные брошюры еще не выходят в Милане. И откровенно скажу Турии: прошу вас написать к нам предложение, что для классических брошюр Маркса-Энгельса комментариев не требуется.

Из посылаемых мною номеров "Тribuna", Вы увидите, как проходится процесс 1-го мая, теперь пристановленный. Намерение вывести полицию на чистую воду почти осуществилось. Если бы судебные прения продолжались, оказалось бы, что некоторые из свидетелей со стороны полиции дают противоречивые друг другу показания. Но защитники слишком неистощивались, один из юристов, другие из машины величия. Из агентов-прокураторов один уже в Тунисе, другой уехал в Бразилию. Теперь все начнется с начала, с новым составом судей; и в то же время протекают два встречных процессы: один обвиняющих против суда, по поводу подделки протокола, а другой — суда против нескольких адвокатов, по поводу оскорблений, напечатанных свидетелями. Это уже предел аварии.

Думаю, что я исполнен, насколько мог, свой долг, чтобы кто-нибудь впоследствии вспомнил об этом удивился вместе с Данте, какими хитростями был дьявол.

Благодарю Вас за разъяснения, содержащиеся в Вашем последнем письме. Ваши слова я воспринимаю, как трогательные советы. Я глубоко убежден, что германские рабочие начнут новый исторический период. Так писали итальянские социалисты в Галле.

Не считайте меня нетерпеливым, торопливым и спешным. Для того, чтобы в Италии социализм зародился и развивался, нужно много удобств, которые теперь отсутствуют. И поэтому прекрасно, когда появление социализма, по крайней мере, не подвергается фальсификации. А, с другой стороны, я хорошо помню, что падение Интернационала в 1872 году не мало способствовало итальянскому правлению.

С сердечным уважением
Ваш А. Лабрюза.

X.

Рим, 30 ноября 1891.

Милостивый государь.

Прочтите в посылаемых мною номерах "Tribuna" наивные телеграммы о гибких происшествиях в Мессине. Палата молчит, она даже захотела молчать, снимая вопрос, поднятый Имбрини. Выходит моменты, когда даже франко-испанский радикализм чувствует необходимость нбросить вульс на мерсуги буржуазии и милитаризма.

Вопрос об безработных вступил в новую фазу ("Tribuna", № 328). Они перешли к представлению легальных требований депутатам. В Генуе приостановлен отъезд в Бразилию 20,000 иммигрантов, которые должны были работать там на масле предпринимателей. Они призывают теперь внутрь страны.

Вчера здесь случилось довольно серьезное происшествие. Двумя уже заключившимися конгрессом в пользу мира народные общества противостояли третий, направление которого заключалось в борьбе не со внешними проявлениями, а с причинами войны. Дезор-

ганизованные процессом 1-го мая, социалисты снова набрались некоторого мужества. Но вчера, ("Tribuna", № 330) социалистическая революция, предложенная типографом Верзальди, была отвергнута после речи машинариица Фротти в защиту индивидуальной собственности. Здесь выступил мифическое чудовище изредиенти-республиканского-социального патриотизма, в котором ни публика, ни газеты ничего не понимают.

Великий Мастер еще и теперь через своих смиренных учеников передавывает игру, какую сам создал на первом предварительном заседании Интернационала.

Чрезвычайно размножаются во всех углах Италии анархические кружки, называющие летучие листки самого спиритного содержания против всего и против всех. В них содержится большая доля оскорблений и по адресу германских социалистов. Все это протекает среди веселой бессознательной итальянской буржуазии.

«А Россия? Придет катастрофический момент, без которого с милостивого повеления всех глупцов эволюционизма à la Спенсер, ничего не случается в истории.

Мне кажется, что двухъярусных заявлений о написке можно видеть, что Австрия, если она, пользуясь затруднениями России, двинется на Салоники, не захочет создавать себе затруднения с другой стороны.

С сердечным уважением А. Лабриола.

XI.

Рим, четверг 15 февраля 1894 г.

Дорогой Энгельс!

Сейчас получила "Die Heilige Familie". Да будет она благословена! Она прибыла в отличном состоянии, и в таком же виде я отоспал ее обратно между 10 и 15 марта.

Как смогу я отблагодарить Вас? Не пиши больше ни о чем. Вы должны теперь забыться о Вашем здоровье.

Италия в самом деле входит в эпоху исторического кризиса.

Процесс Пинто-Шове.

Ваш А. Лабриола.

XII.

Рим, 14 марта 1894.

Сего V. E. 251.

Дорогой Энгельс!

Завтра 15-го, ровно через месяц, я отправляю обратно застрахованной железнодорожной посылкой "Heilige Familie", возвращая ее такой же целой и невредимой, как она пришла ко мне. Я был болен сильной инфекцией; много дней меня лихорадило. Несмотря на это, я извлек, списал и перевел все, что мне нужно.

Жалко оторваться от этой книги. Мне нужно иметь ее самому. Позвольте себе дать Вам совет: заказывите анататическое издание ее, как это было сделано с "Evangelium des agtigen Sünders" Вестинга. Таким путем были бы прекращены разговоры о трудностях настоящего, нового издания, предполагающего или обширное предисловие, или длинный комментарий, — ведь также необходимо для немцев нового поколения. С анататическим же изданием — qui potest capere, capiat!

И прочел, понял и изведал всю прелесть книги. Понять ее смогут почти все, но изведать всю ее прелесть, как я — пока немногие.

В Неаполе, среди частных лиц в 1840—1860-х г., и затем публично в университете в 1860—1875 г. имело место возрождение гегельянства. Бравый Тари (человек, ворчлив, генеральный) ледуцировал музыкальные инструменты и купил Св. Петра и конструировал романы Бальзака. Серезный популаризатор Веро оставил много книг и много учеников. Жив и теперь почти в сверстниках Марияно, который учит еще в Неаполе крайне правому гегельянству. Славенста (наиболее выдающийся среди них, о других я умалчивлю) чудесно писал диалектике, снова открыл Бруно и Кампанеллу, очертил полемизацию и практическую ценность даже теперь роль Вико и самостоятельно открыл (в 1861 г.) связь между Гегелем и Дарвином.

Такого среди я родился. В 19 лет я написал плакат против Целлерса за воззвание к Канту (вступительная лекция в Гейдельберге). Вся гегельянская и после-гегельянская литература была нам хорошо знакома. Теперь эти книги вышли из моды и их можно найти только или на аукционах у антиквариев, или у букинистов.

В 1866—1868 г. я изучал Фебербаха, а затем пошла Тюбингенская школа — ich habe, leidet, auch Theologie studiert!

Все это кончилось, потому что наша страна представляет собой как бы яму для отбросов истории. Теперь господствует позитивистский denkt-monde.

Может быть — даже наверно — я сделался коммунистом вследствие своего здорового гегельянского воспитания, после того, как прошел через психологию Герберта и Völkerpsychologie Штейнталя и др.

Но потому, что "Heilige Familie", я довольно легко оказался в том психологическом положении, в каком были Вы, когда писали ее. Радость пишу и эти слова, чтобы заявить о том, чего не было в действительности, но чтоказалось существующим.

Прощу Вас запастись немногим терпением и прочесть прилагаемый здесь отрывок из "Critica sociale", публикуемый с позволения начальства и под неизбежной этикой Германии. Правительство уже не знает, какими образом продолжать преследования, потому что оно находит больше рабочих, которые, по мнению "Critica", спратились! А дальше будут рассуждать о том, чтобы создать партию из одних только социалистов, без рабочих — одним словом, жаркое (газон)

из одного лука, стих из одних цепур, бакунинство без Бакунина. Читайте и удивляйтесь! И за это посыпают в тюрьмы столько бедных людей, или «создают себе столько минимых мучеников? Читаете ли Вы „Leipziger Volkszeitung“?

Ваш А. Лабриола.

XII.

Рис. 7 марта 1894 г.

Дорогой Энгельс!

Здесь находиться проф. Зомбарт (из Бреславля). Он был направлен ко мне Бебелем с тем, чтобы я спасил его некоторыми своеобразиями. Он, кажется, хочет писать книгу об итальянском рабочем движении. Книга выйдет через два или три года. Я дал ему указания, равно как и в дальнейшем буду давать ему путем переписки.

Но о делах партии (скажем так) я не говорю с ним повсюду. Он знать р. Шенера, римского корреспондента „Münchener Nachrichten“ и других газет „ejusdem farinae“. Просил audience и интервью у всех, включая Кристи и генерала Гейша; поэтому и предложил ему самому набираться итальянской и самостоятельной перварить их.

Он восторженное поклонение кистер труда, особенно миланской, и надеется, что они вызовут подражание в Германии. Он считает, что развитие капитализма будет быстрым в Верхней Италии, во всяком случае, лучше, чем в остальной Италии. По его мнению, написал хорошую книгу об итальянском движении может только немец—что праудило. С того времени, как некий Энгельс написал такую книгу о положении английских рабочих, путь проложен для всех.

Социалист ли Зомбарт? Он хорошо знает Маркса, что было видно из его статьи против Вольфа. Но мне он показал себя в качестве монархиста; он убежден, что у монархии еще есть какое-то социальное будущее, о котором вот уже пятьдесят лет так скучно говорят в Пруссии. И прервал разговор шутками. Зомбарт убежден, что в Германии нужно покончить с революционными фразами: не приводя к другим определениям, это означает старый принцип государственного социализма.

Партия, именно потому, что она партия, а не секта, не может отказаться от существования таких сил,—я имею в виду Германию. Иначе она оказалась бы, в конце концов, без науки и без интеллектуального вооружения. Теперь выступит на сцену много Зомбартов, как перед 1875 годом. Это—необходимость, но в этом опасность.

И не прав? Тем лучше, если не прав.

Доктор Карлес просил у меня Ваш адрес, чтобы послать Вам свою книгу. Он социал-демократ, но, по семейным обстоятельствам, в Вене не может ничего сделать. В самом скором времени он поедет в Лондон.

Перепечатите ли Вы Вашу книгу „Der deutsche Bauernkrieg“? В книжном магазине „Vorwärts“ ее уже нет.

У меня здесь экземпляр, данный мне Штекком (Берн), который я должен отослать обратно. Есть ли она у Вас?

Позможно, что в библиотеке партии в Берлине существует полный экземпляр „Neue Rheinische Zeitung“ (1848—49) и „Neue Rheinische politisch-ökonomische Revue“ (1850 г.). Не оказалось ли бы возможным предоставить его мне на два или три месяца?

Об итальянских делах ничего не пишу Вам. Они говорят сами за себя.

На этих днях я написал и посыпал в газеты протест против утверждения, будто в Сицилии имеет место международный заговор:—это теперь, когда в Палермо начинается большой процесс против де-Феличе, Боско и товарищущ! Чтобы свести все к наименьшим размерам, как и есть на самом деле (какое-то мое письмо, несколько сот лист, несколько газетных статей, какая-то благодарность Боско и пр.), я рискнул: 1) рассеять излишнюю, не всегда бесполезную, и не всегда поверхность, будто существует Интернационал (имеет существительное с прописного „И“); 2) ухудшить положение де-Феличе, который мог болтать лишнее.

Посыплю Вам последний номер „Critica Sociale“. Если не окажется для Вас неудобным, пропиши Вам вернуть его мне. Хочу его сохранить.

На стр. 100 в нем поддерживается ложь du Vaudeville.

Ваш А. Лабриола.

XIV.

Рис. 13 июня 1894 г.

Дорогой Энгельс!

Разрешите мне одно философское замечание. Вы вновь издасте „Ляти-Дериин“. Хорошо знаю эту книгу, потому что постоянно пользуюсь ею. У меня всегда под рукой много печатной бумаги, но я всегда изучал лишь несколько книг, чтобы сохранить здоровым свой мозг. И вот так за последние годы мною усвоены Ваши работы и сущности Маркса. Итак, буду говорить, как бы получив Ваше согласие.

Вы употребляете, как антилтические германские слова: метод диалектический и метод метафизический. Здесь, в Италии, чтобы сказать то же самое, я должен вместо диалектического говорить о генетическом методе. Слово „диалектика“ в общем употреблении выражается в риторическом и адвокатском искусстве: одним словом, в Scheinbeweiskunst.

Здесь больше ничего не известно о гегельянской традиции. Из-за настоящего изложения философской культуры в Германии, Вам кажется, что будет ясным, очевидным, убедительным и истиерзываю-

щим применение метода диалектическим, чтобы определить то, что Вы хотите определить, т.е. способ мышления, который постигает вещь не постолько, поскольку они пребывают (астиче) — устойчивый вид — категория и т. д.), но поскольку они становятся, и что вследствие этого она сама, подобно мысли, должна быть в состоянии движения?

Я полагаю бы, что обозначение генетическая концепция оказывается более ясным и, конечно, более понятным, потому что обнимает реальное содержание вещей, которые становятся, как логически-формальная способность познания их становившимися. Словом „диалектика“ выражается только формальная сторона (для Гегеля, как идеолога, представляющая собой все). А говоря генетическая концепция мы охватываем и дарвинизм, и материалистическое понимание истории и всяко иное истолкование вещей, которые становятся и закрепляются, и изменяют свое положение. И я хочу сказать, что выражение „генетический метод“ еще не предрешает эмпирической природы каждого частного образования, — чего не понимают те, кто придает расширенное толкование дарвинизму, и прочитатели великого энтузиазма — Спенсера. Что касается другого термина антигегель, т.е. метафизического метода, то я понимаю, как трудно найти выражение более приемлемое, но данный термин тем не менее недостаточен. Прежде всего это следует смешивать себя с г. Контом, создателем базиса о метафизической эпохе, которой никогда не существовало. Не спорю о случившемся слове; сам Аристотель от него, быть может, отказался бы в своих исследованиях, которые были названы так кем-то другим. Но не следует считать правым этого критика — Спенсера, когда он, создавая, сам не знал того, склерную метафизику («первые принципы»), будучи гегельянцем, вернее псевдогегельянцем без генетичности, и изобретатель метафор, выдаиваемых им за познания, квакает против метафизики. И в-т-т теперь, и озитивизм overall gassiert и кричит против метафизики, не в Вашем ее понимании, не как против анти-диалектики пре-эмпирики, экспер-эмпирики и мета-эмпирики, но для того, чтобы бороться со всяческим усилением мысли, которое направляется бы на установление связи и единства в разнообразии наблюдений.

Слово „метафизика“ не всегда означало одно и то же, т.е.—постижение неподражаемых и неизменных вещей (характерная форма Вольфовской мысли, ограничивающей себя вещью и ее свойствами). Напр. Гербарт называл метафизикой совокупность исследований, путем которых он, между прочим, разлагает категории на психические образования; отрицая особые способности души, он открыл путь наставления к генетической психологии.

Кроме того, слово Wissenschaft имеет для нас более пытливый, более сложный, более органический смысл, чем заменяющий Science позитивистов.

Итак, — скажите Вы, — вопрос о словах! Совершенно верно. Потому, именно потому, что я ляжет так, как Вы, и даже усвоил себе Ваш

способ мышления, я чуткую, насколько трудно быть здесь понятным без того, чтобы меня не смешали с другими, которые как будто говорят то же самое. Затем, в качестве профессора, мне приходится разговаривать с коллегами и студентами, и им мне лежит обязанность просмотривать много плохих книг. В настоящие времена, под предлогом их антиметафизики, Дарвина, позитивизма, Спенсера, социологии, социализма и т. д. — все это в полуобразованных головах читателей журнала становится одним и тем же.

„Вы подумайте: человек, который позволяет себе цитировать Аристотеля,“ — так рассуждал один инспектор из „Critica Sociale“. „Дядя несчастен, значит—долой латину!“ — так кричали неаполитанские студенты в 1860 г. Бирюк, я пишу письмо, а не научное исследование, и в этих белых заметаниях, показалось, смотрите не на сию строку, а на то, что подразумевается.

Еще одно краткое замечание: Вы совершенно верно говорите, что философия, как нечто самодовлеющее, кроме логики и диалектики (что означает учение о формах познания), обретена на исчезновение. Однако не в противоположность Вашему утверждению, а чтобы дополнить его, следует отметить две вещи:

1) Что происходит только тогда, когда наука достигла такой ступени зрелости, что в состояниях занимавшая одностороннее философское исследование. Например, совершенное познание законов, присущих социально-историческому процессу, устраивает одностороннее исследование, называемое философским права (которая, впрочем, имела со временем Греческого и до Канта, параллельно развитию эквивокики, величайшее революционное значение). Таков случай и с „Капиталом“ Маркса.

2) Под именем логики и диалектики естественно понимать всю специальную методику частных наук, другими словами — формальное описание акта и процесса познания и мышления в любом отношении с опытом и наблюдением.

В этом, впрочем, всегда и заключалась подлинная роль философии, остальное, т.е. путаница систем, зависело: а) или от навредности эмпирического знания (Греция), б) или от внедрения —теологии (Средние века), с) или от беспорядочности в занятиях философов переходного периода (Возрождение и XVIII век), д) или же от влияния эстетико-религиозных идеалов внеочучного характера (напр., Иерусалим и сущий Гегель) и т. д. и т. д.

Понятие социализма устраивает все причины, затмевавшие в общественном сознании человека ценность науки (или знания), и поэтому нам теперь известно, чем была философия, чем она больше не должна быть, и какими скромными пределами ей следует впереди ограничиться.

Напишите за эту непропущенную беседу.

Всегда Ваш А. Лебрека.

R. S. Тенеру совсем с другом. Крик «да здравствует де-Феличе!» гремит от одного конца Италии до другого. Он и другие осужденные в Сицилии выставляются в знак протеста кандидатами по многих городах Италии на близжайших дополнительных муниципальных выборах.

Из Милана сделано предложение, чтобы пять депутатов-социалистов сложили свои полномочия с целью прости, под знаком протеста, пять антифашистских кампаний. Депутаты отказались. Против Миланского призыва возразили многие секции, о чем могу судить по целому ряду секций, Эри, Справедливости, Народа, представители которых приходят ко мне.

Был кроме того приказ, чтобы сицилийцы выставили кандидатами во всех городах Италии. Но в Милане не выставляют ни одного сицилийца; хотя бы одного выдвинули при стольких Ньюкин, Биньями и пр.

XV.

Кастельваро, 11 августа 1891 г.

Дорогой Энгельс!

Одна дама, очень хорошо знающая дела Вальденской церкви (главное местопребывание в Риме), но не хрижа, пишет мне: «Достоверно то, что раньше, чем он сделался пастором, И. неизвестно за какую прозину, отбыл тюремное заключение; затем он переменил свое имя, так что теперьшнее его имя—не настоящее. На этом одна из причин, почему его отпустили. Но если Вы хотите узнать самую суть дела, вам следует написать доктору Б. К. Ландельцу (Corso Siccardi, 51, Турин), который принял его на службу, получив введен в заблуждение И., а затем отпустил, узнав его подлинную историю».

Одно лицо, не являющееся ни студентом, ни журналистом, ни адвокатом, пишет мне в Турине: «Я знал в Турине И. прошлой зимой, во время сицилийских беспорядков; и не смог бы утверждать, что его не было на острове, когда волнения начинались. Но я не помню, чтобы он когда-нибудь говорил мне об этом: обстоятельство довольно странное, если он там пострадал. Не знаю, что сделал он для Сицилии, кроме четырех или пяти стихотворений, которые выпустил отдельной брошюкой; может быть, ее будут продавать в пользу пострадавших. Пока он жил в Турине, я считал его за отличного человека и даже сделал ему визит за день до его отъезда. То, что он потерял место из-за своей социалистической пропаганды,—верно; я видел установленные им документы. Но впоследствии я узнал, что его отъезд из Турина был безговт, что он оставил в городе позорные долги и что он повредил таким образом и своим друзьям, которым не прислал более ни гроша. Приходил ко мне среди других и один бодрый гостиницы, его интимный друг, просивший у

меня его парижский адрес. Он рассказал, что пострадал из-за него на несколько сот лир, и сообщил мне и о других подобных подвигах шантажиста. Я написал в Париж, но он не отвечал».

Ожидая еще ответов из Турине, Генуи, Рима и Палермо. Если там окажется что-либо значительное, сообщу Вам.

Мой туринский знакомый разбазаривает в вышеприведенном отрывке свою изнанку. Если бы я должен был составить список всех добрых друзей, которые забирали у меня деньги, то мне понадобился бы длинный протокол с подразделением: итальянцы, а затем иностранные.

Кстати: я никогда больше не слыхал, что, в конце концов, сделали с деньгами, собранными для Сицилии. Знаю лишь, что у адвоката... в Палермо имеется на руках 5 тысяч лир, и он из-за необходимости публичности не знает, как их распределить; а в это время doch de-Felice в позорной форме просит о помощи и защите.

То, что Вы говорите в юмористическом тоне об итальянских шарлатанах, с точки зрения ученого, верно. Но представьте, какое большое удовольствие находиться среди них, быть бессильным нации защиты против их влияния и подвергаться риску сойти за одного из них. Единственное преимущество этой страны над другими в абсолютной нравственности. Последний сотрудник «Messaggero» пишет с яростью венецианского поэта эпохи Возрождения. Теперь в Италии осуществляется на деле то, что с первого взгляда кажется абсурдным: совершенная очевидность разложения сделает более легким быстрые преобразования. И это случится не как результат предварительной работы партий или школ, но так, как происходили великие перевороты с XI и до XIII века.

Теперь совсем об ином. Если Вы взглянете на № 14 «Critica Sociale», Вы увидите, что один совсем еще юный мальчик (Р. Солли) позволил себе напечатать критическую головомузыку Лорна по поводу критики, которую тот направляет против Маркса. Праходит № 15 и оказывается написанным в честь и во славу нашего друга Лорна—как всегда, изобретателя материалистического истолкования истории и с соответствующим анонимом о близжайших апологетических и контр-критических статьях и т. д.

Если уж говорить всю правду, Лорна во всем этом решительно не при чем. На протяжении трех тысяч страниц, которые он до сего времени напечатал, он всегда сражался против социализма и, по меньшей мере, триста раз называл Маркса софистом, мистификатором и т. д. Лорна—не политический деятель, у него нет никакой популярности, он не говорит для большой публики, не пользуется никаким влиянием, и в качестве профессора он имеет только одно эпитетное достоинство—нежелание читать лекции. Его сочинения мало читаются, так как они неудобочитаемы, и, как человек, он не пользуется уважением: наоборот. Этю слаще создали ему—и недобросовестно—невежествующие монахи социализма, а он присосо-

бился к ией, потому что, говорил он мне, «великии люди (sic)», например, Бисмарк, обращают внимание на свои идеи, а не на своих последователей*. И это было в ответ на мон вопрос: «Как вы верите, чтобы социалисты называли вас социалистом, если вы не являетесь им?»

Еще о другом. При данном положении вещей в Италии мне кажется, что социалисты поступили бы правильно, если бы смешали свою полемику против радикалов. Особенно это важно в Миане, где, при наличии демократического большинства, муниниалитет будет в самом скором времени распущен. Вопрос здесь совсем не в идейной близости, а в здравом смысле. Кроме того, мне кажется благородным отвергнуть национальный конгресс (в Имоле). Если бы на нем получили преобладание сторонники металлистии, вроде Ферри, он оказался бы, в конце концов, смехотворным. Если бы он был сплошным ярким, он явился бы несчастием. А кроме того, там может нарастить раскол, на него могут даже подстегнать. Отсрочка не привнесет вреда. Поскольку не существует готовой программы, какую можно было бы постановить на обсуждение и т. д., и т. д. Из Миана мне отзывают, что я в высокой степени прав. В первой части, однако... и т. д. Что наслается второй, то они будут рады выйти предлог, чтобы не созывать конгресса; таким образом, по крайней мере, деньги, которые должны быть израсходованы на поездки, смогут пойти в Центральную Кассу!

Скажем же, в конце концов: да здравствует обережение денег!

А теперь уже не о постороннем. Обращаюсь к Вашему письму от 31-го числа. Когда я говорю «генетический», я, главным образом, имею в виду 1 том «Капитала». В плоскости метода мышления нет ничего столь совершенного. Совершенна не какая либо отдельная форма, но все формы вообще. Конкретный генезис (напр., английское накопление); абстрактный генезис (анализ товара и пр.); противоречие, побуждающее выйти за круга понятия или факта (например, формула Д—Т—Д) и т. д. Трудности читать Маркса заключаются именно в его форме мышления. Голые результаты, изложенные популярно à la Девиль и Каутски, кажутся почти обывательскими. Я не игнорирую то злоупотребление, часто глупое, которому подвергается в немецкой речи слово «генетический». Но колossalное немецкое бумагомарательство сделало познательными и популярными массу и других слов (Idee, Ideal, Beziehung, Verhältniss, Apperception)!

Die sprachvergleichende Logik — не только необходимая дисциплина (в зародыши она дана уже у Гербарта и затем в развитом виде у Штейнбаха), однако всегда с некоторым остатком идеологической фантастмогории), но и клуч к тому, чтобы отыскать причины или происхождение всех метафизических отклонений мысли. Это ясно видно у Платона, который является отцом метафизики. Едва лишь понятие было случайно определено (Сократом), как функция конкретного рассуждения, оно тотчас превращается (sprachlich)*

и остась самого себя. И это повторяется вплоть до эволюции Спенсера, которая представляет уже не сокращенное выражение конкретных процессов (клетчатка, ткань, растение, рак, собственность, государство и т. д.), но и что существующее само по себе (нечто платоническое), целиком слагающееся из абстракций (однородное, разнородное, ассимиляция, дифференциация и т. д.).

А пока до свидания.

Ваш А. Абриола.

XVI.

6 декабря 1894 г.

Дорогой Энгельс!

Получил. Благодарю также и за Станареля и Дулькамару. Мы одного и того же мнения. Эта обостренная земля классических шарлатанов. В самом деле, накануне Великой Революции Италия подарила историю Казаню и Калантро. Досадно то, что мне будет трудно найти итальянский журнал, который захотел бы воспроизвести в хорошей прозе превосходные удачи бичом, написанные г. Дулькамаре; если только я не захочу прибегнуть к „Rivista Internazionale di scienze sociali“, редактируемому монсеньором Таламо (будущий кардинал) и субсидируемому непосредственно папой (единственный журнал в Италии (!), который говорит о социальном движении с некоторой объективностью!).

Социалистическая партия не отозвалась ни почтенными ударами, доставшимися Лорти, потому что после затяжного правительства убийства она хорошо запомнил юбилей 14 марта.

Сердечная благодарность Зорге и поклон гже Лунзе.

Всегда Ваш А. Абриола.

Р. С. Об Италии ничего не пишу Вам. Вер самой собой понятно. Вместо того даю Вам суммарное изложение результатов моих исследований о генезисе ионического социализма:

А. Я уже вполне постиг, в чем заключается различия между античным, средневековым и новейшим коммунизмом. Понимаю происхождение буржуазии из ее протоплазмы (итальянских коммун). Поставил на свои места, в зависимости от того, каково их значение, старых утопистов (Мора и др.). Ясно вижу основное содержание предшественников коммунизма (Мель, Мабли, Моресли и др.) в тех же самых агитаторских предпосыпках освободительной и либеральной доктрины. Овладел общей картиной французской революции. Мне ясна идеологическая реакция Озуза, Фурье и Сен-Симона. Присутствую при зарождении марксизма, и все сомнения насчет материалистического понимания истории от меня отшли.

Б. Мне еще не ясны причины поражения чартизма и последующая остановка в развитии английского социализма. Еще не разбираясь с необходимой точностью в игре школ и партий во Франции

1838—1848 г.г. С недостаточной ясностью охватываю картину немецкого коммунизма по марксистскому периоду.

Что касается настоящего, я не понимаю бессмыслица социализма во Франции; и я очень сомневаюсь (после Цюриха), чтобы в современном социализме, кроме незрелых элементов, не существовало еще и много бесセンзитивных реалистов.

Мне понадобился бы целый год для беседы с Вами: лишь Вы один или обладаете знанием, или в состоянии направить на путь, где его можно получить.

XVII.

11 декабря 1894 г.

Дорогой Энгельс!

Быть может, 15-го числа этого месяца неаполитанский журнал „Kassergut“ напечатает перевод Вашего Vorrede к III тому „Капитала“. Так, по крайней мере, мне обещал собственник этого журнала, в Э. Калано, а у меня есть основания жаловаться на него любезного отношения. Изварский выпуск вполне приличен; ввиду этого, чтобы привлечь новых подписчиков, его напечатанный многим для этого г. Калано. Вчера Мартинетти (рекомендованный мною для этого г. Калано) прислал мне для просмотра перевод, который я отчасти исправил, поскольку это оказалось для меня возможным. Вы знаете, что переводить М.—дело трудное. Во всяком случае, я надеюсь, что он выйдет, по крайней мере, приличным и правильным

Ваш А. Лабривье.

Н. В. я полагаю, что Klüngel—диалектическая форма от Klingel (конечно, ничего общего не имеет с Klünker). Я даже вспоминаю, что видел заглавие диалектических стихов „Kölische Scheldereie“, часть IV—„Für Kösche Klüngel“.

XVIII.

13 декабря 1894 г.

Дорогой Энгельс

Поздравляю г-жу Фрейбергер. Вы также будете рады прикупо вороженой.

Мне пишут, что Лерна ответит на III том „Капитала“ в „Riforma sociale“, которую издаст Нитти (Турин, Ру) в № от 25 числа этого месяца. Так как он не может свершить чуда и прочесть еще не опубликованный том, то ответ, быть может, будет относиться к Вашему Vorrede, возможно, сообщенному ему Кулешовым. Он собирается защищаться. Он способен конструировать III-й том a priori. Кто такой этот Нитти—Вы знаете, два года назад он в члены белого Мартинетти был реактором политеческого „Mattino“ (Неаполь); руководит теперь журналом для всех; не зная времени, занимается ремеслом сочув-

ствующего официализму, а кроме того представляет собой доверенное лицо министров, префектов и комиссаров полиции; после сицилийских событий он объявляет „Città Sociale“ органом разрушения и революции, вслед за член Тураги, чтобы собрать толпу, хвалил его и ласкал и листья ему, что, впрочем, он делал и со многими другими, например, со знаменитым Ваккаро, личным секретарем Криспини и автором положения о ссылке. (О, восхитительный „Verfürst“, как вам велено!)

Хорош Чиприани. У него гардильская, натура, и поэтому с ним нельзя рассуждать. При стольких своих перипетиях, он вступал в отношения с таким множеством негодяев, что больше уже не различают их ясно. Затем, будучи человеком мужественным, он, естественно, далек от того, чтобы недоверять людям. Когда он сидел здесь, в террасе, за события 1-го мая 1891 г., и я построил ту систему защиты, которая привела к открытию шпионов Натти и Масари (зовавшихся затем комиссарами полиции), он искал из террасы в защиту Натти на основании только того факта, что Натти жил за границей с Малатестой, а последний, в свою очередь, не винил его в том что случилось в Риме (конспираторы всегда алтарийщики!), рекомендовал еще Натти через Агнессу Генри. Поэтому предупредить Чиприани является делом человеческим. Чтобы убедить его, ему следует сообщить, что Мерлино был предан в Неаполе полиции (в январе этого года) студентом университета (ноттесо рефетто) Ландолфи, заработавшим таким образом 1500 лир. Ни одна газета не писала об этом. Затем исследовали жалобы инспектора Сессы, который из изгнания в 2000 лир получил только 500. Большой вопросительный знак представляет собой некий Лунджи или Феличе II., а в действительности Никола Джиппини. Может оказаться, что он в каких-то отношениях с международной полицией, служба которой была организована между Римом и Парижем в июле—августе.

Маленькая поправка к предыдущей заметке. Лавка ёрёс на High-Street, 112, Islington, в действительности содержит Деффэльса (из Манчестера), а не Ричардом, у которого другой магазин на Grafton Street, W. E.

Сейчас в Лондоне некто Орест Беффино, бежавший отсюда в августе, когда начался процесс Акамбетозы, завершившийся комическим образом. Суд осудил двух агентов провокаторов, Каари и Феличе, и оправдал всех остальных. Теперь оправданные говорят, что третий шпион был Беффино, во время убежищений. У него существует неподтверждаемое знание дела, потому что уже с 2 часов пополудни 1 мая 1891 г. мои ноги не бывали больше ни на одном собрании, и потому что летом я не был в Риме. Достоверно то, что этот Беффинобежал из Рима, унося с собой часы одного друга; Милане он заставил выдать себе 50 лир, и Лугано заставил себя одеть, в Цюрихе явился от моего имени и Мурцино, который дал ему на расходы на две недели и собрал 70 лир, чтобы он

мог убежать в Лондон. До июля я часто видел этого Беффино, и он всегда мне казался ничем иным, как несчастным *declassé*, бедным духом и великим невеждой. Его отец был великим собственником в Ньемонте, мелким торговцем в Генуе и теперь живет здесь крайне бедно. Пока он имел средоточия, он давал воспитание старшему сыну, Умберто, вполне больших дарования. Умберто умер два года назад и оставил отца и младшего брата на мое попечение; я должен был давать им рекомендации... и пособия. Этот Орест испортил все пути и кончил тем, что выбрал себе путь безделья. Несколько месяцев он жил, просто выпращивая лирику... у гвардейцев, так как сделался социалистом... на итальянской лад, записавшись в римскую секцию партии работников... (читай!) анархистов вроде Альбачетто, где по данным того времени... на 250 членов не было и 20 рабочих. (Теперь, когда эта секция, подобно другим, находится под сумом, на 27 обиженных приходится двадцать активистов и не знаю сколько студентов.) Теперь товарищи заявляют, что Беффино был в секции ради слежки, однако этого я изъясня миссии мне никогда не говорили. Верно то, что он был в Цюрихе во время конгресса; я не знаю, что он там сделал; однако он всегда спровоцировал меня... может быть, чтобы побудить за мой счет. Но полиция не могла думать о том, чтобы следить из него пинкона... потому что он слишком туп. Быть может, он является лишь заложником несчастливцев, и больше ничего, и убежал из Рима, чтобы ускользнуть от глаза одного супруга, именно редактора, покойного "Anno", который, выйдя в июне из тюрьмы, нашел, что Беффино привез соблазнить его жену или подругу.

Среди этих элементов нам и приходится жить... милосердивы к преступлениям, как сказала бы заменившая жертву социализма, проф. Ферри (о, наивный "Vorwärts").

Если бы во втором (11-го) не дошло до парламента письмо Джолитти, правительство имело бы громадное большинство; особенно в интернациональном по внутренней политике, а также по запросу социалистов, которые, впрочем, призывают исключительный закон для других. Финансовый доклад не произволов никакого впечатления. Поэтому целиком было терять время, и краинка лежала хорошо сделала, что подталкивала Джолитти и помогала ему. В письме не все,—конечно, нет. Несомненно, не окажется всеселя в 300 тыс. лир, от наследного призыва, причиной стольких бедствий. Вероятно, Лина Красини не придется тратить в один только сезон в Карлсбаде 250 тыс. лир. Может быть, однако, окажется, что вечером 20 декабря 1892 г. (первая интерпелляция Колланжи) Таупонго отблагодарил Красини, а последний 29 числа уплатил 25 тысяч лир. И тогда Лина написала: "Дорогой Таупонго, за то, что следила, это слишком мало".

Кроткий и чудесный Римский Банк, и я тебе благодарен, потому что, хотя ты уже и мертв, ты все еще моя опора (но знаю, ясно ли я выражалась).—

Поэтому-то наши социалисты и винятят мне жалость. Они позволяли ни страха выхватить у себя оружие нападения, какое является единственным оружием защиты.

Миланская камера труда создает — *rein ökonomisch* — конгресс с относительным Ньюки "Critica Sociale" и "Lotta di Classe" в едином отступлении. Правительство, между тем, сделалось пирье. Последовали освобождения в Терри, Римини, Генуе, Форли. Промышленная комиссия освободила Бадалону. Суды (апелляционные) объявили себя некомпетентными в деле Альбии и Прамполини. Миланский процесс, который должен был явиться первым и главным, едва ли состоится. Большая часть социалистов (буржуазия) предпочитает, чтобы за них поручились и чтобы их считали социологами и идеологами. Браво! Немецкие газеты медленными и западлыми: "Leipziger" призывает напечатать 29 ноября статью, в которой было характеризовано положение, изменившееся уже 10 октября.

У Вас оказывается время и любопытство для всего, так прочтите "Reformation oder Epigenese" О. Гертнита, 1894 г. Иена, Фишер.

Ваш А. Лабриела.

XIX.

Рим, 18 декабря 1894 г.

Дорогой Энгельс!

Сейчас, в 11 ч. утра, получил оба тома целими и невредимыми. У меня нет слов, достаточных для того, чтобы отблагодарить Вас за подарок. Постараюсь скорее изучить это произведение, которое, дополняя мысль Маркса, останется вечным документом Вашей братской любви ко всему, так как вы сумели извлечь из подобных отрывков нечто последовательное, стройное и удобочитаемое.

Из последнего номера "Critica Sociale" (№ 24) Вы увидите, какие моральные и интеллектуальные последствия вызвала Ваша предупредительные по отношению к г-же Кулешовой, когда Вы послали ей предисловие с Вашей критикой Лорна. Из-за этого "Cr. Soc." превратилась в официальный орган Лорна⁴. Последний, впрочем, заслужил того, чтобы сделаться центром внимания в журнале, представляющем рекламируемый листок старьевщиков ("Trödler"), как увидите собственными глазами.

Вы несомненно мне спрошу: я никогда не обманывался относительно таких бесадельников, почитителей идей и программ и более или менее неудачливых интриганов; и не будем больше говорить об этом.

Мое желание на новый год—IV том "Капитала".

А. Лабриела.

XX.

Рим, 30 мая 1895 г.

Дорогой Энгельс!

Доктор Гравицкий, бывший в течение многих лет корреспондентом „Frankfurter Zeitung“ в Риме, теперь, то ли в качестве корреспондента, переехал в Лондон. Он изъявил желание, симпатизируя социалистам, хорошо знает Италию и по своему характеру и по остроте своего ума, заслуживает полного доверия. Он изъявил много услуг делу демократии и подвергался большим гонениям со стороны Красши. В деле с Римским Банком он был чрезвычайно полезен и очень осторожен. Он хочет покончиться с Вами и явится к Вам с мной рекомендацией. Просшу Вас принять его. Он желает ориентироваться в английской социалистической движении и в прочем. При случае он может быть полезен. С ним можно быть относительно откровенным, так как он не простой журналист-профессиональ.

Не буду затруднять Вас осложнением итальянских дел. Они говорят сами за себя. Если они не всегда кажутся такими в немецкой прессе, это зависит от того факта, что не во всех странах думают проэзов, как итальянцы. И какой проэзов!

В середине наступающего месяца я напечатаю первый выпуск (аведение) из серии очерков „О материалистическом понимании истории“. Сделаю попытку трактовать этот вопрос, изучавшийся мною в течение восьми лет, или хотя бы часть его в ряде брошюр (адесь никто не читает книги).

Всегда Ваш А. Лабриола.

XXI.

25 июня 1895 г.

Дорогой Мартиниетти.

Извините меня. Запоздал с ответом Вам. Вы хотели знать, почему „Rassegna“ не напечатала Вашего перевода статьи Шмидта. Но я сам ничего об этом не знаю. Капуто дал мне формальное обещание. Думал, что „Rassegna“ погребает. Она появилась на свете со временем графа Джусса, когда Капуто представил собой сельско-хозяйственный кредит Неаполитанского Банка. И полагаю, что теперь наподобию разорился и он. Некоторое время назад, чтобы поддержать „Rassegna“, он присыпал мне подписных бланков на акции... на 200 лир, на что я стал нужным не отвечать.

Зная Капуто так же, как знаю массу людей, потому что он сын одного, приятеля другого. Но, конечно, не знаю его в политическом отношении. Было настоящим чудом то, что он напечатал Ваш перевод предисловия Энгельса. К тому же я больше не могу теперь наставлять.

На один из социалистических, социальных, социалистоподобных и социологических журналов — я просмотриваю их все, не занимаясь

Нашим переводе. Здесь сейчас наши депутаты со своей свитой и приближенными, и нет ни одного, кто признался бы, что прочел этот перевес — никто даже и не знает о нем ничего, и кажется, что почта, которая все задерживает, доставляет себе удовольствие уничтожать неизвестную „Rassegna“. Поэтому я и просил Вас выслать ее снова мне кому, что Вы сделали: благодаря Вам за это.

Я уже примирился с чувством бесполезия. Но Вы прекрасно понимаете, что такое примирение не доставляет мне удовольствия. Бесконечно унизительно со всех точек зрения.

История с Лориа была неприятной проказой; но, конечно, она — не изолированный случай; потому что так течет вся наша итальянская жизнь.

Если сочтете нужным, пошлите это письмо Энгельсу. Мне не хочется ему докучать.

Как Вы пожинаете? Надеюсь, что хорошо.

Всегда Ваш А. Лабриола.

XXII.

Рим, 27 июня 1895 г.

Дорогой Энгельс!

И писал Вам, что около 15-го посыпал Вам свое сочинение. Но типографии всегда таковы — не держат своего слова.

Посыпал Вам сорок уже напечатанных страниц. Я хотел выпустить книгу в свет около 15—20-го числа одновременно с выходом перевода, отчасти уже напечатанного в „Devenir Social“.

Этот перевес — иное не присмотренный — имеет отличный от текста колорит и содержит 5 или 6 довольно эпичительных ошибок.

Просшу Вас пожертвовать двумя или тремя часами своего времени, чтобы прочесть мои малевязкую работу (в ней всего 87 страниц) по итальянскому тексту.

Настроение, с каким я пишу, делает это желательным для меня. Это сочинение — как бы лическая беседа с Нами.

Кроме того, имеется обобщение практического характера. Эта работа заключает в себе изложение массы вопросов, которые я буду рассматривать в отдельных брошюрах, на расстоянии 2 или 3 месяцев каждые раз. Поэтому я нуждаюсь в Вашем ободрении и, если понадобится, в Ваших поправках.

Надеюсь, что Вы здорова и что Ваше молчание не вызвано никакими бесприятственными мотивами.

Всегда Ваш А. Лабриола.

Письма А. Лабриолы к Р. Фишеру.

I.

Рим, 9-го апреля 1891 г.
Corso V-Emanuele, 254.

Дорогой друг!

Для мне, похождущего, следующие справки:

Имеются ли в партийной библиотеке такие издания:

1) „Vorwärts“—парижская газета, Париж 1844 г.

2) „Neue Rheinische Zeitung“, Кельн 1848—49 г.

3) „Neue Rheinische politisch-экономическая Кельн“, Лондон и Гамбург 1850 г.?

И в том случае, если в партийной библиотеке эти издания имеются, не могу ли я получить их на 3—4 месяца?

Или их следует искать в Берлинской национальной библиотеке?

И уж даже и с великим старанием ищу эти газеты и некоторые другие издания и книги. За некоторые я платил очень дорого, так, например, за „Deutsch-französische Jahrbücher“—45 марок, „Misère de la Philosophie“—18 марок, Штибера и Вернера—30 марок. Другие же книги, как „Heilige Familie“ Маркса и Энгельса, я получил только для прочтения.

Затем, где я могу найти „Neue Zeit“, 1-й год издания (1883), 2-я (1884), 4-я (1886), которых мне недостает? В издательстве „Vorwärts“ уже нет больших обеих брошюр Энгельса и Бебеля о крестьянской войне. Скорее появятся они в новом издании! Сказали, по-жалуйста, Бебелью, что я говорил с проф. Зомбартом. Он получил от меня нужные ему сведения. Я подразумевала сведения в более широком значении слова, так как я знаю, что проф. Зомбарт, хотя и склоняется к социализму, все же не состоит в партии.

С сердечным приветом А. Лабриола.

II.

Рим, 22 апреля 1891 г.
Corso V-Emanuele, 251.

Дорогой друг!

Прими моя горячую благодарность. И очень охотно возьму для твоего „Neue Zeit“, I (83 г.) и II (84 г.), по назначенному цене в 9 и 8 марок. Будь так добр, выши оба тома—при последстве фирм Путткаммер и Мильбрехт—книгопрядцу Лешеру и Ко. Я получаю все книги и прочие печатные произведения через магазин Лешера, так как считаю очень удобным в конце каждого семестра платить по окруженному счету.

Если бы было возможно получить IV (1886) том „Neue Zeit“ и две брошюры Энгельса и Бебеля о крестьянской войне из вторых

рук или у антиквария, я был бы за это очень благодарен. Что касается повышенной цены за них, то я полагаюсь в этом на тебя.

Теперь о главном. Если мне приходится искать „Neue Rheinische Zeitung“ и другие подобного рода редкие издания, то это не увлечение коллекционера или учения причула. Уже много лет я делаю попытку трактовать здесь, в университете, социализм, как обычный предмет преподавания. Так, например, в 1890—91 учебном году (здесь у нас нет семестров, и академический год продолжается без перерыва с 15-го октября по 15-е июля, включая съезды и заседания) я разбирал „Коммунистический Манифест“ в качестве введения в материалистическое понимание истории. С октября же 1892 г. я установил твердый учебный план под названием „Генезис современного социализма“. Каждый год я буду трактовать целое бетю и компилировать и в то же время буду углублять ту или иную часть путем изучения документов и критического разбора. Так, в 1892—93 я специально занимался французской революцией и чартизмом, а в этом году я занимаюсь, главным образом, развитием марксизма и Интернационализмом.

Научная работа велика, но трудность находить книги еще больше. О заданиях частных и публичных библиотек думать не приходится. Итальянские партийные товарищи знают только брошюры „Critica Sociale“ и самое большое „Revista Socialista“.

И должен покупать многие тысячи книг и брошюр, и многое мое совсем не удается найти, несмотря на повторные объявления в „Биржевых листах“ и других bibliографических изданиях.

В целом моя лекции никогда впоследствии не станут содержанием книги. Это превышает силы отдельного человека, если только не писать поверхностных компиляций а-ля Малон. Но некоторые отрывки из целой истории я предполагаю трактовать в форме книги. В первую очередь—„Генезис Коммунистического манифеста“. Это и практически. Общее социальное положение Италии, если отаться от присутствующих и конкурирующих политических факторов, стоит еще ниже того социального уровня, который принимается в качестве предпосылок в „Коммунистическом Манифесте“. Мы должны теоретически и практически пройти снова весь путь развития, так как мы нешли в ногу с другими народами.

Для такой историко-критической обработки „Коммунистического Манифеста“ мне недостает еще некоторых вспомогательных средств. Поэтому я еще раз прошу одолжить мне на время нужные издания. Без „Neue Rheinische Zeitung“ (Кельн 1848—1849) могу пока обойтись. Но я настоятельно прошу прислать мне „Neue Rheinische ökonomisch-politische Кельн“ (Лондон и Гамбург 1850 г.). Оно мне безусловно необходимо. Пересыпки опасаться не следует. Недавно и пользовался экземпляром „Heilige Familie“ (товарища Зорге) и затем выслал его обратно застрахованной посылкой, ценой в 500 франков. От-

сюда непрерывно посыпаются в Германию» ножечками профессорам рукоописи и редкие книги. Правительство заботится об этом.

Прости, что пишу так длинно. И хотел объяснить, по какой причине я не могу не докучать тебе.

Твой А. Лабриоза.

III.

Roma 25 мая 1896 г.
Corso, Vittorio-Emanuele, 251.

Дорогой друг.

Только что (в 2 ч. полудня, в понедельник) я получил в самом лучшем состоянии три застрахованных почтовыми посылками. Я тотчас просмотрел экземпляр „Neue Rheinische Zeitung“ и констатировал, что все в порядке. Как тебе, конечно, известно, в этом экземпляре не достает главного листа в № 112, так это и отмечено на ярлыке переплета.

От всей души и горячо благодарю тебя. И уже потерял было надежду, что смогу когда-нибудь основательно перечитать „N. Rh. Zeitung“.

Будь так добр и скажи мне, заинтересован ли парижский архив в том, чтобы я указал срок для возвращения газеты?

Когда я обратился 29 марта с просьбой к Шинцелью, я рассчитывал получить газету к 20 апреля, и так как она мне нужна по меньшей мере на два месяца, то я обещал послать ее обратно 20 июня. Сегодня 25 мая. Я мог бы выслать газету обратно приблизительно в конце июня. Но мне нужно было бы задержать ее еще несколько дней, так как в конце июня и начале июля у нас (в университете) происходят экзамены.

Еще раз благодарю и прошу дружеский привет.

Твой товарищ А. Лабриоза.

IV.

Porto d'Aschia (Невада).
7 августа 1896 г.

Дорогой друг!

У меня давно уже имеется „Господин Фогт“ и „Deutsch-französische Jahrbücher“ (заплачено сорок восемь и сорок пять марок!).

„Neue Rheinische Zeitung“ и „Neue Rheinische Revue“ (Лондон 1850) являются единственными годиками для использования редкостями социалистической литературы, которых мне не достает. При их наличии я мог бы работать дома так же, как если бы я был в специальной парижской библиотеке.

По поводу себе тебе совет. Я знаю, что на „N. Rh. Zeit.“ существует очень большой спрос. Об этом мне писали многие торговцы старыми книгами. Мне известно также, что полных экземпляров

используют почти ни в одной научной библиотеке. Например, библиотека Британского музея не полна.

При таких обстоятельствах, по моему мнению, вполне было бы некоммерческим предприятием, если бы издательство „Verwürfels“ нашло возможным выпустить новое издание в анатипатической рецензии. Я недавно видел сообщение о том, как один итальянский профессор дал напечатать свою книгу анатипатическим способом именно в Германии, и цена за лист оказалась действительно немецкой.

Держу пари, что как только издательство „Verwürfels“ сообщит о переводе, это получит большое количество заказов. Издание будет, конечно, рекламировано во всех партийных газетах. Даже в Риме я почти могу поручиться за этот экземпляр.

Для того, чтобы сбыт был легче, было бы хорошо выпускать Monatshefte постепенно, так, чтобы подонечники получили все издание только в течение 8–10 месяцев.

Я произвел калькуляцию толики на 100 экземпляров (это минимум при анатипатическом воспроизведении), и я уверен, что не только были бы покрыты расходы, но и оказалась бы сверх того небольшая прибыль.

Подумай же об этом. Я считаю, что „Neue Rheinische Zeitung“ еще для многих очень поучительна.

В ближайшем времени у Жира и Бриара появится французский перевод моего очерка „Об историческом материализме“, посланного тебе в свое время; перевод выйдет в одном томе с более ранним очерком „К юбилею Коммунистического Манифеста“.

С самым торжественным приветом

Твой А. Лабриоза.

V.

9 августа 1896 г.

Дорогой друг!

В конце этого месяца я пошлю „N. Rh. Zeitung“ обратно. Теперь одна просьба. Мне настоятельно необходимо приобрести „N. Rh. Zeit.“, тем более, что в ближайшем академическом году (1896–97) я буду заниматься революционной эпохой 1848–1850 гг. Я инчу ее повсюду. Можешь ли ты помочь мне? Несколько месяцев назад один экземпляр предлагал Лоренц (Лейпциг) за сорок марок. Я звонил ему по телефону. Он был уже продан. Я готов заплатить, на наличнымиライブную цену.

С дружеским приветом

Твой Ант. Лабриоза.

VI.

18 августа 1896 г.

Дорогой друг!

Поздравляю тебя по поводу твоей речи, т.е. твоего отчета на Лондонском конгрессе (прочт в „Vorwärts“). Что касается Англии — со всем согласен. Тред-юнионы суть то, что они суть, т.е. то, чем они сделались исторически (после крушения чартизма и старого Интернационала). Но английские социалисты... сектанты, а их дух приемы затрудняют обращение к тред-юнионистам.

Твой А. Лабриоза.

VII.

28 августа 1896 г.

Порт-Элизия (Невада).

Дорогой друг.

Неприятный курсье, „Critica Sociale“ (№ 16 от 16 августа) говорит (в статье на 4 столбцах, написанной Турали по поводу Лондонского конгресса), что итальянская социалистическая партия не была представлена в Лондоне; что явившиеся в Лондон итальянцы не были избраны ни конгрессом (по Флоренции), ни национальным советом, ни секциями партии; что это были господа, у которых в кармане находилось достаточно денег, чтобы совершить поездку в Лондон, и что большинство из них — анархисты.

Мой привет.

Твой А. Лабриоза.

VIII.

Порт-Элизия, 19 сентября 1896 г.

Адрес в Риме с 1 октября, Corso Vittorio-Emanuele, 23.

Дорогой Фишер!

Сегодня утром отправлена отсюда „Neue Rheinische Zeitung“. Три почтовых посыпки, застрихованные в общей сложности в 900 фран.

Я отправил бы газету раньше, но здешний (единственный) почтовый чиновник ничего не знал о подобных отправлениях. Он должен был написать в Неаполь. У него отсутствовали необходимые сопроводительные бланки и ярлыки для наклейки. На этих блаженных островах знают только лимоны, альпийки и отличное вино.

Я не могу обйтись без „Neue Rheinische“. Если ты найдешь случай предложить мне экземпляр этой газеты, напиши немедленно. Я буду тебе всю жизнь благодарен.

Я скотч заплачу даже высокую цену.

Будь так добр, передай мое благодарность Шиппелю. И заби его адрес.

Твой Ант. Лабриоза.

Учение Гегеля о „действительности“.

Мы Гегеля, конечно, обйтись невозможно, но при этом нужно время, чтобы его переварить*. Поговорим, скажем и К. Шимшу 1/ХI—91 г.

Группа рецензентов и сотрудников журнала „Под Знаменем Маркса“ должна быть на мой взгляд своего рода „обществом марксистических друзей“ Гегеля*. Гегель и „О значении немецкого материализма“, „Под Знаменем Маркса“, № 3 за 1922 г.

В наше время, время бурной практической борьбы, философия, а вместе с ней и Гегель находятся в затоне. Своесознанный инглизизм, свойственный всякому революционному классу, проникающий под час в отчужденную отрицанием старой культуры, подчас в быте, особенно молодежи, и т. д., находит свою высшее упрощенное выражение в том теоретическом и практическом подходе на философии, свидетельским которого мы являемся.

Одни с великолепным презрением отменяют ее, другие, отвечая противоречием, задают ей вопросы, упрощают и наращивают третий, напоследок, с величанием благодушием и синекдоческостью отсылают к философии истории мировоззрения. Но глубоко ошибаются тот, кто на основании этих поверхностных и недолговременных явлений выносит окончательный приговор философии. Как раз у нас, в стране, в которой у власти стоит пролетариат, происходит сейчас разрывом разумом и глубине разработка марксизма. В нашей стране марксисты изучают не десятки и сотни в вынужденные и тяжелые досуги тверды и ссылки, а десятки тысяч в учебных и учебных государственных учреждениях. Опыт революционной борьбы заменил с успехом пролетариату кропотливую работу деревореволюционных пропагандистских кружков и сократил его путь „овладения“ марксизмом. Только безнадежно-слепой человек не видит, что молодежная работа, происходящая в наших вузах, кружках и школах готовит новую эру в марксизме. Мы говорим новую эру, потому что дело не только в том, что у нас будут десятки и сотни тысяч грамотных марксистов,—изучение и обобщение огромного опыта нашей революции, разработка марксизма и его источников в стране победившего пролетариата обзывают и новое продолжение марксизма. Речь идет, конечно, не о ревизии. Мы показали на практике, что мы являемся единственными организованными последователями марксизма. Речь идет об углублении марксизма и об овладении им всей совокупностью современного знания.

Расцвет марксизма означает, конечно, и расцвет марксистской философии. Наше марксистское отношение к марксистской философии является не только теоретической, но и политической ошибкой.

Никто лучше нас не знает, как тесно связана теория с практикой. И вместе с тем мы отдали десятки тысяч рабочих в жертву буржуазной философии. Разве мы не знаем, что наши сцены в учебных заведениях всеми силами контрабандой привозят учащимся буржуазные философские идеи? А что мы этому противопоставляем?

Или ничего, или гомеопатические дозы да и не марксистской философии, а некоей философской кашине.

Подобный философский либерализм, правильней — ханжизм, отдаёт фактически дела философского воспитания наших вузовцев в руки буржуазных идеологов.

Нужно представить, что тысячи, десятки тысяч рабфакацев, стремящихся в кратчайший срок, хотя бы ценой упрощения, овладеть выводами марксизма, потребуют, по мере совершенства первоначального накопления подлинных знаний, философского обоснования этих выводов, ибо «мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать сорьбы против написка буржуазных идей и восстановления буржуазного мироустройства»⁴.

К этой борьбе нас может подготовить только Гегель.

Наша работа и является попыткой разобраться в учении Гегеля о «действительности», излагаемом им в 3-й книге «Науки логики», в неопредметной связи с марксизмом.

1. Гносеология (теория познания).

Такая попытка представляет свои специфические трудности. Дело в том, что сама «Наука логики» Гегеля находится, может быть, вопреки собственной воле его, в двух плоскостях. С точки зрения развития его системы, «Н.Л.» является неопредметным продолжением «Феноменологии духа».

В同一 время находятся многие, которые с превеликим торжеством провозглашают, как последнее слово марксизма, снятие гносеологической проблемы. Несмотря на некоторые замечания Плеханова и Ленина, выльывающие гносеологическую проблему в систему марксизма, разоблачение ее является, по нашему мнению, шагом вперед в области марксистской философии.

Однако этот первозворот в понимании философии был произведен более ста лет назад Гегелем, именно его «Феноменологию духа».

Все предшествующие ему философии были в беззходных притворничках и тщетно пытались разрешить вопрос об отношении мышления к бытию. Несмотря на все различия систем, начиная от Локка и кончая Бальтом, у всех у них был общий коренной пункт. Они брали окаменевший момент исторического процесса познания, разлагали его на элементы и из этих элементов пытались объяснить и конструировать отношение мышления к бытию.

Потом знания абсолютны только как процесс, состоящий из относительных моментов. Если на рынке цена представляется не относительно к стоимости и моментам, то виновен исследователь, который окрестил бы $\frac{1}{2}$ -ий момент, не ценой бы закона цены. Оспеленный одним моментом действительности, он не понял бы никогда абсолютной действительности, которая представляет собой единство многих моментов. Ему ничего не оставалось бы сделать, как вытащить из кар-

мана догматически предрассудки своей среды, чтобы произвигнить их научным результатом исследования. Таково проявление всемирно-исторического фетишизма в области науки.

Таким фетишизмом всякого классового общества, в частности капиталистического, за исключением тех исторических моментов, когда буржуазия представляет собой фокус общественной революции, является религиозное мышление, т.е. расщепление действительности на имманентную общественной практике, лежащую в ее пределах, и трансцендентную, лежащую вне пределов общественной практики, непознаваемую. Непознаваем закон общественных отношений объясняется принципиально потусторонним и персонифицируется в боже и чарте. В философии этого всеобщий религиозный фетишизм находит свою специфическое выражение в постановке гносеологической проблемы: «Как возможно знание», «Как возможно единство бытия и мышления?».

Уже в самой постановке вопроса кроется противоречие. Знание есть демонстрация единства мышления и бытия. Поставить вопрос об этом единстве может только тот класс, который в своем духовном бытии имеет до исследования догмат о расщеплении действительности.

Равно Гегель не дал всеобщий ключ к раскрытию фетишизма в гносеологической проблеме своим замечанием:

«Она пошла так же далеко, как Пилат, римский проконсул, который, услыхавший из уст Христа слово: истина, спросил его: „Что есть истина?“, как человек, который решил этот вопрос и не сомневается, что знание истины невозможно».

Отдельный момент знания относителен, но то, что сегодня относительный, приближается занято к абсолютному. Логический анализ гносеологической проблемы вполне подтверждает предыдущее.

Если решать вопрос об абсолютности знания анализом отдельных элементов его, порочный круг немыслим.

Сомнение является методологическим началом всех систем, предшествовавших Гегелю, но только Ю. остался до конца верен ему. Поэтому результатом его исследования был скептицизм. С большим правом, нежели Кант, он может быть назван отцом критической философии. Результат анализа элементов знания логически всегда предрешает исходный пункт.

Гегель первый из философов нового времени разрешил этот вопрос. Он показал единство мышления и бытия как процесс всеобщно-исторической действительности. В коллективной общественной деятельности это единство осуществляется. В результате его «Феноменологии духа» это единство из единства в себе стало единством для себя, т.е. осознанным. Этак он не только разрешил гносеологическую проблему, но и снял ее. Знаменитый тезис Маркса: «Вопрос о том, способно ли человеческое мышление познать предметы в том виде, как они существуют в действительности,—всегда не теоретический, а практический вопрос». Практикой должна доказать человеку своего мышления, т.е. доказать, что оно имеет действительную силу и не останавливается по со стороны явления. Спор же о действительности или недействительности мышления, изодиющегося от практики, есть чисто скользящий вопрос,—является выводом из «Феноменологии духа».

Философия превратилась у Гегеля в общую методологию, в науку об общих законах действительности, каковой и является «Н.Л.».

⁴ Ленин. О значении констатации чистоты языка.

2. Место „Науки логики“ в системе Гегеля.

Считается установленным, что сам Гегель вышёл в противоречие в определении места, которое „Н. Л.“ занимает в его системе. Нам кажется, что мы имеем дело не с логическим противоречием, но с двумя разными аспектами. В системе знания „Н. Л.“, конечно, следуют за „Феноменологией духа“. В „Ф. Д.“ Гегель подводит итоги всему предшествующему развитию своей философии и только после этой работы приступает к наложению своей философии на „Н. Л.“. Результатом „Ф. Д.“ является установление единства бытия и мышления, и этот результат делается, в свою очередь, исходным пунктом „Н. Л.“. Это настолько ясно, что особо доказывать нет никакой необходимости. Но, с другой стороны, путь „Н. Л.“ является у Гегеля становлением самого обезличенного господства абсолютного духа. Этот «внешненный» (абсолютный) дух преобладает, конечно, вне времени и пространства! онтологический акт в системе метафизики является, конечно, предисловием к „Ф. Д.“. Если разделить познавательную и метафизическую точку зрения, то никакого противоречия не получается. Но Гегель былглашателем абсолютного духа, правильнее, им самим. Противоречие получается из его стремления отождествлять путь возникновения конкретного, т.-е. действительности, в знании с метафизическим путем возникновения самой абсолютной действительности.

Конкретно потому конкретно, что оно заключает в себе множество определений, являясь единством в многообразии. В мышлении оно выступает как процесс соединения, как результат, но не как исходный пункт, хотя это является исходным пунктом в действительности и следовательно, также исходным пунктом наглядного созерцания и представления. Если идти первым путем, то полное представление испарится до степени абстрактного определения; при втором же абстрактные определения будут к воспроизведению конкретного путем мышления. Гегель поэтому поддается иллюзии, что реальное следует понимать как результат восходящего к внутреннему единству (*des sich in sich selbst*), в себя углубляющегося и из себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление устанавливает себе конкретное, воспроизводит его духовно, как конкретное. Однако это не в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного¹⁾.

3. Расщепление пути „Н. Л.“.

Процесс познания категорий действительности является у Гегеля также и процессом их осуществления в действительности. Если бы Гегель стремился дать только познавательную часть, систему законов действительности, он, может быть, достиг бы совпадения категорий знания с категориями действительности на всем протяжении своей „Н. Л.“. Однако он стремится вместить в развитие категорий также и критику философских систем. Поэтому подчас категории знания в своем развитии искусственно выводятся на путь, на который

объективная действительность и не вступает. В таких случаях путь „Н. Л.“ расщепляется. Категории, оставляя почву действительности, движутся в исторической сфере науки о знании. Совершенно там свою разрушительную работу, они снова сливаются в своем шестини с абсолютным миром.

Это расщепление путей логического понятия чрезвычайно важно для попыток строить марксистскую логику на базе гегелевской. Все три книги „Н. Л.“ имеют в своей архитектуре следующее формальное тождество: каждая состоит из трех отделов: категория первого отдела переходит в категорию второго, и затем обе обмениваются и синтезируются в категории третьего отдела.

„Логика“ изображает путь „Бытия“, „Качество“ которого написано в „Количестве“ своих „Меру“, „Сущность“ этого „Мертвого бытия“ обрета в своем „Изменении“ свою „Действительность“; „Понятие“ этой „Живущей Сущности Мертвого бытия“, самоопределяясь, опускается от неопределенной „Всебоенности“ к слиянию с „Единичностью“, выстремляясь себе через „Первородство“ спекулятивное „Слияние“ и развернуто на этом пути свою „органическую“ природу, в которой „идеальное“ соединяется с „реальным“; так сложилась „Идея“, как тождество идеального и реального. „Идея“ есть реальная „Жизнь“, соединяющая с идеальным „Знанием“, т.-е. жизнью всеобъемлющая система смыслов, или „Истина“; живая, реальная „Истина“ есть, очевидно, первое „Благо“, и сопадение их порождает последнее упомянутое, процесс „Абсолютную Идею“.

Однако это формальное сходство движения категорий, стоящее огромного труда Гегеля и требующее огромного напряжения при его изучении, маскирует глубокие различия в переходах отдельных групп категорий.

В первом книге,— в „Бытии“,— категории: количества, качества и мера являются одновременно категориями знания и действительности. Хотя качество и количество отмечены в мере, они отмечены не как функции резонирующего рассудка, но как метафизические сущности. Они сохраняют объективное существование как несамостоятельные моменты. Качество имеет объективное существование, ино не может существовать вне количественного определения. То же самое о количестве: чистое количества это абстракция. В своем единстве, мере, оба момента содержатся и сохраняются полностью. Качество, количества и мера содержатся по психике изменения.

Мы думаем, что было бы чрезвычайно целесообразно эту группу категорий диалектически назвать категориями изменения.

Категории качества и количества составляют уже завоеванные, неотъемлемые категории марксистской диалектики. Категории меры не отягчены классиками марксизма, хотя они постоянно пользуются ею. В естествознании мера занимает такое же место, как количества и качества, т.-е. без ее естествознание немыслимо.

Наименее приемлемое применение категории мера имела в общественных науках. Здесь перед нами один из тех путей, по которым должно идти дальнейшее развитие марксизма.

Совсем другую картину представляют собой обе последующие книги „Н. Л.“ Ни категории рефлексии, ни категории явления не имеют объективного существования. В мере логический процесс отделяется от почвы действительности и на протяжении первых двух отделов „Сущности“ вытесняет в сфере исторической критики рассуждения теории познания. Только в третьем отделе он опять позвращается

¹⁾ Н. Гегель, Философия Гегеля, т. I, стр. 195.

к объективному миру. «Рефлексия» и «Явления» представляют собой критику рассудочного восприятия мира, по преимуществу критику Канта. Было значение этих отделов заключается в уничтожающей критике этих категорий, в доказательстве того, что они не имеют никакого объективного существования. Это уже не категории действительности, но ложные категории познания. Категории «Рефлексии» и «Явления», синтезируясь в «Действительности», отмежевываются в ней не только, как самостоятельные сущности, но попросту как фикции¹.

Поэтому, во 2-й книге 1-ой части метафизический путь становления абсолютного отделяется от пути становления категории знания. Категории знания покидают своего спутника в «Рефлексии», чтобы выполнить свою частную задачу, воссоединиться с ним в «Действительности».

Вот почему в диалектике марксизма нет и не может быть категорий сущности и явления (в картезианском смысле). Они не встречаются в «Анти-Эпистеме»; а еще более показательным является тот факт, что Маркс не прилагает этих понятий в 1-ой части III-го тома «Капитала», где на первый взгляд они больше всего уместны.

В тех же случаях, где Маркс и Энгельс употребляют эти выражения², они прилагают к ним, как к общепринятым понятиям, но не как к показательным категориям.

Мы приходим к выводу, что только в 3-ем отделе 2-ой книги Гегель возвращается к категориям объективного мира.

Если категории: количества, качества и мера имеют смысл назвать категориями изменения, то категории действительности следует называть категориями отношения. Однако и в третьем отделе Гегель не сразу переходит к ним.

4. Абсолютное.

Гегеля можно сравнять с большой рекой, которая на своем пути волочит в себе все руины и потоки действительности. Его философия есть результат исторического развития человечества. Поэтому он и не может ограничиться изложением своей системы, но должен показать ее как завершение предыдущих. Прежде чем перейти к категориям «Действительности», т. е. абсолютного бытия, он переплывает, как материал, как предмет производства, в доменной печи своего интеллекта: понятия абсолютного, лоботмы прелестническими. И, главным образом, он останавливается на Спинозе.

На первых шагах может показаться, что в марксизме категории абсолютного, в том духе, как здесь трактует Гегель, даже не встречаются.

Мы говорим об абсолютных истинах, но об абсолютном, как о таковом,—ничего. На самом же деле вопрос об абсолютном поднимается у нас, как вопрос о матери. В нашей борьбе с философскими врачами, особенно из маехистского лагеря, мы логикой спора вынуждены притянуть к определению» матери.

«Вобщем, самая слабая сторона этого критерия, который т. Бельтюков считает достаточным для определения «материалистичности» философских взглядов, заключается в его смутности и расплывчатости.

¹ Это не значит, конечно, что эти отделы являются кустарными страницами для марксистов; и во них многое должно быть заменено для нашей диалектики.

² Напр., Затем в статье о «Капитале».

ности. Понятия «природы» и «духа» настолько неопределены, их антипод может быть принят в таких различных смыслах, что строить на этом базисе основную характеристику мировоззрения совершенно невозможно; или же надо заранее дать ясные и точные определения обоим понятиям, чего тов. Бельтюков не делает и что чрезвычайно трудно выполнять в действительности³.

Однако Бельтюков это определение дает: «В противоположности „духу“, „материей“ называется то, что, действуя на наши органы чувств, вызывает в нас те или другие ощущения»⁴. Это определение является общепринятым в марксистской литературе. Надо все же признать, что это определение матери, давнее уже материализма XVIII в., будучи само по себе первым, черезчур бедно и требует дополнений. Анализ абсолютного Гегелем указывает путь, которым мы должны идти для более полного определения матери.

Большую попытку определения абсолютного в начале философствования Гегель считает бессмысленной, ибо абсолютное это все, пущин, в котором нечего никак определить. Абсолютное не может быть определено, оно может быть только изложено. Процесс познания абсолютного, который происходит в «Н.Л.», есть самоизложение, деятельности абсолютного. Абсолютное есть деятельный разум, оно всегда в движении, поэтому lastvishenе определение не может его охватить. В его истинном изображении это изложение есть достижение покуда целого логического движения бытия и сущности, содержание коего не выражено иначе, как нечто давнее и случайное, различным образом не выражено путем внешней ему рефлексии в пачину абсолютного, но определило себя в нем через свою внутреннюю необходимость, и, как собственное становление бытия, равно как рефлексия сущности, возвратилось в абсолютное, как в свое основание⁵.

Гегель приводит душой, он не хочет сознаться, то в «Н.Л.» чуть самого абсолютного не соединяет подчас с путем его познания. Мы же запоминаем словесной экивокистикой, которой он пытается спасти положение. Для марксизма здесь ценен тот вывод, что определение абсолютного возможно и достигается только через процесс его познания.

Однако для марксизма становление познания и становление абсолютного совершаются различными вещами. Абсолютное для нас—данное, правильное—предназначенное (т. е. существующее объективно до процесса познания и помимо него), и наш путь познания есть именно путь деятельности внешней рефлексии. Поэтому критика Гегеля Спинозы приобретает для нас огромное значение.

5 Спиноза и материализм.

Вопреки многим философам, даже марксистам, Гегель сквозь шелуху логистико-рационалистического метода Спинозы ясно видит его эмпирико-материалистическое содержание. Хотя Спиноза начинает с абсолютного, Гегель утверждает, что оно существует, он начинает с макуусов, с конечного, и от них постепенно восходит к абсолютному. Та система Спинозы носит ярко эмпирический характер. Утверждая множество атрибутов, Спиноза в самом деле чисто эмпирически останавливается только на двух.

¹ Бородавков, Энциклопедия, кн. III, стр. XIII.

² Бельтюков, Краткая пропагн., стр. 23.

³ Гегель, «Н.Л.», кн. 2, стр. 118.

Гегель принужден с явным сочувствием излагать деятельный закономерный и имманентный характер спинозовской субстанции: Всё его критика направлена на один только пункт: «Спиноза есть потому недостаточная философия, что в нём рефлексия и его многообразное определение есть внешнее мышление. Субстанция в таком системе есть одна и субстанция, одна первоэлементная, но не содержитась бы в этом абсолютном... Определенность есть отрицание — и таков абсолютный принцип спинозовской философии, этот истинный и простой взгляд обобщает «абсолютное единство субстанции». Но Спиноза становится на отрицание, на определенности или качестве, он не приходит к понятию его, как абсолютного, самоотрицающего отрицания, поэтому его субстанция не содержитась в себе самой абсолютной формой, и, если понимание не есть имманентное познание. Иправда, субстанция есть абсолютное единство мышления в бытии или проявлении: таким образом в ней содержатся само мышление, но лишь в его единстве с проявлением, т.-е. не как отдельные себы от проявления, тем самым вообще не как определение и формирование, разно не как возвращающееся в себя и назначающееся из самого себя движение. Вследствие этого субстанция отстает, лишает понятия личности, ибо

Эти рассуждения должны быть разобраны с полной искренностью, ибо они могут дать повод к несправедливому пониманию точки зрения самого Гегеля. На первый взгляд возражения Гегеля позволяют думать, что сам он站在 на почве тождества мышления и бытия. Так его и рекомендует Плеханов в своих «Основных вопросах». В самом деле удар Гегеля направлен на примат бытия, противопоставленный мышлению, которая на своем генетическом умом разладила в системе Синтоза (того, кстати, не хотят или еще не умеют сказать) со сформированными мышлениями.

В системе Гегеля мышление является исходным пунктом. «В начале было слово». На известной ступени своего развития дентальный дух отчуждает себя в природу, чтобы затем в общественном самоосознании вернуться после длинного пути опять к себе. Гегель не отрицает материальной природы, но считает ее продуктом духа. У Спинозы же мышление есть не «возвращающееся в себя и начинаяющее из самого себя движение». Протяженность, бытие, является для мышления данными, отчего и субстанцииличности характераличности, ибо личность есть самосознание.

Критик Гегель убеждает нас в том, что Спинозовское понимание субстанции является не только диалектическим, но и материалистическим, и оно вполне примечено для марксизма. Нужно только добавить себе труд отдельно письму от ядра. Неважно также гегелевские упреки, что субстанция «заподлицо» мертвична и неподвижна. Его субстанция есть и субъект в марксистском понимании этого слова, або он есть сама мысль (принцип самой себя), она действительна и исключает всякую трансцендентность.

6. Определение матери-

Итак, категории бытия и сущности, которые присущи в И. Л.-категориям "действительности", показывают, определяют само абсолютное, но не вполне. Они моменты абсолютного; они предстают еще, употребляя узкое выражение Ильина, как моменты "всего-то-

Detailed description

тельность, субъективность и объективность, излагаемые Гегелем в 3-ей книге "Н. Л.", и найти только в идеи свое полное конкретное выражение, как полноте всех своих развитых моментов.

Таким образом, определение абсолютного возможно только как результат философского исследования. Я думаю, что только так марксизм и может подойти к определению материи. Материя — это, переведенная на материялистический язык, гегеновская абсолютная идея (только не законченная, неокомплексная), все — моменты ее определение.

1. *Causa sui* (мыслимое не есть *causa sui*, оно возникает в материи на определенной ступени развития; исследование этого вопроса, это—область естествознания)

2. Категории изменения: качество, количество, мера.
 3. Категории отношения: бесконечная деятельность, основа.

- Бесконтактное или взаимодействие без контакта.

Мы ограничимся указанием моментов определения материала, не удалось в настоящее время сформулировать их в полное определение^{3).}

7. „Действительность“.

* Красина Е., Церстинельности*. Гоголь

„Как такое носящее само себя движение изложения, как вид и способ, который есть свое абсолютное тождество с самим собой, обнаруживание не чьего либо внешнего, но противоположного другому, но иного, абсолютного проявления себя для себя самого, абсолютное есть беспрестанность.“¹⁾

Идеи совершенно ясно, что Гегель понимает под действительностью. Так как это понятие определяено у него критическим расчленением понимания мира, то смысли моментами его оказываются в себе (сущность, основание и т. д.) и явление. Его основной задачей является уничтожение бледного кантовского призрака, венца из себя. Поэтому он и налагает на действительность, как на единство единства и различия.

Особый интерес приобретает для нас различение бытия и действительности. Известны ли и для марксизма "бытие" и "действительность" таким различием, каким оно есть?

«Литература не есть действительное; оно есть первая непосредственность»⁵). Для него это имеет тот смысл, что качество есть первое и неотъемлемое линзовидное чувственное восприятие. Всякое знание отличается от качественного восприятия объекта. Но качество объективно, реально; не только для марксизма, но и для Гегеля. Поэтому же категории бытия резко отмежевываются Гегелем от категорий сущности-действительности:

Бытие есть качественное многообразие мира и законы его изменения. Здесь единство бытия, его нерасчлененность на имманентный и трансцендентный мир, господствует безраздельно, но господствует беспорядочно. Единство является не результатом преодоления разнодушной точки зрения, но вопрос о нем напрямь отсутствует.

В Ми, конечно, не думаем, что историей полностью все моменты борьбы изучены. Нам хотелось знать наш метод изложения в противоположность глохозовому, в котором под глыбами борьбы с капитализмом и империализмом пребегала Ильинская линия.

Perry 41, 1200 ft., (Tp. 121,

For $\alpha \in \mathbb{C}$, $\beta \in \mathbb{R}$ we have

«его непосредственность не есть бытие в себе и для себя», оно еще во всемирно-историческом опыте не выстрадано. Поэтому необходимым результатом его развития является «вторжение расудочной рефлексии и переход в сущность»). И уже, как результат развития категорий сущности, единство восстанавливается в действительности, как определенное, как единство в себе и для себя.

Наложенный ход мысли Гегеля несдороп, но только с точки зрения историко-философской. Вспомним, что для Гегеля путь знания, называемый им в „Н. П.“, является одновременно и путем становления абсолютного духа. Поэтому для него каждая книга представляет известную ступень в развитии не только знания, но и самой абсолютной, т. е. объективной, действительности.

С точки же зрения марксистской, т. е. соотвествия объективному миру, различия категорий бытия и действительности является ничем не оправдываемым увлечением объективности. Для Гегеля такое разделение было неизбежным результатом стремления отождествить путь знания объекта с путем становления его. Тогда времена, которая может дать ключ к социальному-вещественному философу Бонгданову, не приемлемы для марксизма. Нам кажется, что для марксизма понятие бытие, действительность, абсолютное—является символичными выражениями одной и той же категории.

Переходя к категориям отношений действительности, Гегель говорит, что раньше всего действительность есть бытие вообще, различные факты, или, как это хорошо выражено Розенкранзом: „...die gesamte Wirklichkeit, mit welchem Ausdruck wir nicht einen Tadel, sondern nur die allgemeine Gleichheit aller Erscheinungen in der Äusserlichkeit ihres Daseins aussprechen wollen, als in welcher das Höchste und Edelste im Inneren nicht weniger ein Äusseres ist, als das Niedrigste und Verworfenste, jedes ist eine Thatsache und eine Thatsache ist, wie Tallyrand sagte, brutal...“).

8. Формальная возможность.

Но так как действительность не является кладбищем скученности всех фактов, но деятельность, то в ней, помимо непосредственной наличной действительности, содержится действительность in potentia, возможность.

Так как деятельная действительность это деятельный разум, то отвлеченно взятая возможность, имея связи со всей совокупностью различных фактов, прерывается в основной логике доктрины Платоновского рационализма; то, что возможно, что не противоречит себе в понятиях,—возможно и в действительности. Вот на эту-то возможность,

1) Для более полной представления читателя, вспомнимо с „Научной логики“, мы изложим ее структуру. „Н. Л.“ состоит из 3-х книг: 1-я часть: „Небесная логика“—2 книги, в 2-й части: „Субъектная логика“—1 книга. Каждая книга состоит из 3-х отделов. В каждом отделе говорится об одном категории. Первым отделом категории и другим прослеживается связь с результатами предыдущих разделов логики Гегеля, Гегель называет это привлечением края к центру. Называя книгу „Учение о категориях“, Гегель пишет: „Это учение является в отдельных категориях, различно, т. е. в книге „Учение о существах“: сущность, как реальность в виде самой, линии, действительность. В 3-й книге называется—„Учение о действиях“ как учение о навыках“, ее отделы: субъектовости, объективности, и т. д.

2) Rosenkranz, Wissenschaft der logischen Idee, N. 432—432.

... общими действительностями, что образуют не зеркала или зеркальные, но зеркальные разности всех явлений и их внешних существования, так что внутренне нисходящего и благороднейшего является также ее внешний быт, как и начало и прерывание, какое оно имеет быть факт, а факт, как сказал Талейран, существует...

которую Гегель называет формальной, он обрушивает свою критику, напоминающую критику Канта в его „Versuch den Begriff der negativen Grössen in die Welttheitheit einzuführen“.

Возможность есть тождественное отношение какого-либо содержания к самому себе без момента объективизации. Поэтому она является субъективной формой чего угодно: в смысле этой формальной возможности возможно все, что не противоречит себе; кардинальной возможностью есть потому бесконечное многообразие¹⁾. Но оно содержит также и противоречие. Если A = A, то —A = —A, т. е. если возможно многообразие со знаком +, то не менее возможно и многообразие со знаком —. Каждый предмет содержит не только многое, но и противоположные определения: перво- содержит в себе возможность быть стеблем, но в такой же степени и невозможность этого, это оно может превратиться и в муку. Таким образом формальная возможность оказывается, как это уже доказал и Бант, пустым тождеством. „В самом деле возможность есть пустое и отвлеченное соотношение предмета к самому себе. Это то же самое, чем был внутренний элемент сущности²⁾“...

Розенкранз пробует доказать, что формальная возможность имеет положительное значение, она имеет даже способность сбрасывать людям огромную силу: узник может пытаться наделить на свободу, большинство—на вынужденное—формально их надеждам ничего не противоречит. Такое спонтанность, конечно, не имеет ничего общего с Гегелем, и для нас категория формальной возможности никакого ни теоретического, ни практического значения не имеет. Формальная возможность представляет для Гегеля историко-философский экскурс. Особенно ясно это подтверждает „Энциклопедия“.

9. Реальная возможность.

Реальная действительность, это—многообразие, которое потому действительна, что оно деятельно. Его деятельность заключается в отношении, в проявлении своей деятельности самостоятельного в другом. Действительность, это—вещь со многими свойствами, которая входит в многообразное отношение к окружающим вещам. В самой себе, многообразии своих свойств и отношений, она содержит реальную возможность.

Берно *in abstracto* (рассматриваемое абстрактно) содержит в себе величайшие возможности, но тоже только *in abstracto*. Берно, взятое в реальной действительности, имеет много реальных возможностей в зависимости от всей совокупности конкретных обстоятельств. Оно может упасть, если будет достаточно солнца, влаги и т. д., оно может уянуть, если этих условий не будет и т. д. и т. д.

Поскольку мы вникаем в определения, обстоятельства, условия некоторой вещи, чтобы новнять из них ее возможность, мы не оставляемся только на формальной, а рассматриваем ее реальную возможность³⁾.

Формальная возможность—это есть отношение, рефлексия содержания в само себя; реальная возможность—рефлексия в окружающее: реальная возможность некоторой вещи есть поэтому существующее многообразие относящегося к ней обстоятельств⁴⁾.

3) Гегель, там же, стр. 122.

4) Гегель, Аналитика, § 141, прокомм.

5) Гегель, там же, стр. 131.

Реальная возможность есть в то же время действительность. Как действительность вещь есть тождественное себе содержание, которому противостоит определенность формы, т. е. возможные определения взаимосвязи с окружающей действительностью.

Мы попытаемся иллюстрировать абстрактные рассуждения конкретным примером из нашей общественной практики. Мы имеем в виду дискуссию профсоюзов, и в частности статью г. Ленина «Еще раз о профсоюзах», о текущем моменте и об ошибках Троцкого¹.

На дискуссии 30 декабря он (Бухарин, С. Г.) говорил: «товарищи, на многих из вас споры, которые здесь происходят, производят впечатление, примерно, такого характера: приходит два человека и спорят друг у друга, что такое стакан, который стоит на кафете. Один говорит: „это стеклянный цилиндр“ и да будет предан анафеме всякий, кто говорит, что это не так». Второй говорит: «стакан, это инструмент для питья, и да будет предан анафеме тот, кто говорит, что это не так».

Этим примером Бухарин хотел, как видят читатели, подчеркнуть объективность мифа о односторонности. И приходим к тому: несение с благодарностью и, чтобы доказать делом миф благодарности, жертвовать популярным объяснением того, что такое эмблема в отличие от диалектики.

«Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти две свойства, или качества, или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и „определяющих“ во всем остальном мире. Стакан есть тяжелый предмет, который может быть инструментом для бросания. Стакан может служить для прессования, как помешивание для пивоварни бабочки, стакан может иметь ценность, как предмет с художественной реальностью или рисунком, совершенно независимо от того, годен ли он для питья, сделан ли он из стекла, является ли форма его цилиндрической или нет, сонгем, и так далее и тому подобное».

На этом пока прервем нашу иллюстрацию, мы вернемся к ней позже. Уже из этого видно, что возможность некоторой вещи зависит от бытия других действительных вещей. «Реальная возможность составляет свою совокупность условий перефакторизации в себе, расцененную действительность, определений которой однако таково, что она должна быть бытием в себе некоторого другого и воспроизводиться в себе»².

Реальная возможность имеет два момента:

1) депредестивная действительность — вещь, стакан, как различный факт без определений.

2) Другая непосредственная действительность, как условия разных возможностей первой вещи.

Когда все условия какой-либо возможности налицо, происходит определование (взаимоотношение, взаимодействие) вещей, и возможность переходит в реальную действительность. Реальная возможность не противостоит другой реальной возможности, ибо она зависит от полноты моментов, которые сама существует как действительные. Движение реальной возможности в реальную действительность есть взаимоопредельование уже существующих лиц-моментов.

Далее. Если мне нужен стакан сейчас, как инструмент для питья, то мне совершенно не важно знать, вполне ли цилиндрическая его

форма и действительно ли он сделан из стекла, но за то важно, чтобы в дне не было трещин, чтобы нельзя было порвать губы, употребляя этот стакан, и т. д. Если же мне нужен стакан для питья, а для такого употребления, для которогогоден всякий стеклянный цилиндр, тогда мне годится и стакан с трещиной в дне или даже вовсе без дна и т. д..

Можно перейти от стакана к профсоюзам и к платформе Троцкого.

«С одной стороны, школа, с другой, аппарат» — говорит Бухарин и пишет в своих тезисах. У Троцкого ошибка в том, что он „недостаточно защищает момент школы“... у Зиновьева — недостаток на счет момента и аппарата³.

„Почему это рассуждение Бухарина есть мертвый и бесцелевой эмблемат? Потому, что у Бухарина нет и темы поиски самостоятельной, со своей точки зрения, проанализировать как всю историю данного спора (марксизм, т. е. диалектическая логика, требует этого «взглянуть»), так и несвойственное постановки вопроса в данном времени, при данных конкретных обстоятельствах. Ни темы поиски у Бухарина не есть это. Он подходит без малейшего конкретного изучения с головами абстракциями и берет кусочек у Зиновьева, кусочек у Троцкого. Это есть эмблемат».

«Профсоюзы с одной стороны, школа; с другой — аппарат; с третьей — организация трудящихся; с четвертой — организация почты только промышленных рабочих; с пятой — организация почты только инженерных обоснований, никакого самостоятельного анализа у Бухарина нет и темы, чтобы доказать, почему надо взять первые две „стороны“ вопроса и предмета, а не третью, четвертую, пятую и т. д. Поэтому и тезисы Бухаринской группы — сплошь эмблематическая пустышка. Бухарин в корне неверен, эмблематически ставит весь вопрос о соотношении „школы“ и „аппарата“.

„Чтобы поставить этот вопрос правильно, надо от пустых абстракций перейти к конкретному, т. е. данному спору. Берите этот спор, как хотите: так ли, как он возник на V Всероссийской конференции профсоюзов, или так, как его поставил и направил сам Троцкий самой брошюре-платформой 25 декабря, и вы увидите, что весь полюс Троцкого, все направление у него неверно. Он не понял того, что надо и можно положить к профсоюзам, как в школе, и тогда, когда ставится тема „Советскому труду-лингвизму“, и тогда, когда говорится о производственном профсоюзном единстве вообще, и тогда, когда так ставится вопрос, как Троцкий, о „справцизации“, об участии профсоюзов в управлении производством. И в этом последнем вопросе, так, как он поставлен по всей брошюре-платформе Троцкого, неправильность состоит в непонимании того, что профсоюзы являются школой и администрацией-технического управления производством. Не „с одной стороны—школа, с другой нечто иное“, а со всех сторон — при данном споре, при данной постановке вопроса Троцким, профсоюзы есть школа, школа объединения, школа единицы, школа защиты своих интересов, школа хозяйствования, школа управления“⁴.

Реальная возможность это не есть механическое перечисление формальных возможностей, но такая совокупность моментов действительности, определение, взаимопроникновение которых переводят в действительность только одну и никакую другую возможность: реальная возможность переходит в реальную необходимость.

10. Реальная необходимость.

В условиях уже существующей, наличной действительности таится условия возможностей, которые по мере выражения с неизбежностью переходят в действительность, чтобы самим превратиться в условия новых возможностей: „...действительность постоянно движется. Она не остается неподвижной в своем бытии, ее непосредственное со-
столичие исчезает и обнаруживает свою сущность в новых формах; и во всех этих формах она остается той же самой действительностью“¹⁾.

Однако, на первый взгляд, эта возникающая реальная необходимость постает отвествительный случайный характер.

Необходимость превращения профессий в школу коммунизма не вытекает нынешне (непосредственно) из них самих, из их изолированного состояния, но также и из состояния промышленности, удаленного веса крестьянской экономики, классовой борьбы на Западе и т. д. Переход реальной возможности в действительность заключает в себе три момента: условия, предмет и деятельность.

1. Условиями в разбираемом нами случае является общественно-экономическая среда СССР, России и Запада в 1921 г.; это самостоятельный предмет деятельности.

2. Предметом являются сами союзы их численности, организованности, качественный состав людей и т. д.

3. Деятельность — запламяна общественной жизни, связывающей все эти самостоятельные действительности во взаимодействующий процесс.

При данных условиях предмет, профсоюзы, не могут быть ни чем другим, как только школой коммунизма. Но если бы какие-нибудь из этих условий изменились, то изменилась бы и роль профсоюзов: они могли бы сложиться и аппаратом управления промышленностью, органами государственной власти, и армии, и классовой борьбы с государственной властью. Таким образом тождественное себе содержание профсоюзов в зависимости от другой самостоятельной действительности, принимают определенную, ограниченную, одну из возможных форм, школу коммунизма. Но этот-то результат и поист-видимости случайность, а эта реальная необходимость видимость относительной необходимости. Но случайность доказательства в самой себе: с одной стороны, как случайность, она не имеет основания; с другой стороны, как единство с действительностью, она не поддается, т. е. имеет основание.

Эта видимость относительности необходимости снимается. Самостоятельные действительности, условия, не являются пассивной средой действия предмета, и отношение их к предмету не является внешними. Условия и предмет определяются взаимной действительностью. Это определение не есть внешнее, ибо деятельность есть единство внешнего и внутреннего, абсолютное, субстанциональное единство, при чем каждое самостоятельное само обладает характером необходимости. Тем самым ... переход необходимости есть скорее собственное изложение и абсолютного, его движение внутри себя, которое называет себя само в своем обнаружении²⁾.

Относительная необходимость обнаруживается как абсолютная субстанциональная необходимость.

С. Гончакан.

(Окончание следует).

¹⁾ Гегель, Эзопика., § 146, пред跋ие.

²⁾ Гегель, там же, стр. 137.

К вопросу об исторической реальности родоначальника древнего материализма.

Вопрос о том, кто был родоначальником древнего материализма, Левкин или Демокрит, давно занимает филологов и историков философии. Страгония история философии, не сделавшая ни шага дальше от Аристотеля, представляет себе дело так, что система atomизма во всех своих существенных чертах была измечена Левкинионом и развита в отдельных областях знания его учеником Демокритом. Левкинину приписывается, обычно в силу аристотелевских традиций, столь почтимые Дильтом два сочинения: о „великом миростроении“ и „разуме“. Но в то время как подлинности, напр., первого из них уверяется Теофрастом, Эпикур, современник Теофраста, отрицал даже существование какого бы то ни было философа Левкинина. С другой стороны, мы имеем список сочинений Демокрита, составленный Трасиллом по тетралогиям (т. е. по группам в четыре названия). Его „физические“ тетралогии выглядят таким образом:

1. Великое миростроение (то самое, которое Теофраст приписывает Левкинну). 2. Малое миростроение. 3. Космография. 4. О планетах.

И. 1. О природе, первая книга. 2. О природе человека (или об органическом теле), вторая книга. 3. О разуме. 4. Об опущениях „о лунах“.

Таким образом Трасилл указывает те же самые два сочинения, но в числе произведений Демокрита, при чем, называя „великое миростроение“, он даже добавляет „то самое, которое Теофраст приписывает Левкинну“. В геркулановых свитках также имеется косвенное упоминание (говорят, что...) на признаваемость этого произведения Левкинну³⁾. Свина считает подлинными сочинениями Демокрита только два и в их числе это „великое миростроение“. Неудивительно, что подобные разноречия в свидетельствах всегда были в литературе поводом к ожесточенным спорам. Эрини Роде и В. Нестле столь же горячо и безоговорочно отвергают историческую реальность

³⁾ Стэйнерт, Коллокс, 147. FVSL. 387.5.

Левкинина и утверждают принадлежность „великого мистро-строения“ Демокрита, сколь горячо и безоговорочно признают историческую реальность Левкинина Дильс, Гомперц, Диор, Зумелин¹⁾ и подавляющее большинство новейших философов и историков философии, следующих авторитету Диляса.

Чтобы разобраться в вопросе о подлинности сочинения о „великом мистро-строении“, естественно, следует так или иначе решить эту наделенную многою хлопот в литературе проблему „левкинина“.

Все наши биографические сведения о Левкинине изчерпываются следующими словами Диогена Ларского: „Левкинин происходил из Элеи, по мнению других из Абдери, а по мнению некоторых—из Милета. Он слушал Зенона²⁾. Собой говорит: „Гражданин Милета“³⁾. Теофраст говорит (у Симиллиса): „элеец или милетин—о нем говорят и то и другое“⁴⁾. Эннапин повторяет: „милетин, а по мнению некоторых—элеец“. Псевдо-Дион в „истории философии“—более определенно: „Левкин Абдерянин“⁵⁾.

Следовательно, ничего определенного о родине Левкининя не было известно уже в древности. Все эти противоречивые туманные сведения, повидимому, добились гораздо позже: к свидетельствам Аристотеля, при этом, очевидно, руководствовались или тем, что Теофраст делал Левкинни учеником Зенона или Парменида, и связывали его имя с Элеей, или же тем, что Аристотель рисовал его, как ученика Демокрита, и выводил его из Абдери, или же тем, что по некоторым свидетельствам Милет был родиной Демокрита, и потому связывали его имя с Милетом. Справившись: каков вывод мы должны сделать из этой полной разноречивости биографических сведений о Левкинине, сообщаемых древними писателями, или, вернее, из отсутствия таковых? Роде склонен утверждать, что отсюда вытекает истина: миф о Левкинине. Он думает, что этой туманности и разноречивости биографических сведений как нельзя лучше соответствует и вполне молчание Дионисия о его самом учителе, и, именно, на этом молчании Демокрита, по его мнению, и основывается Эннапин, отрицающий существование самого бытия то ни было Левкинину. Но весь этот довод и обоснован в достаточной мере уже потому, что в такой безоговорочной форме можно утверждать с одинаковым правом как то, что Демократ с благоговением воспринимал в своих сочинениях имя своего минувшего учителя, так и то, что он обходил его поздними молчанием: обзрение подобного характера могут быть выдвинуты, когда уже найдено решение вопроса, а не в качестве главного аргумента. Вот почему, не делая никаких поспешных выводов, правильнее просто констатировать факт

¹⁾ Suessmühle Philol. 60, 181 ss.

²⁾ Diog. L. IX, 20.

³⁾ Dax. 283, 62.

⁴⁾ Dax. 48, 12.

⁵⁾ Dax. 380, 20.

⁶⁾ Dax. 691, 9.

непопулярности у древних имени Левкинин. Существовал ли он, как реальная личность,—решить это у нас пока что нет никаких данных. Но что он, еще, может быть, при жизни, был малозвестен среди учеников Зенона или Парменида или какого-либо другого,—это мы можем утверждать с полной достоверностью. Но если это так, то не трудно догадаться, в каком, именно, смысле высказывал Эннапин свою смешную и парадоксальную мысль о „мифичности“ личности Левкининя. „Аполлодор в хронике пишет (читаем мы у Диогена Ларского), что Эннапин слушал Навазанфа и Праксифана. Но сам Эннапин отрицал это и объяснял в письме к Эврилоху, что он сам себе ученик. Но его миф, как и по мнению Гермарида, во существовало вполне иского философа Левкининя, о котором другие, и между ними эннапине Аполлодор, утверждала, что он был учеником Демокрита“⁶⁾. В русском переводе: если он был изложен в подлиннике, исчезает одно интересное замечание в литературе, хотя внимание, пожалуйста, и останется направлено на него. Дело в том, что Эннапин отрицает существование не Левкинин вообще, но Левкинин философа, да, а Левкинин да, герой философа,— другими словами, он говорит, что Левкинин и не был философом. Между тем, Роде и Дильте переводят: „in gewisser Leukipp habe nie existirt“⁷⁾. О. Анейль переводит: „einen Philosophen Leukippus überhaupt nicht gegeben“⁸⁾. Я же перевожу: Эннапин говорит, что Левкинин никогда не был тем философом, которого называли за учителя Демокрита“⁹⁾. Против моего перевода ничего не говорит грамматика, с чем согласен и Дильте¹⁰⁾, но, что подтверждается кроме того наблюдением Роде над трактатом Синада, у которого я учу, нереально означает просто период времени, называемый эпохой, т. е., „расцветом“ философии¹¹⁾. Но если Эннапин не признает Левкинин за философа,—возразит Дильте,—то за кого же оно оставалось его принять? „Если Эннапин также знал Левкинин только по цитатам у Аристотеля, то он должен был так же, как и Демокрита, представлять себе его как приключенного философа“. Но Эннапин знал Левкинин, очевидно, не только по цитатам у Аристотеля,—в противном случае, заявление у него могли быть основания не верить Аристотелю, когда он говорит Левкинину, или верить только тогда, когда он цитирует Демокрита? Вопрос, именно, заключается в том, чтобы правильно понять Эннапина, имевшего на руках подлинные сочинения Демокрита, а не только цитаты Аристотеля. Поэтому, мне кажется, если внимательнее отнести к первому или только к первому интересующему нас месту из

⁷⁾ Diog. L. X, 13.

⁸⁾ Diels: Verhandl. d. S. Vers. d. Philol. in Stettin, Lpz. 1881, 97.

⁹⁾ Несколько летом у Diogenes Laertius, Lpz. 1922.

¹⁰⁾ Несмотря на то, что я тоже знал, E. Zeller: Phil. d. Gr. II, 842 b; Dieler wollte den Leukippus gar nicht für einen Philosophen gelten lassen.

¹¹⁾ Diels: Verh. d. S. Vers. d. Phil. Lpz. 1881, 973.

¹²⁾ Св. это статья Епру в den Biographien des Sudites, Bd. Mex. 33 (1878), 177.

Диогена Лазарского, то легко понять, каким образом следует подходить к разрешению левиновской проблемы¹.

При вскому ином понимании его слов был бы совершенно неизвестно, какая может быть связь отрицания им свыше ученического отношения к Навзапам с отрицанием физического существования Левиншина. В самом деле не хочет ли он сказать: «притом, что по-добно тому, как для него выдумали учителя Навзапина только для того, чтобы поместить в преместве учителей и учеников, так и для Демокрита создали учителя с этой же самой целью»²? С другой стороны, менее всего можно приписать Эпикуру стремлению подчеркнуть свою оригинальность. Возможность личного интереса исключена уже тем, что будет ли Левиншина учителем Демокрита или нет, Эпикуру должно было быть ясно, что зависимости его от Демокрита останется, как раньше. Кроме того, известно, что Эпикуру подземлировал с Демокритом и вовсе не был заинтересован в том, чтобы выявить его историческое значение. Наконец, менее всего он был заинтересован в том, чтобы сделать атомистику более, приблизить ее к современности; наоборот, казалось бы, как ее реставатор, он должен был относить ее к более древнему времени, чтобы сделать ее более авторитетной³. Следовательно, Эпикурум руководили объективные соображения. Поэтому спросим себя: какие объективные данные заставили Эпикура утверждать, что некто по имени Левиншина не был философом, а тем более учителем Демокрита? А это значит поставить вопрос об исторической реальности Левиншина, как философа.

Обратим внимание прежде всего на то обстоятельство, что единственным и решающим аргументом в пользу существования философа Левиншина являются не туманные заявления о его родном городе, конечно несомненные, на первый взгляд, факт его литературной деятельности. Целий ряд доказательствических источников, черпающихся из Аристотеля и Теофраста, как будто признают с несомненностью принадлежность ему двух философских книг: «Великое миростроение» и «О разуме». И Дион, в добре-вежности которого предполагалось усомниться, поместил фрагменты и свидетельства об этих произведениях «Левиншина» в числе подлинных фрагментов последнего. Но обычая у Дионса гиперграфия критического чутка тут ему изменяли: он пошел по стопам авторитетов Аристотеля и Теофраста.

Следующие сообщения имеют целью если не доказать, то сделать наиболее вероятной ту мысль, что как «Великое миростроение», так и сочинение «О разуме» принадлежат Демокриту и никакого отношения к философу «Левиншину» не имеет.

Называя «Великое миростроение», Траскил добавляет: «то самое, которое Теофраст приписывает Левиншину». Почему же Траскилставил

¹ Ср. Е. Кёльде: Verhandl. 4, 34, 1746. Германн, за Theor. Iph. 1881, 75. Kl. Schr. 1, 222.

² Ср. Г. Тавассу: Rev. des grecs, 1897, 127.

что сочинение во главе физической тетралогии, если ему было известно противоположное мнение Теофраста? Или он не знал Теофраста, не знал, как Платону, перипатетику и его авторитету, Аристотелю? Не тот же Аристотель был и для него, как и для Теофраста, единственным исто-ником о «Левиншине»? В самом деле, очевидно, нам нужно внимательнее остановиться на этом таинственном сочинении о «Великом миростроении»: попытайтесь уяснить себе его возможное содержание, его возможные проблемы⁴.

Если принять во внимание, что Аристотель сообщает нам только физические учения Левиншина, то естественно возникнет прежде всего вопрос: не является ли «Великое миростроение», *μέγα μηροστρόν*, сочинением по физике? Если вспомним, что в списке сочинений Демокрита Траскил приводит также «Малое миростроение», *μικρό μηροστρόν*, то эта догадка оказывается весьма вероятной. «Левиншина», — говорит Розе, — как обозначение гармонического стояя вселенной (причем должна быть отброшена всякая мысль отдельности) есть древнее слово вместо позднего общепонятительного *κόσμος*; оно уже есть у Пармениса. От него атомистика могла заимствовать как это слово, так и понятие такого стояя вселенной. «Малый» мир мог бы в таком случае обозначать и наш мир, в котором мы заключены⁵. И действительно, план Траскиловского списка⁶ сразу становится ясным: сперва он перечисляет космологические сочинения, затем антропологические, далее физиологические и, наконец, методологические. Причём тут, в атомистике действительно было положено начало тому различению между микрокосмом и макрокосмом, которое впоследствии стало самым обычным в древности для различения *ζῷον* и *τὸ ζῆν*, жизни и вселенны. Это совершенно ясно из того, что в одном из фрагментов Порфирия⁷ речь идет о тех учениях, которые называют человека *μικρὸν μηροστρόν*⁸, «малым миром», а Дионисий, один из скоплинов к Аристотелю, пишет, между прочим: «в человеке, в этом малом мире, по выражению Демокрита»⁹. Наконец, у Галена читаем: древние говорили, что живое существо — это малый мир¹⁰. После этих сдвигов, думается, совершилось не приходится сомневаться в чисто-демокритовском происхождении различия макрокосма и микрокосма¹¹. Но если это так, то остается только допустить, что «Великое миростроение» принадлежит Демокриту. Можно, правда,

¹ И здесь естественно не должно быть никаких готовых выводов, что, в сокращении, заявлено в рассуждении Е. Кёльде, с которым в некоторых пунктах я согласна.

² Е. Кёльде, Kl. Schr. 1, 226.

³ Ср. выше.

⁴ Рогербург, в Stab. fol. 21 27. Отсутствует у Дионисия FVSB.

⁵ «Небо» — прямолинейно повторяет Кёльде, Kl. Schr. I, 227, 1.

⁶ David et Phil. 28, 11. Ниже, FVSB, 398, 8.

⁷ Гален же, d. виа греческ. III 241. FVSB, 398, 15.

⁸ Отсюда должно быть ясно, что одно из миростроений Демокрита называлось *μεγάλον* в отличие от сомнительного Левиншина того же названия (как это думает Т. Г. Розе в «Греческой мысли»), и по существу своего предмета, т. е. «малого мира».

Диогена Лазарского, то легко понять, каким образом следует подходить к разрешению ленинградской проблемы¹⁾.

При всем этом понимании его слов был бы совершенно несправедливо, какая может быть связь отрицания им своего учительского отношения к Навапану с отрицанием физического существования Левкинина. В самом деле, не хочет ли он сказать, — например, что подобно тому, как для него выдумали учителя Навапана только для того, чтобы поместить в промежутке учителей и учеников, так и для Демокрита создали учителя с этой же самой целью? ²⁾ С другой стороны, менее всего можно приписать Энтикуру стремление подчеркнуть свою оригинальность. Возможность личного интереса исключена уже тем, что будет ли Левкин учителем Демокрита или нет, Энтикуру должно было быть ясно, что зависимость его от Демокрита останется, как раньше. Кроме того, известно, что Энтикуру полемизировал с Демокритом, вовсе не был заинтесован в том, чтобы подчеркнуть его историческое значение. Наконец, менее всего он был заинтересован в том, чтобы сделать атомистику более познавательной для ее современности; наоборот, казалось бы, как ее реставратор, он должен был относить ее к более древнему времени, чтобы сделать ее более авторитетной³⁾. Следовательно, Энтикуром руководили объективные соображения. Поэтому спросим себя: какие объективные данные заставляли Энтикуру утверждать, что некто по имени Левкин никогда не был философом, а тем более учителем Демокрита? А это значит поставить вопрос об исторической реальности Левкинина, как философа.

Обратим внимание прежде всего на то обстоятельство, что единственные и решительные аргументы в пользу существования философа Левкинина являются не туманные заявления о его родном городе, конечно, а неопорными, на первый взгляд, факт его литературной деятельности. Целью ряд локографических источников, черпающих из Аристотеля и Теофраста, как будто признают с иссомнением принадлежность ему двух философских книг: «Великое миростроение» и «О руанце». И Дильс в добре вестию: которого пред лицо кого усомнится, поместил фрагменты и свидетельства об этих «произведениях Левкинина» в числе подлинных фрагментов в последнем. Но обычный у Дильса гипертрофия критического чутья тут ему изменился: он пошел по стопам авторитетов Аристотеля и Теофраста.

Следующие соображения имеют целью если не доказать, то сделать наиболее вероятной ту мысль, что как «Великое миростроение», так и сочинение «О руанце» принадлежат Демокриту и никакого отношения к философии Левкинина не имеют.

Называя «Великое миростроение», Траскил добавляет: «то самое, которое Теофраст приписывает Левкинину». Почему же Траскил считает

¹⁾ Ср. Е. Kühde: Verhandl. d. 34. Philol.-Vereinsh. zu Trier, Lpz., 1881, 75. Kl. S. 222.

²⁾ Ср. Р. Таасбек: Rev. des grecs, 1827, 127.

это сочинение во главе физической тетралогии, если ему было известно «противоположное» мнение Теофраста? Или он не знал Теофраста, не верил, как Платон, перипатетику и его авторитету, Аристотель? Но тот же Аристотель был и для него, как и для Теофраста, единственным источником о Левкинне? В самом деле, очевидно, нам нужно внимательнее остановиться на этом таинственном сочинении о «Великом миростроении» и попытаться уяснить себе его возможное содержание, его возможные проблемы⁴⁾.

Если принять во внимание, что Аристотель сообщает нам только физические учения Левкинина, то естественно возникает прежде всего вопрос: не является ли «Великое миростроение», дѣлъ *τελεσθεῖς*, сочинением по физике? Если вспомнить, что в списке сочинений Демокрита Траскил приводит также «Малое миростроение», *μικρὸς τελεσθεῖς*, то эта гипотеза оказывается весьма вероятной. «*τελεσθεῖς*», — говорит Раде, — как обозначение гармонического стояния вселенной (при чем должна быть отброшена всякая мысль о телесофии) есть первое слово вместо позднего общепонятельного *χωραῖς*; оно уже есть у Пармена. Отсюда атомистика могла занимать как это слово, так и появление такого стояния вселенной. «Малый» мир мог бы в таком случае обозначать и наш мир, в котором мы «заключены»⁵⁾. И действительно, план трактатовского списка⁶⁾ сразу становится ясен: сначала он перечисляет космологические сочинения, затем антропологические, далее физиологические и, наконец, методологические. Кроме того, в атомистике действительно было положено начало тому различию между макрокосмом и макрокосмом, которое впоследствии стало самым обычным в древности для различия *τέλος* и *τὸ πᾶν*: жизни и вселенны. Это совершенно ясно из того, что в одном из фрагментов Пирофрия⁷⁾ речь идет о тех учениях, которые называют человека *τελεσθεῖς*⁸⁾, «малым миром», а Дионисий, один из склонистов к Аристотелю, пишет, между прочим, «в человеке, в этом малом мире, по выражению Демокрита»⁹⁾. Наконец, у Галена читаем: «Древние говорили, что живое существо — это малый мир»¹⁰⁾. После этих сведений, думается, совершенно не приходится сомневаться в чисто-демокритовском происхождении различия макрокосма и макрокосма¹¹⁾. Но если это так, то остается только допустить, что «Великое миростроение» принадлежит Демократу. Можно, правда,

⁴⁾ И здесь естественно не должно быть никаких готовых выражений, что, к сожалению, заметно в рассуждении Е. Гудле, с которым в некоторых пунктах я солидарен.

⁵⁾ E. Gudde, Kl. Schr. I, 226.

⁶⁾ См. выше.

⁷⁾ Porphyr. u. Stob. flor. 21, 27. Отсутствует у Дильса, FVS.

⁸⁾ Nicht wissen! — прямые повторения Kohl's, Kl. Schr. I, 227, 1.

⁹⁾ Davids Pro. 38, 11, Иллюс. FVS, 398, 8.

¹⁰⁾ Galenus — д. а. partit. III 241. FVS, 398, 15.

¹¹⁾ Отсюда можно было ясно, что одно из «миростроений» Демокрита называло жизнью в отличие от сочинения о Левкинне, что же значит (как это делает Т. Гендерер в «Греч. мысл.»), а то существует своего времени, т.е. «живого мира».

возразить вместе с Дильтцом¹), что подобное толкование „великого“ и „малого“ миростроений направильно по той причине, что Демокрит написал ряд специальных сочинений об антропологических проблемах, так как „малое миростроение“ не повторяло бы разобщенные проблемы. Но, ведь, в действительности это возражение ничего не говорит, и достаточно вспомнить, что Демокрит написал также целый ряд и других физических сочинений, чтобы убедиться в этом.

Но можно делать и более важное возражение. Можно сказать, что если бы даже „Великое миростроение“ принадлежало Демокриту, то ничто не мешает нам допустить, что Левкинн также написал физическое сочинение под тем же заглавием и высказывал там взгляды, которые впоследствии могли лечь в основу философии Демокрита. Но тогда следует допустить, что Демокрит и Левкинн высказывали различные взгляды, что Демокрит развивал дальше мысли своего ученика.

Между тем все, что нам известно о мировоззрении Левкинина, есть не что иное, как стереотипный оттиск основных взглядов Демокрита в области физики. Прежде чем перейти к доказательству этой мысли, любопытно отметить, что сохранившиеся свидетельства Аристотеля о Левкинне почти всегда называют его вместе с Демокритом: из 9 мест в 2 местах он говорят об одном Левкинне², а в остальных местах он говорит об обоих вместе; при этом интересно, что он говорит то о „Левкинне и его товарице (τάχιστοι) Демократе“³, то, наоборот, о „Демократе и Левкинне“⁴, как если бы они действительно фигурировали вместе в том неизвестном источнике, на основании которого он пытается уличить Левкинна.

В самых кратких чертах взгляды Левкинина сводятся к следующему. Ничего не происходит из ничего. Все существующее так же реально, как и то, что не существует, т.е. пустота. Пустое пространство и тела являются основными элементами вселенной. Внешне не есть нечто неразрывное, единное, оно не образует простейшего тождественного единства, но состоит из бесконечного множества неделимых мельчайших частин материи, которые вечно движутся в пустоте. Движение их никогда не начиналось и никогда не прекращается. Подхватываемые вихрем этого движения неделимые материальные частицы или атомы то начинают соединяться, то отрываются от уже возникших соединений. Благодаря соединению атомов образуются единичные тела, а благодаря их разъединению эти тела разрушаются. Атомы различаются по форме и величине, они бескачественны и неизменны. В зависимости от форм и величин атомов возникают те или иные тела в природе. Например, из соединения круглых и легких атомов образуется огонь. Над всеми процессыми совершающимися в при-

¹ Diels, Verh. 53, Phil.-Verh., Isp. 1881, 101.

² de gen. et cart. 32a 23–32b метап. 107b. 32.

³ metap. 285r 4, de gen. et cart. 32a 2, de recto 30b 7.

⁴ de gen. et cart. 31a 21, 31b 6, de recto 27b 29.

роле господствует всеобщий механический закон необходимости. Всякая мысль о каком-либо высшем превидении или божественном цели должна быть отброшена. Необходимость и есть это вечное взаимообразование вращение атомов. По закону этой великой необходимости обращаются не только наши мир, но и бесконечное множество других миров.

Таковы основные черты всего того, что передает Аристотель об учении Левкинина. И дал только скелет, если хотите, тезисы этого учения. Но и это фрагментарное изложение главнейших мыслей Левкинина убеждает нас в том, что никакого существенного отличия от взглядов Демокрита мы neverе находим у него. „Имеет ли здесь, — спрашивает Эрвин Роде, — только основные черты атомистики? И, наоборот, думают, что это вполне законченная система атомистики, заключающая в себе все, что может быть отнесено, именно, к системе? Что же остается на долю Демокрита, как его личное достояние?“ Ни в одном принципиальном вопросе они не высказывали различных взглядов и даже тогда, когда у Теофраста был удобный случай остановиться на различиях между натурфилософией Левкинина и Демокрита, он свое изложение взглядов Левкинина заканчивает следующими словами: „одинаково с ним учит и Демокрит“⁵.

Если обратить внимание на то, о каких различиях в их взглядах повествуют нам Аристотель и черпающие из него доксографы, — то и с этой стороны ничто не мешает нам допустить, что эти различия могли возникнуть в научной деятельности одного человека. По Левкинну солнце — самое отдаленное от земли тело⁶, а по Демокриту самыми отдаленными являются неподвижные звезды⁷. Причину возникновения грома Левкинн видит в чрезмерной густоте облаков, а по Демокриту — гром происходит вследствие „неравномерного распределения их частей“⁸. Вот и все отклонения Демокрита от Левкинина. О каких либо других различиях в их взглядах нам ничего неизвестно. Но нужно ли доказывать, что эти различия, во-первых, не принципиального характера, а, во-вторых, они касаются столь специальных проблем, что в устах такого писателя, как Демокрит, наущая деятельность которого обнимает несколько десятилетий, вполне уместны взгляды, высказываемые в ряде сочинений, различающиеся или опровергаемые в последующих сочинениях. — Итак, в своем философском наследстве, Левкинн не утверждал ничего, что не входило бы в атомистическую систему Демокрита. Но если это спорное „великое миростроение“ Левкинина излагало взгляды, ничем не отличающиеся от взглядов Демокрита, то у нас больше оснований считать Демокрита, а не Левкинна автором этого сочинения, хотя бы уже потому, что он им известен не только по основным биографическим

⁵ S. 147, 15, 2, 1. Distr. p. 287 Diels.

⁶ D. D. 1, IX, 35.

⁷ D. D. 1, IX, 34a 14.

⁸ D. D. 1, 1. D. D. 36c 9–25.

датам, но и по целому ряду фактов своей жизни, в то время как о втором нам ничего не известно.

Следовательно, не только формально, но и по содержанию своему „великое миростроение“ есть не только приписать Демокриту. Правда, можно подумать (вместе с Дильтзом), что под именем „Демокрита“ действительно было у всех на руках сочинение о „великом миростроении“, но на самом деле оно принадлежало Левкиппу. Но это предположение совершенно ничем не обосновано по той причине, что обычно в древности сочинения учеников обращались на руки под именем учителя, напр., пифагорейцы — под именем Пифагора, платонники — под именем Платона, и т. д. Но, ведь, в случае с Левкиппом мы имеем дело как раз с обратным явлением: основное сочинение, открывающее целое философское направление, главное произведение основателя целой школы, лишилось его имени и стало нововместно известно в качестве произведения его ученика!

Но не пора ли задаться, в таком случае, вопросом: каким образом такой глубокий и серьезный мыслитель, как Аристотель, мог излагать атомистическое учение и приписывать его Левкиппу, который, быть может, по слову Эннискура, не был философом? Это тем более странно, что Эннискус был современником Теофрасты, жил долгое время вместе с ним в Афинах и даже сталкивался с ним, что видно из его полемического сочинения „против Теофрасты“¹). Какова же должна быть смелость Эннискура, утверждавшего парадоксальную мысль о том, что никакого отношения к философии названный Левкипп никогда не имел!

Чтобы ответить на все эти вопросы, надо внимательнее остановиться на литературной манере Аристотеля. И здесь, в подтверждение одного сделанного мною в этой области наблюдения, как нельзя кстати приходит на помощь исследование Полы Таннеры, сделанные в нынешнее время в связи с малоизвестными и обспеченные неизвестными именами древних философов².

Дело в том, что цитируя категорически, без всяких заминок, Сократа (или кого-либо из его современников), Аристотель вовсе не имеет в виду философа Сократа, сына Кефалы, но одного из действующих лиц, фигурирующих в диалогах Платона. Это может быть установлено с очевидностью, не оставляющей никаких сомнений. Даже в тех случаях, когда Аристотель цитирует Платона, он имеет в виду не произведение самого философа, а то или иное положение его философии, которое в очень большом количестве обычно составляли его ученики, в особенности, напр., Гераклит Понтийский, изложивший те взгляды учителя, которые тот развивал в устных собеседованиях. Вот эту манеру Аристотеля и усвоил Теофраст, его ближайший ученик, бывший с ним в тесном общении, а от него и последующие

эпиграфическая литература. Это наблюдение Таннеры доказывает на примерах двух пифагорейцев Гикета и Эфантса, которых также поощряли, между прочим, в „досократиках“ Дильтза. Излагая Гикета Аристотель дал слово Теофрасту тем, что он цитировал Гикета, как действующего лица, выведенного Гераклитом Понтийским в одном из его диалогов. В сочинении же „о небе“ (II, 13) он излагает учение пифагорейца Эфантса о движении земли вокруг своей оси, не упоминая имени последнего. Теофраст признался это учение Эфантсу Сиракузскому, а вслед за ним то же самое сделали и последующие присталы, в то время как, на самом деле, Эфантс — одно из действующих лиц одного диалога Гераклита Понтийского, в котором последний устами минимо Эфантса излагал свое собственное учение. „Заявленную“ манеру Аристотеля, — говорит Таннеры, — мы не имеем никаких оснований думать, что бы он приписывал Левкиппу произведение, цитируяое им под именем последнего, но, напротив, можем заключить отсюда только то, что произведение, которое он имел на руках, представляло собой изложение учения этого философа³).

Если принять по внимание, что Аристотель сообщает только о физике Левкиппа, то это должно быть одно из космологических сочинений, т. е. именно „великое миростроение“, о котором все время идет у нас речь. В таком случае можно принимать первый фрагмент из „伟大е миростроения“ Демокрита „Малое миростроение“ начинаясь так: „Вот что я говорю обо всем... Человек есть то, что все знает“⁴). Не начинаясь ли аналогичным образом и „великое миростроение“. Такое предположение и делает Таннеры. „Если допустить (говорят они), что „великое миростроение“ начинается словами: „потому говорят мне Левкипп, мой товарищ“⁵), то все неясности левкипповой проблемы сразу отпадут. Такое начало, кроме того, как нельзя лучше согласуется с характером самого Демокрита, которым, как человеком без всякого тщеславия, мог высказывать свои взгляды, взагая их у уста своего товарища. Левкипп был для него такоже як маской, какой был для Платона Тимей. Демокрит имел несомненно большие основания, чем Платон, не опубликовывать „великое миростроение“ под своим именем, если оно действительно, судя по рассказу Деметрия Магнезийского, было первым произведением, —произведением, написанным уроженцем Абдера, который входил в свою родной город разоренным, правда, уже с большой научной репутацией, но и с величайшим к нему его сограждан, как к человеку, растратившему имущество своего отца. Что оставалось ему делать? Ему оставалось, только показать, какую пользу принесли ему путешествия, другими словами, познакомить их с такой физической системой, которую он не мог бы узнать оставаясь в Абдере; но, с другой стороны, к своему честолюбию он прекрасно сознавал, что нужно гарантировать себя и от

¹ Phil. adv. Calot. 7.

² P. A. Tanner: *Histoire des études grecs*, t. X, avril—juin 1897.

³ Ib. p. 128.

⁴ Cicr. de re. II, 2373. Sextus VII, 265, се. Fuss, 415, 11.

⁵ Герод.; у Аристотеля?

всеможможного вреда и не рисковать брать под свою ответственность учение, которое легко могло показаться нечестивым и которое без сомнения в Афинах наивыше бы на него прецедентом¹⁾. „Вот что говорил мне Левкинн, мой товарищ!—такое начало гармонирует также с желанием абдерица познакомить своих сограждан с результатами своих путешествий. „Левкинн”—в сущности, не что иное, как ловкий дипломатический мастер человека, которому, с одной стороны, нужно оправдать растрату отцовского имущества, с другой стороны, несложно к нему его сограждан и Афин как растратчику отцовское имущество²⁾,—защиту нового атомистического мироизрания сделать как можно безвредной и неопасной для себя. Это не значит, что Левкинн был посвященным молодого Демокрита, как думает Таннер и как пытались еще недавно защищать эту мысль Нестеас³⁾. На этот счет у нас вообще нет никаких достоверных данных, чтобы можно было говорить с такой определенностью. Напротив, если бы Левкинн был только посвященным Демокрита, то рассказал Антифена⁴⁾ о том, что Демокрит прочел перед своими согражданами „великое мироизрание“, потерпел бы всякий смысл, так как Демокриту незачем было бы читать чужое произведение. „Великое мироизрание“ Демокрит читал абдерицам не как чужое, но именно как свое собственное произведение, чтобы вырвать оружие у киеветинов⁵⁾ и завистников, не построив сочинение так, что некоторые из своих взглядов он изложил устами „своего товарища“ Левкинна.

Теперь нам понятно, почему Эпикур отрицал существование философа Левкинна. Он высмеял стиль парадоксальной мысли во потому, что на нашел в сочинениях Демокрита именно его учитель⁶⁾, но потому, что в лице Левкинна, фигурирующего в произведениях Демокрита в качестве литературного персонажа, он не видел исторически реального философа. Эпикур был ученым, не хотел быть ни ученым, ни чьим бы то ни было учеником, но сочинения Демокрита он изучал тщательно, как об этом говорит его коллегиума в письме к Геродоту; это общеизвестные в литературе факты. Траскил также имел на руках произведения самого Демокрита и, отося „великое мироизрание“ без всяких колебаний к подлинным произведениям Демокрита, он добавляет: „то самое, которое, по мнению Теофраста, принадлежит Левкинну“. Но Эпикур и Траскил—не единственные источники. Среди сочинений, дошедших до нас под именем Аристотеля, мы имеем, как известно, одно сочинение под названием „О Мелиссе, Кеенофане и Горише“. В этом сочинении приводится

¹⁾ Revue des études grecs, 1897, p. 129.

²⁾ Об умственных отголосках Афин от имени см. же в рус. статье об „Истории писунья „демокрита“, Под знаменем Марксизма“, 1923, № 6—7, стр. 155—156.

³⁾ Philologus, 1905, 67%, 551.

⁴⁾ См. „Под знаменем Марксизма“ № 11—12, 1923, стр. 116. „К вопросу о жизни и деятельности Демокрита“.

⁵⁾ Как думает З. Розе.

мысль, высказываемое из той Аристотелем коллизией⁷⁾, в так называемых рассуждениях Левкинна⁸⁾. Это предположительная условная форма выражения, вытекающая как бы из сомнения в принадлежности Левкинну этих рассуждений, в данном случае весьма характерна. Между тем „О Мелиссе, Кеенофане и Горише“ написано, если не Аристотелем, то во всяком случае периплатиком, и отсутствие какобы то не было эпигуерского влияния, очевидно, не подлежит сомнению. В связи с этим замечательно и то, что о Левкинне не говорит не только Лукреций, но и Секст Эпипирит⁹⁾.

Между тем, целый ряд древних свидетельств говорит в пользу принадлежности „великого мироизрания“ имени Демокриту. Известен рассказ Антифена, что Демокрит, прибывший в Альбуру после своих путешествий, „для того, чтобы вырвать оружие из рук завистников и киеветинов, прочел своим согражданам сочинение „Великое мироизрание“, самое замечательное из того, что им было написано“. Кроме того, „Сыда из всех его сочинений подлинными считают только два, и в них числе „великое мироизрание““¹⁰⁾.

Сопоставление подобных свидетельств, с одной стороны, а с другой—характеристика литературной манеры Аристотеля должны убедить нас в правоте Эпикура. Это не значит, конечно, что Аристотель и Теофрасты мы называем какими-то „глупыми и обманщиками“, как думает Дильс¹¹⁾. Мы утверждаем только, что они были введены в заблуждение литературным приемом Демокрита, а вслед за ними все последующие, черпавшие из них лексикографические источники.

Итак, если историческая реальность Левкинна выводится из его авторства, если инициальная идея о „великом мироизрании“, то у нас все основания сомневаться в правильности подобного „имвода“.

Но если верить Дильсу, литературная деятельность Левкинна нечто привнесла одним „великим мироизранием“. Но его мысль, следуют верить свидетельству Стобея¹²⁾, что Левкинну принадлежит также сочинение о „разуме“. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что и это сочинение не может быть приписано Левкинну.

По содержанию своему это, несомненно, иетологическое сочинение. Единственный фрагмент, оставшийся от этого сочинения, гласит: „ничто не происходит без причин, но все—силу основания и необходимости“. Если обратить внимание на заглавие, то очевидно, что Левкинн доказывает причинное возникновение восприятия или необходимость объяснения их в силу известных строго определенных причин. В этом смысле и толкует все это сочинение Дильс¹³⁾. Но если это так, то можно ли это сочинение приписывать Левкинну, когда о психологических взглядах его ни один писатель древности никуда не сообщает? Аристотель и Теофраст рассказывают лишь

⁷⁾ Dilex., FV81, 357,2.

⁸⁾ Verh. d. 53. Phil.-Vers. z. Stein in Lpz. 1881, 96.

⁹⁾ Dox. 321b, 10.

¹⁰⁾ PVS, 711 k. 350,5.

о космологических теориях минимого ученика Демокрита. Далее возражает: разве первоатомистические источники не передают выражение "Левкиппов об образах", на которых покоятся вся атомистическая психология? Но, во-первых, об образах («идолах») Левкиппа мы имеем только два свидетельства одного лица Авиана (Дех. 394,403), при чем в обоих речь идет в общих выражениях: «Левкипп, Демокрит, Энтикуру...». Во-вторых, эти свидетельства позднейшего происхождения. Они результат сравнения и обобщения столь сходных систем, как система Левкиппа, Демокрита и Энтикура. Наконец, в третьих, ни Аристотель, ни Теофраст ни где не говорят об идолах Левкиппа. Отсюда ясно, что остается допустить только одно — что авторство Левкиппа в данном случае возникло вследствие смешения цитируемых Стобеем как его суждения „о разуме“ с одновременным сочинением Демокрита, которое мы находим в списке Трасилла. Видеть в этом произведении позитивную пропаганду Алькатора и, пользуясь упреками Демокрита последнему в плагиате, обосновывать этим путем его принадлежность Демокриту¹⁾, было бы очень натянутой логикой²⁾. Между тем, то обстоятельство, что сочинение „о разуме“ было посвящено психологическим проблемам, как нельзя более гармонирует с Трасилловским списком.

Таким образом, литературная деятельность Левкиппа такой же миф, как и то, что он был учеником Демокрита. Не Левкипп, но Демокрит был родоначальником древней атомистики. Не Левкипп, но Демокрит входит в историю мировоззрений как отец современной физики.

Гр. Башмакъ

Диалектический метод в психологии³⁾.

Возможность применения диалектического метода к психологии, как науки о реакциях или поведении человека, известна уже из того, что психология является научной дисциплиной, стоящей на грани биологии и социологии. И подобно тому как диалектический метод находит свое полное применение и оправдание в области этих последних дисциплин, ясно, что он должен найти свое применение и в психологии. Это во-первых. Во-вторых, это применение диалектического метода к психологии обусловливается также и тем принципиальным положением, что психика есть не что иное, как свойство высоко организованной материи, т.-е. процесс чисто-материального порядка, тем самым подлежащий в своем развитии этому основному методу диалектического материализма.

Но почему Энгельс был глубоко прав, когда, давая определение диалектическому методу, он определил его, как „весьма общий и потому широкоприменимый и важный закон развития природы, истории и мышления“. Именно мышление, как прежде всего категория чисто-психологического порядка.

Но ограничиваться этими двумя выводами чисто-дедуктивного характера для доказательства применимости диалектического метода к психологии было бы, конечно, недостаточно. Необходимо фактически обосновать эту применимость на живом и конкретном материале, который дает нам современная психология, дабы это применение диалектического метода к психологии было не только абстрактно мыслимой теоретической предпосылкой, но и конкретным фактом, подчинающим себе реальное течение психических процессов.

Начнем с рассмотрения первого положения, являющегося основанием для диалектического метода — принципа непрерывной заменчивости всего сущего. Этот принцип, как известно, говорит о том, что мир надо понимать не как комплекс готовых вещей, но как комплекс процессов, в которых вещи, кажущиеся нам неподвижными, равны как и их мысленные отражения в нашей голове,

1) Verh. d. 53 Phil.-Vers. Lpz. 1881, 162.

2) Как делает W. Nestle Philol. 67,551.

3) Доказ., прочитанный на Известиях газете. Сентябрь в Петрограде.

т. е. понятий, проходят беспрерывную смену возникновения и уничтожения. Надо ли много говорить, что этот принцип находит свое наилучшую иллюстрацию именно в области психологии, где именно нет предметов, а есть только процессы, где все динамично и актуально, и нет ничего статического. Вот почему целый ряд психологов, являвшихся метафизиками в своих философских воззрениях, но изменили для себя возможным защищать субстанциональность в психологии и являются актуалистами, каковы Бундт, Икеме, Тиченор и многие другие. Применение этого принципа непрерывной изменчивости в психологии слишком очевидно, чтобы на рассмотрении его следовало останавливаться дальше.

Почти в таком же положении находится и второй принцип диалектического метода—принцип всеобщей связи явлений, всеобщей закономерности, сводящийся к тому, что нет необусловленных и изолированных явлений, все находятся в непрерывной цепи, являясь причиной, и следствием. В применении к психологии этот принцип, можно утверждать, признается психологами всех направлений, включительно до представителей умозрительной психологии. Если между последними и ведущими разногласия в признании или только психо-физической причинности, чего держатся сторонники теории взаимодействия, или же только чисто-психической причинности, чего держатся сторонники психо-физического параллелизма, то в самое эти разногласия говорят лишь о том, что даже сторонники умозрительной психологии не мыслят психических процессов иначе не обусловленными. Наоборот, в современной психологии наблюдается тенденция краиней детерминированности, психических процессов во всех их даже, казалось бы, случайных проявлениях (описки, говорки, забывания и т. п.), как это, например, мы находим в школе Фрейда.

Таким образом и этот второй принцип диалектического метода не встречает никаких возражений против своего применения в психологии.

Значительно сложнее стоит дело с третьим принципом диалектического метода—принципом скачкообразного развития процессов, с переходом от количественных определений к качественным. Как известно, этот принцип говорит, о том, что количественное развитие любого процесса совершается постепенно, а производимое им качественное изменение возникает внезапно в виде скачка рещь или процесс изменяется и наступает совершенно новое состояние. Мы знаем, что этот принцип был заложен у Гегеля, при чем эти пункты перехода количества в качество он называл узлами, а линию, соединяющую узлы—узловой линией отношений мер. Гегель первый дал образцы применения

этого принципа к явлениям природы, а Маркс впервые применил этот принцип к развитию общественной жизни.

Что касается психологии, то этот принцип скачкообразного развития процессов с переходом от количества к качеству находит свое наиболее очевидное и крайне плодотворное применение именно в той области, при том по преимуществу в той ее части, которая является наиболее точно обоснованной, именно в экспериментальной психологии, имеющей дело как раз именно с этими количественными определениями, о которых говорят этот принцип.

В самом деле, весь отдел ощущений с целым рядом экспериментально обоснованных фактов говорит нам об этом: таково, например, качественное различие основных цветов. Как известно из физики, в основе этого различия лежит количественное различие в числе колебаний аэрических волн. Так, при 729 миллионах колебаний мы воспринимаем фиолетовый цвет; при постепенном, но незначительно количественном уменьшении числа этих колебаний мы не имеем никаких качественных изменений цвета, и лишь при количественном уменьшении этих колебаний до 621 миллиона мы ощущаем качественно отличный от фиолетового—синий цвет; затем при 599 миллионах колебаний—зеленый, далее скачкообразно при 521 милл. колебаний—желтый и т. д. Мы видим, что количественное уменьшение или нарастание числа колебаний, дающее качественно различные воспринимаемые нашим глазом цвета, всецело подчиняется этому принципу скачкообразного развития.

Совершенно то же самое мы наблюдаем и в области слуховых восприятий, где количественное нарастание колебания воздушных волн, дающее качественное различие воспринимаемых нашим ухом тонов и полутона, идет тем же скачкообразным темпом: так, в пределах первой октавы при 261 колебании мы имеем б, при 293 колебаниях—ре, при 329 колебаниях—ми и т. д.

Еще более этот принцип скачкообразного развития выступает при обосновании так называемых минимальных разностных порогов ощущений. В самом деле, ведь, всякого рода раздражения мы начинаем качественно воспринимать лишь только тогда, когда эти раздражения достигнут определенного количественного предела: так, для восприятия минимальнейшего давления на кожу необходимо, чтобы груз достиг веса, не меньшего 0,002 грамма; для восприятия минимальнейшего тепла необходимо увеличить T° до $1/4^{\circ}\text{C}$; для восприятия минимальнейшего звука необходимо падение пробкового шарика, весом в 0,001 грамма, с высоты 0,001 метра на стеклянную пластинку, при рассеянии уха от этой пластинки на 0,091 метра, и т. д.

Тому же самому принципу подчиняется нарастание и разностных порогов ощущений. Так, для того, чтобы вы заметили, что груз, ле-

жащий у вас на руке, стал тяжелее, необходимо этот груз увеличить не менее $\frac{1}{12}$ части его первоначального веса; для того, чтобы заметить, что в зале, где горят тысяча свечей, стало чуть-чуть светлее, необходимо прибавить к одному, двум, трем и т. д. свечам, а не менее $\frac{1}{12}$ всего наличия свеч, т. е. не менее десяти свеч. А для того, чтобы оркестр, в котором играют, положим, 70 человек музыкантов, стал звучать чуть-чуть громче, надо увеличить количество музыкантов не менее, как на $\frac{1}{12}$ часть, т. е. на 10 музыкантов, и т. д.

Закон Вебера—Фехнера и констатирует по существу не что иное, как положение, что при последовательном количественном росте раздражения качественный рост ощущений подчиняется именно этому принципу скачкообразности в своем развитии.

Тому же самому учит нас и теория контрастов: качественные различия контраста констатируются лишь на определенных стадиях количественных изменений в контрастирующих компонентах.

Несомненно, что тому же самому принципу скачкообразности в своем развитии подчиняется и рост более сложных психо-физиологических процессов: утомления, упражняемости, запоминания, забывания и т. п. Данные эксперимента на каждом шагу подтверждают это. Так, забывание оттенков серого цвета, по данным Леммана, идет не пропорционально протекшему времени с момента восприятия, а нарастает скачкообразно, и если через пять секунд после запоминания все воспроизведение верны, то через 30 секунд верны воспроизведения остается 83% , а через 120 секунд — только 50% . То же происходит и при запоминании: тут нет прямой пропорциональности между количеством изучаемого материала и качественным эффектом при запоминании; так, по данным Леммана, ряд состоящий из 8 изучаемых слов, требует пятикратного повторения, а ряд вдвое длиннее — семнадцатикратного повторения. Ряд же в 24 слова требует для запоминания — тридцатикратного повторения. Таким образом скачкообразность в запоминании явно налицо.

Совершенно то же самое наблюдается и при нарастании утомления, упражняемости и т. п.

Можно думать, что этому же принципу скачкообразности в своем развитии подчиняется и эмоциональная сфера, хотя применить здесь зависимость качественных изменений от количественного нарастания значительно труднее. Но, тем не менее, и здесь мы можем установить те узловые пункты, как называли их Гегель, которые являются результатом скачкообразного развития. Общепринятое, что одна качественно определенная эмоция, достигнув известной грани развития, переходит в качественно резко отличную от нее. В самом деле, и не говоря уже об элементарных состояниях удовольствия и неудовольствия, которые при известной длительности и интенсивности переходят в

противоположные состояния, но если мы возьмем эмоции и более сложного порядка, то увидим, что, например, чувство похвалы, достигнув известного узлового пункта, переходит в самолюбование, чувство собственного достоинства — в чувство гордости, боржливость — в склонность, отважность — в хвальство и т. п., т. е. в состояния, хотя и однородные, но качественно отличные от своих исходных состояний.

Но если, отвлекаясь от всех этих частностей, мы возьмем поведение человека в его целом, то многое в этом поведении для нас станет понятным, если мы подойдем к рассмотрению этого с диалектической точки зрения, именно с точки зрения принципа скачкообразности в развитии.

В самом деле, почему часть крупные и значительные факты сравнительно бесследно проходят для нас, а какой-нибудь часто случавшийся разговор, беглая встреча, несколько брошенные замечания, нынешняя речь, реация, изменяют в корне наше поведение? Это определяется в значительной степени близостью человека к определенному узловому пункту, где необходима лишь самая ничтожная нагрузка, чтобы получился совершенно не соответствующий внешнему раздражению эффект, качественно изменивший в корне поведение человека.

Таким образом можно видеть, что именно этот третий принцип диалектического метода — принцип скачкообразности — находит свое наиболее полное применение в психологии, как науке о поведении человека.

Перейдем теперь к четвертому и последнему принципу диалектики — к принципу прогрессивного развития, к известной триаде Гегеля, говорящей о том, что всякое прогрессивное развитие обусловлено противоречием, как отрицанием тенденции антитезисом, отрицание которого в свою очередь новым противоречием приводит к синтезу, как утверждению тезиса на высшей ступени.

В качестве первого примера называемой триады я беру основной факт протекания психических процессов в двух их противоречиях формах — тезисе и антитезисе, сознательной и бессознательной сферы. Здесь в целом ряде конкретных форм мы видим, как то, что было сознательным, погружается в сферу бессознательного, с тем чтобы здесь возникнуть в своей сознательной и более богатой по содержанию форме. Такими процессами запоминания, следующей затем подсознательной переработки и нового воспроизведения в акте воображения. Таков по своему характеру весь акт творчества, где от сознательной постановки и чисто интенсивной работы над лицом проблемой, мы, не обнажив ее результат, получаем его в совершение готовом виде лишь значительно позже, как следствие интенсивной работы в сфере бессознательного.

О том же самом говорят нам и теории психоанализа Фрейда, где следом за полученной травмой следует скрытый период задержанного первого разрыва, влекущего за собой заболевание, и где симптом является высвобождением этого разрыва в психоаналитическом акте.

Аналогичную трихотомию мы находим и в сфере противления основного акта поведения человека—акта реакции, как известно, состоящего из восприятия и осознания внешнего разражения и обратного ему актилизма—акта реагирования на это разражение, отрицания которого в свою очередь, а тем самым, следовательно, и синтезом, является возвращение вновь к начальному моменту следующей реакции, но уже всегда усложненной опытом предшествующих реакций. В том-то и заключается прогрессирующее развитие процесса реагирования, что опыт предшествующих реакций не исчезает бесследно, а накапливается и усиливает новые реакции. Приведу еще один пример применения трихотомии в виде того принципа, который мне установлен экспериментально и который я подробно излагаю в своем «Учебнике о реакциях человека», называя это принципом одноволновой траты энергии. Дialectическая сущность этого принципа сводится к тому, что энергия в человеческом организме не может быть одновременно интенсивно расходуема и центрально—на умственных трудах—и периферически—на физическую работу. Один вид расходования энергии отрицательно действует на другой. Но последовательная смена одной траты энергии другой и дает именно синтез физической работы и умственного труда, который и является наивысшим и наиболее плодотворным видом расходования энергии организмом.

Не во всяком, конечно, психическом процессе возможно усмотреть и проследить указанную трапезу, ибо если в области биологии и социологии трудно будет проследить все стадии какого-либо процесса, для того, чтобы усмотреть конкретное применение этой трапезы, несмотря на то, что в этой области работали первоклассные умы (взять хотя бы Маркс и Энгельса),—то тем более трудная задача сделать это в психологии, где впервые приходится пробовать этот путь. Но тем не менее выпиленные примеры говорят о том, что и психология не составляет в этом отношении никакого исключения, подчиняясь всецело dialectическому методу.

В заключение возникает крайне существенный вопрос: какой же смысл имеет применение dialectики в психологии? Является ли эта dialectика только принципом объяснения процесса развития или же наряду с этим и методом исследования? И стоит на этой второй точке зрения, почему я и называю dialectический принцип методом. И в отношении того, какое же значение имеет этот dialectический метод для исследования, я думаю, что в психологии следует

аги по тому же пути, по которому идут биология и социология. Что касается двух первых принципов—принципа всеобщей изменчивости и всеобщей связи,—то надо ли говорить, что оба эти принципа стали элементарными требованиями всякой научной дисциплины, и потому исследовательской ее применение не вызывает сомнений. Что касается трихотомии, то этот принцип имеет скорее философское значение, как формула прогрессивного развития. Я думаю, что наибольшее значение в исследовательском смысле, по крайней мере для психологии, может иметь и имеет—принцип скачкообразного развития процессов с переходом от количественных определений к качественным. И если в области биологии этот принцип дал нам теорию мутаций ле-Фриза, объясняющую наступление значительных изменений в развитии видов, а в области социологии—теорию социально-экономических кризисов и революций, то в области психиатрии теория перехода количественных определений к качественным имеет первостепенное значение при разрешении многих проблем, как теоретического, так и прикладного характера. Так, например, давнишний спор между И. Н. Навязовым и В. А. Вагнером о том, является ли инстинкт чем-то по самой природе отличным от рефлекса или же только усложнением этого последнего, этот спор, вероятно, был бы давно разрешен, если бы был принят во внимание этот принцип перехода количественных определений к качественным. В данном случае, как и во многих других, спор имеет всецело вербальный характер, ибо часто то, что кажется принципиально различными, на самом деле есть лишь не больше, как только новая качественная форма этого количественного определения того же самого объекта.

Не бесполезным оказалось бы применение этого принципа скачкообразности и в тех областях психологии, как науки о реакциях человека, где эти реакции являются часто неожиданно и резко качественно меняющимися, как, например, в детской психологии и психопатологии. В самом деле, каким образом возможно было бы понять и объяснить те резко наступающие качественные изменения в поведении ребенка или больного, если бы учесть этого принципа скачкообразного перехода от количества к качеству. Только знакомство с dialectическими принципами развития делает нам понятным и саму сущность этих изменений. Вот почему прав Энгельс, когда он говорит, что dialectика является не только принципом доказательства, но вместе с тем и методом исследования. Я и думаю, что этот метод исследования окажется столь же плодотворным в применении в психологии, насколько он оказался плодотворным в применении в биологии и социологии.

К. Корнилов.

ного разве только Тимирязевым. Оба они предполагают, что являются инспирированными в толковании современных достижений естествознания. Может быть, в этом был бы и не большой грех, но оба они кичатся также и своей непогрешимостью в области философии. Это уже значительно хуже, потому что если они даже и недурманы естественники, то с этим можно и должно спорить на философской арене.

Стуков дравильно отмечает в следующем номере журнала, что тон статьи Максимова означает не что иное, как «учебное чванство». Он так и выделяет этот термин «учебное чванство». И надо отдать ему спра-ведливости, что, несомненно, на то, что по существу дела он совершил не мало ошибок, а Максимов, с другой стороны, высказал немало вполне правильных суждений, тон статьи последнего представляет собой несомненно не товарищеское «учебное чванство».

Что требовалось доказать?

Прежде всего мыслем основные вещи. Что доказывается в упо-мянутой мною статье «Наступление на материализм» и что пытаются доказать т. Тимирязев?

Статья—«Наступление на материализм»—прямо начинается с того, что принцип относительности используется буржуазными учеными для нового поклона на материалистическую философию. Несовпадениями цитатами из книг—Насыщена, Касслер, Эйткен и других—поглощается стремление буржуазных профессоров обернуть принцип относительности против материализма. Далее там же говорится, что среди самих материалистов господствует несогласованность взглядов на теорию Эйнштейна. Часть из них признает эту теорию вполне приемлемой материалистической точки зрения; другая часть считает, что принцип относительности отвергает материализм.

Тем более необходимо разобраться в философском зна-чении этой теории, что у материалистов также не наблюдается пока единства взглядов в отношении этой теории. Тов. Тимирязев в № 2 «Красной Нови» за 1921 г. высказывает в том смысле, что теория Эйнштейна разрушает материализм, что она анти-материалистична. Этю же мысль он повторяет осенью 1922 года на докладе в Московском Комитете Р.К.И.* (стр. 85).

Следовательно, вопрос ставится не в плоскость анализа физи-ческих возречий Эйнштейна, а в плоскость выражения их философских последствий. Неоднократно говорится эта мысль в упо-мянутой статье.

Дело физиков и математиков вносить те или иные частные коррекции в построения Эйнштейна. Для нас ценно было узять философское, т.е. общее, значение его теории».

Без того, там прямо говорится, что философские взгляды самого Эйнштейна точко также не могут нас интересовать. Нас интересует исключительно вопрос о том, отвергается ли материалистическая философия принципом относительности, или же этот принцип, как и все другие законы естествознания, лишь подтверждает теорию диаметрического материализма.

Следовательно, совершенно ясно, что перед нами стоит исключительно философская проблема.

Верно ли замечание, что у материалистов нет определенного взгляда на теорию относительности? Верно ли утверждение, что

Эйнштейн и материализм.

(Однако т. А. К. Тимирязев).

В 6—7 № «Под Знаменем Марксизма» 1923 г. тов. А. Тимирязев обрушивается на мою статью «Наступление на материализм». Нельзя сказать, чтобы тон его статьи оправдывался солидностью представляемых им суждений. Он во-весьма-точка-делает-случаи-для-высокочерного-изучения-и-увлекает-жены-в-круглом-неведении. Его шикнурает мысль, что люди, не обладающие профессорскими «тигами» и не специализировавшиеся в той или иной отрасли естествознания, имеют способность суждения о принципах относительности. Излагая следующую мнению попытку доказательства приемлемости принципа относительности для материалиста, Тимирязев далее пишет:

«Как может философ материалист выполнить такую задачу, для этого надо быть во-всегда-зажиганы-всего-современного-естествознания; надо уметь отличать факты от их, может быть, очень эффективных, но все же произвольных толкований... Короче, надо уметь отличать опытную науку от умозрения, оторванную от действительности... Для всякого ясно, что эта задача невыполнима без основательного знакомства с научными явлениями, чего нельзя достичнуть, однако, полагаясь инакомыслием, в своей значительной части, по-тульской литературе по принципу относительности, заполнившей книжный рынок из-за границы и нас».

Все это камень в мой огород. Неоднократно, на протяжении всей статьи т. Тимирязев с «ученым видом занотки» сообщает о моем неспособлениии, о «люне, который слышал тов. Гольцман», о «веселых разъяснениях тов. Гольцмана» и т. д. и т. п. до бесконечности. Самому названию своей статьи т. Тимирязев придал саркастический характер: «Несколько замечаний по поводу наступления на материализм тов. Гольцмана».

На страницах журнала «Под Знаменем Марксизма» это уже не первый случай «ученого отпора» профессорским руководителям жур-нала научным профessionals, пытающимися свою суждение иметь по вопросам материалистической философии.

В № 4—5 журнала т. Стуков поместил статью «Теория относительности и материализм». Но существу дела т. Стуков во многом ошибается, в некоторых случаях он прямо искривленно толкует до-зования, высказанные Эйнштейном. Однако он делает искреннюю попытку разобраться в вопросе: выяснить отношение марксист-к-принципу относительности.

Ответ т. Максимова Стукову, помещенный в том же номере журнала, представляет собой верх ученого неспокойствия, превозле-

т. Тимирязев считает принцип относительности несовместимым с материализмом?

Верно. И для ответа на первый вопрос для нас достаточно санкционировать т. Троцкого, который к тому же обобщает свой ответ. Именем в виду новейшее исследование психо-физиологии и физики т. Троцкий констатирует их равнодействие. Но его «иначе», он следует свести «в общем контексте диалектического материализма». Следующими словами обрушивается он на наших яркоцен «неновомыслимозаударенских» наук:

«Что скажут метафизики чисто-пролетарской науки по поводу теории относительности? Примиримся она с материализмом или нет? Решен ли этот вопрос? Где, когда и как? Что работы нашего физиолога Нильсона целиком идут по линии материализма—это ясно и профиль. Но что сказать по поводу психо-физиологической теории Фрейда. Примиримся ли она с материализмом, или думают, напр., т. Радек (и я вместе с ним), или же практика ей? Тот же вопрос относится и к новым теориям о строении атома и пр. и пр.¹⁾».

Второй номер «Красной Нови» за 1921 год обращает внимание на статью Тимирязева «Принцип относительности». Прелесты земли ему слово:

«Если же спрашивать глубже в теории Эйнштейна и в особенности в ее физических следствиях, которые являются вычетами отчасти и сам автор, и еще в большей степени его, часто не в меру ревностные, поклонники и последователи, то мы сейчас же попустившим, что мы в области чисто идеалистической философии, философские взгляды самого Эйнштейна во многом диаметрально противоположны материалистической философии марксизма».

Излагая далее теорию Эйнштейна и заключивши в изложении Ленана, Тимирязев прибавляет от себя:

«Вот тут-то мы и вступаем на чистородную почву тех называемых умственных экспериментов, т.е. таких предположений, которые несуществуют. Умственные эксперименты хороши для иллюстрации хода мыслей в сложных вопросах. Но беда, когда их них оно становится, как на реальных опытах. Тогда мы неизбежно вступаем в область, где все забронировано от опыта, и, лишившись своей верной опоры, физик неизменно до конца связывается в области идеалистической философии, т.е. туда, где ему прежде всего придется расстаться со всем «своим инчкой»».

Точка зрения т. Тимирязева высказана им здесь вполне категорично и без всяких туманностей: Эйнштейн приводит нас к идеализму, Эйнштейн диаметрально противоположен материалистической философии марксизма.

Если т. Тимирязев был недоволен статьей, защищающей Эйнштейна (именем) в точке зрения «материалистической» философии марксизма²⁾, то он должен был бы высказать в первую очередь философские аргументы. Но что он делает? Он доказывает, что толкования Эйнштейна были неправильными в статье защитника последнего

и что автор статьи, защищающей Эйнштейна, вообще незнаком с естествознанием. Допустим, что все это именно так. Следует ли отсюда, что принцип относительности действительно противоречит марксизму? Вот это-то и надо было доказать, а этого т. Тимирязев не делает.

Что же требуется для совместимости теории относительности с диалектическим материализмом?

Мы видели, что т. Тимирязев не доказывает существования противоречия между Эйнштейном и материализмом. Он декретирует его.

Междуд тем, громадный интерес представляет собой доказательство этого противоречия. Что должен сделать марксист, пытавшийся установить отношение материализма к данной физической теории? Совершенно ясно, что он должен подвергнуть эту теорию испытанию с точки зрения основных принципов нашей материалистической философии. Рассуждения Тимирязева об «умозрительном» характере Эйнштейновской теории не имеют никакой цены. Разве теория Нильсона не «умозрительна»? Обратите внимание на все основные теории, на которых держится современное естествознание, и назовите мне те, которые не оперируют «умственными экспериментами».

С своей стороны, я назову всю геометрию Евклида, о котором мы еще будем иметь случай вести более подробный разговор впереда. Расскажите мне, где же Евклид лгал, «опыты» при выборке основных своих теорем? Где это на видели треугольник или окружность в некотором смысле Евклидовским способом? Теперь обратимся к геологии и биологии. Избегайте ли Лильев и Дарвина умственных экспериментов? И могли бы они их избегнуть, если бы даже этого хотели?

Нужно быть слепым, чтобы не видеть, что чем величественнее, смелее та или иная физическая теория, тем абстрактнее поступат, на котором она поконется. И во всяком случае не марксисту и не материалисту нужно требовать от философии ограничения одиними «фактами» и опыты. Отсюда правило, давным-давно проторенная ложка к позитивизму—узкоголов философии» естественников буржуазной ориентации.

Чего требует материализм от физики? Не очень много. Для того, чтобы физическая теория удовлетворяла диалектическому материализму, необходимо и достаточно, чтобы она сводила все события в природе к процессу вещества.

Все открытия т. Тимирязева (а кстати и т. Максимова) о том, что Эйнштейн произвольно выдумывает теории, что у него «умозрительный подход», что «зависимость между пространством, временем, движением и пр. состояниями материи родилась лишь из головы Эйнштейна», суть лишь пустые увертки, отыскивания у решения задачек, вместо короткого и ясного ответа на поставленный выше вопрос.

Вот если они нам покажут, что Эйнштейн отрицает существование материи, как единственной сущности природы, тогда мы с ними согласимся. Или если они, на основании фактов и опыта, докажут нам, что материя у Эйнштейна неподвижна, тогда мы им поклонимся в ноги и признаем наши ошибки.

Покуда спор идет о физической целиности принципа относительности, нам под надобность дискутировать о тех или иных «аспектах» теории Эйнштейна. Потуги Тимирязева и Максимова («парочка товарищескую») дискредитировать несостоятельство воззрений

¹⁾ Л. Троцкий. Литература и революция, стр. 362.

Эйнштейна на эфир не имеет решительного никакого отношения к делу. Существует ли эфир или нет, материализму до того нет дела. Если бы сегодня т. Тимирязев или какой-либо иной великий ученый открыл, что никакого эфира нет,—материализм, как философия, от этого ничего не проиграл, но ничего не выиграл бы и от обратного. Материализм никогда не надеялся векселя на признание привильности тех теорий, которые его подверграли. Пример: как отвратится диалектический материализм к спору Ньютона и Гельгенса о распространении света? Если угодно, теория Ньютона, на первый взгляд, более импонирует материалисту, так как она сводит распространение луча света к прямому, наука же материальных частичек Гельгенса выдвигает теорию колебаний эфира. Что такое эфир, никто, однако, только не знает. Следует ли из этого, что материализм отдаст предпочтение Ньютуру? Ни в коем случае! Борьба между Ньютоном и Гельгенсом замкнута в себе и никаким образом не заставляет основ материалистической философии, поскольку в тот и другой признаются объективность процессов, визуализирующих распространение света.

Совершенно ясно, что если бы какой-либо доморощенный материалист отдал предпочтение одному из упомянутых теорий, исходя из философской—материалистических соображений, мы должны были бы признать, что этот человек занимается чистыми "умозрениями", что свое несомненно в естествознании он прикрывает "философским", т. е. мудрствованием лукавым. Мы сказали бы, что он подхалил естественное и уж во всяком случае очень слабый материалист.

Но, ведь, этот подход и увенчан себе по отношению к Эйнштейну т. Тимирязев и Максимов.

Материализм сохраняет полный и безусловный нейтралитет по отношению к физическим основам теории Эйнштейна. Он может отваживаться исключительно с точки зрения философской ее приемлемости. Но разумеется, когда физическая теория побеждает, материализм никогда не откажется обрасти «ко» ее силу против своих идеалистических противников всех мастей.

Кое-что о матери.

Итак, удовлетворяет ли принцип относительности основному требованию материализма: признает ли он существование материи?

Этот вопрос освещен в упомянутой статье: "Наступление за материализм", и здесь мы можем ограничиться лишь краткими уточнениями. Эйнштейн не выдвигает никакой новой теории вещества. Он целиком принимает данные физики, разработанные Рэйфердтом, Максвеллом и др. Он говорит:

"Так как по наименованием современных воззрений и элементарные частицы материи представляют не что иное, как ступени электромагнитного поля... и т. д. («Эфир и принцип относительности», стр. 25).

Для него вообще вопрос о материи не становится гносеологически, но его больше интересует взаимоотношение различных свойств материи, раз она существует.

Больше всего, однако, обижается т. Тимирязев на пренебрежение Эйнштейновской формулы

$$M = \frac{E}{C^2}$$

массы тела равна его энергии, деленной на квадрат скорости распространения света"). Тут у него два возражения: Прежде всего, эта формула открыта не Эйнштейном, а Томсоном. Затем эта формула еще не проверена окончательно.

Но мы не будем здесь защищать приоритет того или иного ученого. Характерно это неизподданное озлобление т. Тимирязева против Эйнштейна: "Эта формула ($M = \frac{E}{C^2}$) была выведена гораздо раньше Эйнштейна Джозефом Томсоном и вторгается буржуазной наукой". Чего же из того, т. Тимирязев? Мы готовы воздать должное д. Томсону и полагаем, что его приоритет ни на какой мере не может повлиять на оценку этой формулы. Раз вы эту формулу признаете вместе с тем (неважно от того, кто ее автор), вы признаете вместе с тем, что масса вещества может быть сведена к энергии.

Но в этом пункте тов. Тимирязев уклоняется от прямого ответа. И в этом его второе возражение. В одном месте он говорит: "Томсоновское объяснение позволяет нам избавить физику от поискиного явно метафизического характера понятия 'потенциальной энергии'. Как будто отнесение к Томсону прилично". Двеумя строками ниже: "Но ставим ли мы на точку зрения... Томсона или на точку зрения Эйнштейна—мы должны будем сказать, что эта формула далеко еще не так хорошо проверена на опыте" (стр. 237).

Это типично ученый язык: с одной стороны—с другой стороны. Формула "хороша, но не совсем хороша". Но все же, т. Тимирязев, насколько она хороша? Первое нечестование заключается в том, что она слишком коротка, ибо, игнорирует я буржуазной наукой! Но эти причины можно проиллюстрировать, что она—короче именно для диалектического материализма.

Для нас гениных профанов, однако, не столь важно, если т. Тимирязев "на опыте проверяется" висит на 10%, поправку в эту формулу. Нам интересно выяснить, согласована ли эта формула с современным состоянием науки с основными положениями диалектического материализма.

Упомянутые пренебрежения (или вернее—одиозности) матери вспомогают необычайно пугать нашего автора. Он рекомендует мне прочесть книгу Линни "Материализм и эмпириокритицизм", где Владимир Ильин, икобы, обрушивается на Германа Котена, находившегося на то, что электрическая теория материи приводит к побеце идеализма. "Удивительно", право, дела творятся на свете! воскликнет т. Тимирязев. "Материалисты идут под ручку с идеалистами".

Разрушается ли материализм сведением материи к энергии, и наоборот?

Насчет того, что с кем гулит под ручку, мы еще будем иметь случай убедиться как-нибудь позднее. Пока же посмотрим, что писал т. Тимирязев.

Конечно, никто из нас не может выдать векселя в том, что его мысли будут всегда и во всем совпадать с выводами Маркса, Эйн-

¹ В упомянутой моей статье приведена также формула, что и здесь в тексте, но написана для краткости:

... Энергия, измеренная в величине скорости света". Из формулы, конечно, явно, что речь идет о квадрате скорости. Тем не менее, т. Тимирязев не упомянул склонность заскакивать "измеряя—на квадрат скорости" (стр. 238).

тельств и Ленина. Однако сочинения последних служат нам критикой, с которым мы должны, так сказать, сознательно, наши соображения, постоянно себя проверять.

Непр ятно, поэтому, сознательно, что мыслишь по иному, чем Ильич, ибо это требует новой коренной и тщательной проверки как собственной аргументации, так и хода мысли т. Ленина.

Вот с такими чувствами сидел раскрадан в Х том сочинений Ленина, в котором напечатан «Материализм и empirиокритицизм».

Должен без оговорок признаться связь правда на стороне т. Тимирязева. Действительно, в напечатан в Ильича ряд интереснейших мыслей, существующих о той ясности и широте единосмыслия, с которой этот, по премуществу политический, борец подходил к вопросам физики. Я настоятельно рекомендую т. читателям снова и снова перечесть это поразительное сочинение, написанное почти 15 лет назад и так прекрасно отвечающее на вопросы, терзающие современную физику. Я настоятельно рекомендую и т. Тимирязеву не «просмотреть», а прочесть всю 5-ю главу от начала и до конца.

Владимир Ильич вполне правильно ставит вопрос не как физик, а как философ. Дело физиков доказывать, действительно ли сводится к водороду все вещества, является ли электричество основой материи, существует или не существует эфир и пр. Пусть они, ходоропро проверят все это на опыте». Ильич же интересует физические выводы¹⁴.

Чтобы поставить вопрос с единственно правильной, т.е. диалектическо-материалистической, точки зрения, надо спросить: существуют ли электроны, эфир и так далее вне человеческого сознания, как объективная реальность, или нет? На этот вопрос естествоиспытатели также как без колебаний должны будут ответить и отвечать да, как они без колебаний признают существование природы до человека и до органической материи. И этим разрешается вопрос в пользу материализма, ибо понятие материи, как мы уже говорили, не означает гносеологически ничего иного, кроме как объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им. (Стр. 219—220).

Тов. Тимирязев совершенно не понял Ленина, когда ссылался на его возражения против Остwaldа. Дело заключается совершенно не в том, что Остwald признает однородность материи и энергии. Спор шел вовсе не по этой линии и знаменитым формула

$$M = \frac{E}{c^2}$$

здесь не при чем.

Т-я Тимирязев слышал звон и спешит откланяться. Столкнувшись с большой головой на здоровую. Между тем, если бы Остwald признался, что энергия, электрон, эфир и так далее существуют вне человеческого сознания, как «объективная реальность», спора бы и не было. Я в беде в том, что Остwald рассуждает не как физик, а как философ и хотел из своих философских постулаторов вывести физические законы, аналогично тому, как т. Тимирязев отвергает физиологии, исходя из любых философских постулатов.

¹⁴ В дальнейшем во всех цитатах будет цитата Ленина. Цитируется по тому же соч. Ленина. Госиздат. Москва 1929 г.

Когда в связи с возникновением электрической теории материи буржуазные философы, в том числе Герман Коген и др., подняли крик о крушении материализма, об «исчезновении материи», об «энергетических основах бытия» и пр. и пр., когда, казалось, вот-вот снова разладятся знаменитые Дубу-Реймондовское «*ignorantismus*» (точка в том, как теперь в связи с принципами относится к вещи). Ильич хладнокровно разбралась в этом деле, изучив вопрос и заявив: «Что вы, молчите? Материя исчезла! Материализм погиб! Да вы никогда не имели представления ни о материи, ни о материализме. Не только никакого кризиса материализма нет и в помине, но, наоборот, никогда еще диалектический материализм не получал столь блестящих подтверждений со стороны физики, как именно теперь. Поехайте, т. Тимирязев, Ильича и укажите, Христа ради, где это Ильич ошибился замены материи на энергией. (Или вы, быть может, оснаряиваете, что электричество есть энергия?)

«Естественные ведут, следовательно, к единству материин» — вот действительное содержание той фразы об исчезновении материи, о замене материи электричеством и т. д., которая сбывает с толку столь многих. Материя исчезает, это значит исчезает тот преграда, до которого мы знали материю до сих пор. Наше знание идет глубже, исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. д.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. Ибо единственно «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания» (Стр. 218).

Прямо удивляются необычайной смелости высказанных здесь Ильичем мыслей. Тем более, что он писал свою книгу вслед за тем, что было сделано всего 15 лет назад, когда эти физические теории были еще пока не сформулированы. Однако его выводы гораздо более «эретичны», чем те, на которые обрушивается т. Тимирязев. Принята индуктивистская формула, он полагал, что масса вещества измеряется силой энергии, деленной на квадрат скорости света. Не дававшая в детальную оценку этой формулы («короная поверки») т. Тимирязеву и заявил: эта формула не противоречит диалектическому материализму. Из-за чего мы с Эйнштейном скориться не будем. Но Ленин знал куда дальше. Он заявлял, что даже полное исчезновение массы, уничтожение «основных» свойств материи, т.е. тех, которые до сего времени были неразрывно связаны с наименем представляемым о материи, как, например, непроницаемость, инерция и т. д. — это не обескураживает, как материалиста. Ибо, повторю, материализм не дает и, наоборот, никогда не даст гарантии покорительства той или иной физической теории, поскольку она не имеет специфического обоснования. Материализм не знает монополии в естественных науках.

Когда Ленин боролся против энергетиков, махистов, хантинцев и пр. представителей идеалистической философии, он не то ставил им в вину, что они заменяют материи электричеством, энергией или чем либо иным. Речь шла о том, что по предложению всех этих «школ» взаимо-материи ничего не ставилось. Осталось одно лишь «движение», но не виноват среди, а лишь как «ощущение». Вот против этого и выступал Ильич, или всякий, кто в какой бы то ни было форме признает, что движение есть только наше ощуще-

ние, хотя и "хорошо проверенное" на опыте, тот неминуемо считается в сознании. Как известно, Ильич правильно сводил все на материалистические взаимоотношения в колицизмусу.

Когда же Т. Тимирязев борется против электрической теории материи во имя материализма, то он служит не Богу, но Мамоне. Ибо материалистам отнюдь не нравится против "единства материи". Кто представляет себе, что "материя" должна обладать обязательными теми свойствами, которые ей приписываются классической физикой (кстати сказать, сформулированными уже Синцовой в его "Этюде"), тот, в душном случае, защищает вульгарного материалиста Бахера—Молешетта, но не современный диалектический взгляд на природу.

Нужно ли связывать судьбу Евклида с материализмом?

Этот вопрос точно также возникает из нашей с Т. Тимирязевым дискуссии. Правда, сперва он лайко упрекнул меня в благородности, доказывая, что Гутерберг, Мономорфельд, Эйлер и еще подъяльники перечислены им учеными никогда ни Евклида не видели. Мы оставим, однако, эти упреки без внимания и подойдем непосредственно к поставленному выше вопросу.

То, что Тимирязев сам чувствует необходимость ответа на этот вопрос, Однако его "позитивистская" осторожность не дает ему из возможности определенно по этому поводу высказаться. Таким образом факты, доказывающие необходимость отказаться от Евклидовской геометрии, пока еще нет; из этого вовсе не следует, что нам никогда не придется признать, что Евклидовская геометрия есть первое приближение; но для этого надо будет подождать новых фактов, новый открытий» (стр. 237).

Конечно, это терпение делает честь Тимирязеву. Со временем Евклид прошел во много, но мало: две с половиной тысячи лет. С тех пор не мало-таки воды утекло и кое-что произошло и в науке, и во... мы проверим хорошо, подождем новых фактов, новых открытий».

Когда Евклид собрал в своих трудах опыт сотен лет (а может быть и тысячелетий) предшествующего математического творчества человечества, последнему был знаком лишь небольшой треугольный земной поверхности, упирающийся своими вершинами в Малую Азию, Египет и Грецию. И не предполагал, чтобы кто-либо из материалистов оснаринал, что аксиомы Евклида фактически отображают собой опыт ино-греческого человечества. Что геометрия возникла из опыта, знает теперь каждый школьник. Нужно удивляться мозги Евклидовского гения, сумевшего чисто умозрительным путем из такого ограниченного опыта абстрагировать к столу общим доказательствам.

Для того, чтобы эти доказательства достичь успеха, Евклиду пришлось совершенно отвлечься от физических свойств тех тел, с которыми он имеет дело. Для его цели, шары или пирамиды не имеют никакого значения: температура, тяготение или движение тела. Более того, изучая одни величины, он совершенно игнорирует другие; столь же физически необходимые величины тела. Линия не имеет у него никакой толщины, ширины, точка же так же, как плоскость не обладает глубиной. Поэтому, в смысле абстрактного происхождения Евклидовых аксиом, Энгельшиль имел полное право сказать, что «поскольку положения математики относятся к действительности, постольку они неверны; и они верны постольку, поскольку они не относятся к действительности» («Геометрия и опыт», стр. 4), хотя это и звучит парадоксально. Евклидовы фигуры и тела имеют абсолютно правильные

формы. Но эти формы нигде в природе не существуют. Они выдуманы! Пожалуй, нет лучшей аналогии для Евклидова мира, как Платоновский мир заблуждений идей. Но этим дело не ограничивается. Представления Евклида о шаре и пирамиде целиком зависят и основываются на его представлениях о прямолинейных отрезках и плоскостях. Ни для кого не секрет, что изложение криволинейных плоскостей и объемов построено на основе приближенных вычислений, посредством плоскостей и отрезков. Такой подход к криволинейным поверхностям и объемам оправдывается историческим происхождением Евклидовой геометрии. Как уже было упомянуто, геометрия эта развилась на небольшом треугольнике между Египтом, Малой Азией и Грецией. Чем меньше участок земли знания человечества, тем ближе к действительности измерения, проводимые на основе Евклидовой геометрии. Идеальные поверхности и отрезки, представляемые Евклидом, практически соответствуют ограниченному опыту человечества, замкнутого на небольшой территории. Ознакомление с большими площадями земной поверхности, связанное с воинственным путешествием, стало колебать основу Евклидовой геометрии. Открытие Христофора Колумба показало, что практическая прямой линии не существует и даже идеальный прямолинейный отрезок, изображенный на школьной доске при значительном его продолжении образует собою кривую».

Поля Лафарг, цитируемого соратником по "антропионитейшинисту" том Максимовым, Тимирязев наползает доказательство того, как историческая былая почекойла Евклидова геометрия.

Знаменитые поступат Евклида о параллельных линиях был отброшен именно открытием изобразности земной поверхности в эпоху мировых путешествий. Лафарг выражается категорически:

...кривизна плоскостей и линий выражает, смотря со стороны или меньшей удаленности от экватора. Таким образом Евклидов поступат, который лежит в основе геометрии, оказался при проверке ошибочным; но Евклидовы же системы геометрии близко подходит к истине»¹.

Как видно, Лафарг выражается довольно-таки определенно в противовес Тимирязеву, ждущему нового „опыта“. Лафарг прямо заявляет, что Евклидовы поступат ошибочен и что не-Евклидовы геометрии ближе подходит к истине. Разумеется, никто не станет оспаривать того, что у Лафарга истина есть истина — опыт, а не абстракция.

Простой пример показывает нам, насколько оказалось необходимым для человечества перейти от прямолинейной геометрии к новым формам измерения. В древности единицей измерения был „пocket“, наль² и т. д. Что это такое: прямолинейные отрезки или нет? При старых условиях измерений, это, естественно, были прямолинейные отрезки — масштабы, посредством которых измеряли количество передаваемых при обмене друг другу товаров. Наши русский арии есть точно такие прямолинейные отрезки — масштаб. Но эта стадия экономического развития ограничена узкой территорией и узким базисом обмена. Затем Евклидова геометрия безраздельно господствует как в прикладных измерениях, так и в математических представлениях людей. Однако характерной иллюстрацией практического

¹ У меня нет под рукой прописей Лафарга: «Физиками, остатковами, математиками, в которых за статьи Максимова в 1—5 номерах журнала „Под знаменем марксизма“ Кетта Максимов утверждала, что Евклидова геометрия против Струве. Я прислонил ее к настенной фразе: антиантропионитейшинистов говорят между собой за таким простоту вопроса».

² Откуда выражение: „на соль пах земля“.

последовательного перехода человечества к криволинейной системе измерения является введение новой единицы измерения — метра. Что такое метр? Не первый взгляд это привычнейший отрезок. Но здесь есть часть дуги, сознательно принятая именно как таковая. Метр равен 1/40,000,000 части земного меридиана. Т.е. 40 милл. метров представляют собой сдвинутую у полюсов окружность 10 милл. метров является четвертью дуги... — квадрантом. Однако в практической последовательности метром можно измерять и то, что привыто называть плоскостью или отрезком. Это наиболее характерный пример того, как в узких пределах криволинейные масштабы могут совпадать с прямолинейными, и как последние являются частным случаем первых.

Как сказано было, мировые путешествия XVI и XVII столетий исторически привели к сферическим масштабам и отсюда — к неевклидовской геометрии. Смыслы логики т. Тимирязева, что Евклидову геометрию пользуется всеобщим практическим призванием. Поскольку речь идет о твердых телах, употребление которых не требует от них применения корректировки на проходящие внутрь них процессы, поэтому, конечно, Евклидова геометрия практична. Старое живет наряду с новым и Евклидова геометрия применяется наряду с современным, почти совершенно отвергающим ее измерениями. Однако современные учеными при привнесении Евклидова метода измерения всегда имеют виду ту ошибку, которая может его склонить при этом способе и при этих масштабах.

Тов. Тимирязев говорит о том, что ряд новейших исследований основанных на Евклиде. С тем же правом он мог бы сказать, что современный цивилизованский язык основан на санскритском, ибо наше европейские языки, как известно, произошли от последнего и лингвист отмечает в нем корни употребляемыми нами слов. Тем не менее, ни один взрослый человек не станет утверждать, что санскритский язык есть язык современного человечества. То же с Евклидом. Если угодно, система дифференциального и интегрального исчисления имеет корни у Евклида, их связующим звеном является теория пределов. Однако, посмотрите, разве не два совершенно различных мира — современные дифференциальные исчисления и Евклидова геометрия — твердых отрезков?

Дело не этим только ограничивается, что человечество от узких территориальных участков перешло к обладанию всем земным шаром. Аналогично тому, как в биологии, наряду с макробиотой, развилаось учение о микробиотах, так и в физике — измерение громадных мировых пространств идет параллельно внедрению человеческого знания в жизнь небольших тел и атомов. Представление о мире стало теперь совершенно несопоставимо древне-греческому. Современная природа не является суммой ограниченных измерений тел, знакомых древнему греку, ибо каждое тело в свою очередь оказалось громадным миром. Современная атомистика лучше всего это подтверждает. Поэтому и Евклидова геометрия оказалась недостаточной не только благодаря переходу к большим величинам, но и благодаря тому, что малые величины, если можно так выражаться, превратились в беспрепятственно громадные.

Мир движений, открытый в современном атоме, делает горько также неизрекаемым Евклидову геометрию твердых отрезков, как и грандиозные величины мирового пространства.

Поэтому, когда вопрос ставится так — связан ли материализм с

Евклидом, мы должны сказать: нет; безусловно не связан. Материализм опять-таки в математике, как и в физике, неimmer предполагает монополии той или иной теории. Но в силу этого, он и не будет цепляться за Евклида. Покуда цель мир был ограничен небольшими участками земли, материализм отдавал предпочтение Эйлину и если бы тогда и ожилась, напр., Риманова геометрия, то весьма вероятно, что материалисты выступили бы против нее, ибо в тех условиях она была бы именно "изображаемой" геометрией. Но, при современных условиях, когда Евклид ограничен локтими и арифметикой, а вслед за ним человечеством пространства раскинулись на миллионы и миллионы километров, воображаемой геометрией является скорее геометрия Евклида, чем что бы то ни было иное.

О социальной характеристике теории относительности.

Несбывшийся шум подняли т. Тимирязев и Максимов относительно социологического значения теории Эйнштейна.

Наш естественники, философы и математики, помимо всех своих заслуг, оказываются еще хорошими социологами. Они доказали заслугу, что Эйнштейн является спасением ущербности не только современной науки, но и всего современного капиталистического общества, что, "история, окутывающая теорию Эйнштейна, выражает собой отголосок буржуазных классов побежденной Германии". В особенности много на этот счет писал т. Максимов. Поддерживая его в этом деле и Тимирязев.

Но откуда берутся факты, которыми можно было бы доказать, что теория относительности является как раз выражением этого общественно-настроения, о котором говорят наши товарищи. Ведь, для того, чтобы судить о социальном значении той или иной теории, надо не найти хоть какие-нибудь, если не много фактов; ведь, недостаточно построить одну линию "умозрительную теорию", основанную на том, что за Эйнштейном ходились кавалеры, машины и проч. Иначе ты несешь чистую. Это совершенно справедливо и об этом говорится в моей предыдущей статье. Но что же из этого следует? Разные ординации против материализма не являлись в руках спонсоров философии либо о практике есть единична? Посмотрите, пожалуйста! "Историю материализма" Ф. Лагле, и вы увидите, как на протяжении целых научных открытий обращалась против материи, — рационализма, идеализма, вспомним о книге, прекрасно доказывает, что вся современная физика и одно за другим все открытия ее использовывались, как материал против материализма.

Однако скажите, пожалуйста, где это видно, чтобы на основании этого судить, что эти открытия являются олицетворением "уничтожности" или реационности современной буржуазии¹⁾. Как раз наоборот. Чем сильнее был идеалистов, инструментариев в тысячных и стотысячных раз материалистическую философию, тем больше

¹⁾ Скажу сейчас разумеется, сказавши в сущности относиться лишь к физической и практической сторонам в отрыве от их философско-математических "высот". Так, разумеется есть практическая отраслевая наука, производящая науки, а также физическая, но философия Матусевская, изложенные Дарвином и ученым Сенегаром, якобы "математическая" на различные темы не может быть приложена. В их основе лежит не естественно-физична, но физико-математическая наука самозанятия господствующих классов.

шансов (будьте уверены), что причина этого вол—их боязнь за собственную школу.

Это странные природы материи, теория капитала, которую, казалось, так восхваляют т. Тимирязев, разве все это не послужило «сводом к новым нападкам на марксизма». С разным успехом можно утверждать, что теория капитала, как и принцип относительности, испытывалась против философии пролетариата. Тогда Тимирязев является противником Эйнштейна. Это его дело. Но он хочет доказать, что за Эйнштейном стоит лишь ревизионер. Это уже совершенно напрасные потуги. Пребывающая большинство современных физиков признает принцип относительности. В сущности говоря, вместе с Тимирязевым стоит всякая наука: ученыи, следуя ввторых за них перед наукой можно оспаривать. Особенно сильно смущаются Тимирязев и Макензион проф. Ленар. О заслугах Ленара перед физикой можно было бы немало поговорить отдельно. Но интересен выясняющий политическую физиологию этого профессора. В «Известиях» мы научили подробную корреспонденцию из Гайдельберга, где Ленар пишет свою лекцию. Из этой корреспонденции читатель увидит, что даже Гайдельбергское студенчество, которое не страдает излишней революционностью, вынуждено было устроить забастовку и побить стекла в квартире Ленара. Ленар замятенный черноволосен, жилец, прославившийся не столько своим научными открытиями, сколько католической черносотенской выступлениями. И вот эта фурура этого профессора-паписта являлась столпом современного извода против принципа относительности!

Если бы я захотел воспользоваться демагогическим приемом Тимирязева, я должен был бы воскликнуть: «удивительные дела творятся на свете!». Философ-материалист, марксист и революционер побуждается под-рукну и льбезничает и коалирует с немецким черносотенцем, жилодромом.

В настоящие времена нет, конечно, достаточно данных для характеристики социально-политических причин возникновения принципа относительности. Подводя концептуальную базу под чисто-физическую теорию Эйнштейна теперь так же трудно, как найти социологическое объяснение возникновения, скажем, теории Ньютона, или той же теории кванта—Планка. Для того, чтобы выяснить социальные причины возникновения этих теорий и развитие науки в тихих детях, нам нужно было бы обладать микрометрическими марксистскими шаблонами.

К сожалению, таких точных измерительных приборов в области социологии в нашем распоряжении еще не имеется, и все попытки социологического объяснения отрывных физических теорий являются покушением с ящик негодными средствами.

Мы предварительно обогащались и обогащаемся в последний раз, что философская физиология самого Эйнштейна не предсталяет для нас интересной. Мы отнюдь не можем заниматься тех философских выводов, которые он делает (если и делает) из своей теории. Но, во всяком случае, политическая физиология Эйнштейна нам гораздо более интересна, чем если бы даже и физических ученых типа Ленара.

А. Гольцман.

Эйнштейн, материализм и тов. А. Гольцман.

Ответ на ответ.

Тов. А. Гольцман жестоко на меня обиделся за то, что я в своей статье, напечатанной в № 6—7, «Под знаменем Марксизма» без всяких оговорок и стеснений указал на недостатки промахи, которыми переполнена его статья «Наступление на материализм». Слов нет—быть может очень неприятно, когда тебе указывают на твои ошибки и в особенности после того, как сам во всем разберешься и убедишься, что ошибки действительно были. Тогда—и это вполне естественно—хотите с одной стороны найти для себя какие-нибудь смягчающие обстоятельства и с другой—найти какой-нибудь повод, чтобы хоть чем-нибудь уколоть противника. В таком состоянии однажды легко заговорить больше чем следует, и в ответе т. Гольцмана на мои возражения мы имеем яркий тому пример. «Его (т.е. меня, А. Г.) шокирует мысль, что люди не обладающие профессорскими титулами» (курсив наш. А. Г.) и не специализировавшиеся в той или иной отрасли естествознания, имеют смелость суждения о принципе относительности». Теперь позвольте задать вопрос: где и когда в печатной, рукописной или устной форме я это высказал? Или, быть может, Вы обладаете даром чтения мыслей? Тогда, мой совет, не попадайтесь на эту способность, так как она приводит всего только к несоблюдению поставленным приемам полемики.

Знать то, о чем говоришь и пишешь—это такое правило, которое должно соблюдаться всеми, без всякого исключения. На исполнении этого правила я только и настаиваю, при чем же тут демагогия о профессорских «титлах», питающая разгоряченной фантазии?

Что бы Вы сказали, тов. Гольцман, о таком естественнике—демагоге, профане области общественных наук и элементарной политграмоты, который бы где-нибудь сказал или даже напечатал, что есть никакой разницы между большевиками и меньшевиками, потому что и те и другие считают себя марксистами? Мы бы, конечно, вместе с Нами—я немедленно бы Вам помог—изобличили невежку, и я уверен, вас никто не обвинил бы в «учтивости», если и мне будет позволено писать, по выражению т. Демьяна Бедного, «на черт знает каком языке».

Но какой смысл оставлятьться так долго и на таких пустяках, скажет хладнокровный читатель? К краиннему сожалению, это необходимо и неотходно и портит голову потому, что именно здесь, в этих казалось бы, мелочах мы и находим ключ для объяснения всего

споря—исей нашей дискуссии. Ход мысли тов. Гольцмана таков: что за беда, если я не знаю языка-то молчать, над которыми колошатся разные физики, химики и прочие там всякие естественники; нам философам материалистам нет никакого дела до ваших теорий, до всяких эфиров—мы никому из вас монополии давать не будем. Чтобы читатель однажды не полумал, что я только для отвода глаз писал по поводу членов мыслей, чтобы самому мне было удобнее сейчас же заняться этим мало похвальным делом, я приведу подлинные слова самого т. Гольцмана. «Материализм сохраняет полный и безусловный нейтралитет по отношению к физическим основам теории Эйнштейна. Он может выскакивать исключительно с точки зрения философской ее приемлемости». «Материализм опять так и в математике, как и в физике, не намерен представлять монополии той или иной теории». «Существует ли эфир или нет—материализму до этого нет дела».

Простите, т. Гольцман, за то, что я Вам возвращаю комментарий, но в этих Ваших словах оказывается чванство философа, который Вы сильно заряжены и которым, как правило, болеют философы идеалисты, с презрением относящиеся к наущенным задачам естествознания. У Вас этот вид чванства, повидимому, вытекает из Вашего своеобразного применения диалектического материализма в естествознании. «Чего требует материализм от физики? Не очень много». Для того, чтобы физическая теория удовлетворила диалектическому материализму, необходимо и достаточно, чтобы она сводила все события в природе к процессу вещества» (курсив автора). Нет! тов. Гольцман, тысячу раз нет! Необходимо, но не достаточно! А где же тогда критерий практики? Ведь это очень и очень существенная сторона теории позиции диалектического материализма. Вот Вам наглядный пример. Знаете ли, какая у меня есть теория? Когда на меня смотрят кто-либо из моих собеседников и моргают глазами, то в этот короткий срок, измеримый долинами секунды, я пишущий эти строчки, успеваю слепить на одну из панелей, вращающихся около Сириуса, и вернуться обратно, это происходит так быстро, что я сам об этом ничего не помню. Мне возражают, что не все моргают сразу: кто-нибудь да удосужится когда-нибудь увидеть Ваш полет. Все это верно, отвечая я, но так как впечатления в глазу сохраняются довольно долго, во всяком случае вполне ощущимые доли секунды, так как я воб-также большую часть времени провожу на земле, то принципиально мой полет никто не может увидеть. Не видят же люди летящий спираль? А что касается фантастической скорости, то ведь теперь и Эйнштейн разрешает говорить о скоростях больше чем 300.000 километров в секунду. Давайте обсудим: подходит ли теория под те немногие требования, какие должна

зредъявлять материалист с Вашей точки зрения? Что я сам, пишущий этот не приятный для Вас ответ, состоя из материев—в этом никто не усомнится, и что мое путешествие есть процесс и даже самое простое движение материи—это тоже не подлежит сомнению. Теперь, скажите пожалуйста, тов. Гольцман, по совести, достаточно всего этого, чтобы с моей вздерной теорией должен был считаться материалист? Вот что значит забыть про критерии практики! Материалисту дела нет, говорите Вы, существует ли эфир или нет. Что же? Очень хорошо! Значит материализму дела нет, спорят ли наука чудеса или проповедуют оние. Признание факта существования воли света и воли в тысячи раз более длинных, употребляемых в радиотелефоне, никак не отрицается, даже самими рыжими поклонниками Эйнштейна. С другой стороны, некоторыми отрицается существование той среды, в которой бегут волны. Признавать волны и отрицать то, что волны есть—значит проповедывать самое дешевое чудо: существует движение—не существует только то, что движется! В моей статье я привел метафизические взгляды Эйнштейна на эфир. Новый эфир, декретированый Эйнштейном, нельзя мыслить состоящим из частей и к нему нельзя применять понятие движения и покоя. На это т. Гольцман просто не обратил внимания, отмахнувшись от эфира вообще. И еще с видом победителя объясняет, что во я, вы тов. Макаров не указали, в чём теория Эйнштейна не согласуется с диалектическим материализмом. Кто же спрашивается, прибегает к пустым уверткам?

Но есть места в ответе тов. Гольцмана прямо изумительные: «Когда же т. Тимирязев борется против электрической теории материи во имя материализма, то он служит не богу, но Томсону. Ибо материализм отнюдь не ворзражает против единства материи...»

Тов. Гольцман, читали ли Вы мою статью, которая Вам так рассердила, или следят, или только «просматривают»? Что же я делал, как не защищая электрическую теорию материи, излагая язвные взгляды Томсона на единство материи и эфира? Об этом же вопросе я писал и раньше в № 4 «Под Знаменем Марксизма» за 1922 г., на эту же статью я ссылалось в статье, посвященной разбору Вашего «Наступления на материализм». И только защищая материалистический взгляд на электрическую теорию материи Томсона и восстав против идеалистических истолкований тех же самых положений, что и у Томсона, вы выводили из абстрактных взглядов Эйнштейна.

Различие между этими двумя взглядами можно увидеть на следующем хотя бы и очень грубом примере. Я матюю сломанным и свернутым зонтом—мне это легко: я рассекаю воздух и очень мало увлекаю его с собой. Далее я раскрываю зонтик, преодолевая сопротивление пружинящих прутьев, и передаю им энергию, которую я

при этом затрачиваю. Зонт обладает теперь некоторым избыточным энергией в виде согнутых прутьев. Если я теперь начну им махать, мне будет труднее это сделать—я должен двигать значительно большие массы воздуха,—раскрытий зонта не рассекает так хорошо воздух, как это делает спираль. На этом примере наглядно иллюстрируется мысль Томсона. Увеличение энергии сопровождается изменением формализуемой системы, вследствие чего эта система увлекает с собой большие вещества из окружающей среды—эфира; массы этого эфира и есть та масса, которую Эйнштейн приписывает самой энергии. Эти глубокие мысли были истечены весьма холодно буржуазной философией, потому что они строго материалистичны. А когда, опираясь на поступаты Эйнштейна и на подогретую энергетику Оствальда, стали говорить, что „поле сил“ или заключенная в нем „энергия“, т.е. „способность производить работу“ (другого определения энергии не имеет), имеет свою массу, а потому никакого вещества или „носителя энергии“ больше не надо, тогда все идеалисты, а вместе с ними и тов. Гольцман, возрадовались. Еще Оствальд утверждал, что единственная реальность есть энергия, носитель же энергии—материя—личеси себя не проявляет,—это неизозванаваема, потому и никому не нужная вещь в себе; не гладко выходило у него только насчет массы, как на это указал Больцман. Этую полемику обстоятельно разбирают тов. Ленин в своей замечательной книге „Материализм и empirиокритицизм“²⁾. „Против оствальдовской энергетики Л. Больцман полемизировал неоднократно из точки зрения физики“ (видите, тов. Гольцман, Владимир Ильин не говорит: нам, материалистам, нет дела до наших специальных вопросов. А. Т.), доказывая, что формулу кинетической энергии (половина массы, помноженной на квадрат скорости), Оствальд ни опровергнуть, ни устранил не может и что он верится в порочном кругу (вспомните, тов. Гольцман, Вам собственный порочный круг—материя—есть поле сил, а поле сил есть движущаяся материя. А. Т.), выводы сначала энергии из массы (принимая формулу кинетической энергии), а потом массу определяли как „энергию“). Как же не разовать, если теперь на основании абстрактных постулатов Эйнштейна можно строго логически доказать, что масса—это не свойство материи или эфира, а свойство энергии, т.е. „способность производить работу“, и никакого носителя энергии, т.е. вещества—материи, большие не нужно. Вопрос, как видите, очень серьезный и притом философский. А Вы с высоты вашего философского величия этого не заметили и забыли своих читателей, что у меня речь идет только о приоритете Томсона и что я, как подобает узкодобому „дигулованному“ педанту, говорю глупости, с одной стороны, эта фор-

мула, как Томсоновская, хороша, а с другой, как Эйнштейновская, плоха, „або известно: что русскому—здраво, то немцу—смерть“. Вот, онятъ-таки, но особенно показательны, но зато весьма удобны, polemический прием приводят т. Гольцмана в весьма божественный свет.

„Послушайте, т. Тимирязев, Ильич и укажите, Христа ради, где это Ильич опасается замены материи энергией (или Вы, быть может, оснаряиваете, что электричество есть энергия?)“. Вот в том-то и дело, что электричество не энергия, и Вам, как работнику Глав-Электро, не mestalo бы это знать! В книге Ильича Вы действительно никогда не найдете, чтобы он боялся замены материи электричеством (но электричество—не энергия, тысячу раз не энергия!). Представьте себе, этого и я несколько не боюсь, потому я и отставалъ взгляда Томсона и его электрическую теорию материи. А об энергии тов. Ленин достаточно ясно выразился в одном примечании к изложению материалистических взглядов Больцмана. Речь идет об одной репрезентации учебника физической химии, написанной Больцманом. Желаю почитать книгу и желая показать свое согласие с точкой зрения автора, Больцман пишет: „автор строго держится за дуализм материи и энергии“. К этому месту есть ценное примечание тов. Ленина. Больцман хочет сказать—автор не пытается мыслить движение без материи. Говорить о дуализме здесь смешно. Философии монизма и дуализма состоят в последовательном или не-последовательном произведении материализма и идеализма“ (стр. 294). Где, кто пытается свести все явления к одной энергии (за подробностями отсыпем читателям к нашей статье „Наступление на материализм тов. Гольцмана“ № 6—7, 1923 г., стр. 232), неминуемо приходит к выводу, что существует одно только движение, но мы ничего не знаем о том, что движется. Оствальд считал энергию реально существующей помимо нашего сознания, он признавал объективность движения и только отрицал объективность носителя движения, от того на него нападали и материалисты и идеалисты; так всегда бывают с идеалистами. Теперь спрашивается, кто же не понял книжки тов. Ленина? Далее, считая наступившие задачи физики не интересными и не важными для материалистов и отвергнув критерий практики, Вы, понятно, считаете не основательными мое и тов. Максимова замечания на счет „уморительности“ теории Эйнштейна. По-вашему, это все не имеет никакого отношения к сути дела, т.е. к вопросу, важности ли теории относительности с материализмом или нет.

Вы, не без яду, по этому поводу замечаете, что требование, предъявляемое всеми здравомыслящими учеными—требование опытной проверки теории и особенно такой парадоксальной, как Эйнштейнова,—требование не марксистское. Отсюда,—говорите Вы,—примая,

²⁾ Материализм и empirиокритицизм, стр. 292.

данным-давно проторенная дорожка к позитивизму—узкобоей «философии» естествоиспытателей буржуазной ориентации».

Так, так, очень хорошо! Для того, чтобы сделать науку позитивизму, мы должны забыть, что опыт естествоиспытателей имеет мало что общего с опытом в эмпирико-критико-символико-математическом смысле, мы должны забыть основы своей собственной философии, мы должны отказаться от проверки всех наших теоретических построений опытом—практикой, от диалектического превращения „вещей в себе в вещи для нас“! Ведь, как будто бы, мы все должны знать, что „господство над природой, проявляющее себя в практике (курсив наш. А. Т.) человечества, есть результат объективного верного отражения в голове человека явлений природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина“⁴). Нет, тов. Гольцыман, нам с Вами не по пути: мы не настолько исступились „узкобоей философии естествоиспытателей буржуазной ориентации“, чтобы мы на смех повернули от Маркса вспять через Гегеля в уморительные дали...

Вы видите, озять у нас разногласия не в мелочах, а в чем-то гораздо более существенном.

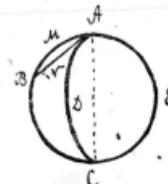
Переходим теперь к Евклиду. Тут тов. Гольцыман почувствовал себя смешно, схватившись за спину Ляфарга. Но беда в том, что статья Ляфарга в части, посвященной не Евклидову геометрии может, действительно, внести в некоторое заблуждение. Лежит ли вина здесь на плечом перевода⁵, или недостаточно четким изложением самого Ляфарга, или, наконец, дело сводится к допущению Ляфаргом ошибке—сказать трудно, не имея подлинника. Во всяком случае здесь необходимо разобраться по существу. Основная мысль у Ляфарга безусловно правильна—к не-Евклидовой геометрии легко претти, изучая геометрию кривых поверхностей. А что заставило изучать геометрию кривых поверхностей? Ясно—далекие путешествия по поверхности земного шара.

Действительно, не-Евклидова геометрия развилась после того, как далекие, т. н. „кругосветные“, путешествия вошли в обиход. Но надо сознаться, что такой наглядный подход к не-Евклидовой геометрии от геометрии кривых поверхностей не высказывался ни Лобачевским, ни Гауссом, ни Больцманом, насколько мне, по крайней мере, известно. Это истолкование было дано позже знаменитым итальянским математиком Белтрами. Впрочем, вполне возможно, и история, быть может, когда-нибудь это докажет, что и Лобачевский пользовался по-

⁴ Н. Левин. Материяльный и эмпириокритический, глава III, стр. 190.
⁵ Сборник, изд. редакцией Соколовского. Москва 1919.

добными наглядными геометрическими образами, но не привел их в окончательном изложении. Мне знают не мало примеров, когда учёные для стройности и строгости изложения тщательно убрали то „леса“, которые им были необходимы для постройки здания. Но дело совсем не в этом: неужели тов. Гольцыман думает, что Евклидов геометрия не имеет кривых линий и поверхности? Ведь, если мы говорим о не-Евклидовой геометрии на сфере, или какой-нибудь другой поверхности, то только при одном условии, о котором у Ляфарга ничего не сказано: мы должны отвлечься от всего, что находится вне этой поверхности; мы должны временно запретить себе думать о чём-либо, выходящем за пределы шаровой поверхности — мы должны мыслить себя существом двух измерений! Тогда на сфере (см. рис.) роль прямой линии будет играть луга АМВ большого круга: о существовании хорды АНВ мы должны временно забыть, иначе опять попадем в гости к Евклиду. И вот, если мы примем указанные условия и будем считать лугу большого круга за прямую, тогда и только тогда можно говорить о не-Евклидовой геометрии. Тогда между двумя точками—полюсами шара А и С—будет не одна „прямая“, а бесчисленное множество —

каждая луга меридиана есть кратчайшее расстояние от А до С, считая по поверхности. Но как только мы снимем с себя запрет и мысленно хотим выйдем с поверхности, то тогда сейчас же оказывается, что кратчайшее расстояние от А до С есть самая настоящая евклидова прямая и она единственная (см. рис. 1, пунктирная линия АС). Неверно также утверждение Гольцымана со ссылками на Ляфарга, что не-Евклидова геометрия нам наяву является, как только мы начнем оперировать с большими участками земной поверхности. Бывают случаи, когда мы не ограничиваемся поверхностью земли. Волны землетрясения бегут, например, как по поверхности, так и по прямым линиям, самым настоящим Евклидовым хордам АВ. Следимо-логи, научив скрытость распространения волн как по поверхности земли, так и по хордам АВ, могут определить по промежутку времени, отдающему приблизительный сигнал через толщу земли по хорде от пребывающей вдоль поверхности, на каком расстоянии находится очаг землетрясения. Расчет основан на элементарной задаче Евклидовой геометрии. Итак, впереди всем вашим догадкам, тов. Гольцыман, все же физики и механики, о которых я упоминал в своей статье, и многое,

много других, о которых я ничего не говорил, пользуются и понимают самой старой Евклидовской геометрией. Кроме теории относительности из в одном вопросе физики независимой геометрии не пользуются, запомните это, как следует! Ваше сравнение ссанскритским языком никуда не годится. Изучающие строение атома физики говорят по-евклидовски—на чистейшем Евклидовом языке! И не только говорят, но, что еще гораздо важнее, поскольку этик не смущаются!

В заключение несколько слов о «социальной характеристики теории относительности» и о блоке с «мыслью напиши», черносотенцем и жицеделом Ленаром¹.

Тов. Гольцын совершенно игнорирует мои достаточно ясные указания на то, что одно уже стремление называть природу во что бы то ни стало всеобщей относительностью настолько Эйнштейна и его последователей доказывать ошибку Галилея в его споре против учеников св. церкви. Правоверный религиозист, сидящий в тисках своей теории, принципиально не может и не должен знать, движется ли земля или нет. А что это по совершенно объективным условиям на руку цианам всех оттенков и категорий, так тут уж двух мнений быть не может. Говорят, что решительно все в естествознании можно использовать для борьбы с материализмом, а так ли это? Скажите, пожалуйста, были ли использованы синтаксисом, демонстрирующий паглядное действие каждого отдельного атома, для какихнибудь мракобесных целей? Использовали ли метод Вильсона, заставившего обличия подданного пары выделиться на путях, по которым только что пролетел атом или электрон, для измерений в мире сновидений и духов, как это не без видимого внешнего успеха делает с помощью специального принципа Эйнштейн проф. В. Г. Богораз-Тан в своей книжке «Эйнштейн и религия»?

А что же касается проф. Ленара, то я не хуже вас знаю, что он черносотенец и антисемит. А разве наши знаменитые академик И. П. Навлев придерживается очень советских взглядов? Вот это, конечно, очень грустно. Но что и Навлев и Ленар в естествознании— настоящие материалисты, так это очень хорошо! Блокироватьсь с материализмом не плохо—если материализм настоящий, хороший—и при том от того бы он ни исходил. Радоваться же тому самому, чему радовался идеалист Герман Коген, как это независимое с Вами случилось, по-моему, для материалиста много хуже и указание на столь прискорбное событие я никак не могу назвать демогогией.

За одно только Ваше решение, тов. Гольцын, я могу порадоваться, так как оно избавляет меня от длинных и скучных выписок. Вы решили на этот раз не говорить о научных заслугах Ленара, «чтобы можно было бы немало поговорить отдельно». Позвольте же

этому поводу подать Вам товарищеский совет: не пишите на эту тему и вперед. Во-первых, это как будто соответствует Вашим взглядам: философу-материалисту не стоит говорить о вопросах, занимающих только специалистов, а, во-вторых, «Известия Ц.И.К.», откуда Вы занимаетесь сведениями о чирнотеских похождениях Ленара, очень хорошая газета, но ползаться на нее при решении вопроса о заслугах людей науки перед наукой все-таки в высокой мере рискованно².

Я очень жалею, тов. Гольцын, что ошибка вынужден был напомнить Вам не мало неприятных вещей. Вы называете это не торжественным образом действием. Но я все-таки полагаю, что первый долг товарища говорить все на чистоту, ничего не утаивать. Теперь я думаю, для всех и особенно для нас с Нами ясно, что корень наших разногласий лежит не в каких-нибудь деталях. Вы считаете, что материалистическая философия должна жить и развиваться в стороне от естествознания, предоставив естественникам делать их дело и только от времени до времени слегка их осаживать. А я думаю, что прав был Энгельс, когда он говорил, что «поскольку в каждой отдельной науке предъявляются требования высчитать свое положение по отношению к общей связи явлений и в сфере их познаний, всякая отдельная наука об этой связи становится наизнанки». От всей прежней философии остается еще, в качестве самостоятельной науки, учение о мышлении и его законах—формальная логика и диаметрика. Все прочее относится к положительному³ науке о природе и истории⁴.

А. Татищев.

¹ В той же самой статье в «Известиях», где говорится о чирнотеских выступлениях Ленара, дано некое туманническое изложение научных работ этого крупнейшего физика и глубокого мыслителя, сожалению, включенного отчаянным реакционером. Автор заметки пытается показать, что Ленар и я знали много не сделали. Это в стиле «Ревизора»: если тут у него есть, то и ей должна помочь законотворческая власть! Конечно, для такого сотрудника легко вычеркнуть работы Ленара из современной физики. Но жалко только «переводчиков», что подобные статьи забываются так же скоро, как и пишутся. Мы-то с этим и наши ученики часто пользуемся в своих статьях эпитетом Ленара, затупленного сыном его и материи разногласиею покоям и выдача им за свою; но знаем, садятся ли практики любые подобные методы даже по отношению к чирнотескам? И вспомним, что мы достаточно скромны и можем с успехом оставить в стороне ходячими методами борьбы.

² Какие страшные, тов. Гольцын, слова рождаются произнести Федотов: не в чужи быть они романтиками!

³ Альт-Церрин, стр. 7.

Существует ли актуальная бесконечность?

1.

Все научные знания пропискаются в конечном счете из опыта — одно из основных положений материализма. Абстрактные истинны математики не являются исключением и представляют собой только отражение свойств реальной действительности. Многие математики оспаривают это положение и считают отвлеченные математические аксиомы свободным созданием разума, не зависящим от опыта и от свойств эмпирической действительности. Такой виа-опытный характер носит, без сомнения, теория актуально-бесконечных чисел Гейтона Кантора.

Как бы ни подходить к этой теории, несомненно одно: теория Кантора никаким образом не могла произойти из опыта; видя в эмпирической действительности мы не встречаемся с бесконечными множествами, как с чем-то данным нам во всех своих частях, и никогда мы не можем наблюдать их свойства. Таким образом теория транфинитных чисел является действительно свободным построением разума.

Но все ли благополучно в основных посылках этой теории? Можно утверждать, что указанная теория не имеет права на существование, что она построена на парадоксах. Если это удалось доказать, то учение об актуальной бесконечности уже не будет служить примером виа-опытного знания, а, наоборот, будет доказывать от противного невозможность виа-опытного знания.

Математический метод заключается в том, чтобы выводить все положения теории из некоторой системы принятых аксиом и постулатов. Так как все дальнейшее логическое вытекает из принятых посылок, то эти последние должны быть подвергнуты особо-щадительному рассмотрению. Математическая логика выработала ряд требований, которые предъявляются к системе основных постулатов, и которым они должны удовлетворять. Главным требованием является совместимость между собою всех постулатов; их совместимые постулаты приводят к противоречию при дальнейшем развитии теории, и таким образом приводят теорию к самоупразднению. Именно эта ошибка допущена в теории Кантора. Принимая в качестве постулата существование целостно-бесконечных множеств, Кантор в то же время прибегает к таким приемам рассуждения, которые не совместимы с его основной посылкой.

2.

Математическая и философская мысль всегда стремилась так или иначе уяснить себе понятие бесконечного и при этом всегда колебалась, подобно маятнику, между представлением незакончено (потенциально) бесконечного и представлением целостно или определенно бесконечного.

Конечное число можно определить, как данное определенное число, обратное отношение которого отлично от нуля, т.е. определенное число и конечно, если оно удовлетворяет условию $\frac{1}{n} > 0$. Бесконечное число можно определить, как такое, которое больше всякой конечности.

Для доказательства существования бесконечного необходимо и достаточно привести пример какой-либо бесконечной величины, например, натуральный ряд чисел. Но относительно природы бесконечного можно сделать два допущения: во-первых, можно принять, что бесконечное является незаконченным, потенциальным, и, во-вторых, что бесконечное есть целостное. За и против того и другого допущения можно привести доводы разной силы.

Можно прежде всего указать, что переменная, безгранично возрастающая величина может принимать значение большее всякого заданного определенного конечного числа n , следовательно, потенциально может быть признана бесконечной. Можно попытаться также доказать невозможность целистно бесконечного. Нет такого определенного числа, обратное отношение которого равнялось бы нулю ($\frac{1}{n} = 0$). Ко всякому определенному числу можно прибавлять единицы и получать другие определенные числа, обратные отношения которых будут отличны друг от друга, а следовательно, и от нуля. Кроме того, сравнивая, например, два бесконечных ряда:

$$\begin{array}{l} 1, 2, 3, 4, 5 \dots \\ 1, 4, 9, 16, 25 \dots \end{array}$$

мы убеждаемся, что второй ряд имеет столько же членов, сколько и первый, хотя в то же время представляется часть первого. Отсюда мышление избегающее противоречий может сделать только один вывод: немыслимо, чтобы ряды были чем-либо законченными.

Сейчас же можно возвратить, что оба аргумента доказывают только отсутствие аналогии между конечными и бесконечными числами. Аргументы доказывают, что целостно-бесконечное противоречит интуиции, привыкшей вращаться в области конечных чисел, но никак не доказывают несуществование, логическую невозмож-

ность цацконо-бесконечного. Наоборот, теперь можно попытаться доказать невозможность потенциально-бесконечного.

Переменные может принять какое угодно частное значение, но все ее возможные значения конечны, и впереди всякого частного значения существует большее его конечные числа. Следовательно переменная величина вовсе не может подойти под понятие бесконечности. Только совокупность частных значений переменной, та область, в которой движется переменная, действительно может быть признана бесконечной; но совокупность частных значений переменной не есть переменная величина.

С точки зрения потенциально-бесконечного можно онять возвратить: совокупность частных значений переменной не есть что-либо данное и существующее. Да! только закон изменения переменной, а совокупность частных значений не может быть дана и т. д.

В итоге мы получаем, что оба допущения о природе бесконечного вполне логически возможны, хотя ни одно из них не может быть охвачено интуицией. Ни одно из этих допущений не может быть строго доказано или опровергнуто, и любое из них может быть принято в качестве постулата.

Наилучшим выходом из такого положения было бы признать существование бесконечного и воздержаться от гипотез о его свойствах. При этом математика избежала бы произвольных допущений и осталась бы на почве достоверности: важнейшие учения математики, как например анализ, нуждаются для своего обоснования в одном лишь понятии бесконечного и не нуждаются в гипотезах о его природе.

3.

Теперь перейдем к выяснению противоречий, на которых построена теория Кантора.

В теории Кантора большое значение имеет операция установления одно-однозначного соответствия между множествами. Эта операция сводится к следующему: пусть мы имеем два множества A и B , из которых первое состоит из элементов a_1, a_2, a_3, \dots , а второе из элементов b_1, b_2, b_3, \dots ; мы последовательно отбираем по одному элементу из A и B и мысленно соединяем их попарно. Так a_1 мы соединим с b_1 , a_2 — с b_2 и т. д., пока не истощим всех элементов какого-нибудь из множеств. Если всякому элементу A отнесен один и только один элемент B , и наоборот, если при этом ни в одном множестве нет лишних, не имеющих пары элементов, такое соответствие между множествами называется одно-однозначным, а множества называются эквивалентными. Например, множество дней в деревне и множество дней в январе несравненно между собой эквивалентно.

В отношении конечных множеств эквивалентность является лишь строгим определением арифметического равенства. Но эквивалентность можно устанавливать также между бесконечными множествами. Сразу вин опять множества:

$$\begin{array}{l} 1, 2, 3, 4, 5, \dots \\ 1, 4, 9, 16, 25, \dots \end{array}$$

Очевидно, что между ними возможно установить одно-однозначное соответствие в самом деле, достаточно обратить внимание, что вслому числу из первого ряда соответствует его квадрат из второго. Но когда мы имеем дело с бесконечными множествами, мы не можем непосредственно проследить соответствие в рядах, взятых в их целокупности. Поэтому мы прибегаем здесь к заключению математической индукции. Принцип, согласно которому мы при этом умозаключаем, может быть формулирован так: если некоторое свойство справедливо для $n+1$ -го члена множества, раз оно справедливо для n -го члена, и если это справедливо для первого члена, то оно будет справедливо и для всякого члена множества.

Те множества, которые могут быть приведены в одно-однозначное соответствие с натуральным рядом чисел, называются исчислимими множествами. Так как натуральный ряд чисел представляет собой множество всех возможных номеров, то очевидно, что всякий исчислимый множества будет иметь один определенный номер.

Прибегая к заключению математической индукции, можно доказать, что исчислимое множество исчислимых множеств также будет исчислимым множеством. Возьмем множество U , составленное из бесконечного повторения натурального ряда:

$$U = \left| \begin{array}{ccccccc} 1_1 & 2_1 & 3_1 & 4_1 & \dots & u_1 & \dots \\ 1_2 & 2_2 & 3_2 & 4_2 & \dots & u_2 & \dots \\ 1_3 & 2_3 & 3_3 & 4_3 & \dots & u_3 & \dots \\ \vdots & \vdots & \vdots & \vdots & \ddots & \vdots & \ddots \end{array} \right|$$

Легко убедиться в исчислимости множества U . В самом деле, всякий член n множества U имеет один определенный номер ρ , причем ρ определяется формулой: $|1+2+3+\dots+(n+s-2)|+n=\rho$. Легко видеть, что и ρ также определяет и n .

Если символом z представить исчислимое множество, то множество исчислимых множеств U представляется символом z^z . По доказанному $z^z=z$. Отсюда следует также: $z^2=z^3$, $z=z^2$ и вообще $z^n=z$. Применя к числу z математическую индукцию, получаем: $z^m=z$.

Казалось одно-однозначное соответствие исчислимых множеств может быть понимано в двойственном смысле. Во-первых, его можно по-

нимать так: всякий член исчислимого множества имеет свой номер, во-вторых, так: все члены исчислимого множества перенумерованы. На первое толкование нам дает право применение математической индукции; второе толкование обусловлено уже применением другого приема заключительной полной индукции. Принцип полной индукции может быть формулирован так: что, справедливо для всякого члена множества, справедливо и для всех членов, взятых в целокупности. Можно ли применять полную индукцию вслед за применением математической индукции? По отношению к конечным множествам такая возможность вполне очевидна; но по отношению к целостно-бесконечным числам применение полной индукции является не только спорным и не доказанным, но прямо ложным и совершенно не допустимым. Между тем, теория транфинитных чисел между признавает эквивалентность бесконечных множеств во втором смысле. Здесь то и лежит одна из тех ложных посылок, на которых построена теория транфинитных чисел. Применение полной индукции к целостно-бесконечным множествам основано исключительно на воображаемой аналогии между конечными и бесконечными. Капитон не доказывает возможности такой аналогии; он ее молча признает, быть может, незаметно для себя; в сущности он просто не различает полную индукцию от математической. Но легко убедиться, что такой способ рассуждений ведет только к противоречиям.

Согласно учению Кантора, множество 2^{ω} является бесконечностью более высокого порядка, нежели множество с или, как принято говорить, множество 2^{ω} имеет высшую мощность. Согласно Кантору, множество 2^{ω} не является исчислимым, оно не эквивалентно множеству натурального ряда и не может быть приведено к нему в однозначное соответствие.

Однако, вопреки теории трансфинитных чисел, легко доказать, посредством применения математической индукции, эквивалентность α и 2^α . Создадим бесконечные множества:

Эти множества эквивалентны и, следовательно, имеют одинаковую мощность. Составим из этих множеств новые множества по следующему закону:

$$\{1\}, \{1,2\}, \{2\}, \{1,3\}, \{1,2,3\}, \{2,3\}, \{3\}, \{1,4\}, \{1,2,4\}, \{2,4\}, \{1,3,4\} \quad (3)$$

Ряд (3) получен из ряда (1) по тому же самому закону, как ряд (4) из ряда (2); каждый новый элемент ряда (1) или (2) сперва

последовательно присоединяется ко всем комбинациям предшествовавших элементов, а затем выделяется в особую комбинацию. Следовательно, если ряды (1) и (2) эквивалентны, то ряды (3) и (4) будут также эквивалентны (применение математической индукции). Впрочем, а эквивалентность рядов (3) и (4) легко убедиться непосредственно. Но число членов ряда (3) равно 2^n , а число членов ряда (4) равно a . Следовательно $a = 2^n$, и предложение, которое считается недопустимым в теории трансфинитных чисел, доказано!).

Но Кантор заранее опровергает возможность допущения эквивалентности множества α и β^2 . Рассмотрим, в чём заключается сущность его рассуждений.

Множество $2^{\mathbb{N}}$, как доказывается в теории, имеет мощность, равную мощности всех вещественных чисел в пределах между 0 и 1, т.е. совокупности всех как рациональных, так и иррациональных чисел в указанных пределах (впрочем, и вне указанных пределов). Если мы теперь допустим, что все члены множества $2^{\mathbb{N}}$ перенумерованы, в следовательно, также перенумерованы все вещественные числа между 0 и 1, то, как доказывает Кантор, мы придем к противоречию.

Итак, допустим, что указанный комплекс вещественных чисел между 0 и 1 расположен в порядке и перенумерован, так что получился ряд:

$$N_{L_1}, N_{a_2}, N_3, \dots, \dots, \dots, \dots, \dots, \dots \quad (5)$$

Обратим все числа комплекса в бесконечные десятичные дроби; в том случае, если дробь обрывается на каком-либо десятичном знаке, дополним число десятичных знаков до бесконечности нулями. Составим теперь такую десятичную дробь:

$$c = \theta c_1 c_2 c_3 \dots$$

где $C_1, C_2 \dots, C_n$ — последовательные десятичные знаки числа C . Возьмем теперь C_1 отличным от первого десятичного знака числа N_1 из ряда (5). C_2 — отличным от второго десятичного знака числа N_2 , C_3 отличным от третьего десятичного знака числа N_3 , и т. д. В результате мы получим число, содержащееся между пределами

1) Я не могу здесь останавливаться на подробном объяснении, почему ряд (3) равен 2ⁿ. Укажу только, что ряд (3) представляет собой «множество всех частей» для заты-
ральных часов, в «множестве всех частей» каждого из множеств и равно 2ⁿ⁺¹. Что
насходит то, что ряд (4) равен 2ⁿ, это можно видеть из следующего соглашения:

$$[2], [2, 2^2], [2^3], [2^1, 2^3], [2^1, 2^2, 2^3], [2^1, 2^2, 2^3, 2^4], [2^1, 2^2, 2^3, 2^4, 2^5], \dots = [2^1, 2^2, \dots]$$

$$2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, \dots, 15, 16.$$

о и 1, и в то же время не равно ни одному числу из расположенного комплекса. В самом деле, если мы допустим, что составленные нами дроби C находятся где-либо, напр. на n -ом месте ряда (5), то мы придем к противоречию, так как n -ый десятичный знак числа N_n по условию отличен от C_n — n -ого десятичного знака числа C . Так как при всяком расположении комплекса вещественных чисел можно составить сколько угодно чисел, подобных C , не содержащихся в исчислимом множестве, то Кантор заключает, что комплекс вещественных чисел является исчислимым множеством.

Однако Кантор не обращает внимания, что подобное рассуждение бьет только по заключению полной индукции, никакого не опровергнув, заключение математической индукции. В самом деле, очевидно, что, составляя бесконечную десятичную дробь $0.C_1C_2C_3\dots$ и проходя последовательно числа $N_1, N_2, N_3 \dots$ расположенного комплекса, мы можем дойти до всякого члена N_n ряда (5), не доводя в то же время, что полученная нами дробь не может принадлежать к ряду (5). Следовательно, нет никакого противоречия в том допущении, что всякий элемент комплекса вещественных чисел имеет определенный номер. Если же допустить, что перенумерованная совокупность вещественных чисел, то последнее допущение приводится рассуждением Кантора к противоречию.

Итак, применяя математическую индукцию, мы приходим к выводу, что \mathbb{R} исчислимое множество; применяя же полную индукцию, мы приходим к противоположному выводу.

Доказательство Кантора могут быть приданы различные формы, но все они сводятся к тому, что приводят к противоречию заключение полной индукции. Но отсюда следует только то, что эквивалентность между бесконечными множествами возможно понимать только в первом, а не во втором смысле, и что вообще применение полной индукции к целостно-бесконечным множествам логически не допустимо. Возможна высказать следующее предположение: все бесконечные множества эквивалентны в первом смысле: никакие взаимственные бесконечные множества не эквивалентны во втором смысле, т.е. взяты как целокупности. Как бы ни переворачивать все лады теории трансфинитных чисел, в сей нельзя найти ни одного аргумента против нашего предположения. Все доказательства эквивалентности бесконечных множеств, какие мы находим в теории трансфинитных чисел, основаны на применении математической (не же полной) индукции: все доказательства существования множеств высших мощностей основаны на приведении к противоречию заключения полной (во математической) индукции.

Из рассуждения Кантора вытекает, что множества (3) и (4) не эквивалентны во втором смысле (как целокупности): во втры

случае то же самое справедливо по отношению к рядам (1) и (2). Гайд натуральных чисел и ряд квадратных чисел, хотя и эквивалентны в первом смысле, но во всех не могут, как целокупности, быть приведены в одно-однозначное соответствие. Следовательно, утверждение, что часть бесконечного числа может быть равна целому, основано на недопустимом здесь применении полной индукции и является просто-на-просто софизмом. Этого и следовало ожидать, так как на сейте, в эмпирической действительности мы нигде не находим подобных отношений.

Итак, применение полной индукции несовместимо с допущением целостно-бесконечного. Но теория трансфинитных чисел целиком основана на применении полной индукции к целостно-бесконечным множествам. Без применения полной индукции невозможно различие бесконечных множеств не одинаковой мощности и, следовательно, невозможны никакие алгебраические выкладки с ними. Теория трансфинитных чисел, таким образом, теряет под собой всяку почву.

4.

Мы отнюдь не отвергаем логической возможности понятия определенно или целостно-бесконечного. Но Канторово понятие актуальной бесконечности построено на применении *указки* метода рассуждения, которые в отношении к целостно-бесконечному совершенно недопустимы. Одни из таких недопустимых приемов — применение полной индукции — мы уже рассмотрели; тем самым теория трансфинитных чисел уже опровергнута. Но для полноты характеристики мы рассмотрим и некоторые другие приемы рассуждения Кантора, которые тоже также не могут быть применены к целостно-бесконечным числам.

Второй ошибкой Кантора является то, что он игнорирует относительную природу определенного числа. Всякое число тем или иным способом может быть построено из единицы (а комплексное число из разнородных единиц) и находится в определенном отношении к единице: но вместе с таким отношением всегда дано и обратное отношение, отношение единицы к данному определенному числу. Определенно-бесконечное число представляет собой собрание единиц, следовательно, оно бесконечно по отношению к единице. Кантор определяет бесконечное число, как упорядоченное число, не имеющее последнего члена; но при этом разным образом надо указать тот масштаб, ту единицу, по отношению к которой некоторая величина может быть представлена в виде такого построения, не имеющего конечного члена. По отношению самого к себе всякое бесконечное число является простой единицей. Но вместе с отноше-

ищем бесконечно-большого дано столь же определенное обратное отношение—единицы к определенно-бесконечному числу. Актуально-бесконечно-малое является коррелатом актуально-бесконечно-большого—вот вывод, которого нельзя отвергнуть, не упраздняя логики.

Нельзя думать, что существует число a , но не существует числа $\frac{1}{a}$.

Между тем в теории Кантора из двух соотносительных понятий одно столь же категорически утверждается, как другое отрицается. Большинко, предшественник Кантора, определенно указал на относительную природу бесконечных чисел. Но Кантор отвергает актуально бесконечно-малое, и, следовательно, отвергает относительную природу бесконечно-большого. Он имел бы на это право, если в то же время отверг бы определенность и целостность бесконечных множеств, и встал на точку зрения потенциально-бесконечного. С точки зрения строгой логики, только неопределенное бесконечное может быть названо абсолютной бесконечностью; целостно-бесконечное является таковым в отношении к некоторой конечной мере. Для того, чтобы целостная величина a могла быть признана бесконечно-большой, необходимо и достаточно, чтобы конечная величина, взятая по отношению к a , обращалась в нуль. Переменная, безгранично возрастающая величина может быть признана бесконечной в возможности в бес указанного условии.

Таким образом, допуская существование относительно-бесконечного, мы допускаем тем самым существование относительного нуля. Допуская существование определено-бесконечных чисел, мы принимаем вместе с тем гипотезу, что какая-либо определенная величина может быть точным нулем по отношению к другой величине, не являясь абсолютным ничто сама в себе. В таком и только в таком случае вторая величина по отношению к первой определено-бесконечна. Таким образом, целостно-бесконечно-малое так же относительно, как и целостно-бесконечно большое: целостно-бесконечно-малое есть относительный нуль.

Вводя относительный нуль, мы обобщаем понятие нуля и вводим последний в круг математических построений. Так, в теории групп принимается, что все числа образуют группу по отношению к сложению, и все числа, за исключением нуля, образуют группу по отношению к умножению. Теперь же нет необходимости выделять нуль, так как умножение и деление на нуль становятся вполне допустимыми. Частное от деления на нуль равно целостно-бесконечному числу: если об этом помнить и обращаться с ним соответственным образом, то никаких недоразумений или противоречий быть не может. Из понятия относительного нуля следует также, что две величины точно равны и в том случае, если их разность равна относительному нулю.

Единица в отношении к целостно бесконечно-большому числу точно равна нулю; единица будет конечным числом в отношении $\frac{1}{x}$ к бесконечному числу натурального ряда; если же мы возьмем число $\frac{1}{x}$ и примем это число за новую единицу, то наше прежняя единица в отношении к новой окажется даже числом бесконечно-большим. Таким образом всякая целостная величина может быть характеризована, как конечная, бесконечно-большая или бесконечно-малая, в зависимости от той единицы, в которой мы ее исчисляем.

Не может быть двух одиничных друг от друга нулей, т.е. всякие две данные величины равны между собой и равны нулю, если за единицу принята величина бесконечно-большая по отношению к данным; поэтому $\frac{1}{a}$ и $\frac{1}{b}$ равны между собой и равны нулю, взятые в отношении к a . Если мы возьмем теперь новое собрание элементов x^2 , которое составлено из x таким же образом, как и составлено из 1, то $\frac{1}{x^2}$ все же будет равняться $\frac{1}{x}$ и равняться нулю, точно так же, как число $\frac{x^2}{1}$ будет равно $\frac{x^2}{x}$ равно $\frac{1}{x}$ и равно той же самой целостной бесконечности. Но так как не только 1, но и x может быть отброшена, как нуль, по сравнению с x^2 , то из этого все же видно, что x^2 является бесконечностью высшего порядка. Таким образом всякая бесконечная величина, взятая сама по себе, может быть увеличена, но отношение ее к бесконечно-малой единице увеличено быть не может, так как очевидно, что обратное отношение (нуль) не может быть уменьшено.

С этим согласуется и ранее полученный результат, по которому бесконечные числа, рассматриваемые, как построения из единицы, больше всякого конечного числа, все между собой эквивалентны, но взятые, как замкнутые в себе, целокупности не могут быть приведены в однозначное соответствие друг с другом.

Согласно Кантору, совокупность всех членов натурального ряда чисел представляет собой вполне определенное число и обозначается символом ω . Указанное число является первым актуально-бесконечным числом II-го числового класса; за ним следует отличное от него число $\omega+1$. Из предыдущих рассуждений следует, что число $\omega+1$ есть следующие разно-родные единицы, и, следовательно, числа комплексные. Если писать ω за общую единицу, то в таком случае $\omega+1=\omega$; если же за общую единицу принять ω , то $\omega+1$ превращается в единицу. Все числа, построенные по образу $\omega+1$, т.е. все транфинитные числа, есть комплексные числа. Покуда мы рассматриваем транфинитные числа, как условно построенные комплексные числа, все действия над ними, указанные Кантором, логичны и законны; но их ни

в таком случае нельзя интерпретировать, как исчисление бесконечно-больших множеств. В самом деле, переходя к такому истолкованию, мы должны указать одну общую для всех членов числа единицу. Но, вследствие этого, каждое трансфинитное число превратится или в конечное число, или в ω .

Наконец, двусмысленность основных понятий в теории Кантора, зависящая от того, что произвольно определенные понятия считаются применимыми к эмпирически известным группам вещей, также служит источником многочисленных парадоксов. Образцом подобной двусмысленности может служить играющее важнейшую роль в теории понятие „принадлежность к множеству“. Указанное понятие имеет два смысла: во-первых, принадлежность к множеству в силу произвольного условия, и, во-вторых, автоматическая принадлежность к множеству в силу подразумеваемых признаков некоторых объектов. Такая двусмысленность, конечно, приводит к противоречиям, не находящим своего разрешения в учении о множествах.

„Множество всех множеств“ считается понятием противоречивым, так как множество всех множеств, есть множество и, следовательно, должно входить в число своих членов; но вскесе множество есть вещь, отличная от своих членов, и, следовательно, не может входить в число своих членов. Однако противоречие здесь неизменное: множество множеств входит в число своих членов в силу того, что оно само множество, т.е. в силу того, что оно само обладает общим признаком своих членов, а не входит в силу аксиоматического условия, согласно которому мы не включаем множество в число своих членов. Если мы будем рассматривать понятие принадлежности к множеству в одном определенном смысле, то противоречие исчезает. Пусть мы принимаем принадлежность к множеству в первом смысле. Множество множеств не является своим членом в силу аксиоматического условия. То обстоятельство, что множество множеств обладает общим признаком своих членов, в этом случае не имеет значения: в самом деле, мы признали, что только произвольные соглашения определяют множество, а никак не признак самих объектов. Никакого противоречия нет. Примем второй смысл принадлежности к множеству. Но при этом придется снять аксиоматическое условие о непринадлежности множества к числу своих членов. Например, множество деревьев в саду не принадлежит к числу своих членов теперь не по условию, а потому, что само множество не есть дерево, т.е. не обладает общим признаком своих членов. Но множество множеств есть множество, и, след., обладает общим признаком своих членов. Однако ничего не препятствует теперь включить его в число своих членов. Противоречия опять нет.

В выражении „множество всех вещей“ даже вполне очевидно,

что предъявляются одновременно два противоречивые условия: чтобы множество включало все вещи и чтобы оно не включало одной вещи, т.е. самого себя.

Таким образом никакой диалектики в теории Кантора нет. Его противоречия носят плоский, формальный характер, основанный на простом недоразумении.

5.

Понятие целостно (относительно) бесконечного, как мы видели, вполне логически допустимо; то же самое можно сказать и о понятии потенциально (абсолютно) бесконечного. Быть может, реальная бесконечность вселенной примиряет противоречие между указанными понятиями, которые находят формальную логику; быть может, оба указанные понятия являются только двумя односторонними отражениями реальной бесконечности.

Но как бы ни было, канторово понятие актуальной бесконечности следует признать в корне фальшивым. Точно также не имеет никаких оснований исчисление актуально-бесконечных множеств, т.е. их нагромождение друг на друга. К этому можно прибавить, что единственная бесконечность производит на наш ум более сильное впечатление, нежели самая большая куча бесконечностей.

При этом возникает вопрос: как может подобная теория в продолжение многих лет считаться одним из гениальных достижений математики? Отчасти это можно объяснить тем, что математики увлекаются более техническим развитием деталей теории Кантора, нежели критикой ее основных посылок. Но главной причиной следует считать то, что математикам нравится вполне очевидный вне-математический характер теории. Таким образом то самое, что возбуждает наше недоверие, наоборот, подкупает авторов математических трудов в пользу теории Кантора.

Быская наука, поскольку она вполне отрещается от опыта и не прибегает к чистому умозрению, создает не прочные и хорошо обоснованные теории, а только более или менее эффективные мыльные пузыри мысли. Математика, как показывает учение об актуальной бесконечности, нисколько не является исключением в данном отношении.

И. Орлов.

Главнейшие течения послевоенной литературы Запада.

Среди великого разнообразия литературных течений Запада в последние лет можно отметить, как, быть может, наиболее характерные и наиболее показательные три: футуризм, экспрессионизм и дадаизм.

Два первых течения восходят еще к корням в девоенное время, последнее возникло в дни войны.

Футуризм родился и расцвел в Италии, экспрессионизм — в Германии и Австрии, дадаизм — «не имеет отечества» — он интернационален.

Если оставить в стороне формальный анализ этих литературных течений, если остановиться здесь только на социально-психологических смыслах их «содержания», то вкратце можно определить футуризм, как беговогорочное признание капиталистической цивилизации, экспрессионизм — как полное ужаса и растерянности отрицание буржуазной действительности, наконец, дадаизм, как циническое извращение над буржуазной культурой — над самим собой.

Если рассматривать эти три характерные течения премущественно с их социально-психологической стороны, то за ними встает как нетрудно видеть — история западно-европейского интеллигента послевоенного времени, перешедшего от признания капитализма и его отречения при язвом сознании безнадежности из тупика и, конечно, — еще один шаг — отречения не только буржуазной культуры, но и к собственному самоограждению.

Другими словами — за этими литературными течениями явственно вырисовывается безнадежный краин буржуазного мира, разлагавшегося среди судорог ужаса и цинических гримас.

I.

Итальянский футурист выступил на жизненную сцену задолго до войны (1909 г.). Его первое выступление было жаркой апология капитализма. Оно и понятно. Италия — до последнего времени — франкокапиталистическая страна. Отсюда стесненное ее положение итальянской интеллигентии. Ниже, кажется, не было такого примера производства в области интеллигентских профессий. Ниже в час-

ности — писательская братия так не нуждалась, как здесь. Когда на севере Италии — в XX в. — стала быстро развиваться индустрия, когда капитализм стал плыть свои корни в итальянскую почву, интеллигентия — известные ее слои — не могли привыкнуть к их, как зарю новой жизни. Раскрывались широкие горизонты, золотые перспективы. Вместе с верой в будущее должны были родиться и будущники. Родной футуризм был — совершенно понятно — север — Милан — сердце и мера индустриальной Италии. В своем первом манифесте, напечатанном в 1909 г. в газете *«Figaro»*, — Маринетти, наметив темы новой итальянской поэзии, приветствовал новую жизнь, капиталистическую цивилизацию — словами почти экстатически — индустрию, технику, город, воину, рабочие массы. О рабочих было сказано, впрочем, больше для эффекта. В поэтической практике футуристов — Маринетти — Фольгоре — Буци и др. — можно найти все — промышленный город — предточны, субмарины — апофеоз войны — электричество — моторы — аэропланы — футуристического сверхчеловека — человека, потенцированного техникой — все — только нет поэм о рабочих и нет поеси о революции. Изменявшееся под влиянием новых социальных условий восприятие мира искало естественно новых способов художественного оформления впечатлений и переживаний, новое содержание жизни требовало нового художественного стиля, и Маринетти изложил его основы в манифесте о футуристической технике — о «стиле слов на свободе и беспроводочного воображения» — где, говоря искрите, речь шла о том, чтобы найти методы передачи одновременности и разнообразия получаемых от подвижной действительности впечатлений и вызываемых ими переживаний. Незаменимый военный корреспондент на всех фронтах, где бы ни воевали — итальянцы с арками, болгары с турками — футурист этот своей новой стилем обрел именно на полях битв, — как Маринетти неоднократно признавался. Когда разразилась мировая война, и итальянское правительство сначала выдерживало нейтралитет, футурист, — устно и печально давно натренивший Италию и Австрию, — устно и печально давно пропагандировавший идею империалистической Италии — «великой Италии» — Italia ria grande — кричал на всех перекрестках о национальной измене и усвоил только тогда, когда войска двинулись, наконец, на Ионию.

Война кончилась. В Италии, ничем не покинувшейся, — началась революция.

Вернувшись с фронта, футурист — речь идет преимущественно о Маринетти — видел, как поднимались рабочие массы или, как он по обыкновению гиперболически выражался — как народные массы ринулись с грохотом на завоевание коммунистического рая*. Подобно тому, как в своем первом манифесте он мимоходом упомянул о рабочих массах — так в одной из своих последних — послевоенных — деклараций он мимоходом бросил: «мы сочувствуем революционным бурям». Но, как и прежде, он верил больше в капиталистический, чем в

коммунистический рай. Он видел не без тревоги, что—после войны—интеллигентное меньшинство и в особенности интеллигенция зарядилась всемоюзными болезнями—както: «заболевшей сонливостью, лихорадочной неврастенией, беззажеланным пессимизмом, полнейшим безволием». В атмосфере послевоенного похмелья перед ним стала таким образом новая залочка, «ислечить послевоенную болезнь». Именно это, чтобы разрушать современное состояние человечества, учишайтесь сю,—приглашал он пораженным параличом разочарования интеллигентов. «Дайте человечеству новые настоящие радости!» И он привыкался за свое—довоенное—ремесло, за профессию изобретателя всевозможных неожиданностей, новых словечек, необычайных выражений, ограждающих сенсации. Дело это, впрочем, становится всё труднее. «Все скриптины уже выдуманы—на долю новейших художников почта ничего не осталась»,—жалуется он К тому же в атмосфере послевоенных болезней он и сам значительно полнился. Первая его новая выдумка оказалась поэтому далеко не блестящей. В городе Лукка он устроил новый театр—Сюрприз-театр,—зальца его «огородить публику всякими приятиями уларами»—как он определил его программу. Он сам написал соответствующую пьесу: *Musique de Toilette*. Поднимается занавес: на сцене пышно, на педали которого надеты дамские башмачки. Это первый сюрприз. Входит горничная, сметает пыль и при этом исполняет музыкальную пьесу. Второй сюрприз. Третий:—входят другие горничные, начинавшие чистить клавиши зубной щеткой, как пубки. Последний сюрприз—появляются мальчик лакей и принимается чистить башмаки на педали.

Занавес падает.

Совершенно сомнительно, чтобы подобная пьеса могла выполнить поставленную Сюрприз-театру задачу, а именно: 1) «чтобы каждый сюрприз на сцене поражал другого сюрприза в партере и в ложах, во всем городе, завтра, послезавтра, очень долго» 2) спасти итальянскую молодежь от дьявольского наваждения политики, —«извергшей людей».

Поэтому футурист снова стал высасывать из пальца „новые радости для человечества”—выдумки абсолютно исклучительные—и долмался до совершенно нового искусства—искусства осознания (тактилизма). Необходимо научиться лучше осознать предметы и тогда перед «интеллигентным меньшинством» раскроются в самом деле неизведанные радости—ибо одни предметы дают ощущение отъчечено-холодное, другие—возбуждающе-страстные и т. д., как подобно „можно прочесть в его последнем манифесте о тактилизме“). Так можно составить „тактилистические таблицы для обоих полов, которые позволяют четырем согласованным рукам мужчинам и женщинам вместе наслаждаться тактилистическими путешествиями“.

Можно построить и тактилистический театр. „Сидящие слуша-

тели возложат руки на длинные лесты, которые будут доставлять им тактилистические ощущения различных ритмов“.

И, наконец, можно сотворить и некое совершение новое, еще не бывалое искусство.

„Тактилизм будет полным голосом излагать различные ощущения, которые он получит от путешествия своих рук. Передача будет бессловесная—свободная от всякого ритма, синтаксиса и прасодии—она будет по возможности синтетической и мало-человеческой“ (!).

Между тем как футурист первого призыва высасывал из пальцев новые настоящие радости для интеллигентного меньшинства, пораженного послевоенным похмельем—подоспел на его счастье фашистский переворот.

Диктатором Италии стал Бенито Муссолини. Теперь футурист мог снова перейти от таких пустяков, как Сюрприз-театр и тактилистическое искусство—своей затеянной мечте—к мечте о мировом владычестве Италии.

В Риме возникает—иля на смену довоенному журналу Маринетти *Lacerbe* и его же посоветованному Синтетическому обозрению—журнал *Impero*, редактируемый двумя молодыми футуристами Марио Карли и Энрико Сеттимелли. В перводовой статье первого номера буркузин и интеллигенты Италии, пораженные разочарованием и безволием, напоминаются, что „одни люди и нации призваны повелевать, а другие—поминаться и что из всех народов наиболее других достоин роли повелителя мира итальянский „наполеон генеральный“.

„В тебе, о, фашинская молодежь Италии, все данные для осуществления этого идеала,—плодовитость, здоровье, воинственный дух и проч.“

Послав затем привет Маринетти—„великому художнику, который подарили миру империализм обилиеющего латинского гения“ и отвесив винимательный поклон Бенито Муссолини, „человеку, предназначенному поведеть имперской Италией“, журнал молодых футуристов обращается к нему со следующими четырьмя скромными требованиями:

- 1) закрыть все музеи и академии в стране,
- 2) субсидировать только футуристическое искусство,
- 3) учредить банк для кредита художникам; банк, который даст деньги на устройство выставок и т. д.;
- 4) ввести дополнительный налог в пользу ирецон искусства“).

Итальянский футуризм—довоенный и послевоенный—родился таким образом из безусловного признания капиталистической и империалистической культуры и идеологически и эстетически по войне, как и после войны,ставил своей задачей—несмотря на платоническое сочувствие „революционным бурям“, выражаясь словами манифеста Маринетти—„улучшать современное состояние человечества, а не разрушать его“.

1) См. статью К. о. т. «„Новости“—„Футуризм—Джам“.

2) Напечатана в „Современном Заводе“, № 1.

II.

Из совершенно иного умонастроения вырос экспрессионизм. Как футурист, экспрессионист выступил на жизненном плане задолго до войны. В эти предвоенные годы он был, вероятно, скорее индущим. Он мыслил себя в то время преимущественно, как отрицателя натурализма и импрессионизма. Поэзии передачи впечатлений¹⁾ он противопоставлял поэзии „выражения“ души²⁾ — природе, матери — акции которой были обязательны для натуралиста и импрессиониста, ее противопоставлял дух человека, творящий всецелую по своим собственным законам. Это была отнюдь не одна лишь литературно-художественная реакция. Экспрессионист отрицал природу, материю, объективную действительность потому, что эта объективная действительность давила его, угнетала его, обезличивала. Между тем, как Италия — родина футуризма — страдала от недостаточного развития капитализма, Германия — отчизна экспрессионистов — заливалась из избытка капиталистической цивилизации. Индустриализация, механизация и бюрократизация жизни достигли здесь — в Германии — такого развития, что отдельная „личность“, этот фетиш мелко-буржуазного интеллигентства, стала ничто. От этой обезличивающей механической буржуазной действительности экспрессионист еще до войны уходил в недра своего суворенного я — „своей души“, и — когда начались войны — он почти один не участвовал в охватившей империю патриотической вакханалии. Он замолк. Поднятое ими литературное лвижение замерло. Чем туже затягивалась война, тем отрицательнее становился к ней его отношение. Он, конечно, не был циниеральдцем — он читал Толстого, поглядывал с запада на восток, где родились евгелелие неотмырного царства. Он, был пасифист — противоположность футуриста. Когда в Швейцарии — в изгнании — стал выходить орган „Die Aktion“, он там помешал свои антиимperialистические стихи. Когда 9 ноября империя развалилась, он коллективно выступил в (изданном Губнером) сборнике „Товарищи человечества“ со своими пасифистскими поэмами, в которых Толстовское непротивленство нелено мешалось с гимнами революции.

Началась мелодраматическая агония некогда могущественной страны. У немецкого экспрессиониста не было основания менять свою боевую, еще правду, тогда рабскую отрицательную, оценку капиталистической цивилизации. Напротив, в условиях разгрома и развалицы под гнетом возраставшей нужды, в атмосфере прогрессировавшего упадка „среднего класса“ и в частности и в особенности интеллигентии, его вражда к механической и бюрократической действительности, ко всему буржуазно-мещанскоому укладу жизни, вырастала в ненависть. В этом мире, — как ярко показал Каплер в своих драмах о

капитализме (преимущественно в двух частях „Газа“) — нет места индивидуальностям, нет места живым душам. Встречаются разве типизированные люди — миллиардер, рабочие, инженеры. Это царство технических формул, стальных рячагов, электрических сигнализаций — человек стал автоматом — все равно, организатор — производитель или рабочий. Во II части „Газа“, в первом сцене, мы находимся в бетонной зале, установленной столами, — у каждого — человек в голубом, — не живая личность, а первый человек в голубом, второй человек в голубом, третий человек в голубом — пристально смотрят они на стеклянные кружки, вспыхивающие — передавая донесения с разных участков огромного промышленного предприятия — зеленым и красным электрическим. Потом в III действии их смениют другие люди — первый человек в жёлтом, второй человек в жёлтом т. д. Если уже организаторы производства автоматы, — то рабочие тем больше — они даже не цельные автоматы, а лишь частички автомата. Девушка-работница рассказывает о своем брате, у которого одна рука была постоянно в движении и росла в счет всего организма. — Эта рука была весь человек. Мать говорит о сыне: „Разве два глаза, которые стали неподвижны от наблюдения контрольной трубы, это сын?“. В этом механизированном обезличенном обездвиженном мире судьба людей всецело зависит от математических формул — и трагизм в том, что формулы может быть верной и все-таки последует варъя. Этот чудовищный мир рячагов и формул был союзником миллиардером — некогда простым рабочим (в драме „Король“, предлоге к „Газу“). Сын его — возмущенный несправедливостью этого строя — за спиной молодого человека стоит сам автор — порвал со своим классом и ушел временно в кочегары. «так» — в первой части „Газа“ — владельцем громадного предприятия, он — противник капитализма, но и не сторонник социализма — «социализировал» завод — рабочие — творцы производства — стали участниками прибыли. Положенная в основу предприятия формула, математически верная, приводит к катастрофе. Тысячи жертв! Тем не менее рабочие требуют восстановления предприятия, и вдруг натыкаются на противодействие хозяина-социалисту, выступающего — после катастрофы — отрицателем капиталистической цивилизации, как таковой. Куда зовут он рабочих? В его проекте новой, лучшей жизни наглядно проступает мелко-буржуазная стихия, из которой родился идеологически (не формально) экспрессионизм. В ответ на требование рабочих пустить завод, он предлагает им вернуться из тырьмы каменных городов и „волнами пахнущим в земле“.

„Над развалинами и обломками воздвигнуты поселки. Вы все освобождены от службы и прибыли — поселение с самыми скромными потребностями и с высшей независимостью — людьи“.

Освобождение человечества возможно, по мнению миллиардера, за спиной которого стоит сам автор — только при условии возвращения назад к патриархальному деревенскому (мелко-буржуазному) прошлому.

¹⁾ Импрессионизм.

²⁾ Экспрессионизм.

Рабочие, естественно, не следуют призыву опроцентера (призывающему экспрессиониста интеллигентства, привлеченного тяжестью капитализма и судорожно мечущегося назад к превозобновленному). Они остаются на заводе; начинаяется война—мы переходим во вторую часть „Газа“— завод национализирован правителством,—сын миллиардера-социалистатора вступает в производство простым рабочим. Спасение нации (лодкой, голубем) в максимальной производительности завода—немного меньше газа (техники), чем нужно, и поражение немыслимо. Рабочие не выдерживают катархического труда. Они, когда то требовали газа „газ“, теперь кричат: „долой газ“. На заводе воцаряются новые люди—в желтом. Спасение рабочих и страны теперь в алонитом газе, изобретенном инженером. Стоит бросить красный шар, им наполнивший, и конец национальным и классовым угнетателям.

Так стал автор у самой грани социальной революции. И снова наглядно в его отношении к этой проблеме сказалась вся его мелко-буржуазная—ни ту ни сюда—межумоющая психика.

Герой—рабочий—миллиардер—против насилия. Громче чем в привычке его отца к возвращению к „вольным пакостям в залене“ спышатся в его речах толстоскные потки—потки непротивленца.

„Будьте страдальцами в труде и свободными в самих себе. На земные луга манят вас некто против меня—вы оттолкнули его спаседливко. Ничто вокруг вас не щадит в вас самого важного, оно не замыкается в четырехугольнике человеческих селений—царство это не от мира сего“.

Резко и непримиримо падают, отрица друг друга, реплики за-противленца и революционера.

- Возвращайтесь на фабрики.
- Захватите власть.
- Осуньте царство.
- Зажгите ядовитый газ.

Формула инженера торжествует. Рабочие готовы к насилию... Рабочий—миллиардер—вдруг изъявляет желание бросить красный шар—он падает назад, снаружи разлетается бомбардировка, бетонный зал превращается в развалины, торчащие побелевшие скелеты людей—человек в желтом, в стылом шлеме и с телефоном на голове, таща за собой проволоку, вбегает на развалины и кричит в телефон:

— Обратите орудия против себя и уничтожьте самих себя—день страшного суда—dies irae—solvet saecu...—не договорив, стреляет себе в рот. Вдруг синистр, перекрещиваясь, снопы огненных заров и мир проплывается в бездну среди огня и дыма.

На туника механизированного капиталистического царства нет выхода никуда—для наций, для обществ—равно в взаимоистреблении¹⁾.

И нет выхода и индивидуального для интеллигенты-экспрессиониста никуда—от торжествующего мещанства. В его подавленном

могут мещанин, буржуа, занявший всю жизнь, вырастает невольно в нечеловеческую фигуру—в чорта. Он одет—так описывает его Корнфельд в рассказе „Чорт“—в желтые перчатки и светлые гамашки, в смокинг и черный галстук. Он удобно усаживается в кресло, кладет ногу на ногу, опускает руки в карманы и посыпывает деньгиами. Когда автор очерка напоминает ему, что есть в мире ценности помимо материальных благ, он и все присутствующие одобрительно кивают головой—вончикает самодовольство:

„Нет, дорогой мой, важно сделаться приличным человеком. Все мы живем на земле только один раз. Прежде всего мы должны исполнить свой долг—присутствовать в этой жизни“...

В драме того же писателя „Обольстители“ оппонент из только-что упомянутого рассказа превращается в беспочвенного скитальца, klempящего мещанский мир, но с ним не порывающего, отвращающего душу в путанице монологов и любовных похождениях, чье имя Bitterlich—Горестный—достаточно красочно передать всю пурпурную драму его души. Он возвращается домой из путешествия, в провинциальный городок—в семью, с девочками которой рос—у одной есть жених—заурядный, самодовольный, ограниченный буржуа, никакого аза не сделавший молодому человеку. Последний видит его в первый раз и точно перед ним чорт—осмыслает его в присутствии невесты оксфорбенными, выталкивает из комнаты и за дверь—душил своими руками.

— Кажется, я совершил добреое дело,—возвращается он.

— Что ты сделал?

— Кажется, задумал его. Не кричи. Только не кричи. Как давно я мечтал об этом. Каждый день я повторял бы это. Не кричи. Я должен был задушить его. Если бы ты знала, как легко я себя чувствую. Я почти счастлива...

Ненавидя торжествующего мещанина, до готовности его задушить, интеллигент-экспрессионист, однако, дальше буржуазно-мешанского мира не видит, а так как этот уклад ему—интеллигенту—ничего ладного не может, то—где выход?

В драме Кафзера „С утра до полуполуночи“¹⁾ перед нами киссер, всю жизнь прозаивший в семье и на службе. Принцесса в банк за деньгими красавица, прикоснувшись к нему, пробуждает в нем пожар низменнейших чувств и устремлений. Покития шестьдесят тысяч марок, он бросает семью, мещанский уют, службу. Теперь он свободный человек. Перед ним лежит весь мир. Что будет он делать? Он отправляется в спортивный дворец, где за право устраивается беленная гонка велосипедистов (символическая картина капиталистического общества и капиталистической конкуренции), сам учитывает призы, заставляя гонщиков доходить до кровавого пота. Неудовлетворенный отправляется в кабак, приглашает в кабинет дюжину масок, угощает

¹⁾ Есть русский перевод Ильи Гостомята.

¹⁾ Есть русский перевод Ильи Гостомята.

их икрой и шампанским... Кроме погон за призом и погон за изаждением тот мир, куда он вступил с такой трепетной надеждой—ничего дать не может. А другого мира кассир (сам автор) не знает и не видит. И вот с утра до полуночи пелено метавшийся по пустыне жизни он, напоен, на заседании архии спасения—входит на трапезу—привозится в коровище и трубят в трубу, чтобы было слышно от края до края.

— За все деньги из всех классов мира нельзя купить себе ничего имеющего настоящую ценность.

Тогда же же выход?

Снова трубят они—как итог своего опыта—над собранием, над обездушевленным миром:

— С утра до полуночи мчусь я по кругу и вот признанно-маяцкий перст указает—куда?

И он стреляет в грудь фрачной рубашки.

Немецкий экспрессионизм (с социально-психологической стороны рассматриваемый)—это трагедия мелкобуржуазного интеллигента, поглощенный тяжестью механизированно-технической и обесдушиенной цивилизации, за границами капитализма, не видящего возможностей иных социальных миров и потому груважно и судорожно мечущегося от мысли о волны деревенских паштитов и надежде задушить своими руками чарта-буржуазии, от пассивного непротивления во имя неизвестного народа к самоуничижению!

Но есть для него еще один выход.

Можно эту действительность, каменей, на которой виноваты, объявить презренной материей, не стоящей внимания, «природой» и противопоставить ей суверенный дух интеллигента, творящий мир по иным своим законам. Такой выход пытался найти экспрессионист австрийский. Невинственную объективную действительность он пытался преодолеть мистикой и оккультизмом.

III.

Австрийский экспрессионист—речь идет о Мейринке, как, быть может, наиболее типичном из них, авторе переведенного на русский язык романа «Голем»—такой же—растерянно-метущийся между буржуазией и пролетариатом беспочвенный интеллигент. Мещанин-буржуа, плоский и рассудочный,—и для него корень всего зла, в еще до войны Мейринк помещал в журнале «Simplicissimus» сатирические очерки из быта мещанской обывательщины, потом изданные в виде сборника: «Немецкий философия чудесный рог». Во времена войны, как немецкий экспрессионист, чуждый шовинистического угара, он писал pamphlet против милитаризма и офицерства, которых цензура не пропускала. После войны, расчленившей империю Габсбургов, он, как и большинство австрийской интеллигентии, был обречен на тихие лишения. Он видел, как говорится в одном его романе («Зеленый

лис»),—как люди умственного труда, или, как он выражается, люди внутреннего созерцания, осуждены на вымирание, «за недостатком обмена веществ». «Синкетор» завладел мускулистым рулем, а выделение человеческого мозга каждые дни теряется в своем курсе»,—вызывает один из его героев. Придавленный разложением среднего класса, и развалом родины, он, однако, не верит и в социализм. К чему стремятся рабочие,—спрашивает в одном из его романов («Зеленый лис») действующее лицо, за спиной которого стоит сам автор—чтобы бояться утили и их место заняли пролетарии! Но разве это значит «обновлять мир»? Нет необходимости перестраивать социальную деятельность,—совершенно достаточно усвоить себе «новое мировоззрение». А для этого надо отрешиться от старой веры, будто видимый мир есть единство-картина реальное. «Это я называю основанием нового государства». С ним совершенно согласен герой романа—инженер не у дел. От материального мира, от «грязной обывательщины» он, как сам автор, уходит в среду сектантов и мистиков, христианских духовидцев и еретических христиан, погружается в изучение оккультных наук, в изысканные чертыми рукописи средневековых математиков и восточных колдунов—но не в мистику в обычном смысле, выносящей поступок равности на пределы видимости, истина, —таков вывод его на духовных этапах скитаний,—а в оккультизм, с точки зрения которого и «здесь» и «там» два одновременно и неразрывно существующих мира, стать «гражданином этих двух миров»—ein Bürger zweier Welten вот цель жизни. Для этого не нужна никакая революция, для этого надо лишь наладить «видеть», для этого надо лишь «выплакать старые глаза». И очам тогда предстанет «невидимый мир, проникающий видимым». Неудовлетворенный действительностью, готовый, чтобы от нее уйти, на самое «нелепо-странные», он—пройдя курс оккультных наук—научается в самом деле быть «живым человеком» и «здесь» и «там». К его обычному сознанию—говорит автор—присоединилось новое восприятие, которое, оставляя мир нетронутым, вместе с тем его преобразовало».

Для придадения каменному стечью действительности, и неспособного в ней проложить проход в иной реальный, в иной социальный мир интеллигента, нет в самом деле иного—кроме самоубийства Кафкаевского кассира—выхода, как, оставив жизнь неприкосновенной, налестить на нее иную, где царят законы не физики и социологии, а законы, творимые самим интеллигентом, суверенным господином лишь в области изображения.

И вот он начинает творить вселенную свою, под властью иных его законов.

В одном романе девушка слышит точно откуда-то издалека кто-то зовет ее—неудержимо, властно покоренная таинственным звоном выходит она на улицу, идет в жутковатой ночи все дальше—по мрачным пустынным переулкам—входит за ограду—пепел нес «грозного роста» неизвестной и умирает, но тот, кто ее любил

любовью чистой, силой еще большего впечатления воскращает ее, и она оживляет в его обстоятельствах ("Зеленый лик"). В другом романе среди живых дюймов ходит некий актер—«бл尤为»—не человек, а пустая форма, в которую—по мере надобности—облекается и дух давно умершего владельца дворянской усадьбы, и старый по произведению "Пингвина"—придворный врач и—на соузаии автор-говорщиков—сам бунтовщик Ильинская. Лица раздвигаются, жутко чужой жизни, испытывают чужую волю, и в смятении могут раздавленного интеллигента, не способного вырваться из каменного туника, им же созданной—в противовес непознанной действительности, волшебно-свободный мир становится каким-то... «вальпургисским ночью».

Так озаглавлен один из романов Мейндра. Как обычно у него действие происходит здесь в старой Праге. В день св. Пепуноса — когда по преному чешскому обычая бары и слуги обходят за одним столом — разговор заходит о войне, и один из присутствующих привыкается развивать постоянное учение adeyusa — учение о шаманах или духах, eshi, которые покидают тело свое и возвращаются в чужое, а старые чехи действовать против воли.

„Зачем это нужно духу?—спрашивал кто-то.—Может быть, он хочет на землю сделать то, что он забыл сделать. А если он жесток, то затем, чтобы учинить кровавую бойню?...—Так значит теперешняя война?...—Неохинено, все, что люди делают против желания проискуют от адесуя?...”

Как войны были делом гуляющих по миру духов, так и подголовленные ими революции—даже в этом созданном интеллигентским мозгом чудесном мире,—явились лишь напождением немощных людям сил. В древней, обещанной легендами, Вашне голоды собирались к заговорщикам. Русский кучер, ссыпался на Кропоткина, призыва т к истреблению богатых. Барышни-дворянки, отпрыски старого рода, Поликсена пытаются перевести социальное постичие в русо-вацильновской революции. Во главе независимой Чикаги ставят ее разоблаченный юноша Огтокэр. Устами здесь же присутствующего актера „Зеркало“—к собранию обращается воскресший Иэн Жижек. Толпы выходят на улицу, громят замок графини, матери Огтокара, который падает от ее рук—с фронта вытребован батальон солдат, беспощадно расстреливающих восставших. Почему барышни-дворянки стоят во главе матежа, почему мать убила собственного (незаконного) сына?—все потому, что они лишь механически повторяют — современный обитатель — суть пррабаушки Поликсены, участницы гуського восстания. А может быть, все это лишь видение, —видение смысличного духа, неспособного уйти даже в этом мире, свободно им скованным, из давящей объективной действительности. Но все это видение, кому-то принадлежало лишь потому, что наступило 30-е апреля, — день вальнувшегося неба. И нет даже в этом его чудесном мире ему спасения от все выше подымавшихся волн социальных революций.

После войны — таково содержание другого романа Мейнрикена — в тихом Амстердаме собрались со всех излов света все недовольные, все тоскующие, все, кому то там, то здесь видится некий таинственный — отсюда заглавие романа „Зеленый лик“. Но и этот тихий Амстердам мечты и тоски пропитан тревожным предчувствием.

Пригнатающий страх перед грозными событиями охватил всех. Ждали конца мира, как в страшные времена „перекрецщиков“. Гигантский призрак унес миллионы жизней и потом заснул — теперь из прошлости поднимал свой лик Медузы ужаснейший из всех фантомов, дважды пробуждавший гнилой, разлагавшейся александрутульский — красный приврек. Все насторожились, существо страх перед повторением „страшных времен перекрецщиков“ над таким Амстердамом, последним оплотом, воззванным безумно матущимся интеллигентом против беспощадной действительности, и разрешилось — в конце романа — ураганом, сметающим весь город, старый мир, ураганом, от которого герой спасается в свое „новое“ сознание, которое, оставляя мир потерянным, позволяет ему настроить на иную воображаемую — мы видели — столь же кошмарный, как „валльпургиссия ночь“ объективной действительности, от которой — никуда не уйти ее вожде бытияющиму племени.

IV.

В то самое время, когда авангарду литературы занимали футуризм и экспрессионизм—из друг раздался из тиши швейцарского города протестующий голос:

„Довольно футуристических академий, лабораторий отвлеченно-мозговых потугом“ — Лодой бисеровый экспрессионизм».

На скане выстрики — плависты!)

на сцену выступили—драматики». Футуризм был явлением итальянским, экспрессионизм—продуктом немецким, лада не знает отечества—он интернационален. Футуризм иденно и морально подготовил войну—экспрессионизм отрицал ее во имя пацифистско-протиродниковских идеалов, дадаизм, не отверг подиум, десертировал от нее—стяжался в обесценившем тылу, в нейтральном городке Швабштадт—в Цюрихе.

центральном городе Швейцарии — в Цюрихе.

Здесь под грохот пушек и разрывы шрапнелий — как в некоем Амстердаме Меринка — собирались в 1916 г. в кафе Вальтера группа поэтов и художников разных национальностей — немцев, румын, французов, американцев — основала новую школу им. им. же ей дада, что первое всего подражание детскому лепету. На их улицах Цюриха (16 апр.) были вывешены афиши, приглашавшие обывателей на сессионные вечера международного дзайза, были обещаны великолепные аттракционы — музыка, танцы, картины, костюмы и в заключение — чтобы было совсем весело — всеобщая пастасовка с иммансельством подлинни.

3) Hulsenbeck, Dada-Almanach. Hulsenbeck, Dada siegt — „Casperessen“!
3a. 3. 34. 3.

А там на полях бить дилась рабоче-крестьянская кровь!

Между тем, как футурист охаживал буржуза, изобретая для него „новые настоящие радости“, лабы излечив его от „последований болезней“, а экспрессионист неизнанит его, как черта, готов задушить его своими руками—дадаист просто презирает его, презирает все, что тот любит, все, что тот читает, и это свое презирение к нему, к его культуре, к его идеалам он выражает порой достаточно красочно. В одном из первых дадаистских манифестов, носившем заглавие „Немецкое название „каннибальского“, буржуа-мечтания, подзывающий внимание к единству своим божеством—перед деньгами,—изображен отчук на чертом—как в рассказе немецкого экспрессиониста Корифельца, а законично назван „вонючкой“, тогда как дадаист продолжает манифест, но пахнет ничем, ибо оно ничто, ничто, ничто:

как ваши надежды—ничто,
как ваши политики—ничто,
как ваши герои—ничто,
как ваши художники—ничто,
как ваши реалисты—ничто.

Когда в Париже—уже в 1920 г. стали раздаваться голоса, что лада—немецкое изобретение—Made in Germany, что эту опасную штуку надо пресечь, то один французский дадаист, протестуя против этого шовинистического настава во имя международного характера нового „искусства“, продолжал, становясь в позу митингового оратора:

„Разумеется, милостивые государи, если вы боитесь за приватность ваших жен, за воспитание ваших детей, за способность ваших хуахор и за верность ваших любовниц, за целость ваших почных горшков и существующего строя, за существование ваших домов свиданий и—за безопасность государства, то вы правы—но что же делать—вы прогнили, а огнь пылает“.

Верно, конечно, что буржуазия прогнила, но и огонь дала ее пламя, а только чадит.

Если дадаист—говори о идеалах, т.е. об идеалах буржуазии—непременно сопровождается слово иронических приветов „бум, бум“, то, ведь, ценности буржуазных „идеалов“ с достаточной наглядностью вскрыты самой жизнью. Но и дадаист только ногтилит, только щипит. Он сам дитя этого класса, дитя с опущенением душой. Как философы умиравшего античного мира, он абсолютный скептик.

Что такое прекрасное? Что такое удивительное? Не знаю. Что такое я сам—не знаю, не знаю, не знаю“. Он поэтому и к себе относится с пренебрежением. Написав программу-манифест, он в конце спешно прибавляет: „быть против этого манифеста—значит быть настоящим дадаистом“. Ругаясь обывателями идиотами, он и себя не выключает. Когда дадаисты устроили в Париже первый свой вечер, все участники селились на бетонде и кором запали, обращаясь к публике:

— Вы все идиоты, мы все идиоты, вы все идиоты.

А один из них смастрил даже такой афоризм:

„Дада работает изо всех сил над распространением идиотизма и сам намерен скоро стать идиотом“.

Мы были бы, однако, несправедливы, если бы утверждали, что у них нет ничего святого. Один „идеал“ у них известен. Если один из них сострил: „Публичный дом есть то место, где человек (т.е. дадаист) больше всего чувствует себя дома“—то это не только игра слов—это программа. Об этом жизненном образом свидетельствуют их, с пополнениями сказать, поэзия. Один небольшой пример:

Представьте себе, у метрополитена:

Зад винзавод в луже

И груди имеют форму щипцов.

Их пол—это лодочки из белого железа.

Если бы у меня было одинацать сущ.,

Я пополнял бы в публичный дом.

Но, вообще говоря, дадаисту в высокой степени—как гласит один из их афоризмов—„наплевать на человечество“.

Когда он кого-нибудь читает, так это Распутина, „он был дадаист и к тому же настоящий“.

И подобно тому, как он налевается над буржуазной культурой, так и над искусством. Как следует написать дадаистскую поэму, на этот вопрос отвечает один из их манифестов: возьмите газету, возьмите пожары, вырежьте статью, длина которой соответствует тоб, какой вы хотите дать вашей поэме, вырежьте каждое отдельное слово, сложите все в мешок, вынимайте каждый отрезок в таком порядке, как он будет выходить из мешка и—поэма готова. И, конечно, только, как надевательство над „священной“ профессией поэта, можно понять их собственные „стихотворения“ вроде следующего:

Медведь ел канапе.

Съел канапе, он изрыгнул груди.

Из грудей выпала корова,

Корова излюпила кошками,

Кошка сделала лестину и т. д.

Впрочем, у них имеются и свои специальные жанры—поэмы на замутном языке, или, как они говорят, на „майоридском и африканском“, или „концерт по глазам“ и, наконец, в особенности „символистическая поэма“, т.е. поэма, которая читается одновременно несколькими лицами, в разных несопадающих ритмах и на разных языках—некая поэзия вавилонского стихотворения.

Выпадают в жизни странные недоразумения.

Надевательства дадаистов над буржуазной культурой и буржуазным искусством оспелили в Германии очи некоторых поэтов и художников, близких к коммунизму, и они шумно приветствовали флаги героя Кафе Бальтера, как своих союзников. Было создано подразделе-

ство Мэлик, издававшее рисунки Гроса, «Лик господствующего класса», романы коммуниста Юнга и составленные Гольдштейном эльманские дадаистов.

Как последние относятся к коммунизму, ясствует из их манифеста „Чего хотят дадаисты в Германии“. Если бы в Германии произошла революция, они обратились бы к правительству Советской Германии со следующими требованиями:

1. Передача всех перкней для исполнения симультантическими и дадаистскими стихотворений.

2. Введение симультантического стихотворения в качестве коммунистической государственной молитвы.

3. Контроль над всеми постановлениями Советского правительства.

4. Учреждение в каждом городе с населением выше 80.000 чл. дадаистского совета для преобразования существующих форм жизни.

Но „гвоздями“ этих скромных требований в глазах авторов манифеста, вероятно, были следующие:

1. Публичные, ежедневные (конечно, бесплатные. В. Ф.) трапезы всех творческих и духовно-значительных личностей на Потсдамской площади в Берлине.

2. Немедленное регулирование всех половых отношений в интернациональном дадаистском духе путем учреждения дадаистского центрального комитета по делам пола.

Что значат чешцански-скромные требования футурристов из журнала „Имперо“ о закрытии музеев и введение налога в пользу жрецов искусства в сравнении с этими публичными трапезами на берлинской площади, дадаистскими советами на предмет преобразования всех форм жизни и этим великолепным дадаистским ЦК по делам пола!

Далеко не все течения европейской литературы последовавшего периода нами рассмотрены. Осталась необследованной и некоторые представители этих двух направлений. Но освещена и формальна их сторона.

И все-таки, — реализуя, — можно сделать вывод, что за этими литературными течениями — если брать их с социально-психологической стороны — встает во весь рост трагикомедия европейского интеллигента последовавшего периода — придавленный стеною капиталистической цивилизации и неспособный проломить в неё (хотя бы изоглядкой) проход в иной — рождающийся мир; растерянный и беспочвенный он — такова трагедия немецкого и австрийского экспрессиониста — судорожно мечется от мечты о возвращении к патриархальной деревенщине и надежде задушить своими руками буржуазного чёрта от пассивного непротивленства во имя „царства не от мира сего“.

продолжению печальной действительности путем надстройки над неё иной, воображаемой, однако, столь же подавляющей — мрачной, и это — здесь трагедия переходит в комедию — опустившийся и опутанный — он с хлоуской расторопностью пересекают от неслыханных выдумок о Сиринга-театрах и тактилистических пустешествиях футуризма к дадаистскому: наплевать на человечество и на искусство.

Так среди трагических судорог и смеющихся фарса, среди ужаса и гримас, разлагается старый мир.

В. Фриче.

нами в области понимания общественных явлений были даже самые издающиеся народнические писатели, т. Ленин писал следующее:

«Есть у г. Михайловского и еще одно указание—опять таки это в своем роде перл. Что касается родовых связей,—продолжает он исправлять материализм,—то они побудили историю цивилизованных народов отчасти действительно в лучах влияния форм производства (опять же только более явная). Каких же именно форм производства? Пустяк фраза), но отчасти расплылись в своем собственном продолжении и обобщении—в связях национальных». Итак, национальные связи, это—продолжение и обобщение связей родовых. Г. Михайловский замечает, очевидно, свои представления об истории общества из той детской побасенки, которой учат гимназистов. История общественности,—гласит эта доктрина прописей,—состоит в том, что сначала были семья, эта ячейка всякого общества (это—чисто буржуазная идея: раздробленные, мелкие семьи сложились господствующими только при буржуазном режиме, они совершили отступление в доисторические времена. Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы), затем, дескать, семья разраслась в племя, а племя разрослось в государство. Если г. Михайловский с важным видом повторяет этот речебный вздор, то это доказывает только помимо всего другого, что он не имеет ни малейшего представления о ходе хотя бы даже русской истории. Если можно было говорить о родовых быте в древней Руси, то иссомнено, что уже в средние века, в эпоху московского царствования, никаких родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на связях совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест и общин, составлявших таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранившие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. п. Только новый период русской истории (например с XVII века)* характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это выразило не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский и даже не их продолжением и обобщением: оно выражалось усилившимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталистические купцы, то создание этих национальных связей было и не чем иным, как созданием связей буржуазных¹⁾. Обоими

Ленин и национальный вопрос.

Одной из величайших заслуг т. Ленина перед мировым социальным движением и международной коммунистической партией являлся правильная остановка т. Ленина столы сложного вопроса, как национальный, в котором не могли разобраться даже столь сильные в теоретическом отношении революционные умы, как Роза Люксембург. Между тем, как вполне основательно указывает т. Зиновьев в своем предисловии к напечатанной в 1-м номере петроградского журнала «Звезда» статье Ленина, статье, написанной в 1916 г., имеющей «Правильная политика партии в национальном вопросе,—можно это сказать смело, искренно же преувеличивая,—облегчила нам победу над эсерами и меньшевиками, над Деникиным и Колчаком, по крайней мере на 50%».

1. Ленин и Михайловский.

Впервые у т. Ленина мы встречаем упоминание о нации, национальности, национальных связях в опубликованной недавно работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократии» (изд. «Московский Рабочий» и «Новая Москва» 1923), работе, написанной тридцать лет тому назад, в апреле 1894 г. и пролежавшей с тех пор в тайниках охранных отделений.

Эта замечательная работа направлена против корифеев тогдашнего народничества, Михайловского, Южакова, Кривенко, Никонова—она, без doubt, показавших вспышки русского марксизма в целом ряде злостных и невежественных статей, напечатанных в «Русском Вестнике».

Критикуя исторический материализм, Михайловский коснулся, между прочим, работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Михайловский считал национальные связи продолжением и обобщением связей родовых и трактова национальное чувство, как самостоятельный фактор, вроде полового чувства. По поводу этого замечания, покидающего, какими профа-

¹⁾ См. «Звезда» 1924, № 1 стр. 106.

2) Курсы нац. М. Р.

своими фактическими указаниями г. Михайловский только побудил самого себя и не дал нам ничего, кроме образцов буржуазных национальностей—«плюсостей» в том, что объясняет институт наследства демократией и его психикой, а национальность—родовыми связями; «буржуазия»—потому, что принимает категории и надстройки одной исторической определенной общественной формации (основанные на обмене) за категории чисто же общие и вечные, как воспитание детей, и «непосредственно» половых связей».

Критикуя далее Михайловского, Ленин указывает, что в основе национальной разницы, национальной невинности лежат реальные интересы торговли и промышленности буржуазии и что толковать о национальном чувстве, как о самостоятельном факторе, как это делает Михайловский, значит только замалчивать сущность дела. Михайловский никак не может понять той простой истину, — пишет Ленин в цитируемой работе,— что все многое средства борьбы с национальной невинностью, как организации и спасение класса угнетенных для борьбы против класса угнетателей в каждой отдельной стране, как соединение таких национальных рабочих организаций в одну международную рабочую армию против каждого национального капитала.

Уже из этих бытых строк видно, какое значение национальному вопросу придавал т. Ленин тридцать лет тому назад.

2. К. Маркс и национальный вопрос.

Общая, так сказать, декларативная постановка национального вопроса дана т. Лениным в статье „Рабочий класс и национальный вопрос“, напечатанной в „Правде“ от 18 мая 1913 г. (см. Собрание сочинений, т. XIX, стр. 28—29).

В этой статье т. Ленин говорит, между прочим, следующее:

„Национальный вопрос требует ясной постановки и решения со стороны всех сознательных рабочих.

„Когда буржуазия боролась за свободу вместе с народом, вместе с грузинами и, она отстаивала полную свободу и полное равноправие наций. Передовыми странами, Швейцарией, Бельгией, Норвегией и др. были нам образец того, как мирно уживаются вместе или мирно отделяются друг от друга свободные нации при действительном демократическом строе.

„Теперь буржуазия боится рабочих, ищет союзников с Пуришевими, с реакционерами, предает демократию, отстаивает угнетение наций, неравноправность наций, развязывает рабочих националистическими лозунгами.

„Одни только пролетариат отстаивает в наши дни истинную свободу наций и единство рабочих всех наций.

„Чтобы разные нации свободно и мирно уживаются вместе для расширения (когда это им удобнее), составляют разные государства для этого необходим полный демократизм, отстаиваемый рабочими

классом. Ни одной привилегии ни для одной цепи, ни для одного зажиги. Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству—это принципы рабочей демократии».

Само собой разумеется, что, отстаивая полную свободу и полное равенство наций, т. Ленин исходил не из побуждения справедливости и «гуманности» к угнетенным народам, а в первую голову из интересов пролетариата и мировой революции.

Наделив ирии с Роя Льюисембург по вопросу о праве наций на самоопределение, т. Ленин ссылается на Маркса, который еще в 1869 г. заявлял, что прямой абсолютный интерес английского рабочего класса требует разрыва его связи с Ирландией. Несчастье для народа, если он поработит другой народ. Не освободиться рабочему классу Англии, пока не освободится Ирландия от английского гнета. Реакция в Англии укрепляет и питает порабощение Ирландии.

10 декабря 1869 г. Маркс писал Энгельсу, что его доклад по ирландскому вопросу в Совете Интернационала будет построен следующим образом (Н. Ленин. Собрание сочинений, т. XIX, стр. 149):

„Созерзнанию исполнено от некой „интернациональной“ и „гуманитарной“ фразы о „справедливости к Ирландии“— ибо это само собой разумеется в Совете Интернационала,—примой абсолютный интерес английского рабочего класса требует разрыва с Ирландией. Таково мое самое глубокое убеждение, основанное на причинах, которые я отчасти не могу раскрыть самим англичанам рабочим. Я долго думал, что возможно исправить ирландский режим путемъем англичанского рабочего класса. Я всегда защищал этот взгляд в „Нью-Йоркской Трибуне“ (американская газета, в которой Маркс долгое сотрудничал). Более глубокое изучение вопроса убедило меня в обратном. Английский рабочий класс ничего не поделает, пока он не избавится от Ирландии... Английская реакция в Англии корениется в порабощении Ирландии“ (курсив Маркса).

Комментируя точку зрения Маркса по ирландскому вопросу, т. Ленин пишет в той же статье („Уточнит Карл Маркс и практическая Роя Льюисембург“):

„Маркс и Энгельс и в ирландском вопросе вели последовательно пролетарскую политику, действительно воспитывавшую массы в духе демократизма и социализма. Только эта и линия способна была избавить и Ирландию и Англию от полузвезда вялых необходимости преобразования и от иудаизации их либералами в углу реакции.

„Политика Маркса и Энгельса в ирландском вопросе для величайших данных сохранившим громадное практическое значение обладает тем, как должна относиться пролетариат угнетающих наций к национальным движением,—для предостережения против той „холодной терпимости“, с которой мещане всех стран, цветов и языков

спешат признать "утопичным" изменение границ государства, созданные насилием и привилегиями помещиков и буржуазии одной нации.

"Если бы ирландский и английский пролетариат не принял политики Маркса, не поставили бы своим лозунгом отделения Ирландии, это было бы аллейшим оппортунизмом с их стороны, забывшем задачу демократа и социалиста, уступкой английской реакции и буржуазии".

3. Параграф 9 программы Р.С.-Д.Р.П. и Розы Люксембург.

Как мы видим из заглавия цитируемой выше статьи, Ленин отвечает на Маркса, полемизируя с Розой Люксембург, считавшей утопичной независимость Польши и прокричавшей: "Почему бы не ставить требование независимости Ирландии?"

Параграф левый программы российских марксистов, говорящий о праве наций на самоопределение, вызвал, как писал Ленин, пылью поход оппортунистов, опиравшихся в своей аргументации на доводы Розы Люксембург. Вот почему т. Ленин все острые своей критики направлял против последней.

Совещание Центрального Комитета Р.С.-Д.Р.П. с партийными работниками летом 1913 г. приняло резолюцию по национальному вопросу, в которой мы читаем следующие пункты о самоопределении наций:

"Что касается до права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т.е. на отделение и образование самостоятельного государства, то с.д. партия безусловно должна отстаивать это право. Этого требуют как основные принципы международной демократии вообще, так и в особенности неслыханное национальное угнетение большинства населения России царской монархии, которая представляет из себя самый реакционный и варварский государственный строй по сравнению с соседними государствами Европы и Азии. Этого требует, далее, дело свободы самого великорусского населения, которое не способно создать демократическое государство, если не будет вытрансформировано великорусским национализмом, поддерживаемым и воспитываемым систематически не только царской монархией и всеми реакционными партиями, но и холопствующими перед монархией великорусскими буржуазиями либерализмом, особенно в эпоху контрреволюции.

Вопрос о праве наций на самоопределение (т.е. обеспечение конституционной государственности вполне свободного и демократического спаса решения вопроса об отделении) непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Это последний вопрос с.д. партии должна решать в каждом отдельном случае сознательно, самостоятельно с точки зрения интересов всей общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм.

"Социал-демократия должна при этом иметь в виду, что помещики

помы и буржуазия угнетенных наций нередко прикрывают националистическими лозунгами стремления разделить рабочих и одурманивать их, заключая с их спиной сделки с помещиками и буржуазией господствующей нации в ущерб трудящимся массам всех наций".

Чтобы понять великую историческую заслугу т. Ленина в деле правильной постановки национального вопроса, необходимо остановиться несколько на взглядах Розы Люксембург, имевшей многочисленных сторонников по национальному вопросу как в самой Польше, так, особенно, в России.

9-ый пункт программы Российской Социал-Демократической партии, подвергшийся критике Розы Люксембург, гласил, что партия требует демократической республики, конституция которой обеспечивала бы, между прочим, "всем нациям равенства, входящим в состав государства, право на самоопределение".

Критикуя эту формулу, Роза Люксембург напомнила, что признание права наций на самоопределение является повторением старого лозунга буржуазного национализма во всех странах и во всяку эпоху. "Право народов на свободу и независимость". Роза Люксембург указала, что в Польше, например, "прирожденное право народов на свободу" было классической формулой для народовцев от демократического товарищества до "Побудки" Лиманновского и от социалистического национального "Побудки" до австроцинической "Лиги Народов", до момента отречения последней от программы независимости. Таким образом, — доказывала Роза Люксембург, — в признании права наций на самоопределение нет ничего специфически связанного ни с социализмом, ни с рабочей политикой, а между тем позиция рабочего класса в национальном вопросе, как и во всяком ином, должна отличаться самим методом, своим принципиальным подходом к вопросу от точки зрения самых радикальных буржуазий, а также от псевдо-социалистических мелко-буржуазных партий.

Более того, Роза Люксембург пыталась доказать, будто аргументация защитников 9-го параграфа программы Российской Социал-Демократической партии, справедливо доказывавших, что этот 9-ый пункт является лишь применением, перифразом пункта резолюции по национальному вопросу, принятой в 1896 г. на Межнациональном конгрессе в Лондоне, основана на чистейшем недоразумении. Лондонская резолюция гласит: "Конгресс высказывается за полное право на самоопределение наций и выражает свою симпатию рабочим каждой страны, которая страдает в наступающие времена от военного, национального или всякого иного гнета; Конгресс признает рабочих всех этих стран вступить в ряды сознательных пролетариев всего мира, чтобы совместно с последними бороться за уничтожение международного капитализма и осуществление целей международной социал-демократии". Если этот пункт лондонской резолюции говорит против чего-

найдут, то, конечно, против Розы Люксембург, а отнюдь не против 9-го пункта программы Р.С.-Д.Р.П.

Уже „специальный и шаблонный характер“ 9-го пункта программы Р.С.-Д.Р.П.—утверждала Роза Люксембург—указывает на то, что подобного рода решение вопроса чуждо марксистскому духу. Право наций, относящееся в одинаковой мере ко всем странам и народам в одинаковой мере, есть не что иное, как метафизическая фраза, пропаганда „прав человека и гражданина“. Диалектический материализм, будучи основой научного социализма, портит раз и навсегда с такими вечными „формулами“. Ибо историческая диалектика доказала, что „вещи“ истины, а следовательно, „прав“ нет, что, говоря словами Энгельса, то, что здесь и теперь является хорошим, то в другое время—плохим и наоборот, то, „что правильно и разумно при одних обстоятельствах, становится беспредметностью и бесполезностью при других“. Это настойчивость наследников всех народов, стран, групп и всех человеческих созданий правом на независимость, равенство и тому подобные благодеяния при помощи одного ростерча, перво характеризует, именем, младенческий период социалистического движения, а, в особенности, фразеологическое удальство авантюристов.

Социализм современного рабочего класса, именно, научный социализм, не прельщается—признает правом Розы Люксембург—радикальными и благородными звучаниями, решениями общественных и национальных вопросов, а рассматривает прежде всего реальные условия этих проблем.

Фразу о „правах наций“ недостаточна для обоснования позиции социалистов в национальном вопросе не только потому, что ее принимают во внимание всей разной родности исторических условий (места и времени) в каждом отдельном случае, равно как и не считается с общим направлением развития всевозможных отношений, но и потому, что совершенно игнорирует основную теорию современного социализма—теорию классового общества.

Говоря о „правах на самоопределение наций“, мы разумеем под понятием „наци“—народ, как единое, как неделимую общественную политическую единицу. Но именно такое понятие о „народе“ является одной из тех категорий буржуазной идеологии, которые марксистская теория подвергла радикальной критике, указывая на то, что под такими туманными определениями, какими являются понятия „гражданской свободы“, „равенства перед законом“ и т. д., кроется всякий раз определенное историческое содержимое.

В классовом обществе „народ“, как неделимое общественно-политическое целое, не существует, а вместо этого в каждом народе существует классы с англоязыческими именами и привычками.

О союзной и германской воле, о самоопределении „наци“ в таком образом сформированных обществах—не может быть и речи. Если мы входим в историю современных обществ—„национальных движений“ и борьбы за „национальные интересы“, то это—обычай-

движения господствующих слоев буржуазии, которая в данном случае может постыдиться представлять интересы и других народных слоев; поскольку под видом „национальных интересов“ защищает прогрессивные формы исторического развития и поскольку трудающийся класс выявился еще из масс этого, предводительствуемого буржуазией „народа“ в самостоятельный созидательный политический класс. Французская буржуазия в этом отношении имела право выступать как третья составная в Великой Революции от имени французского „народа“ и даже немецкая буржуазия 1848 г. могла еще считать себя до известной степени представительницей немецкого „народа“, хотя Коммунистический Манифест и отнести „Новая Рейнская Газета“ были уже форпостами особой классовой политики пролетариата в Германии. Оба эти случая доказывают, что революционное классовое дело буржуазии было одновременно, в тогдашней стадии общественного развития, также и делом всей массы народа, образующего еще с буржуазией, ввиду господства феодализма, единую в политическом отношении массу.

Уже это обстоятельство доказывает,—аргументировала Роза Люксембург,—что оперирование „правами наций“ не может быть приемлемым с точки зрения социалистической партии в национальном вопросе. Само существование такой партии является именно доказательством того, что буржуазия перестала быть представительницей целого массы народа, что класс пролетариата не прачется за спину буржуазии, но отделился от нее, в качестве самостоятельного класса с собственными общественными и политическими стремлениями. Так как понятие о „народе“ и о „правах“ и „воле народа“, как о едином целом, является, как мы уже сказали, наследием от времён незрелого и несознательного антиагностизма между пролетариатом и буржуазией, то, поэтому, применение классово-созидательный и самостоятельно организованный пролетариатом этого понятия было бы поразительным противоречием, притом не школьной логики, а историческим противоречием.

Относительно национального вопроса в современном обществе социалистическая партия прежде всего должна считаться с классовыми противоречиями. Чешский национальный вопрос имеет иное значение для младческой мелкой буржуазии и иначе для чешского пролетариата, точно также мы не можем искать решения национального вопроса одновременно и для г-на Костельского, и для его батрака в Мильтаславе, для варшавской и лодзинской буржуазии, равно как и для созидающих польских рабочих, а еврейский вопрос совершенно иначе отражается в умах еврейской буржуазии и иначе в сознании революционного еврейского пролетариата. Национальный вопрос, так же, как и всякие иные общественные и политические проблемы, является для социал-демократии прежде всего вопросом классовых интересов.

Социал-демократия есть классовая партия пролетариата. Ее исто-

рическая задача — быть выразительницей классовых интересов пролетариата и вместе с тем и интересов революционного развития капиталистического общества в целях осуществления социализма.

Следовательно, социал-демократия признала осуществлять не право на самоопределение наций, а право самоопределения трудящегося класса, класса эксплоатируемого и угнетаемого пролетариата. С этой точки зрения социал-демократия рассматривает все без исключения общественные и политические вопросы и с этой точки зрения формулирует свои программные требования.

Критикуя параграф девятый программы Русских марксистов, Роза Люксембург доказывает, как выразился том Ленин (т. XIX, стр. 98), вилот даже до совсем забытого упоминания о том, как узануть волю нации.

«Нация должна иметь право на самоопределение», — пророчески воскликнет Роза Люксембург. Но кто же составляет «нацию», кто в состоянии и кто имеет «право» быть признанным выразителем «нации» и ее воли?

Каким образом узнать, чего, собственно, желает «народ»? Существует ли хотя бы одна политическая партия, которая бы не утверждала, что она, вопреки всем прочим, является истинной выразительницей воли народа, в то время как все остальные — извращенцы и ложным проявлением воли народа. Все буржуазно-либеральные партии, в сущности, считают себя воплощением воли народа, как для себя исключительную монополию на представительство «народа». Но не менее склоняются на волю и интересы народа консерваторы и реакционные партии, и в известной степени — на меньшинства правых. Несомненным проявлением воли французского народа была Великая Французская революция, в Наполеоне, который ловко сформировал 18 Брюмера в основу всей своей государственной реформы, положил буквально принцип *«la volonté générale»* (всебогатая воля).

В 1848 г. «воле народа» сначала выдвинула республику и временное правительство, затем Национальное Собрание и, наконец, Людовика Бонапарта, который уничтожил и республику, и временное правительство, и Национальное Собрание. Во время революции в России либерализм требовал от имени «народа» кадетского министерства, абсолютизма во имя того же народа устраивал еврейские погромы, а революционное крестьянство проявляло свою народную волю, поднявшую помещичьи усадьбы. В Польше воля народа имела в аренду черносотенных партий, «народных Демократий», которых им «самоопределение нации» подстегнула рабочих-националистов к тайным убийствам рабочих-социалистов. С истинной «волей народа» про «сходил» то же, что и с настоящим первенством в драме Лессинга «Ната и Мудрый»: она пропала и, кажется, почти невозможна ее и отличить от лжи и подделки. Демократический принцип с виду как будто дает способ отличить истинную волю народа, способ этого определение мнения большинства. Народ желает того, чего желает

большинство народа. Однако горе социал-демократической партии, которая когда-либо сочла бы этот принцип для себя приемлемым: это равнялось бы смертному приговору для самой социал-демократии, как революционной партии. Социал-демократия по своему характеру является партией, представляющей интересы громадного большинства народа. Тем не менее, однако, она является, поскольку вопрос касается сознательной воли, в буржуазном обществе временно партией меньшинства, которое стремится только стать большинством, хотя она отражает в своих стремлениях, в своей политике, в своей программе волю большинства народа, но, благодаря тому, что она становится выразительницей сознательной воли не всего народа, а лишь класса пролетариата и в пределах этого класса, социал-демократия не является и не предъявляет претензий на то, чтобы быть выразительницей воли большинства. Она выражает лишь волю и сознательность передового, наиболее революционного слоя промышленного пролетариата больших городов; она старается развеять именно эту волю, проторить ей путь к большинству рабочего народа, раскрыв последнему его собственные «интересы». Воля «народа» или его большинства совершенно не является кумиром для социал-демократии, перед которым она, благородно преклоняется. Напротив, все историческое назначение социал-демократии заключается прежде всего в революционизировании и выработке воли «народа», т. е. его трудающегося большинства.

То же традиционные формы сознательности, — продолжает Роза Люксембург, — которые большинство народа, а следовательно, и трудащиеся классы, проявляют в буржуазном обществе, являются обычно формами буржуазной сознательности, зрячей идеалы и стремлениями социализма. Даже в Германии, где социал-демократия является уже самой могущественной политической партией, она представляет еще теперь, со своими тремя с четвертью миллионами избирателей меньшинство при восьми миллионах избирателей буржуазных партий и тридцати миллионах обладающих избирательным правом. Статистика парламентских выборов дает, правда, хотя истическо, но все же до известной степени понятие о соотношении сил в мире времени. Итак, немецкая нация самоопределяет себя теперь таким образом, что из своего большинства избирает консерваторов, клерикалов и свободомыслящих и отдает им в руки свою политическую судьбу. То же самое, но лишь в большей степени, происходит во всех других странах.

Одним из главных аргументов Розы Люксембург в критике формулы «право нации на самоопределение» является указание на «абстрактный», «метафизический», лишивший всякого практического значения характер этой формулы.

Политические программы современных рабочих партий — рассуж-

дала Роза Люксембург—ставит себе целью не распространение абстрактных принципов социалистического идеала, а формулирование тех практических, общественных и политических реформ, в которых существует и которых требует сознательный пролетариат в среде буржуазного общества, для облегчения своей классовой борьбы и своей окончательной победы. Пункты их политической программы формулировались с той определенной целью, чтобы дать непосредственное практическое и осуществимое на почве буржуазного строя решение насущных вопросов политической и общественной жизни, вопросов, входящих в область классовой борьбы пролетариата, чтобы они служили руководством для последней политики и ее нужд, чтобы они выразили и направили наилучшим образом политическую деятельность рабочих партий, чтобы, наконец, они отдавали революционную политику пролетариата от политики буржуазии и мелко-буржуазных партий.

Формула о «праве наций на самоопределение», декларированная Розой Люксембург,—не имеет этого свойства. Она не имеет никакого практического руководства для последней политики пролетариата, равно как и никакого практического решения национального вопроса. Эта формула, например, не указывает российскому пролетариату, каким образом должна он требовать решения польского национального вопроса, финляндского, кавказского, еврейского и т. д., она является скорее лишь неограниченным полномочием для всех заинтересованных «народов», чтобы они решили национальные вопросы по своему усмотрению. Единственный практический вывод, который можно сделать из вышеизложенной формулы для последней политики рабочего класса, это—указание на то, что его обязанность состоит в борьбе со всеми проявлениями национального гнета. Если мы призываем право каждой нации на самоопределение, то, следовательно, логически рассуждая, мы должны поринуть всякую попытку одной нации решать судьбу другой, называя название силой одной нации другой тех или иных форм национального быта. Однакож обязанность протеста и борьбы с национальным гнетом для классовой партии пролетариата вытекает вовсе не из специального «права наций», так же как, например, стремление его к социальному и политическому равноправию полов следует вовсе не из специальных «прав женщин», но которые являются движение буржуазных эмансипанток, а обусловлено общим отрицанием классового строя, отрицанием всякой формы общественного неравенства и господства, словом обусловлено самими принципами социализма. Но кроме того упомянутое указание для практической политики имеет частно-отрицательное свойство. Обязанность бороться со всеми проявлениями национального гнета вовсе не является еще разъяснением, в каких условиях, какими политическими формами должно стремиться сознательный пролетариат в России в настоящее время для решения польского, латышского, еврейского и т. д. национальных вопросов, какую программу он должен пропи-

поставить в ишневшей борьбе классов и партий, различным буржуазиям, националистическим и псевдосоциалистическим программам. Словом, формула о «праве наций на самоопределение», в сущности, является не политической и программной директивой в национальном вопросе, а—своего рода обобщением этого вопроса.

Конечно, мы иные не выпадем у нас среди марксистов людей, которых могла бы убедить аргументация Розы Люксембург. Однако было времена, когда подобные взгляды на национальный вопрос имели многочисленных сторонников среди русских и польских марксистов-Тов. Ленин указывает, между прочим (т. XIX, стр. 246—207), что в 1915 г. даже такой товарищ как К. Радек восставал против самоопределения, выдвигая в числе других такой аргумент: самоопределение приведет ту мысль, будто обязанность социал-демократии является поддержка всякой борьбы за независимость; выше только в зे террорных произведений социалистов и «марксистов» 2-го и 2½, интернациональных мы встречаем отрижение «прав наций на самоопределение» с повторением аргументов, почерпнутых из статей Розы Люксембург не предвидевшей, конечно, как используют ее критику представители пролетариата.

Совершенно правильно том, Зиновьев указывает, что в своих статьях по национальному вопросу т. Ленин показал себя не только глубоким теоретиком, но и великим государственным деятелем, учителем и вождем нашей партии, указавшим ей верный путь. В. И. Ленин—теоретик подготовлял работу В. И. Ленина—руководителя государства.

4. Ленин о самоопределении наций.

Критикуя точку зрения Розы Люксембург, т. Ленин прежде всего ставит вопрос: «Что такое самоопределение наций?». Искать ли ответа в юридических определениях, выведенных из языческих общих понятий права?—спрашивает тов. Левин. Или ответ надо искать в историко-экономическом изучении национальных движений?

«Роза Люксембург, много декламирующая по поводу, будто бы, абстрактности и метафизичности данного параграфа, сама падла именно в этот грех абстрактности и метафизичности. Именно Роза Люксембург постоянно сбиваются на общие рассуждения о самоопределении (вплоть до совсем заблуждения о том, как узнать полю нации), не ставя никогда ясно и точно вопроса—в юридических ли определениях есть дела или в общих национальных движениях всего мира.

«Точная постановка этого неизбежного для марксиста вопроса сразу подорвала бы давний доводов Розы Люксембург... Национальные движения не впервые возникают в России и не единой ей свойственны. Во всем мире они окончательной поезды капитализма над феодализмом были связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной

небыли товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазии, необходимо государственное слижение территории с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Изык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительного свободного и широкого, соотносящегося с современным капитализму торгового оборота, свободной и широкой гетерогенности населения, но всем отдельным классам,—наконец, установление тесной связи рынка со всеми и каждым хозяйством или хозяйством, предавшим и покупателем.

„Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, и для всей Центральной Европы—более того: для всего цивилизованного мира—типичной нормальными для капиталистического периода является по-тому национальное государство.

Следовательно, если мы хотим понять значение самоопределения наций, не играя в юридических дефинициях, не „сочиняя“ абстрактных определений, а разбирая историко-экономические условия национальных движений, то мы неизбежно придем к выводу: под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чужеземных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства”.

Мы видели, что Роза Люксембург не жалеет крепких словечек против § 9 программы Р.С.Д.Р.П., объясняя его „огульным“, „шибковым“, „метафизической фразой“ и так далее без конца. Естественно было бы ожидать—замечает по этому поводу т. Ленин,—что писательница так превосходно осуждающая метафизику в марксистском смысле, т.е. антидialektiku и пустые абстракции, даст нам образец конкретно-исторического рассмотрения вопроса. Речь идет о национальной программе марксистов одной определенной страны, России, одной определенной эпохи, начала XX века. Вероятно, Роза Люксембург и ставит вопрос о том, какую историческую эпоху переживает Россия, каковы конкретные особенности национального вопроса и национальных движений данной страны в данную эпоху.

„Ровночайшего ничего об этом Роза Люксембург не говорит. На теше разбора вопроса о том, как стоит национальный вопрос в России в данной исторической эпоху, каковы особенности России в данном отношении,—ни у нее не найдете...

„В западной континентальной Европе эпоха буржуазно-демократических революций охватывает довольно определенный промежуток времени, примерно с 1789 по 1871 год. Как раз эта эпоха была эпохой национальных движений и создания национальных государств. Но они-

чания этой эпохи Западная Европа превратилась в сложившуюся систему буржуазных государств, по общему правилу при этом национально-единых государств. Поэтому теперь искать права самоопределения в программах западно-европейских социалистов значит не понимать азбуки марксизма.

„В восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году. Революции в России, Персии, Турции, Китае, воинне на Балканах—это цепь мировых событий нашей эпохи, нашего „Востока“. И в этой цепи событий только склон может не видеть пробуждения целого ряда буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-единых национально-единых государств. Именно поэтому и только потому, что Россия вместе с соседними странами переживает эту эпоху, нам нужен пункт о праве наций на самоопределение в нашей программе...

„...Россия—государство с единым национальным центром великорусским. Великоруссы занимают гигантскую сплошную территорию, достигая по численности приблизительно 70 миллионов человек. Особенность этого национального государства во-1-х, та, что „иностранцы“ (составляющие в целом большинство населения—57%) населяют как раз окраины, во-2-х, та, что угнетение этих иностранных горожан сильнее, чем в соседних государствах (и даже не только в европейских); во-3-х, та, что в целом ряде случаев живущие по окраинам угнетенные народы имеют своих кородичей по ту сторону границы, пользующихся большей национальной независимостью (достаточно вспомнить хотя бы по западной и южной границе государства финнов, шведов, поляков, украинцев, румын); в 4-х, та, что развитие капитализма и общий уровень культуры передко выше в „иностранских“ окраинах, чем в центре государства, наконец, именно в соседних азиатских государствах мы видим начавшуюся полосу буржуазных революций и национальных движений, захватывающих часть родственных народности в пределах России.

Таким образом, —заключает т. Ленин,—именно исторические конкретные особенности национального вопроса в России придают у нас особую насыщенность признанию права наций на самоопределение в переживаемую эпоху.

Другой довод, который Роза Люксембург повторяет очень часто, это, как мы видели, указание на то, что лозунг „права на самоопределение“ не содержит-де в себе ничего практического. Ленин разбивает этот довод следующей аргументацией:

Был задача пролетариев в национальном вопросе: „непрактична с точки зрения националистической буржуазии каждой нации, ибо пролетари требуют „абстрактного“ равноправия, принципиального отсутствия малейших привилегий, будучи враждебны всякому национализму. Не поняв этого, Роза Люксембург своим неразумным восхищением практицизма открыла настежь ворота именно для оппортунистов, в особенности для оппортунистических услуг великокорусскому национализму.“

Почему великорусскому? Потому, что великороссы в России являются угнетающей, а в идеологическом отношении—всегда—оппортунистами, выражаясь иначе среди угнетенных и среди угнетающих наций.

Буржуазия угнетенных наций во имя "практичности" своих требований будет звать пролетариат безусловной поддержке ее стремлений. Всего практическое сказать прямо "да", за отделение такой-то нации, а не за право отделения всех и всяких наций.

Пролетариат против такого практицизма: признавая равноправие и равное право на национальное государство, он выше всего ценит в своем союзе пролетариев всех наций, оценивая под углом классовой борьбы рабочих всяких национальных требований, всяких национальных отделений. Поэтому практицизма есть на деле лишь лозунг некритического перенятия буржуазии стремлениями.

Если мы вы выставляем и не проводим в агитации лозунги права на отделение, мы сыграем на руку не только буржуазии, но и феодалам и абсолютистам угнетающей нации. Этот довод Каутского давно выдвинул против Рози Люксембург, и этот довод неспорен. Боясь "помочь" националистической буржуазии Польши, Роза Люксембург своим отрицанием права на отделение в программе российских марксистов помогает на деле чехословакам великороссам. Она помогает на деле оппортунистическому примирению с привилегиями (и хуже, чем привилегиями) великороссов.

Удвоенная борьба с национализмом в Польше, Роза Люксембург забыла о национальном великороссе, хотя именно это национализм и страшнее всего сейчас, именно он менее буржуазен, по более феодальны, именно он главный торзом демократии и пролетарской борьбы. В каждом буржуазном национальном угнетенной нации есть общедемократическое содержание против угнетения, и это-то содержание, мы безусловно поддерживаем, строго выделяя стремление к своей национальной исключительности, борясь со стремлением польского буржуазии давить еврея и т. д.

Гоняясь за "практицизмом", Роза Люксембург просмотрела главную практическую задачу великого и национального пролетариата: задачу повседневной агитации и пропаганды против всяких государственно-национальных привилегий, за право, единаковое право всех наций на свое национальное государство: такая задача,—наши главная (сейчас) задача в национальном вопросе, ибо лишь таким путем мы отстаиваем интересы демократии и равноправного союза всех пролетариев всяких наций.

"Пусть эта пропаганда "непрактична" и с точки зрения великороссов, угнетатель, и с точки зрения буржуазии угнетенных наций (и те и другие требуют определенно да или нет, обниняя с. д. в неопределенности) На деле именно эта пропаганда, и только она, обеспечивает действительно демократическое и действительно социали-

стическое воспитание масс. Только такая пропаганда гарантирует и наибольшее шире национального мира в России, если она освободится нестрем национальным государством, и наиболее мирное (безбедное для пролетарской классовой борьбы) разделение на разные национальные государства, если встанет вопрос о таком разделении".

5. Государственный язык. Письмо Шаумяну.

Тов. Ленин боролся против всякого элемента принудительности в национальном вопросе, в отношениях одной нации к другой. Так, он разко критиковал точку зрения кадетов насчет обязательности государственного языка.

"Что называется обязательный государственный язык? Это значит практически, что язык великороссов, составляющих меньшинство населения России, называется всеми остальным населением России. В каждой школе преподавание государственного языка должно быть обязательно. Все официальные делопроизводства должны обязательно вестись на государственном языке, а не на языке местного населения.

"Русский язык—велик и могуч, говорит нам либералы. Так неужели же вы не хотите, чтобы каждый, кто живет на любой окраине России, знал этот великий и могучий язык? Неужели ни не видите, что русский язык обогатил литературу иностранных, даст им возможность приобщиться к великим культурным ценностям и т. д.

"Все это вранье, господа либералы—ответствен мы им. Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского—велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, устанавливались возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

"Мы не хотим только одного: элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рап дубиной. Ибо, сколько красивых фраз о "культуре" вы ни скажете нам, обязательный государственный язык спорожен с принуждением, принудительным. Мы думаем, что великий и могучий русский язык не изучается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его из-под пальки".

Тот же вопрос в речи Ленина затрагивается в любопытном письме котов. Шаумяну, не вошедшем в XIX том и опубликованном в "Сборнике статей, тезисов, докладов проч. по национальному вопросу", написанном Закриковым Р.К.П. (Тифлис 1922 г.—см. стр. 170—172). В этом письме тов. Ленин говорит:

"Дорогой друг. Очень рад был нашему письму от 15 ноября. Вы должны знать, что в моем положении страшно ценили отзыв товарищества в России, особенно япончиках и западниковах давним вопросом. Ваш быстрый ответ был потому для меня особенно приятен.

Чувствуешь себя менее оторванным, когда получаешь такие письма. Переходим к делу.

„1. Вы за государственный язык в России. „Он необходим; он имел и будет иметь крупное прогрессивное значение“). Решительно не согласен. Я писал об этом давно в „Правде“ и пока не встретил споров. Ваш довод совсем меня не у说服ает,— напротив. Прогрессивное значение русский язык имел для тьмы жалких и отсталых наций—бесспорно.

„Но неужели вы не видите, что он имел бы прेогрессивное значение еще в большем размере, если бы не было принуждения?“)

Что же, разве „государственный язык“ не означает пытки, отбивающейся от русского языка? Как вы не хотите понять той психологии, которая особенно важна в национальном вопросе, и которая при малейшем принуждении побуждает, наконец, сводить на нет беспрогрессивное значение централизации единого языка больших государств. Но еще важнее экономика, чем психология: в России уже есть капиталистическая экономика, делающая русский язык неважным. И вы не верите в силу экономики и хотите костылями подавить рабочих швейцарии подкрепить экономику! Неужели вы не видите, что эти вы уродуете экономику, тормозите ее? Неужели отпадение паршивой полицеиции не удается (тичижерит) вольные сокны открыты и распространения русского языка. Нет, абсолютно не согласен с вами и обвиняю вас в ксенофобии-прейссишер социализму“...

6. Пролетарско-революционная постановка национального вопроса.

Следя за аргументацией Ленина, мы видим, что в основу своей точки зрения по национальному вопросу Ленин кладет признание за каждой нацией права на государственное отделение от чужеземческих коллективов, права на образование самостоятельного национального. При этом такую постановку вопроса Ленин считает однозначно разумной, прежде всего, в интересах пролетариата угнетающей нации.

„Возьмем позицию угнетающей нации,—говорит тов. Ленин.— Может ли быть свободен народ, угнетающий другие народы? Нет. Интересы свободы великорусского населения требуют борьбы с такими угнетателями. Долгая история, вековая история подавления движений угнетенных наций, систематическая пропаганда такого подавления со стороны „высших“ классов создали громадные помехи делу свободы самого великорусского народа в его предрассудках и т. д.

Великорусские черносотенцы сознательно поддерживают эти предрассудки и разжигают их. Великорусская буржуазия мирится с

⁹ Курская газета «ЛН. М. П.

ними или подделяется к ним. Великорусский пролетариат не может осуществить своих целей, не может расчистить себе путь к свободе, не борясь систематически с этими предрассудками.

„Создание самостоятельного и независимого национального государства остается пока в России привилегией одной только великорусской нации. Мы, великорусские пролетарии, не имеющие никаких привилегий, ни защищаем и этой привилегии. Мы боремся на почве данного государства, объединяем рабочих всех наций данного государства; мы не можем ручаться за тот или иной круг национального развития, мы через все возможные пути идем к своей классовой цели.

„Но ити к этой цели нельзя, не борясь со всеми национализмом и не отставая равнеством различных наций. Суждено ли, напр. Украине составить самостоятельное государство, это зависит от 1000 факторов, но известных заранее. И, не пытаясь „глядеть“ попусту, мы твердо стоим на том, что несомненно: право Украины на такое государство. Мы утверждаем это право, мы не поддерживаем привилегии великорусса над украинцами, мы воспитываем массы в духе признания этого права, в духе отрицания государственных привилегий какой бы то ни была нация“.

В статье, напечатанной в № 1 „Звезда“, т. Ленин снова возвращается к вопросу о праве на самоопределение наций, входящих в состав России, и говорит:

„Для украинцев и белоруссов, например, только человек, в мечтах живущий на Марсе, мог бы отрицать, что здесь нет завершения национального движения, что пробуждение масс и обладание родным языком и его литературой (это—необходимое условие и спутник полного развития капитализма, полного проникновения обмена до последней крестьянской семьи) здесь еще совершаются. „Отечество“ здесь еще не стало всей своей исторической песни. „Защита отечества“ еще может быть здесь защитой демократии, родного языка, политической свободы против угнетающих наций, против средневековья, тогда как англичане, французы, немцы, итальянцы лгут теперь, говоря о защите своего отечества в данной войне, ибо не родной язык, не свободу своего национального развития защищают они на деле, а свою рабовладельческие права, свои колонии, „сферы влияния“ своего финансового капитала в чужих странах и пр.“.

В той же статье, резко критикуя взгляды т. П. Киевского (Ю. Пятакова), т. Ленин пишет:

„Через всю статью П. Киевского красной нитью проходит основное недоразумение: к чему проповедывать и—когда мы будем у власти—осуществлять свободу отделения наций, раз все развитие идет к слиянию! К чему же, ответим мы, к чему проповедуем и, когда будем у власти, осуществим диктатуру пролетариата, хотя все развитие идет к уничтожению национального господства одной части общества над другой? Диктатура есть господство одной части общества над всем обществом и притом господство, опирающееся непосредственно

на насилие. Диктатура пролетариата, как единственныйного до конца революционного класса, необходима для смигнения буржуазии и отражения ее контрреволюционных попыток. Вопрос о диктатуре пролетариата имеет такую важность, что не может быть членом с.д. партии тот напоминаем читателю, что статья писана в 1916 г., когда все мы называли себя социал-демократами.), кто ее отрицает или только слегка признает ее. Но нельзя отрицать того, что в отдельных случаях, в виде исключения, например, в каком-нибудь младенческом государстве, после того, как соседнее большое уже совершило социальную революцию, возможна мирная уступка власти буржуазии, если она убежится в бесполезности сопротивления и предпочтет сохранить свое государство. Гораздо вероятнее, конечно, что и в маленьких государствах без гражданской войны социализм не осуществляется, и потому единственной программой интернациональной социал-демократии должна быть признание такой войны, хотя в нашем изложении нет места насилию над людьми. То же самое *mutatis mutandis* (с соответствием названий) применено к нации. Мы стоим за слияние их, но от насилия не можем быть перехода к добровольному слиянию без свободы отдельных.

В этих словах,—замечает т. Энгельс,—весь Ленин, как политический великий герой революций 1917—1923 гг., как вождь и учитель нашей партии, указывающий ей правильный путь.

Между тем, на апрельской конференции 1917 г., после падения царизма, т. Ленин и его ближайшие единомышленники: вновь сформировавшиеся партии по национальному вопросу с тем же т. К. Никитинским и некоторыми другими близкими нашими друзьями, которые продолжали делать доктринерские ошибки в национальном вопросе. Партия стала на точку зрения т. Ленина.

Тов. Ленин неоднократно возвращался в своих статьях к вопросу о самоопределении наций. В статье „Пролетарско-революционная постановка вопроса о самоопределении наций“ т. Ленин пишет (т. XIX, стр. 172):

„Пролетариат угнетающих наций не может отграничиться общими, заблуждениями, повторяемыми любым пацифистским Суркуа фразами против аннексий и за равноправие наций вообще. Пролетариат не может обходить молчанием особенно неприятного для империалистической буржуазии вопроса о границах государств, покоящегося в национальном гните. Пролетариат не может не бороться против насилия и подавления угнетенных наций в границах данного государства, а это и значит бороться за право самоопределения. Пролетариат должен требовать свободы политического отделения колоний и наций, угнетаемых ими нацией. В противном случае империалистический пролетариат останется пустым и словесным, ни доверие, ни классовая солидарность между рабочими угнетения и угнетающей нации не возможны; лицемерие реформистских и квактанских защитников самодержания, умалчивающих о нациях, угнетаемых их „собственой

нацией“ и насильно удерживаемых в „их собственном“ государстве, остается неразоблаченным“.

В другом месте т. Ленин говорит:

„Мелкие буржуазы дают себя запутать пропагандой буржуазии,—в этом вся суть политики с.-д. меньшевиков и с.-р. Они „боятся“ отделения. Создательные пролетарии не боятся его. И Норвегия, и Швеция выиграли, когда Норвегия свободно отделилась от Швеции в 1905 году, выиграво доверие между обеими нациями, выиграво добровольное сближение между ними, исчезли нелепые трения, укрепились экономическое и политическое, культурное и бытовое тяготение обеих друг к другу, усилился братский союз рабочих обеих стран.

„Товарищи рабочие и крестьяне! Не поддавайтесь аппассию политики русских капиталистов: Гучкова, Милкова, Применского правительства по отношению к Финляндии, Курляндии, Украине и пр! Не бойтесь признать свободу отдельных всех этих наций! Не насилием надо призывать другие народы к союзу с великими, а только действительно добровольными, действительно свободными соглашениями, невозможным без свободы отделения!“

„Чем свободнее будет Россия, тем решительнее признает наша республика свободу отдельения великорусских наций, тем сильнее потянутся к союзу с нами другие нации, тем меньше будет три-и, тем реже будут случаи действительного отделения, тем короче то время, на которое некоторые из наций отделяются, тем теснее и прочнее в конечном счете братский союз пролетарско-крестьянской республики Российской с республиками какого угодно иной нации“.

7. Национальный вопрос и Коминтерн.

Тов. Ленин доказывал, что без правильной постановки национального вопроса пролетариату не удастся свергнуть господство буржуазии и осуществить социальную революцию. Вот как т. Ленин определяет значение национально-освободительных движений, вроде иранского, в деле торжества мировой социальной революции:

„Кто называет такое восстание пушнем, тот либо злодей, либо доктори, либо безнадежно беспомощный представитель себе социальной революции, как живое явление.

„Ибо думать, что мыслима социальная революция без восстания национальных наций в колониях и в Европе, без революционных варваров части мелкой буржуазии со всеми ее предрасудками, без движущей непосознательных пролетарских и полупролетарских мас масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнита,—думать так—значит отрекаться от социальной революции. Должно быть, выстроится в одном месте одно войско и скажет: „мы за социализм“, а в другом другое и скажет: „мы за империализм“, и это будет социальная революция. Только с подобной педантски-

смешной точки зрения мыслимо было обругать ирландское восстание „утешем“.

„Кто ждет „чистой“ социальной революции, тот никогда ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции.“

В статье, напечатанной в 1-й книжке „Звезды“, т. Ленин говорит:

„Пока пролетариат передовых стран снегает буржуазии и отражает ее контрреволюционные попытки, неразвитые, угнетенные нации не ждут, не перестают жить, не исчезают. Если они поддаются даже таким сравнительно с социальной революцией совсем иным кризисом, кризисом империалистической Суркузии, как война 1915—1916 гг., для восстаний (колоний, Ирландия), то не поддаются сомнению, что великий кризис гражданской войны в передовых странах они воспользуются тем более для восстаний.“

Социальная революция не может пройти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазии в передовых странах, целый ряд демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях“.

В этих немногих строках, — правдиво указывал Зиновьев, — все забытые революционно-марксистские тактики Коминтерна в национальном вопросе. В эти слова В. И. Ленина особенно обязаны вспоминать работники компартий таких стран, как Англия, Франция, Америка, Япония — тех военных стран, буржуазия которых угнетает чужие нации и грабит колонии и полуколонии.

Эта точка зрения на значение пролетарско-революционной подготовки национального вопроса в деле торжества мировой социальной революции лежит в основе знаменитых тезисов по колониальному и национальному вопросам, принятых II конгрессом III Интернационала.

Одним из важнейших вопросов, стоящих перед этим конгрессом, было точное определение взаимоотношений между Коммунистическим Интернационалом и революционным движением политически угнетенных стран, находящихся под игом капиталистических стран, как то: в Китае, Индии, Корее, отчасти Турции, Персии, Сиаме и т. д. II конгресс признал, что европейский капитализм черпает свое силу не столько из промышленных европейских стран, сколько из своих колоний, что сверхприбыль, получаемая с колоний, является главным источником средств современного капитализма, что Коммунистический Интернационал должен находиться в тесном контакте с теми революционными силами, которые в настоящий момент принимают участие в деле свержения империализма в политически и экономически угнетенных странах.

Основные идеи тезисов т. Ленина по колониальному и национальному вопросам, легших в основу всей политики Коминтерна в Востоке, были изложены т. Лениным еще до мировой войны, когда в

искал: „Пробуждение Азии и начало борьбы за власть передовым пролетариатом знаменует открытие в начале XX века новую пологу всемирной истории“.

Самой важной основной идеей тезисов тов. Ленина по национальному и колониальному вопросам, тезисов, принятых на втором конгрессе III Интернационала, является идея о различии между нациями угнетенными и угнетающими. Мы, — говорит тов. Ленин, — подчеркнем это различие в противоположность II Интернационалу и буржуазной демократии. Для пролетариата и Коммунистического Интернационала особенно важно констатировать конкретные экономические факты и при решении всех колониальных и национальных вопросов исходить не из абстрактных положений, а из явления конкретной действительности.

Буржуазная демократия по самой природе ее свойственна формальная или абстрактная постановка вопроса о равенстве вообще, в том числе о равенстве национальном.

Характерная черта империализма состоит в том, что весь мир разделяется в настоящее время на большое число угнетенных, зависимых, невиданных народов и несметное число народов угнетающих, распоряжающихся колоссальными богатствами и могучей военной силой.

„Буржуазная демократия с присущим ей лицемерием затушевывает свойственные эпохе империализма колониальное и финансовое порабощение громадного большинства населения земли ничтожным меньшинством богатейших передовых капиталистических стран“.

„Лет сорок тому назад, — говорит Ленин, — считалось немногого больше четырех миллиарда населения колоний, которое было подчинено шести капиталистическим державам. Перед войной 1914 года в колониях считалось уже около 600 миллионов населения и, если прибавить такие страны, как Персия, Турция, Китай, которые уже тогда были на положении полуколоний, мы получим в круглых цифрах миллиард населения, которое было угнетено богатейшими цивилизованными и свободнейшими странами, посредством колониальной зависимости“.

Мировая война 1914—1918 гг. шла из-за того, чтобы переделить весь мир. Война шла из-за того, какой из ничтожных групп крупнейших государств — английской или германской — получить возможность и право грабежа, удушения, эксплоатации всей земли. Война решила этот вопрос в пользу английской группы.

До войны — как формулировал тов. Зиновьев в своей книге „Война и кризис социализма“ (ч. 2) — великих империалистических держав, с населением в 437 миллионов, угнетали колонии и полуколонии с 933 миллионами населения. В результате войны, державы победительницы с населением в 100 членов миллиарда, т. е. двадцать меньшинств, чем прежде, эксплоатируют уже большее число людей, именно: единиц с четвертью миллиарда населения стран, из которых одни и пре-

жде были колониями или полуколониями, другие же попали в положение последних в результате мировой войны. Следствием этой новой экономической картины является дальнейшее обострение всех капиталистических противоречий. С одной стороны нынче, разорвавшие массы вопросы наследственны и прежде всего по отношению к старым колониям и к победившим державам, с другой четвертью миллиарда людей, т. е. 70 проц. всего населения земли. С другой стороны, внутри каждой страны победительницы различались противоречия более острые, все капиталистические противоречия обострились. В Англии, Франции, Америке живут с каждым днем дорожает, производительность труда падает, деньги теряют свою ценность, государственные долги растут не по дням, а по часам, народные массы все глубже и глубже ввергаются в пучину нищеты и окончательного разорения. И в этом,— как говорят тов. Ленин,— лежит источник того глубочайшего революционного брожения, которое распространяется по всей Европе, и даже в странах— победительницах, как, например, Англии, рабочий класс которой, после российского, в авангарде революционного движения.

Это значительно облегчает борьбу народов Востока за свое освобождение. В столе ХХ столетия уже не тот, каким он был в XIX столетии. XX век— прологжение революционного духа в азиатских странах. Первый сигнал в борьбе против старого мира, пронес капиталистического строя поднялся в 1905 году Россия. Россия сама является полузависимой страной. Она срадала от царского ига, от эксплуатации отечественной буржуазии и от эксплуатации международного иностранного капитала. Ведь, уже до войны Россия была полузависимой англо-бельгийско-французского капитала. Наши угольные шахты, наши металлургические предприятия, наша электро-техническая промышленность, наши трамваи— все это находилось в руках иностранных трестов. Наш пароход, вся наша военно-промышленная система поддерживалась заграничными капиталами и, прежде всего французской буржуазии, которая судила Романовых около 12 миллиардов франков золотом на защиту тронов и старых порядков.

Многие уверяли, будто восточные страны обязательно должны пройти через капиталистическую стадию развития народного хозяйства. III Интернационал признает, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые народы могут перейти к советскому строю через определенные ступени к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития.

Весь Восток насыщен бактериями революции. Многомиллионные многострадальные массы восточных стран охвачены лютым приступом некоего насилия, горят жаждой места и борьбы. Если мы в этот густо насыщенный революционными элементами раствор введем кристалл в форме крестьянских советов, советов трудящихся, соответствующая кристаллизация побудит бы гряды шагами и мы начнем шире подвинем вперед дело революционного воспитания и революционной

организации народных масс Востока в борьбе за новый социальный строй.

Идея же советской организации, как доказывал тов. Ленин на II Конгрессе III Интернационала, прести и может быть применена не только к пролетариям, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям. Крестьянские советы, советы трудящихся, являются средством, пригодным не только для капиталистических стран, но и для стран с докапиталистическими отношениями. Поэтому безусловным долгом коммунистических партий, и примыкающих к ним элементов является пропаганда идеи крестьянских советов, советов трудящихся всюду и везде— и в отсталых странах, и в колониях.

Образование советов трудящихся облегчит восточным народам борьбу за свое освобождение от внутренних и внешних врагов, от угнетения со стороны Франции, Японии, Америки и особенно Англии, которым держит в тужажном рабстве сотни миллионов людей.

Мы знаем, что европейский капитализм черпает свою силу, главным образом, не из промышленных европейских стран, а из своих колоний. Могучий промышленный организм Великобритания покоятся на эксплуатации ее бегларнических колоний.

Отмите последнее у Англии и вы передумите позвоночный хребет у великобританского капитализма и империализма.

Как доказал тов. Зиновьев в своей книге «Война и кризис социализма», название войны на сто жителей метрополии, в таких странах, как Англия, приходилось 850 жителей в колониях. В первом же простой язык это значит: если из ста жителей метрополии, скажем, 5% представителей крупного капитала эксплуатируют остальных 95%, те же 5% эксплуатировали, кроме того, еще в той или иной форме гражданское количество населения в колониях. На каждые пять человек крупных английских капиталистов работает не только 95 человек английчан, живущих в метрополии, но еще 850 человек, населяющих Индию, Канаду, Египет.

Теперь, в результате мировой войны, число колониальных рабов, приходящихся на каждого английского капиталиста, еще более возросло.

Эти цифры лучше всяких рассуждений показывают все значение колоний для капитализма.

Оголение колоний от метрополии нанесет смертельный удар капитализму, перешептует позвоночник последнего.

Вот почему такое громадное революционное значение имеет победа Турции Кемала над английским империализмом. Значение этой победы неизгладимо: тем откликом, который она находит во всех угнетенных странах желтого и черного континента: в Индии, Персии, Сирии, Афганистане, Египте, Марокко, Тунисе, Алжире и т. д. Особенную роль Турция Кемала играет в данный момент роли величайшего революционного рычага в деле поднятия на воздух и сокрушения

всего капиталистического строя. Раз начавшись, национальное революционное движение на всем Востоке не может кончиться так, как кончилась Великая Французская революция, т. е. извержением власти помещиков с заменой ее династичным господством буржуазии.

Исторический момент, вся мировая конъюнктура, в обстановке которой разыгрывается могучее национальное освободительное движение на Востоке, не имеет ничего общего с международной обстановкой в эпоху Великой Французской революции. Тогда во всем Европе господствовал полуфеодальный строй, существовало крепостное право и капитализм только зарождался... Ныне мы присутствуем при крахе капитализма во всем мире и быстром усилившемся организованности и мощи пролетариата, как могильщика погибшего строя. Вот почему, независимо от волн и желаний Кемаля и других победоносных воинов турецкого национального движения, революция в Турции и во всем Востоке пойдет не старым, проторенным путем к утверждению господства буржуазии, а к восхождению к власти и в угнетении полуколониальных странах миллионов рабочих и крестьян... Миллионы и сотни миллионов людей, фактически большинство населения земного шара, выступают как самостоятельные активные революционные факторы", — говорит г. Ленин на III конгрессе о могучем движении в колониальных и полуколониальных странах.

М. Павлович.

Н. К. Михайловский и марксизм.

(К 20-летию со дня смерти.)

В январской книге "Русского Богатства" за 1901 г. Михайловский сделал следующее, как он сам выражался, "предсказание": "В первом половине времени (и, надеюсь, до моей настоящей смерти) идеи 70-х годов вновь объединят значительную и, конечно, не группу часть русского общества, — разумеется, не в буквальном смысле повторения, а со всеми теми поправками, которых требует перенесенный с тех пор опыт. Останутся островки", где кроме декадентов и пишущихцев "сохранится горсть ортодоксов"; где, наверно, среди метафизических туманов дружески обнимутся г. Волынский и г. г. Струве и Бердяев". (Последние сочинения, т. I, стр. 448—443. Курсив наш. Е. Г.)

Это предсказание в высшей степени интересно и поучительно для той своей части, которая осуществилась, так и в то, по отношению к которой история жестоко посыпалась над Михайловским.

В самом деле, если еще при жизни Михайловского идеи 70-х гг., отчасти возродились в лице элиты революционного народничества партии соц.-рев.: если г. г. Струве и Бердяев не только обнялись

среди метафизических туманов" с Волынским, но и стали откровенными буржуазными либералами, вообще начали тот путь, который привел их в конце концов чуть ли не к триединой формуле "за веру, царя и отечество" — то есть "горсть ортодоксов", о которой с таким преобразованием говорил Михайловский (уже после выхода 1-го или даже 2-го № "Искры"), эта "горсть" еще при жизни его стала большой партией, одним из важнейших факторов русской общественной жизни, а теперь правит бывшей Российской империей. При этом сам Михайловский основательно забыт, и молодые поколения знают его лишь, как объект полемических выпадов Плеханова и Ленина, подобно тому, как они знают Дюринга лишь по книге Энгельса.

В этом смешении истории зашла уже слишком далеко, и приговор ее безусловно несправедлив. Ибо, хотя Дюринг, по мнению Михайловского, "твёрдо вписал свое имя в историю науки и будет, без сомнения, в самом продолжительном времени пользоваться всеевропейской известностью" ¹⁾ (писано в 1877 г. до выхода книги Энгельса). Это тоже одно из неудачных предсказаний Михайловского, но теперь можно смело сказать, что, при всем аппарате "учености" Дюринга, он не может идти в сравнение с Михайловским, научные заслуги которого еще ждут своего беспристрастного историка. Михайловский гораздо глубже и шире того карикатурного портрета, который вырисовывается из полемики с ним Плехановым и Ленин (отчасти также Петровска и др.), и в создании которого он, впрочем, не менее виноват и сам. И мы думаем, что небезынтересно будет в настоящий момент, хотя бы в кратком юбилейной статье, попытаться восстановить действительное отношение Михайловского к марксизму, при чем мы будем иметь в виду три стороны марксизма по преимуществу: теорию исторического материализма, "судьбы капитализма в России" и теорию грядущей социальной революции ²⁾.

I.

В своей полемике со Струве, Плехановым, Туган-Барановским и другими тогдашними марксистами Михайловский не раз говорил, что они нередко "то же добро бьют ему членом", что многие из тех идей, которые выдаются за новые и оригинальные открытия марксизма, были ему, Михайловскому, известны давно и печатир им высказывались.

¹⁾ Сочинения, т. X, стр. 275. В другом месте той же страницы Дюринг приводится с "характерными, круглыми, воззрюющимися глазами" стоять.

²⁾ Тому, что Михайловский давно уже так мало читается, способствует отчасти его литературная манера, т. е. бесконечность и всенаскательность изложения, непрерывные отступления, слачки мысли и т. п. Но это для современных целей хорошая статья Михайловского живее и интереснее, как воспроизведение литературно-литературной публицистической беседы; но для новых поколений чтение его сочинений подразумевает иногда просто скучу...

лью. В самом деле, считать Михайловского идеалистом в истории, прописывать ему веру во всем-глупую роль „критически мыслящей личности“, которая может дешить из „толпы“, как из глины, все, что угодно, называть его, как это делал Плеханов, „субъективным гением“, для которого не существует законов истории,— все это можно было делать лишь в пылу полемики, вызванной правда, жестокими, несправедливыми и подчас прямо наездными нападками Михайловского на русских марксистов.

Еще в 1869 г., в статье „Аналогический метод в общественной науке“, Михайловский жестоко издавил на профессором Геро, отрицающим закономерность исторического процесса. Г. Геро, предполагая, что противоречия Бонапарта, указывает в пылу ему на „идеи“, как на движущую силу народов. Едва ли какой-нибудь блаженствующий человек—Бонапарт употребил когда-либо сомневался в таком значении идей, что не мешает им последним самим подчиняться многообразным условиям. Есть, правда, идеи, для которых, фигурируя выражение, закон не писан. Эти последние есть, по определению Героя, „асканская глупость, которая вам вбредет в голову“. Но о несуществовании для них законов можно говорить не имея только фигуриально. В сущности, идеи самого Г. Гера не имеют своих причин” (Сочинения, т. I, стр. 368. Курсы народов наш).

Что важнейшее место в числе этих причин занимает так называемый „экономический фактор“, Михайловский никогда не отрицал и потому в середине 90-х годов в полемике с Туган-Барановским он с полным правом мог сказать о себе: „Я не сумел отрицать величайшее значение экономического фактора в истории, да оно и никогда не отрицалось в русской литературе (т. е. в писаниях) самого Михайловского. Курсы наш, Б. Г.). И утверждал лишь, что г. Туган-Барановский защищает „значение экономического фактора“ лурдо: рубят с плеча там, где требуется тонкий анализа, извращают одни факты, закрывают глаза на другие, учат незнанию“. Это предполагает, между прочим, о том, что он „придает экономическому фактору метафизический характер сути исторического процесса, характер той „самой жизни“ (из цитированного Михайловским рассказа Успенского „Незаключенный“, Б. Г.), в котором можно попасть изнутри „там первы эти разные““ (Сочинения, т. VIII, стр. 321). Нам кажется, что под этим характеристикой тогдашнего Туган-Барановского, которая годится и для всякой вульгаризации марксизма, мог бы следить подписька и Плеханов. Мало того. Та „смена форм капитализации“, которую Михайловский считал основным законом общественного развития, очень близко подходит к марксовским „производственным отношениям“.

Дальше, в той же самой статье Михайловский говорит: „Все сомнения, экономический фактор достаточно влиятелен для того, чтобы это можно было признать за „центральную цель“ исторического процесса“.

но надо помнить, что это делается лишь в видах тех или других удобств исследования, а не благодаря открытию „самой линии“, безусловного начала всех начальных, что звучит этой целью обуславливается, то как причина, то как следствие, другими историческими факторами“ (там же, стр. 312). Это отговорка Михайловского объясняется, конечно, его органическим вендецианением диалектического метода марксизма. Но что и они отчасти довольно метко поощряли лишь в пульваризаторах марксизма, поистребу отрывавших „роль идеи“ или пытавшихся всяжую идею во что бы то ни стало выводить из „экономики“,—видно не только из подобных же всем известных отговорок на Плеханова и самого Энгельса, но и из замечательного, только что опубликованного⁴ документа, которым мы еще не раз будем пользоваться в настоящей статье: общирного письма группы марксистов к Михайловскому, написанного в самом начале 1894 г., т. е. еще до известной полемической работы Ленина о „друзьях народа“. В этом письме анонимные авторы его следующим образом выражают Михайловскому: „Говоря о гегельской триаде, Вы приписываете, напр., экономическому материализму в высшей степени странное утверждение, по которому он будет все изъять из духовной жизни стремится свести ю экономическим имплементом. Мы не знаем такого места, ни у Маркса, ни у Энгельса, ни которого можно было бы вывести, что они вовсе не признают критической мысли во всех его последовательных фазах считают возможным поставить в зависимость от изменяющегося экономического элемента. Никогда Марко и Энгельс не могли утверждать, напр., что теории Галилея, Кеплера или Ньютона вошли в головы этих мыслителей только потому, что к этому подталкивали их изменяющиеся экономические факты. Процесс развития критической мысли не может для экономического материализма не быть до значительной степени самостоятельным процессом“. Здесь не совсем удачно выражена та мысль, что развитие идей, которые в конечном счете зависят от „экономического фактора“, т. е. от развития производительных сил и общественных отношений, имеет в то же время и свою внутреннюю логику, без понимания которой нельзя объяснить—во всей его конкретности—ни одного факта в истории идеодогий. Но то, что изначально темы марксистов—революция и общепромышленное производство, казалось „странным утверждением“, было и есть весьма распространенным упрощением у весьма и весьма многих неофитов марксизма (достаточно вспомнить тех, кто имели в виду отговорки Энгельса в 90-х годах), в частности, у нас, начиная с Туган-Барановского середины 90-х гг. и кончая значительной частью современной коммунистической молодежи.

Бывали моменты, когда Михайловский, говоря о роли некоторых „подстроек“, применял совершенно марксистский подход и пользовался почти марксистской терминологией. Так, в 1880 г., в эпоху

когда русское "общество" настойчиво и упорно ждало "конституции" политической свободы, Михайловский написал следующие тревожные строки: "Политическая свобода бессильна изменить взаимные отношения различных сил в среде самого общества; она может только обнажить их, вывести на всеобщее позорище, а вместе с тем, следовательно, придать большую ярость, обострить эти отношения". Не напоминает ли читателю эти строки некоторые места из Маркса, сказанные по поводу февральской революции 1848 г., или писаные большевиками в эпоху нашей февральской революции, направленные против благодушной обывательской веры в то, что "свобода" должна принести с собою всеобщее "благородствование воздухов"?

Такому же критическому пересмотру должны быть, при объективном исследовании, подвергнуты и взгляды Михайловского на различность в истории, взгляды, бесконечно далекие от полемической карикатуры Плеханова, против которой сам Михайловский решительно протестовал. При этом он подчеркивал, что в своих статьях о "героях и толпе" он употреблял слово "герой" в особом, условном, отходящем от "героинском" смысле, что иногда даже под "героями" он разумел людей, совершенно случайных и появляющихся на короткий момент с тем, чтобы затем бесследно кануть в историческую Лету, — но которым играли роль искры, брошенной в кучу пороха, т. е. переведут скрытую, потенциальную энергию толпы в энергию действенную, кинетическую. Статьи о "героях и толпе", равно как и их продолжение — "Вольници и подданные", представляют собой величайшую научную заслугу Михайловского и при этом не только не противоречат марксизму, но, наоборот, являются, с одной стороны, блестящей иллюстрациейialectического перехода количества в качество, а с другой —дают ту психологическую основу, в виде социального гипнозизма, без которой нельзя понять многие конкретные случаи влияния великих исторических деятелей. В этом смысле теория "героев и толпы" Михайловского в некоторых своих частях является необходимым дополнением исторического материализма, каким являются и многие данные биологии, в том числе, конечно, вся теория Дарвина, к которой, к слову сказать, тот же Михайловский также слепал ряд глубоких и остroумных, ценных и специальных, дополнений.

Чрезвычайно приятно констатировать, что вышеупомянутое только что опубликованное письмо неизвестных революционных марксистов, несмотря на их искреннее и вполне законное возмущение полемическими приемами Михайловского и его упорным непониманием марксизма, уже 30 лет тому назад признало научное значение его теории "героев и толпы". Насколько нам известно, это — одни из немногих случаев публичного⁴) признания марксистами заслуг Михайлов-

⁴) Два письма к Михайловскому были в том же 1894 г. вызваны подозрительной бронзовой. Эти бронзы и воспроизведены теорией романней "Бытого". И сама в это время своего существования, во всяком ее виде.

ского в той именно области, которая обыкновенно вызывала только глумление.

"Вы видите далее, — пишут авторы письма, — как выражение экономического материализму, вопрос о "героях и толпе". Вопрос этот посменился очень почтенный, и теория экономического материализма совсем не необходимо должна вести к его игнорированию. Всякая классовая борьба предполагает наличие "героев и толпы", и систематическоеявление героев, ведущих за себя толпу, нельзя поэтому не признать постоянным фактом исторического процесса; во именно потому, что это — постоянный факт, признание его ни в каком случае не может пошатнуть теорию экономического материализма. Он мог бы пошатнуть ее цепью разрушения понимания истории как процесса, при котором история была бы разбита на ряд случайных, вытекающих одно из другого событий" ("Бытого" № 23, стр. 119). Далее авторы письма рядом остроумных рассуждений доказывают, что влияние "героев" на "толпу" тоже подчинено исторической законом, логике. Российской революции является великой иллюстрацией и подтверждением правильно понятого марксистского взгляда на "роль личности в истории". Но она же подтверждает и ряд положений Михайловского⁵).

А что появление великих исторических личностей, как и степень их влияния, обусловлены исторической закономерностью, Михайловский знал очень хорошо и неоднократно формулировал в почти марксистских выражениях. В статье "Граф Бисмарк", появившейся в печати в феврале 1871 г., он писал: "Великие люди, люди будущего, являются в такие моменты истории, когда в обществе есть элементы, способные к развитию, но нет немногое — если их много, то нет места величии личности. Вдохнув жизнь в эти подэздоровые элементы, дав им толчек, люди будущего тем самым кладут основание "новому историческому фазису". И далее: "Первичной формации не жить. Это говорят законы истории, определяющие порядок исторических изображений. Но скорость, с какой известны исторические эпизоды выходят на сцену и сходят с нее, обуславливается личными усилиями деятелей" ⁵).

В статье "Философия истории Луи-Бланна" (август 1871 г., Соч. т. III, стр. 16—17) Михайловский приводит нижеизложенную цитату из Луи-Бланна, говоря, что вопрос о значении великих людей решается Луи-Бланном "блестательно": "Личность может играть в истории большую роль только под тем условием, если она есть то, что я желаю бы называть представительным человеком (т. е., Вернее, соци-

⁵) Ср. нашу характеристику Ленина в книже „От Томаса Мора до Ленина“.

⁶) Соловьев, т. VI, стр. 104 и 108. Курсы принадлежат Михайловскому. Всюжине известное место из лекций Маркса о Кугельмане, изданное 17 апреля того же 1871 г. „Укоренение и падение (гобит) в сильной степени зависит от этих „случайностей“, среди которых фигурирует также и такой „случай“, как характер людей, стоящих выше по градусу движения“.

рательным". Перевод звучит каламбуром. Б. Г.). Сила, которую обладают могучие личности, почерпается ими из себя только весьма меньшими частями; большую же частью они почерпывают ее из окружающей их среды". И в другом месте: "Великие люди управляют обществом только при помощи силы, которую получают от него же. Они ограждают его, только сосредоточив в одном фокусе все исходящее от него лучи". Противоречия эти места, Михайловский прибавляет, "не обнаруживаются в истории, каким образом величие личности одни из самых ярких и энергических определений значения личности в истории, какие нам только случалось встретить. Здесь удачно обойдены обе обычные крайности — первоизумрудное отрицание великих личностей и столь же неразумный "культ героя". (Там же, стр. 17).

Наконец сам Михайловский на примере Прудона делает удачный опыт объяснения личности со всеми ее противоречиями — определением социальной средой, в частности, личности и деятельности Прудона — его музикальным происхождением ("Записки профана", глава "Прудон и Белинский", написанные в 1875 г.).

Можж ли после всех приведенных выше цитат так резко противостоять Михайловскому марксизму, как это обычно делается марксистами в целомике с ним? Конечно, нет. Но, с другой стороны, самый характер этих цитат, их расплывчатость, готовность всегда сколько-нибудь определенной точкой зрения противостоять другому, а также ссылки на Луи-Бланна, — все это показывает источник этого незаконченного, неуверенного, зародышевого, так сказать, "марксистского" исторического материализма Михайловского: этим источником является, конечно, Чернышевский, сыгравший огромную роль в развитии русской общественной мысли и, в частности, в мировоззрении самого Михайловского. Но именно у Чернышевского гениальными проблемами исторического материализма оправданы на Маркса, которого он не знал, а на зародышах материалистического, вернее, "экономического" понимания истории у предшественников Маркса. Если к этому недоразвитому и несформированному социальному материализму Чернышевского присоединить неразрывность наших общественных отношений, а также свойственны самому Михайловскому эклектизм (о котором нам еще придется говорить), отталкивавший его от всякой "чистоты" и "односторонности", то станет очевидным, почему, несмотря на эти материалистические склонности, Михайловский так резко враждебно отнесся к историческому материализму, как к цельной, стройной и выдержанной теории. Но вполне понять эту враждебность можно будет лишь после анализа общего социального мировоззрения Михайловского, в частности, его отношения к социализму. Этим мы займемся несколько позже. Теперь же остановимся еще немножко на основных возражениях

¹⁾ Так же он объясняет в книжке его якобы происхождением, как бы противостоящим этим известным авторам. Но ведь в классовой или босоногой языковой Михайловский возвратывается неоднократно. Это одна из наиболее сильных его сторон, но, вероятно, уже указывалась некоторыми марксистами (Неведомский, Фадеев).)

Михайловского против исторического материализма, а также на прервавшемуся "субъективном методе".

Мы уже видели, что многие из возражений Михайловского и многих его наставников, казавшиеся столь странными и чудовищными его противниками на революционно-марксистского "подполья", как анонимные авторы "двух писем к Михайловскому", Ленин и другие, изложены были в сущности против вульгаризаторов марксизма, даже против будущих либералов, для которых марксизм был лишь удобной идеологической формой "принятия" капитализма. Против книги Бельтова у Михайловского не нашлось почти никаких возражений по существу, и он отыгрывался на критике журнального полемического тона и на некоторых ляписах у Бельтова (вроде истории со ссылкой на гегельянство Энбера и т. д.). Поэтому из всех вообще его возражений наиболее основными и серьезными были и остались указания на роль национального и расового начала в истории и их отрицательное влияние на чистую борьбу классов. Таковы его ссылки на вражду американских рабочих к китайским, столкновение французских рабочих с итальянскими, а также любопытное предсказование о грядущей европейской войне, во время которой рабочие разных стран "будут революции и грабить друг друга". К этому можно было бы прибавить факты гражданской войны между различными частями одного и того же рабочего класса данной страны (напр., Германии) в послевоенную эпоху, фанси и многое другое, что свидетельствует о гораздо большей сложности классовой борьбы, чем это представлялось авторам "Коммунистического манифеста", о злитечьком и прочем влиянии буржуазной и мелко-буржуазной идеологии на различные группы пролетариата и т. д. В частности, опыт октябрьской революции показал, что национальная и расовая борьба внутри пролетариата, как все пережитки буржуазных и даже до-буржуазных влияний, как власть религии над человечеством, что все это лишь смягчается в эпоху диктатуры пролетариата и может исчезнуть только много времена спустя после инверсии самого буржуазного общества.

Наконец, что касается "субъективного метода в социологии", то и в этом отношении Михайловский отнюдь не является таким законочлененным типом исторического идеалиста и субъективиста, каким его изображала в свое время полемическая марксистская литература. Правда, это самый слабый пункт его социальной философии, пункт, в котором он mestissimamente сходит с венде и с Лавровым, и с его предшественниками социалистами-утопистами первой половины XIX в. Так, если срашить одну из формулировок Михайловского — "существенная задача социологии состоит в выяснении общественных условий, при которых та или другая потребность человеческой природы получает удовлетворение" — с такой же формулировкой Лаврова, — задача социологии — общественный строй, удовлетворяющий

естественным и здоровым потребностям народа", — то сознание получалось позже, при чем обе эти формулировки представляют собой чистейший фуроризм¹⁾. Но у того же Михайловского наследия не мало мест, противоречащих такому наивному пониманию социологии, хотя везде его объяснения неясны, обрывичны и полны противоречий. В "Записках профана", т.е. в 1875 г. (Сочин. т. III, стр. 401—402), мы находим следующую попытку указать замкнутые пределы применения субъективного метода: "Субъективный и объективный методы противоположны только по характеру, но ничто не мешает им уживаться совершенно мирно рядом, даже в применении к одному и тому же кругу явлений. Субъективным методом называется такой способ удовлетворения познавательной потребности, когда наблюдателе ставит себя мысленно в положение наблюдавшего". Здесь, познавателю, Михайловский имел в виду изучение интеллигентии, эксплуатируемых классов. Но он не подумал, как быть социологу, если он научает самый процесс эксплоатации (как Маркс в "Капитале"), при чем наблюдаемыми являются одновременно и эксплуататор, и эксплуатируемый. Нельзя же одновременно одному и тому же наблюдателю ставить мысленно себя в положение обоих!

С другой стороны, уже спустя два года, в знаменитой статье „Карла Маркса перед судом г. Ю. Жуковского", говоря о положении этого будущего "ученика" Маркса, который должен быть в борьбе противоречия между идеалом, состоящим, "в совпадении труда и собственности" и необходимостью, по Марксу, "разлучения труда и собственности", "как первых шагов необходимого и, в конце концов, благотворительного процесса", Михайловский, правда, иронически, пребывая в "конце", пишет: "Конечно, такое столкновение нравственного чувства с практической необходимости должно разрешиться в пользу необходимости". У иного нравственное чувство может и против смерти возмущаться, но ведь придет время, и он со всем своим нравственным протестом уляжется в такой же гроб, в каких лежат и никогда не протестовавшие" (Сочин. IV, 172). Словом, с одними субъективными методами против истории не победишь, и Михайловский предлагает этому критически отнестися к самой исторической концепции Маркса, чтоб установить, так ли уже неизбежен установленный им путь развития капитализма.

К этому вопросу мы еще вернемся. Теперь же нам хотелось бы в заключение отметить, что все "субъективные" Михайловские сводятся к пропаганде против машигного буржуазного "общественства", равнодушного к судьбам эксплуатируемых масс, отдающей в жертву идеям "национального богатства", "развития цивилизации", "борьбы за существование" и т. п. Ему хотелось бы объединить в одном синтезе "правду-истину" и "правду-справедливость". В первом

¹⁾ См. мои статьи "Либерал и ученый в социализме" в № 6—7 "Под знанием Марксизма" за прошлый год.

виде на марксистский язык это значит признать неизбежность классовой точки зрения в общественных науках¹⁾. И в высшей степени характерным для полного ценоопределения Михайловского глубоко-революционного содержания марксизма является то, что он отделяет Маркса — ученого от Маркса — революционера, что Маркс — ученик, по его мнению, скромно исследует фатальный исторический процесс, так что его "Капитал" "никакой апологии (прав рабочего) в виду не имеет", и что лишь в виде противоречия к его собственной теории, фатальной неизбежности исторического процесса мы находим у того же Маркса... "фабричное законодательство" (Там же, 185 и 188).

II.

В вопросе о судьбах капитализма в России Михайловский был очень далек от чистых народников, неоднократно и очень давно подчеркивал с ними и задолго до появления "Группы Освобождения Труда" указывал, что Россия сильно подвинулась в деле развития капитализма и что в самой объективной действительности нет никаких гарантий такого-то особого от Европы пути для нее. Уже в 1872 г., в заметке "По поводу русского издания книги Карла Маркса" Михайловский писал: "Как бы ни ухитрился наши мракобесы, торжественно основных началь общечеловеческой цивилизации у нас обеспеченно... Но мы знаем, что чем ближе мы подходим ко дню торжества цивилизации, тем более усиливается вероятность, что она у нас примет те же формы, какие она принесла в Европе, а она принесла, между прочим, и формы неправильные" (Х, 8). Если отвлечься от наивной фразы, та, что отдавшая утопизмом начала XIX в., о "неправильных" формах, мы имеем здесь недвусмысленное предсказание о грядущем капитализме. Особенно резко подчеркивал это Михайловский в конце 70-х гг. А в "Литературных заметках" 1880 г. он заявлял даже, что "наши национальные органимы сроднились уже, слились с европейскими", при чем делал из этого факта, между прочим, тот вывод, что раз вторжение Европы банковской и железнодорожной нацию, "пусть же предст Европы политическая научная". Еще раз он вернулся к этим соображениям в начале 80-х гг. в погемонике с главным столпом чистого народничества — Н. В., которая в своей книге "Судьбы капитализма в России" доказывала невозможность развития капитализма в России.

¹⁾ Это, в свою очередь, отметил еще Л. Кривицкий, а также Бордас, когда был еще "марксистом" или "полумарксистом". С другой стороны, "субъективный" Михайловского, заслуживающий к нему смеха, что человек может и должен взять на вооружение общественного развития, отказ от которых закономерен этого развития. Ибо в отношении к природе Михайловский употреблял почти марксистскую (эрнесто-гегелевскую) формулу: "Человек побеждает природу, потому что зона ее зависимость от ее" (Н, 12).

Почему же этот самый Михайловский обрушивался на марксистов за их уверенность в том, что Россия победит по пути капитализма?

Тот же вопрос приходится ставить и в связи с отношением марксистов к крестьянству. Никогда Михайловский не приводил к тем, кто слишком превозносит социальные добродетели крестьянства и ждет от них обновления нашей "гнилой" городской цивилизации. "Идеализация мужика", — писал он, — есть только ложь, но ложь особенно предвзята". И если он моментами (в середине 70-х гг.) мечтал о том, чтобы "угонуть, расплыться в этой серой, грубой массе народа, утюжить бесноворотно", сохранив, вероятно, "этот светоч истин и идеала, какой мне удалось добиться насчет того же народа", то эта лава романтическому народничеству реактор приворочила тому противопоставление неправильных "мнений" народа его "интересов", которых мы находим несколкими строками выше только что цитированных слов (III, 707, "Записки профана"), при чем эти "интересы" должны были, конечно, определять народолюбивая интеллигенция. Мало того, как мы еще увидим, он в это же время резко противостоял свое культурное, интеллигентское... "той самой "серой, грубой массе народа", готовясь отстегнуть от ее грубости все дорогое ей культурные ценности. Почему же его так возмущала известная фраза Маркса об "идеотизме деревенской жизни"? Он, ведь, знал, конечно, кое-что и о тех революционных перспективах, которые связывались у Маркса с крестьянством. Далее он писал, уже в 1897 г., из поводу чеховских "Мужиков": "Господа, подайте мастерство своего внимания подлинно вдове и спирте подлинного работого человека, где бы он ни работал, в деревне ли, в городе ли, и не спешите лбами двух разрядов людей, жизнь которых в разном рода ио одинаково темна и скудна, одинаково требует и одинаково заслуживает участия..."⁴⁾. Но ведь, кроме ти "марксистов", которые ухватились за марксистские формулы, чтобы со спокойной совестью ити не только "на вмучку капитализму", но и на идеологическое служение ему, в глазах которых крестьянство в самом деле являлось лишь историческим удобренiem, и которые вполне заслуженно возмущали Михайловского, — кроме этих самых "марксистов", особенно охотно им облобованных в своей позиции, была еще школа Плеханова, из которой вышло революционное крыло русского марксизма, всегда смотревшее на капитализм, как на своего врага, а на крестьянство, — как на союзника пролетариата в будущей русской революции. Михайловский не мог не знать фюр Плеханова: — "Всероссийское разорение" и "Задачи социализма в борьбе с голодом в России". Читал он, конечно, и адресованное ему в начале 1894 г., уже цитированное нами, второе письмо группы марксистов, где мы, между прочим, еще до Ленина находим следую-

щие замечательные слова: "По мере разорения крестьянства капитализм все настойчивее должен будет чувствовать потребность в факторе, ослабляющем времдле для него самого" результаты отделения обрабатывающей промышленности от земледелия и расширяющим для него внутренний рынок¹⁾. Ход экономического развития сделает, таким образом, неизбежным улучшение положения крестьянства, и, когда затем все возможные меры, направленные к этому улучшению, исчерпают свое действие, возникнет союз между развившимися рабочим пролетариатом и разоряющимися крестьянством, под ударами которого и падет капитализм" (Былое № 23, стр. 122. Курсив наш. Б. Г.).

Все это не мешало Михайловскому упорно повторять свои наименования по поводу мнимой веры марксистов в "фатальный исторический процесс", свои обвинения по их адресу в игнорировании интересов крестьянства и т. п. При этом он упорно замалчивал революционную сторону их учения и деятельности или, в лучшем случае, признавал ее ими лишь ту эззагу, что они несли просвещение в среду городских рабочих.

Это упорное геновимание и упорная враждебность к учению, с которым у Михайловского, как видно из всего высказывания, несомненно были многие точки соприкосновения, требуют объяснения. И это объяснение, кроме характера его писательской индивидуальности, следует искать и можно найти только в таких-то основных элементах его общественного мировоззрения.

III.

Михайловский органически не выносил никакой строгой монистической системы взглядов, никакого выдержанного и цельного мировоззрения, особенно общественного. Самой сильной стороной его умственной деятельности был разлагавший анализ, острая и яркая критика, которая поднималась под все авторитеты, признанные современниками, которая во всякой системе отыскивала противоречия, считала ее недостаточной, неполной, односторонней, противополагала ей ряд исключений, смягчений, оговорок. "Односторонность", т. е. строго выдержанная принципиальная точка зрения, была в глазах Михайловского теоретическим смертным грехом (что не мешало ему, впрочем, самому выдвигать совершенно фантастичные, наумлившие общественные теории, вроде его теории прогресса, борьбы за индивидуальность и т. п.).

Достаточно вспомнить его выступления против философского материализма, его ненависть к Гегелю, его многоглетнюю борьбу со

¹⁾ Вследствие невозможности, как думали авторы письма, для русского капитализма находить внешние рынки. Цитированное место является как бы продолжением стоящих ниже цитируемых заложек в курсе на "революционного мужика".

⁴⁾ Курсив наш. Б. Г.

Спенсером, его поправки к Дарвину и многое другое в его громадной критической работе, не говоря уже о систематическом разъяснении разных других знаменитостей, европейских и отечественных. Не признавал он никогд^а полностью и наши революционные теории. «История нашего умственного развития», — писал он в статье «Еще о героях» (т. II, изд. 1896 г., стр. 388), — представляет собой последовательную смесь разных односторонностей¹. И против всех этих «односторонностей» он столь же последовательно выступал. Он грыз Писарева, полемизировал с бакунистами, и с лавристами, прерыватель разногласий Ткачева. Даже по отношению к «Народной Воле», с которой он больше всего сблизился и органиче²кой которой сотрудничал, он сохранил известную долю скептицизма, оставался, так сказать, «при особом мнении», что отразилось и в его иезуитском псевдониме «Гроунье³» («ворчун»).

Этот электизм и скептицизм, столь характерные для Михайловского, естественно еще усиливались в эпоху реакции, что привело отчасти и его поклонников Русанов⁴). Понятно поэтому, как должен был реагировать Михайловский на такое монистическое и в то же время полное болгарство, оптимизма и самоуверенности направление, как русский марксизм. Он ему казался просто неприличным, по糙ощерой яркости, пятном на том фоне пурпурного уныния, какое предвещали из себя последние писания самого Михайловского.

К этому присоединилось полное непонимание диалектического метода марксизма, которым Михайловский упрямо отождествлялся с гегелевской триадой, несмотря на то, что от нее отреклись и авторы цитированных нами писем, и Ленин в «Пруссах народа», и последователи (правда, менее категорически) Бельтова. Характерно при этом, что в собственных писаниях Михайловский иногда, бесконечно для себя, сам применял диалектический метод, конечно, не законченный и непоследовательный. Но по отношению к марксизму, особенно к его «радостному протозу» (выражение Михайловского пропрически употребляемое в полемике с Бердяевым), он видел не его доказательство только в «отрицании отрицания», т.е. в гегелевской метафизике⁵.

Вот тут мы и подходим к тому коренному, основному в социальном мировоззрении Михайловского, что не только мешало ему понять марксизм, но и вызывало в нем враждебное чувство к марксистскому оптимизму. Это основное было его отношение к социализму.

Для поклонников Михайловского не было и нет сомнений в том, что он был социалистом. Они могут в доказательство привести

¹ «Политика Н. К. Михайловского», «Былые» 1907, № 7. Все цитаты, начиная с русского революционного движения и отношения к нему Михайловского, за исключением означенного в «Печати в революции» моей статьи «Михайловский и революция».

слоги мест из его сочинений. Его статья в «Народной Воле» носила заглавие «Политические письма социалиста». Но, при ближайшем рассмотрении, мы увидим в «социализме» Михайловского ряд таких особенностей, которые диалектически превращают этот социализм в свою противоположность. Михайловский, определенно не верил (или, по крайней мере, относился весьма скептически) в развитие социализма из капитализма и этим резко отличался от Лаврова, который твердо был убежден, что социализм в Европе будет результатом классовой борьбы пролетариата. Уже в первых статьях по поводу «Капитала» чувствуется скептическая нотка в вопросе об «экспроприации экспроприаторов» в дальнейшем обобществлении средств производства. Этой скептической нотки с головы все усиливалась. В 1883 г. в № 7 «Отечественных Записок» в «Лисьем постороннем» Михайловский подвергает сомнению факт обобществления труда, придання ему общественного характера — самым ходом капиталистического развития. В 1892 г., по поводу утопии Беллами Михайловский пишет, что вместо того гадательного будущего, которое открывается из экономического прогноза Маркса, можно теоретически допустить гибель всей европейской цивилизации и что поэтому, ради гадательного будущего, никоим образом нельзя оправдать бесчисленные жертвы современного капиталистического режима (VII, 359—361). Ту же мысль высказывает Михайловский в 1895 г., в разгар полемики с марксистами, в членном письме к своему поклоннику Русанову: «Я думаю, что в ближайшем будущем солнце светлое не загорится; а затем оно и вообще может загореться и не загореться, — в самом естественном ходе вещей я гарантию не вижу» («Былые» 1907, № 7, стр. 135). Наконец, около того же времени он сочувственно цитирует «Введение в философию» Паульсона, где доказывается, что социализм есть вера, которая обязательна только для верующих, и прибавляет: «Подобно Зомбарту, я считаю теоретически возможным, что развитие капитализма приведет к гибели всей современной культуры» («если действующая личность» не «будет обладать энергией принимать решения и стремиться к их осуществлению»⁶).

Поэтому у Михайловского все чаще встречается противостояние «любви к дальнему», т.е. к гадательному будущему, ради которого приносится бесчисленные жертвы, — противостояние ей «любви к ближнему», т.е. противостояние культуртрегерства и филантропии — революционности. Как правильно писал когда-то по этому поводу Д. В. Рязанов, «злата едет, когда-то будет». Вместо того, чтобы стремиться к недостижимому, к «далальному», не лучше ли присмотреться к «ближнему»? На свете так много страданий и горя!

¹ «Последнее сопротивление», I, 456. Если вместо туханий и ничего не говорящей фразы о «действующей» значимости» место, в качестве условия, классовую сознательность, солидарность и революционность прозевывают, то с такой постановкой вопроса может согласиться и марксист.

Забудем ли мы все это для какого-то далекого будущего, которое, может быть, никогда не настанет? И оставшийся „без дороги“ писатель... советует теперь Наташа (из повести Вересаева, Б. Г.), как Седомин Марциане, заняться „любовью к ближнему“ („Две правды“ из „Отчёта по истории марксизма“, стр. 474).

Но т. Рязанов, как и большинство марксистов, противостоял при этом Михайловскому 90-х гг. тому революционеру, каким он был в 70-х гг. В другом месте¹⁾ мы подробно доказываем, что Михайловский 70-х годов тоже не был революционером в социальном смысле этого слова. В самом деле, это вытекало, понимаю, из его недоверия к революционным народным движениям, которые, как и всякие стихийные движения, могут, по его мнению, приводить к самым неожиданным результатам. Чрезвычайно характерной в этом отношении является одна его фраза из статьи „Философия истории Луи-Бланы“, написанной в августе 1871 г., т. е. после Парижской Коммуны (Сочин., III, 3). „Луи-Блан один из немногих избежал Сциали и Харльбад — парижских и версальских историков“ (Курская наш., Б. Г.). Итак, то восстание парижского пролетариата, которое сделано из „лавров неизмываемого революционера и социалиста“, вызвало у Михайловского лишь представление о „неисториках“, которые он приравнивал притом к организованной версальцами боевой! Правда, несколько лет спустя, по поводу реакционной книги некоего Ватсона — „Эпилог франко-прусской войны“ — он глухо упоминает о каких-то распространяемых книжках „небывалах“. Но это не может смягчить впечатления, произведенного фразой о „неисториках“.

По отношению к России Михайловский в народную революцию не верил и не считал ее желательной. Вот почему он с такой мстительностью, в самых различных вариантах выдвигал свою любимицу идею о „консервативном характере рабочего вопроса в России“²⁾. Желаят один из этих вариантов: „Коренные начала русской социальной жизни не требуют революции, изменения направления своего течения. Требуется только развитие этих начал. Будут ли при этом баррикады или нет, это все равно, т. е. в том смысле все равно, что не изменяет консервативного характера рабочего вопроса“ (I, 71). Понятно при этом, что если баррикады ничего не изменят в консервативном характере русского рабочего вопроса, то лучше обойтись без них. Поэтому уже в 1873 г., когда зарождалась русский буржуазия, Михайловский писал, что „цель эта (сохранение условий труда в руках работника, гарантии теперешним собственникам их собственности) не может быть достигнута без широкого государственного вмешательства, первым актом которого должно быть законодательное закрепление общин“ („Отч. Зап.“ 1873, № 1).

1) В упомянутой выше статье каварского № „Печать и революция“ за 1924 г.

2) При этом я в употреблении класса выражение „класс пролетариата“, от которого надо избавить Россию.

В чем же заключался „социализм“ Михайловского? Именно в сохранении у „теперешних собственников их собственности“. Он допускал, что при благоприятных условиях из теперешней крестьянской собственности могут развиться высшие, социалистические формы. Это допущение было для него менее гадательным, чем марксовский революционный социализм, выраставший из классовой борьбы пролетариата с буржуазией, и в то же время оно имело для него то преимущество, что избавляло народные массы от страданий, привносимых капитализмом, и от жертв гадательной по своим последствиям революционной борьбы. Здесь не надо было, во имя „любви к дальнему“, отказываться от „любви к ближнему“, в данном случае,—от помощи крестьянину в деле охраны его собственности. И в существенности этой близкой, конкретной цели Михайловский вполне верил, еще в 1880 г. убеждал правительство в том, что только тот политический порядок будет прочен, который заинтересует миллионы, и что если „благонамеренные представители центральной власти“ вступят в союз с интеллигентией против купцов и разрачченных местных администраций, то крестьянство будет спасено от бедствий капитализма. Одновременно Михайловский в этом же убеждал и парлодорцев, в органе которых он писал (советуя им сближаться с либералами), что они (либералы) „были бы еще ближе, если бы ясно понимали особенности условий русской жизни“. И дальше: „Америка, страна колоссальной наживы, не убралась извести у себя, хотя отчасти, принцип принадлежности земли землевладельцу. Тем легче будет утверждать этот принцип у нас, где он и без того живет не только в душе народа, но и в сознании каждого породистого интеллигентного человека“ („Политич. письма социалиста“, X, 35).

Какое место занимает такой „социализм“ в истории социалистических идей?

Из всех европейских мыслителей социалистического лагеря, под влиянием которых находился Михайловский (в среде них были и Луи-Блан, и Лассаль, с их идеей государственной помощи рабочим ассоциациям, и даже Маркс), наибольшее впечатление произвел на него Прудон. „Луи-Блан лишен той страшной диалектической силы, какая свойственна беспощадной последовательной логике его знаменитого противника — товарища — Прудона“ („Философия истории Луи-Блан“, III, 4). Чтение его сочинений действует замечательно возбуждающим образом, как фермент. Это объясняется обилием личности писателя: тем бурным клокотанием жизни, которым она полна и которое брызгает из каждой строки то в виде истинно громовесного гнева, то в виде „пламенного призыва к чему-то, не всегда определенному, но всегда высокому и светлому, то в виде почти безумной смелости отрицания и критики“ („Записки профана“, III, 656—657).³⁾

Вместе с тем Михайловский вполне отдавал себе отчет в консервативном и медленно-буржуазном характере прудоновского „социа-

лизма". „Отрицание собственности (у Прудона) в принципе нет и помина. Для этого Прудон был слишком французский крестьянин, — это очень важно заметить,— известный своей беспредельной, почти идеологической привязанностью к собственности". „Никакого реального переворота он не желал" (Там же, III, 647). Курсив везде наш). Взгляды Прудона на весь французский социализм Михайловский объясняет в той же статье разделов в его сочинениях „идеи личности", которые не могли мириться „с планами фалланстерианцев, икарийцев и т. п., замыкающих личность в темные и фантастические рамки" (657. Курсив наш. Б. Г.).

И вот, почти все то, что пишет Михайловский о Прудоне в предыдущих выше цитатах,— и в положительном, и в отрицательном,— относится также к нему самому. Михайловскому недоставало французского пафоса Прудона— для этого он был слишком русский интеллигент. Но и его сочинения будут мысли, и они сильно различаются, минимо—диалектической критикой, и в них центральное место занимает „идея личности". Наконец, что важнее всего, и „социализм" Михайловского, как мы видели, отличается таким же консервативным и мелко-буржуазным характером, как и социализм Прудона. И он, как Прудон, забывает лишь о сохранении за мелким собственником его собственности, при чем и он, подобно Прудону, с характеристиками для мелкого буржуа наивность и утопизмом ждет осуществления этого идеала при любых общественных условиях и притом от власти предрещающих (вспомним известное обращение Прудона к Наполеону III).

Но в то время, как Прудон во многих отношениях был ограниченный мещанин-самоучка, Михайловский был человек с широким образованием и не менее широким кругозором, свойственным русскому интеллигенту. Зато, с другой стороны, в отличие от племянника Прудона, Михайловский, при всей своей любви к народу, смотрел на него сверху вниз и знал интеллигентцию, как мы видели, лишь в участии и жалости. Этот народ всегда казался ему грубым и темным. Что-то презрительно жирояндское чувствуется в знаменитом, не раз цитировавшемся месте из его „Записок профана": „У меня на столе стоит бюст Белинского, который мне очень дорог; вот шкаф с книгами, за которыми я провел много ночных. Если в моем комези вспомнится русская жизнь со всеми ее бытовыми особенностями, разъబьт бюст Белинского и сожжет мои книги,— я не покорюсь и ляжь деревенни." я буду драться, если у меня разумеется, но будут скажены руки" (III, 642). Это место находится в той самой главе, из которой мы раньше привели цитату о готовности раствориться в серой народной массе. Оно как бы примыкает нашей революции. Здесь на протяжении одной главы, как в фокусе, собираются и яро выражены все противоречия нашей народнической интеллигентии. Мелко-буржуазный социализм отражает собственнические инстинкты и возз-

дения крестьянства, а свобода и суворинность личности—социальные потребности интеллигентства.

Вот почему, как ни близко подходил иногда Михайловский к марксизму, между ним и марксизмом все же оставалась непропорциональная пропасть, пропасть непонимания, отделяющая мелко-буржуазных социалистов от научного коммунизма. Ибо Михайловский был в течение всей своей литературной деятельности высоко-талантливым и образованным— быть может, самым талантливым и образованнейшим, какого знает история,— интеллигентским прудонистом.

Б. Горев.

Теодор Дезами.

Канун революции 1848-го года во Франции представляет собой один из наиболее интересных периодов не только во французской истории, но, может сказать, не преувеличивая, составляет узкий пункт в развитии европейского общества. Именно, в эту эпоху расцвел утопический социализм со всеми его школами и ответвлениями, начиная от революционного коммунизма Бланка и кончая „християнским социализмом" Ламенина. Именно, в этот период формировались основные взгляды своего мировоззрения Марки и Энгельса, которые привнесли к научному коммунизму, из оснований изучения действительности и критической переработки идей „владычества духа" современного поколения... Именно, в это время пролетариат стал окончательно складываться, как класс, со своей особой программой и особенно миросозерцанием, глубоко враждебным и отличным от буржуазного мира...

Между тем этот период—один из наименее освещенных в исторической литературе. Даже на корифеях 40-х годов мы не имеем ни одного полного, изчерпывающего произведения. Но если Бланк, Луи Блан, Прудон, Концепциадар, Кафе ждут еще своих последователей, то что сказать о менее заметных писателях этой эпохи, значение которых, однако, достаточно велико в общем ходе развития коммунистических идей? О них ничего не известно. Они забыты. И не только в буржуазных историях, спортивниках и словарях мы не найдем о них ни строчки. Даже социалистические писатели по трафарету проходят мимо них, не уделяя им никакого внимания.

Одному из таких забытых коммунистов и будет посвящен настоящий очерк—Теодору Дезами.

Среди бесчисленного множества рассыпанных в разных сочинениях Маркса замечаний, прописывающих нередко свет на самые темные места современности, попадаются и суждения Маркса об этом интересном и оригинальном утописте.

Так, в „Святом семействе" Маркс называет коммунистическую систему Дезами „более научной", чем, например, Кафе, пользующиеся горой тогда огромной популярностью в рабочих и мелко-буржуазных

¹⁾ Автор пользовался материалами Института К. Маркса и Ф. Энгельса.

кругах¹⁾. В знаменитой "Переписке 1843 года", недавно опубликованной тобой Ризианом в первом томе сочинений Маркса и Энгельса²⁾, Маркс охотно оставался на системе Дезами. Маркса, очевидно, в достаточной мере интересовал ход развития этого забытого журнала коммуниста, так как еще в примечании к одной из статей, помещенных в "Rheinische Zeitung" (от 12го января 1843 года)³⁾, он ее несет под псевдонимом между Дезами и Кабе.

Не прошел мимо Дезами и Плехнов. В одной из статей, посвященных французскому утопическому социализму, он упоминает о Дезами, называя его революционером, и в примечании, приведя слова Маркса, пишет: "О нем мало говорят историки французского социализма, хотя взгляды его заслуживают в некоторых отношениях большого внимания". К сожалению, недостаток места, по словам Плехнова, не дал ему возможности остановиться на учении Дезами.

Между тем, Дезами действительно заслуживает "большого внимания", чем ему удалось до сих пор. В спектре социалистических и коммунистических учений до Маркса был Дезами будущий отступник из наиболее ярких красных цветов. Дезами стоит на краю левом фланге коммунизма 40-х годов, являясь прецедентельным для своего времени материалистом и революционером⁴⁾.

Свою революционную деятельность он начал с участия в "Обществе времен года". После раскрытия и ликвидации этого общества Дезами вместе с Кабе занялся мирной пропагандой коммунизма. Не через некоторое время они разошлись с Кабе и перестал участвовать в его журнале "Le Populaire".

Дезами основывает газету "Equalitaire", в которой проповедует, что народ должен научиться создавать свои права и обязанности. У народа—говорят Дезами—есть гильдейские руководители, "демократы-импринки", всегда поспешающие избирательной реформой, не имеющие никакой "органической системы". Вместе с тем Дезами деятельно работает среди пролетариата. Примкнувшись к Дезами бывший аббат Пильо, ставший атеистом и коммунистом, и своей брошюре "Ni clercs, ni châteliers" («Ни дворцов, ни лачуг») показывает, что "партия глупости подходит к концу; следовательно, блокируется партия науки", т.е. коммунизм. Пильо проповедует наследственным образом и так излагает свой закон равенства: "Кто делает то, что он может, тот делает то, что он должен. Каждый имеет право на удовлетворение своих истинных потребностей, когда все обладают тем же самым".

Кроме аббата Пильо к Дезами примыкает и вместе с ними работает группа единомышленников, из которых нам известны Навель и Ген. В противовес баптистам, которые устраивали буржуазные либералы, Дезами вместе со своими единомышленниками организует первого июня 1840 года коммунистический баптист, на котором присутствовало около 1.200 рабочих, при чем собравшиеся «с почтой благоговением молчаливо» выслушивали многочисленные гости, про-

¹⁾ Литературное наследие Маркса и Энгельса, т. II, ч. I, стр. 180, "Обзор труда", стр. 25.

²⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. I, изд. 1923 г., под ред. Ризиона, стр. 342.

³⁾ Г. В. Плехнов, стр. 172.

⁴⁾ Из это указывают А. Б. Рязанов, Там, в своей статье "К. Маркс и Ф. Энгельс в их первенстве" (1818 г.), под Рязановым говорится "креатив коммунистов" "для демократичного материализма" Дезами. См. А. Б. Рязанов и др., "Сборник по истории марксизма", критика, "Московский Рабочий", 1923 г., стр. 76-77.

возглашавшиеся за освобождение рабочих, за отмену смертной казни, за равенство и за общность"¹⁾.

Рабочие, примыкавшие к его взглядам, организовали "Société des travailleurs égalitaires", которое имело свой журнал, называемый "L'Humanitaire" и выходивший в 1841 году.

В 1842 году Дезами выпускает свое главное сочинение "Code de la communautaire", в котором он излагает свою систему. В 1843 г. выходит под редакцией Дезами и его друзей "Almanach de la communautaire", предназначавшийся исключительно для рабочих. Эти две работы являются основными для выяснения взглядов Дезами. Кроме этих работ он выпустил еще ряд брошюр, направленных против Ламени, против нелупоту, а также против Кабе²⁾.

В 1848 году Дезами издавал газету "Les droits de l'homme". Вместе со своим другом, Пильо, он выставил свою кандидатуру в Национальное Собрание, но оба потерпели неудачу. Прожил всю жизнь в нужде и бедности, Дезами, разочарованный неудачами, после революции возвратился в свою родную деревню, где и умер в 1860 г.³⁾.

1.

В своих философских воззрениях на человека и природу Дезами является верным учеником французских материалистов XVIII в. Особенность его在于 он цитирует Гельвецию, которого он называет "бесстыдным".

Но он не прочь, вообще, опереться на авторитет древних и новых философов и мыслителей, цитируя из них наиболее удачные места.

Гомер, Эпинкур, Горация, Лукреций и пр.—цитает он⁴⁾—говорят, что задача философии—проникнуть во все тайны природы и что ничто не должно оставаться человеком в его поисках истин.

Поэтому человек будет всеси могуч, если он будет знать окружавшую природу, если он постигнет ее законы.⁵⁾

"Что такое философия?"—спрашивает Дезами. И отвечает:—Это знание вещей, которые существуют в природе⁶⁾.

По мнению Дезами, все люди способны заниматься философией, за исключением тех, которые считают знание вообще позицией зла, или которые болятся знания. Все имеют одинаковую способность мыслить, но эта способность у некоторых находится в мертвоте потенции, пока она не будет оживлена страстями. Философия совсем не сложная и понятная вещь. Только софисты и политические философы выдумывают про нее подобную галиматью. Какова же цель философии?—Вести людей к счастью⁷⁾—отвечает Дезами.

¹⁾ См. Ж. д'Альб. "Hist. révol. part. de France", стр. 181.

²⁾ Всегда самое рабочее, написанное Дезами:

³⁾ "L'Amourais réfuté par lui-même, ou examen critique du livre intitulé: Du droit de l'ameurir du peuple". In-32°. 1841.

⁴⁾ "Oeuvres politiques de M. Cabet, Réfutation par des faits et par sa biographie". In-32°. 1842.

⁵⁾ "Code de la communautaire". In-32°. 1842.

⁶⁾ "Almanach de la communautaire 1843" par divers écrivains communistes (T. Duzamy, J. Navet, J. Gav.) In-32°. 1843.

⁷⁾ "Le jésuitisme vaincu et vaincu par le socialisme, ou les Constitutions des jésuites et leurs instructions secrètes en parallèle avec un projet d'organisation du travail". In-32°. 1848.

⁸⁾ "Organisation de la liberté et du bien-être universel". In-32°. 1846.

⁹⁾ См. "Справочник коммуниста" Гуго и Штегмана, т. I.

¹⁰⁾ "Code de la communautaire", стр. 107.

¹¹⁾ Ibid., стр. 108.

¹²⁾ Ibid., стр. 110.

Но как прийти к этому счастью? Для этого надо не забывать одного, что человек является частью природы и, как часть природы, подчиняется тем же законам. Человек обладает разумом, который может есть законы посты и тогда он станет непобедим. Веря в всемогущество разума является также основной чертой марксистской Дезами, полученной им в наследство от французских материалистов.

Но природа не создала человека таким, каков он сейчас в первом современном обществе, с его борьбой, неустойчивостью и вечными ошибками. Нет, человек рождается в свет, не имеет ни талантов, ни пороков, ни добродетелей, но только способности и потребности. Ее отношения с внешним миром превращают его потребности в движущую силу активности. Совокупность этих движущих сил составляет любовь к себе¹.

И именно, потому, что в каждом человеке заложена эта любовь к себе, этот азарт, возможное достижение счастья. Следуя Гельперину, который провозгласил «бесконечную единственный чувством в своем роде», которому мы обязаны всеми нашими стремлениями, всеми нашими страстиами, Дезами заявляет, что азарт — одна из главных движущих сил человеческого развития.

«Любовь к себе — читаем мы у него далее — это ствол зерна страсти, которые, суть, так сказать, ветви этого ствола; свой необходимый корень последний имеет в нашей способности ощущать»².

Страсти — совсем не зло, как стараются представить нам современные писатели. Слово страсть обозначает способность, проявленную в действии». Страсти присущи всем людям. Но они надлежат уметь управлять. Счастье имеет сильные страсти, если они согласованы. Между страстиами надо установлять гармонию. «Если надлежала будет уравновешиваться тревога, чувство меры — любовь к жизни, любовь к жизни — стремление к счастью, стремление к счастью — свободе и чувством человеческого достоинства, склонность к беспородечным наслаждениям — другими наслаждениями, а также интересам здоровья, вы не увидите ни разноголосиков, ни пылающих, ни беспарусных, ни подлецов»³.

Эта теория гармонии страсти напоминает знаменитую теорию Фурье, более полотнищую к тем материалистическим во времени, которые были у Дезами. Он полагает человека, как революционера идейно-материалистического его свойствами, ему неприсущие жизни в жестокое время, когда плютocracy на каждом шагу внесла наружу свою ничем не прискорбную страсть к насилию, обману, разрыву и тупой лести, в эту эпоху, когда, по силному выражению Маркса, «финансовая аристократия, как в своих способах насилия, так и в наслаждениях являлась ничем иным, как возрождением пролетариата бояксов на верхах буржуазного общества»⁴. Жизнь в стране, в которой конкуренция покорила свой дух, две стороны, обнажив этические страсти даже в среде пролетариата и разбив его на множество враждующих групп и групп, — Дезами посмотрел реально и язвительно на вещи, и то, что мечтается,

¹ Ibid., стр. 113. Курсив Дезами, как и дальше, где нет особой оговорки.

² Ibid., стр. 113.

³ Ibid., стр. 111.

⁴ Маркс, «Борьба классов в Франции 1848—1850 гг.» — Собр. соч. М. и З. Л. Ш. Государств. 1921 г., стр. 30. Курсив Маркса.

вреде Кабе, казалось наваждением дьявола. Дезами берет, как исходный пункт человеческой природы⁵.

Этот здоровый реализм, мы много раз еще будем наблюдать у Дезами, несмотря на то, что, как видно будет из его системы, вынужденно окончательно из утопической оболочки он не сумел и потому остался, правда, на левом фланге, но все же не научного, а эзотерического коммунизма.

Но если любовь к себе есть основа человеческой деятельности, то это не значит, что люди должны быть разъединены и бороться друг с другом. Наоборот, «люди необходимы, абсолютно необходимо друг для друга»⁶.

Когда люди, путем знания, убедятся в той истине, что все элементы счастья находятся в природе, так сказать, «под их руками», когда люди будут оливкового просвещения, тогда настанет «истинное равновесие сил, влизи которого никто не будет стремиться к наивысшей собственной разности». Несе пониму, напротив, могущество общественной гармонии, а также и то, что принадлежащая к своему собственному счастью можно только, работая на общее благо⁷.

Если в современном обществе только любовь к себе является движителем, то в будущем обществе таким движителем будет любовь к себе и к другим. Если в современном обществе страсти прекращаются в нечто норичное, то, виной этому скверная общественная организация. Вместо них, самую воинственную, по мнению Дезами, страсть — любовь. Она програлась в сплошной разрват и лицемире — это — плод неделей законов, царящих в обществе. А, т. к. «человеческий организм, общественный организаций и внешний мир находят в неразрывной связи»⁸, — то с изменением современного строя изменится и организм человека: — между его потребностями и способностями наступит полная гармония, и человек достигнет счастья.

II.

На природу, вообще, Дезами смотрит, как на «вечную всемирную связь, которая соединяет воедино все события, первоначальную существование и движение, это бесконечное целое, которое катится в вечном круге объединения и разъединения, зарождения и трансформации»⁹.

Природа и материа для него одно и то же понятие. Это — говорит он — «общие называния, которыми философия определяет совокупность качеств, способности, энергии, общих всем телам, всем существам. Так понимаемая материя содержит в себе самой весь принцип активности, притяжания, разума, гармонии, совершенства»¹⁰.

Мир есть единий организм. «Он имеет в качестве составного элемента атом, в качестве принципа — движение. С точки зрения макромасштабов мир может быть рассматриваем, как гигантская машина, которая имеет свою колеса, канаты, блоки, пружины, тяжесть»¹¹.

⁵ Наречем, по вопросу о страсти, Дезами (заметки в скобках, как и в буре) пишет также весьма подспудно выраженное утверждение философии материализма. Вот, к примеру, что говорит Гольбах о страсти: «Страсти являются источником движений в природе, но будем, поэтому, открытыми об их взаимодействии, но только резюмирующими. Ради — ради она — есть лишь искусство избегать тех страсти, которым мы подвергаемся, и для этого надо иметь право наименовать свою собственную блага...» (см. статью Г. И. Ильинского «Гольбах и французский материализм», Изд. «Моск. Раб.», стр. 11).

⁶ «Союз для соединения», стр. 114.

⁷ Ibid., стр. 190—191.

⁸ Ibid., стр. 257.

⁹ Ibid., стр. 258.

„Притяжение—причина всех явлений, как физических, так и моральных, это основной закон универсальной жизни, это то сила, при помощи которой молекулы притягиваются, группируются, классифицируются, гармонизируются, держатся вместе, обединяются, образуют тело; кроме того, это та сила, исследование которой ведет и существа отделяются друг от друга. Без этого закона не было бы возможно, чтобы бы ни было существование. Притяжение—сила, действие которой известно во всей природе; оно действует не только на материальные тела, прямо пропорционально массе и обратно пропорционально квадратам расстояний; не менее важной истиной является то, что оно одновременно влияет и на моральные и духовный порядок, следя точно таким же законом“¹).

Что касается человека, то он есть не что иное, как „система различных органических молекул, которые так скомбинированы, что каждая из них нашла себе место, наиболее соответствующее ее физике. Из этих биохимических комбинаций образуются органы, которые, комбинируясь между собой, образуют группы органов, а затем, наконец, совокупность органов... Эта активная и гармоническая совокупность образует жизнь. Сознание, мысль, воля, разум есть функции мозга и, как всякое проявление жизни, есть не что иное, как гармоническое сочетание органов“²).

Всякое знание должно опираться на „свидетельство чувств и свет разума“. Не существует никакой другой религии, кроме всемирной общности (коммунизма—социализма); эта общность—единственное рациональное религие, единственное нормальное положение человечества.

„Эта религия—необходимый результат опятного знания—ти, зерно, источник всякой блага, всякой красоты, всякого совершенства“³.

Таковы основные воззрения Дезами на человека и природу. Он возрождает и улучшает учение Демокрита, Эпикура, Гассенди, являясь последовательным учеником материалистов XVII века.

Подобно своим учителям, Дезами является строгим монистом, считывая, что наша духовная и телесная сущность являются проявлениями одной и той же субстанции—материи. Этим прошлое него отличается от своих современников: учеников Фурье или таких коммунистов, как Кабе, которые были дуалистами, и вновь и вновь возвращались, поэтому, к вопросу о реорганизации религии, увлекаясь идеями „нового христианства“, которое воротит окончательно спасет человечество“⁴.

¹ „Code de la civilisation“, стр. 258.

² Ibid., стр. 258.

³ Мы переводим „социализм“ бальше словом „коммунизм“, хотя его авторы бы перевели словом „общность“. Но поскольку выражение не пошло из языка Дезами, следимство что мы его употребляем редко.

⁴ Необходимо, однако, отметить, что и Фурье и Кабе даже Сен-Симон не являются строгими монистами, они считают, что существует духовная сущность, кроме материальной, и что она не покидает человека, не покидает христианства, и современного представления. И тем, во-первых, все ученые остаются эзотериками, на прохождении всех своих проповедей беспрерывно склоняя бого. Сен-Симоном даже выражаются в религиозную склонку, и Дезами совершенно спокойно называет систему „политическую теократию“ („Code de la civilisation“, стр. 258). Но это выражение отражает реальное искашение идеалов, реализации, результатов, выраженных и утверждаемых самим автором. „Астрофизик“ 1793 г., в своем обращении к парижским рабочим, говорит: „Мы хотим, чтобы в будущем все люди, живущие на земной сфере, были счастливы и здоровы“⁵. И в своем сочинении „Беседы о Марте“ XVIII в. это выражение, между прочим, за то, что можно симпатизировать с ученым сочинению Бодлея и Марса, в других, эзотерике того же национализма“⁶ (С. Г. В. Дезами в «Лекциях... Наследие подготовленные науки, соч., из... Моск. Гл. Г., стр. 229). Дезами в числе очень многих, не пользовался эти реалистические попытки и оставил свою материалистическую аттестацию. Не используя ее, как мы учили дальше, в кни-

Для Дезами всякая религия, основанная на вере в бога, в верхнее существо, стоящее над миром, является пережитком и глупостью. Он—самый крайний атеист.

Но Дезами все же остается тем же механическим материалистом, как и его главные учители. Он рассматривает явления природы в их взаимодействии, но он не поднимается до понимания их диалектического развития. Последнее так же недоступно Дезами, как и его учителям. Подобно им, он просто переносит законы природы на общество, при чем он считает эти законы „неприменимыми, вечными и непреложимы“⁷. С сочувствием цитирует он слова Сен-Жюста: „Если дать человеку законы, соответствующие его природе и сердцу, он перестанет быть неестественным и обманутым“⁸. Поэтому, если он стоит за коммунизм, то, прежде всего, потому, что „коммунизм наиболее простой и наиболее совершенный вид ассоциации“⁹.

Правда, следуя Гельвецию, он исходит не только из знания природы, но прежде всего из знания человеческого организма. Несколько раз он повторяет и подчеркивает: „Мой критерий, мое правило достоверности есть знание человеческого организма, т. е. знание потребностей, способностей и страстей человека“¹⁰. Он придает этому знанию том большее значение, что, в своей наивности, склонен идеализировать законы, управляющие обществом, с законами, управляющими человеческим организмом. „Каждый человек есть, так сказать, общество в миниатюре“,—говорит Дезами.—Среди членов человеческого тела нет такого, который отказался бы выполнять свою функцию, убегая от общего дела“¹¹. То же должно быть и в идеальном общественном строе, где наряд „естественные“ законы и где никто не может отказаться от своих функций.

Доказывая на теории взаимодействия между человеческим организмом, общественной организацией и внешним миром, Дезами полагает, что с изменением социальной организации изменяется и внешний мир. Органы, занятые индивидуально и совместно, изменяются под влиянием внешнего мира; одновременно с этим внешний мир подвержен индивидуальному или совместному действию способностей человека. Человек может, в некотором роде, изменять мир по своему желанию“¹².

А в другом месте, в главе о „Социальной гигиене“, он энергично воскликнет: „Я поклялся бы неопровергнутым образом, что неизменным последованием коммунистического режима было бы возвращение и совершенствование внешнего мира“¹³.

Таким образом Дезами идет дальше своих учителей, считая, что даже независимые, вечные и непреложимые законы природы могут быть изменены человеком по его желанию, при совершенной социальной организации. Этот шаг вперед Дезами—следствие развивающейся техники в современной ему Франции. Завоевание химии, мощное распространение паровой машины, переворот в железнодорожной промышленности, пронаведенный пузлингтонианом еще раньше в Англии и в 40-х г. захвативший и Францию, наконец, начавшееся

стр. 170 г. На протяжении, в своей практической деятельности в пропаганде социальной революции он брал за исходный пункт революционную литературу „Комитета Общ. Служеб.“

⁵ „Code de la civilisation“, стр. 13.

⁶ Ibid., стр. 11.

⁷ Ibid., стр. 245.

⁸ Ibid., стр. 259.

⁹ Ibid., стр. 192.

железнодорожное строительство, все большие и большие изменения в стране,- все это не могло не оказать влияния на миросозерцание Ледами.

Нужно прибавить, что Фурье, у которого очень многое зависит от Десама, совершенно искривленно говорит о том же, когда он гримит об анти-бабах, анти-акулах и пр. Десамы, таким образом, призывают к мыслимым своим учительницам категориям XVII в., основанным на фантастической оболочке практической мысли Фурье с совершенствованием мира под влиянием техники.

Мало того, Лезами считает, что изменявшаяся внешняя природа, влияния на человеческий организм, в свою очередь изменят последний. Он углублял и расширял то взаимодействие между человеком и природой, о котором писали французские материалисты.

«Но дальше этого Демокри не пошел. Историческая связь общественных явлений, ихialectическое развитие осталась для него совершенно чуждым. Он, правда, не пренебрегал историей, стараясь указать на то, что первые христиане, адвентисты, гуситы, кальвинисты и приблизительно коммунисты, что „германы“, как говорят Шварц, были коммунистическим строем в Поэтому и были этническими, сильными, язвительными, братскими, храбрыми и неупоротыми»¹, что такой же коммунизм был в Перу, когда европейцы принесли туда волны и истребление.

Но эти примеры Дзесами приводят для доказательства, что «коммунизм имеет исторические традиции», а не что «его нет». Но в поисках «исторической традиции» Дзесам склонен итишательно далеко, что отцов первых Сократа, Мора, Генеяния, л.-д. Руссо и многих других—всех он счищает в одну кучу и называет коммунистами².

111

Общественно-исторические взгляды Ленина всегда являются в его механическом материалистическом мировоззрении "Источником существующего или — это склонение языка общества". Вот вид, в котором приходит Ленин. Стает ли законов изменить, и звучат искрещен.

К этим выводам приводят все ученые-коммунисты. Их все ведут свое происхождение от французских материалистов. Вот что пишет об этом Маркс в «Чтении семинарии»: «История была группой специализированных материалистов, но не разработанный коммунизм ввел свою происхождение непосредственно из Французского материализма. Материализм, в свою очередь, ввел в мир именно французскую языку» придал языку величия, возвращаясь к своему родине, Англии. Мораль Гедвиговская служит основой системы морали Бентами, построенной на правиле поиска личного интереса, а Фуко, исходя из термина Бентами, может начать английский коммунизм Фрэнсиса Кейбла, изложенный им, в свою очередь, на себе влияние тамошних коммунистических идей, и

J. HED., SER. 278

1. Книга была Сократом, Платоном, Иеронимом, Наумовым, Амвросием Гиацинтом, Нестором — Константинопольским. Какие-то другие приводят в примеры к книге эти же стихотворения с добавлением в конец строки: «Константина». Книга была ими в Фота, в Бенедикта, в Лаврентия и кончила это имя старой Европой. Такими книжниками, Альфонсом, Жаном, Ришаром, Морисом, Франсуа Током, Гарриеттой, Фокстедом, Томасом, Ж. М. Ришаром, Маргаритой, Франсуа Форбеном, которых и обходят молчанием, разве что ими были книжники и блестящими коммунистами во времена «Царя и Царицы», — 258.

возвращении во Францию, становится самым популярным, хотя и самым поверхностным представителем коммунизма".¹¹

Что касается Ленини, то, называя его систему, как мы уже указывали, «более научной», Маркс рассматривает его материализм, как учение пельного гуманизма и как таинственное основание коммунистической политики.

Левенштейн же, когда Лескова вывел из своей теории коммунизма, засел на строите свою социальную систему, и привнес всегда исходящий из принципов, по его мнению, Лесковской системы, введение в нее "вспомогательных законов", на которых покоятся мир обще-стности, забытые земли... Страны их вспоминают и понимают, стоят их на по-ложение в основании сущности этого идеализма... и тогда будет

Что же должно лежать в основании этого общества? Да только то, что находятся в природе. Свобода, Гражданство, Братство, Единство и Попечительство (Соиниенство)—это вечные, естественные принципы. Что такое, напр., Гражданство? Гражданство это гармония, совершенное равенство, которое действует на все вещи—от мира высокого разумного существа до самого малого насекомого. Это—закон, обязательный для всех членов нашей общественной, как и для индивидуальной жизни. Все равенство, политические и гражданские общества, первоначально имели самое первоначальное значение.

Или братство? Братство, то—естественный договор, единственный истинный национальный свободы и известства... и т. д.²⁾

Коммунистическая система Дезама также неизменно приступает для него к этим основным принципам, как непреложным было для философов XVIII в.—некие богочеловеческие общности.

ПОСЛЕДНИЕ ДЕНЬЯ 1917 ГОДА — НОВЫЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВА.

и является только общим представительством в своих выступлениях. Но французские материалисты не довольствуются рабством в братстве выразители только неограниченной свободы отрицания трех принципов для будущности. Они ограничивают этот «естественный закон» другими, «личными и естественным законом» — «законом добродобротливости, тем самым впадая в противоречие с собственными принципами, которые неизбежно и разнится в складах будущего общества, или его грядущем поэтии». Французские материалисты были историками будущего, что буржуазия, собственность — залог великому равенству. «Закон Гельвейции», наиболее бесстрашный из них, который по выражению Шеллена, «захватил на островах Индии и Аравии места для естественного права, который явился неслыханным якорем и блоком считал разумным», заключил утверждение, что первые три более приближаются в своих учреждениях к естественному праву, чем более прогресс их изменил». Гельвейций, таким образом, в своем «органическом капитализме» привел к выводу, что подтверждение собственности есть «прастижение, под государством».

Это противоречие стало очевидным уже для Гоббса. Во времена Генриха VIII в эпоху бурного роста пролетариата, много и много раз подавленного буржуазией, собственной кровью завоевавшего последней возможность жить и раскошелевляться — было еще больше причины, чтобы социальные реформаторы пренебрели этот «естественный закон» свободы, равенства и братства в основу общества, где частной собственности не будет.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. «Коммунистическое ведомство», в соч. «Освобождение труда» стр. 253.

Tom 20

Code de la communauté, cap. II.

T. B. HARRIS, JR., 8947 PINEWOOD, KALAMAZOO, MI 49001. Page 20 of 20

Н., как французские материалисты из своих предположек всеноготьщества разума, разности человеческой природы, зависимости человека от общественной среды, в которой он живет, выводили свое учение о буржуазном обществе с новыми законами, новой нравственностью, новом воспитанием и проч.—так и их ученики, а среди них особенно Дезами, стоя на той же точке зрения, выводили свои принципы построения новейшего, уже коммунистического общества, где эти законы будут проведены полностью.

Отсюда то множество новых, совершенно готовых систем, которые изготовлены социалистами и коммунистами разных направлений в сороковые годы. Казалось, стоит только приложить эти идеальные принципы в жизнь и на их основе нарисовать схему новой организации, чтобы сделать самое важное. Очевидность выигрыша нового строя будет настолько ясна, что человечество проведет его в жизнь—на земле наступит земной рай.

Дезами и пытается дать готовую картину такого строя в своей знаменитой работе „Code de la communauté“¹⁾.

IV.

В описании того идеального коммунистического строя, которое дает Дезами, есть много и сходного с системами Фурье, фурверстов, Кафе, но много и отличного от них. Дезами более реально смотрит на вещи, чем его прекрасодушные современники, в нем больше классовой прямолинейности и непосредственного чувства. Коммунизм—не это слово—не что иное, как реализация единства в братстве... Это—найдите реальное и полное единство единство во всем—в воспитании, в языке, в труде, в хозяйственном, в жизни, в законодательстве, в политических обязанностях и т. д.²⁾.

В каждом обществе надо различать два рода законов: основные и конституционные. Тогда первые изменения, начиная и непрерывно. Вторые—иметь целью дело политики: они временны и изменчивы. Одним из основных законов природы, а значит и общества, является тот факт, что человек не может существовать без того, чтобы не удовлетворять свою неопределимые потребности в питании, одежде и пр. Следовательно, общество не может жить без производственных продуктов. Но всякое производство основано на труде. Поэтому “все те, которые пользуются общественными продуктами, должны принять участие в работе”³⁾.

Это требование обязательности труда является главным в его системе. Когда-то люди в своем “естественном состоянии” все тружались и все были равны. Дезами цитирует стихи Гельвеции об идее Огато и Миссанчиони, “у которых все общее, все равны”, и приводят мнение Морелли о собственности: “подле не принадлежит тому, кто его обрабатывает, и дерево тому, кто собирает с него плоды; обладает только производством рук своих, частью того, чем он пользуется—остальное принадлежит человечеству”.

Этот естественный трудовой закон действителен и для животных. Указанная на плак. Дезами воскликнет: “Почему республика людей должна быть менее совершенна, чем республика птиц”?

¹⁾ Она считалась выдающейся книгой среди социальных вымыслов в 1847 г., а затем вышла вновь в 1849 году. В Париже, в изд. самого Дезами.

²⁾ Ibid., стр. 12.

³⁾ Ibid., стр. 14.

⁴⁾ Ibid., стр. 15.

Если есть ныне люди, который живут чужим трудом, то причиной этого — современный общественный строй. Единственный выход—общественное рабство и абсолютная общность имущества. Тем, которые указывают, что люди не равны в силе и способностях, Дезами отвечает, что это неравенство—“результат общественного положения, извращенного и макиавелистического воспитания, долгого рабства, которое висит над всем человечеством в течение стольких веков”.

Но дело не в политических правах. Когда аббат Сибес говорит, что люди могут быть не равны в средствах, но отсюда не следует, что они должны иметь также неравенство в правах, то он совершенно неправильно освещает вопрос, ибо дело не в политических правах, а именно в неравенстве имущества,—утверждает Дезами. Поэтому он обращается с критикой не только на Сибеса, но и на ее симонистов, которые провозглашали лозунг: “искому—по его способностям, всякой способности—по ее делам”. Этот лозунг ведет, конечно, только к новому неравенству и новой аристократии.

Только общность имущества, обязательность труда и распределение по потребности может привести к счастью человечества.

Как же будут жить люди в будущем обществе?

В будущем коммунистическом строе люди будут жить в отдельных коммунах. “Известное количество коммун образует провинции, известное количество провинций—республику, республики будут объединены в одну великую всечеловеческую коммуну”⁵⁾.

Но коммуны должны быть безусловно равны между собой и устройством и пространством, и удобствами и пр.—иначе равенство между людьми не будет достигнуто.

Современные столицы, города, местики, деревни должны исчезнуть. Но Дезами выносит замечание против Руссо и Буонарроти, которые считают необходимым уничтожение городов. “Какется—говорят Дезами,—что Руссо и Буонарроти хотят превратить мир в деревни”. На самом деле, это не будет: коммуна будет обладать всеми коммунизованными производствами города и деревни”⁶⁾.

Я не буду останавливаться на описании коммуны, которая построена у него по последнему слову техники, в которой есть галлереи-улицы, летом открытые, а зимой отапливаемые, которые расположены фонтаны зелени, лесов, в которой проходит прекрасная система прогулки и пр.

Построение коммуны Дезами напоминает фаланстеру Фурье, с некоторыми дополнениями, произведенными из заповедной техники. Описаны скрупулезно подробности устройства коммуны. Дезами дает в приложении к своей книге типично вычерченный план, наглядно представляющий эту подлинную комбинацию из города и деревни, со всеми преимуществами культуры, о которой сказали выше. Вот описание жилья снаружи: “Килище будет расположено в центре коммуны, по краям будут находиться земли высокой культуры, виноградники, поля, рощи и леса, и т. д. впереди, в стороне от здания, будут расположены фруктовые сады и огороды, затем немного дальше пойдут парки, рощи и другие природная растительность; наконец, ко дворцу будут вести четыре великолепных аллеи... Здание коммуны так построено, что образует двойной квадрат. Во внутреннем квадрате расположен прелестный цветник. Во втором квадрате—общирный

⁵⁾ „Code de la communauté“, стр. 13.

⁶⁾ Ibid., стр. 31.

⁷⁾ Ibid., стр. 37 вниз.

сдел. Таким образом воздух будет особенно чист и проникать во все части здания...

И мешающим квадратом расположены залы для отмашек, кухни, театр, библиотека, музей, клуб для дискуссий. В большом квадрате магазины, мастерские, школы и частные жилища¹).

Каждому взрослому дается три коммюни: 1) салальная, 2) научный кабинет, 3) маленькая лаборатория. Мебель передвижная и удобная².

Интересное распределение слаг во всемирной коммуне. Продукты, вырабатываемые коммунами, собираются в зернохранилища, склады и пр. Одним из главных коммун направляют центральному управлению всеми коммунами бюджет на всех своих уровнях, производя продукты промышленности и прит. Управление собирает все бюджеты, чтобы оценить все богатство и сравнять богатство и потребности каждой коммуны. В каждой части этой коммуны ведется счет того, что она имеет, и того, что ей нужно. Управление по этим счетам распределяет равномерно продукты между всеми коммунами. Таким образом не надо будет ни министров, ни министерств, ни «чиновников». Всех коммун, которые образуют всемирную общность («общинники») не будет частной собственности; нет различия между отдельными гражданами коммун. Сохраняется только один вид собственности: каждому лицу индивидуально принадлежат только те вещи, которыми он пользуется³). «Все люди будут жить, как брата, независимо отраси, цвета и климата»⁴.

Всех институтов и установлений будущего строя, при распределении, установлении каких-либо прав, а, в особенности, при воспитании, будет называть «из всех душ и сердец маленькая помощь, малейший намек на господство, привилегию, премиальство, первенство, предпочтение, единим словом на всякое исключительное право»⁵.

В этой коммуне, где царствует труд, всякая трудовая функция, имеющая целью общественную пользу, обильствуется «общественной функцией». Коммуна провозглашает их всех единаковыми «потребителями».

Таким образом коммуна Дезами — это, прежде всего, наречено труд. Труд, который французским материалистами, прельчами буржуазной революции, а также английской классической политической экономией в эпоху буржуазного Стюарта и Шелла производительное единственно достойное общества и человека функцией, единственный закон «богатства народов», был наложен из общественных наук апологетами буржуазии в ту эпоху, когда пролетариат начал уже угрожать ее могуществу, ее праву на прибавочный продукт, и стал знаменем пролетариата, знаменем всех социалистических и коммунистических школ эпохи 40-х годов.

Однако ни одна из этих школ не довела этого принципа к необходимости труда до его логического конца. Если Адам Смит, ставший с точки зрения буржуазии-революционера, труд, подобен и чиновникам непроизводительным трудом, был убежден, что торговец и купец предприятия занимаются трудом производительным, то эта точка зрения была прогрессивна для его времени. Потом такая же точка зрения была у Сен-Симона и Фурье (у последнего надо учесть

ненависть к торговцам, ненависть имевшая корни больше в личных переживаниях Фурье — точка зрения, которая может быть отчасти оправдана тем, что в эпоху реставрации буржуазии и пролетариат едином фронтом боролись против попыток возрождения феодализма. Но уже совершенно реакционной надо признать эту точку зрения у сен-симонистов и у фурьеистов.

Дезами в этом отношении идет впереди современников. Разделяя вместе с Фурье ненависть торговцы и спекулянты, ненависть, вполне понятную, если вспомнить тот ажиотаж, та биржевая горячка, которая охватила буржуазию, обогащавшуюся за счет пролетариата. Дезами считает, вообще, всех предпринимателей, всех собственников, всех чиновников буржуазного государства, всех служителей религиозного культа парижанок, которых живут за счет крови и сорока рабочего класса, это — «замиры, «Пернатая банды», которая должна быть уничтожена».

Даже Кабе не прочь в этом отношении, во избежание революции, временно призвать буржуазию, обложки, аранда, с высокими налогами, в относительно уничтожении служителей религии у Кабе, вообще, нет речи, так как он считает необходимым возвратить христианство. Дезами среди тех, которых исчезнут в коммунистическом строе, прежде всего считает коммерсантов, предпринимателей, священников, армян, судей и чиновников.

По его мнению, выплаченная система собственности не что иное, как система «запирания, привилегии, силы, обмана, монополии, гнета и пр. Так же неизменно и прочно дети коммунистов опицательны старшим, эксплуататором и разрывщиком фабрикуют закон умеренности в общественной морали: кухня беззадельников задыхается от пресмыкания, то время, как рабочий есть свой кусок черного хлеба, облитый липкими потом и слизью⁶.

Конечно, напрасно стали бы мы искать у Дезами теоретической якори в этом вопросе. Извиняя классовой непримиримость, Дезами не дает моста в своей коммуне капиталистическим прагматам, для этого ему не надо много теоретизировать — параситизм буржуазии блокирует в глазах.

Мы увидим дальше, что Дезами не совсем явно представлял себе, что такое пролетариат; но краем мозга, формулировал различие между пролетариатом и буржуазией непримиримо. Но нужно пропустить во внимание, что в Париже даже в эпоху Коммуны 71-го года пролетариат премиально пролетариат, что Франция представляла собой не «то, что, но премиальству, страну с жаждой крестьянской собственности»⁷.

Было бы интересно знать то, что Дезами в произведениях трудового принципа венчал впереди своих современников, что он был пессимистичнее их, что его мировоззрение является более пролетарски выраженным и, следовательно, как правильно выражался Маркс, «боге научный» для своего времени?

Г. Зайдель.

Продолжение следующим.

¹ «Code de la communité», стр. 40.

² Ibid., стр. 54.

³ Ibid., стр. 275.

⁴ Ibid., стр. 275.

⁵ Ibid., стр. 275.

⁶ Ibid., стр. 275.

„Neue Zeit“, в „КампГен“, в „Архиве“ Грюнберга, в „Профсоюзении“, „Современном Мире“ и т. д.). Но все эти статьи посвящены одной теме: „практической и теоретической деятельности обоих основоположников научного социализма—Маркса и Энгельса“. Однако, сама трактовка учителей дает возможность автору начать дело критического пересмотра истории рабочего движения и социализма в различных странах. Д. Б. Рязанов имеет в виду уничтожение литературных легенд, связанных с историей марксизма и социализма, пытаясь положить основание научно-историческому анализу марксизма. Выяснить „то, что было“—такова задача, которую ставит себе Д. Б. Рязанов. И если в области исторической науки во имя этой задачи прежде всего обратились к „документам“, то и при изучении истории марксизма рано или поздно необходимо выяснить „весь картину интеллигентской деятельности, все составные элементы великого творения, и все результаты их (М. и Э.) научной, политической, организаторской повседневной работы, которая шла рука-об-руку с самой интенсивной теоретической работой“. Вот почему Д. Б. Рязанов отмечает в предисловии к „Очеркам“: „выводы, к которым я пришел в результате моих исследований, основаны не только на критическом пересмотре имеющегося уже печатного материала, усвоенного мною, однако, от внимания различных марксоведов, но и на огромном и хроническом материале, разработанном мною впервые“. Этот же богатый архивный материал лежит в основе его популярных лекций. И не удивительно, конечно, что подобный метод исследования привел к разногласиям между Д. Б. Рязановым и историками—немарксистами и марксистами. И в споре с Ф. Мерингом автор выступает „смиссионским стратегом марксизма“, но защищая тезиса Маркса от друзей и врагов заимствованных у него в результате строгой проверки исторических документов.

Не может подвергаться сомнению значение подобного метода исследования истории марксизма. Он дал возможность тов. Рязанову разправить ряд ошибок исследований, ему принадлежит также научная постановка вопроса о происхождении „Коммунистического Манифеста“, он впервые дал возможность критически отнести к вопросу о борьбе между бакунизмом и марксизмом в I-м На-ле „Архивная краса“, как сам себя называет автор, благодаря своему удивительному ригоризму в отношении к историческим документам, он дал нам возможность заглянуть в лабораторию творчества Маркса и Энгельса. Стоит только вспомнить его последние изыскания в этой области (см. „Вестник Соц. Академии“ № 6). „Очерки“ дают нам представление о ряде литературных работ Маркса и Энгельса, которые Рязанов впервые извлек из „пыли забвения“.

Особенности метода исследования Д. Б. Рязанова не только в строгом документализме, но и в установлении органической связи между марксизмом и Марксом, как личностью. Биограф-

Две книги

о К. Марксе и Фр. Энгельсе.

Две книги Д. Б. Рязанова: „Маркс и Энгельс“ и „Очерки по истории марксизма“ безусловно ценные вклады в русскую марксистскую литературу. Мы преимущественно занимались в годы революции популяризацией марксистского знания, но следует признать, что эта популяризация далеко не всегда соответствовала последним выводам науки. Читатель-пролетарий получал из вторых и третьих рук часто весьма устаревшие и далеко не всегда доброкачественные. Немногочисленные знатоки Маркса в России заняты революционной практикой и не смогли им проложить разработку марксистской теории, ни популяризацию ее. А наши наль-ва, „утубили“ беду, сказали пока весьма мало для того, чтобы дать русскому читателю работы талантливейших наших марксистов, рассеянные повсюду, повсюду бытые, а еще более разбросанные новому читателю. Все эти причины и делают книги тов. Рязанова литературным событием особой важности.

„Маркс и Энгельс“—лекции, читанные автором на краткосрочных курсах по марксизму при Соц. Академии. Лекции были рассчитаны на пролетарскую аудиторию (на курсах было выше 80% пролетариата со значительным партизанством и еще большим практическим стажем). Задача лектора сводилась не только к изложению биографии Маркса и Энгельса, в узком смысле,—необходимо было также дать суждениям, представлениям о революционном движении XIX-го века, ожиданиям,—читаем мы в предисловии,—жизни и деятельности Маркса и Энгельса, как революционеров*. Книга написана чрезвычайно популярно, поскольку это позволяет предмет лекций.

Вторая книга—„Очерки по истории марксизма“—сборник статей автора, рассеянных в различных немецких и русских журналах в

фия основоположников научного социализма трактуется не только в свете социальной среды и звена их деятельности: автор ставит себе задачей выяснить долю их индивидуальности в работе. «Одной из важнейших задач современной истории является научная биография Маркса и Энгельса, которая исследованием образом поощрила бы всю их деятельность—теоретическую и практическую, которая объяснила бы нам их личности, как из индивидуальных особенностей, так и из воздействия исторической среды—понимая под последней самые различные ее ступени, начиная с непосредственной и кончая всемирно-исторической, которая нарисовалась бы развитие во всех фазах ил мироустройства, одновременно сделавшегося господствующей теорией международного рабочего движения». Эта задача научно-марксистской разработки биографии сама по себе задача огромной важности. Если устаревшая и достаточно вульгарная теория роли личности в истории, герой—автентичный исторический процесс, сменилась строго научным представлением о последнем, как о естественно-необходимом процессе, то «там отнюдь не был разрешен вопрос о доле и форме соотнесения личности в истории. Вопрос был только правильно поставлен. И попытка методом марксизма оставил показать, что „линзами“ исторический процесс во всем его своеобразии, в той форме, как он наступает уже в комплексе линий имеющих место отношения и события, может быть вполне понят и объяснен память линии в том случае, если мы в состоянии будем понять и его первоначальные факторы” (Д. Рязанов). Еще не наступило время, когда бы можно было бы написать письмо в эту задачу. Необходимо собрать все материалы, чтобы так, а не иначе написать биографию первых марксистов.

Неудивительно поэтому, что Д. Б. Рязанов много внимания уделяет „защите“ и выяснению отрывочных эпизодов из жизни Маркса. Стоит ли в самом деле тратить так много сил для опровержения анархистской сплетни, изображающей Маркса, как истинного злодея, Бакунина, как „всевидящего ученика“? Стоит, отвечает Д. Б. Рязанов. Надо противопоставить „отку Маркса“—„тике Бакуни“— надо вышибать оружие из рук анархистов. Но, заборясь о высоком личности Маркса, он пользуется материалом биографическим, чтобы развернуть пред нашими историко-Ильинцоновыми и борбами течений в нем. Таким образом метод документации и научной, марксистской трактовки биографии М. и Э. делает особо-ценными книги Д. Б. Рязанова.

Этим путем ведутся основы новой научной дисциплины—марксоведения. Марксизм, прежде всего метод, метод диалектического монизма. Он дает нам возможность не только уничтожить пропасть между наукой о природе и обществе, он единственный гарант, что механического, а синтетического объединения научных дисциплин в единую систему знаний. Тем самым марксизм из метода последней

превращается в мировоззрение. Его основная отличительная особенность не только монизм материалистический и диалектический, но и революционный практицизм. Марксизм не только должен обличить мир, но и изменить его. Марксизм впервые таким образом превращает политику, в широком смысле слова, в науку. Вот почему выяснение генезиса, развития и сущности марксизма не должны быть разделены между многочисленными научными дисциплинами, но имеют право на самостоятельный трактовку и изучение. Именно в этом значении работы Д. Б. Рязанова и интерес ее книг. Ею лекции при этом выполняют еще и ту задачу, что популяризуют необходимость полной дисциплинаризации. И мы смеем утверждать, что практическая и достаточно широкая постановка науки о биографии и учении Маркса и Энгельса (а также Ленина), в наших компактных, паратиповых, рабочих и т. д. послужила бы для изживания того „академизма“, на который надеются теперь многие.

И прежде всего, о личности Маркса. «Чудовище обло, зловонно, словно и лягушка»—таковым изображают его противники. У Маркса же сердца, ни грани этикета». Если некоторые марксисты не разделяют вполне этой точки зрения, то они во всяком случае готовы признать, что знаний было его господствующей чертой. Маркс и Энгельс не были антилами и не нуждаются в подделке под таковых... Они выносят саму неопровергнутую истину, самую беспощадную критику, она не нуждается в пощаде. Маркс неизменно сантиментальность, и на замечание бравого офицера Телова о том, что у Маркса много ума и мало сердца, отвечал в книге о Фокте: «Тех, много говорящих по поводу моего „сердца“, я великодушно откажусь следить за ним в эту область. „Не разбрасывай разогрева“, как выражается парижская газетка, когда друг ее начинает говорить о политике». Маркс терпит не свою позу и фразу. Он геройски жертвует собой в интересах дела, не афишируя свою жертвенность. Меткую характеристику Марксу дал Энгельс в одной сатирической поэме (1842 г.), посвященной Европе Бауму:

Кто мчится вслед за ним, как ураган стеною?
То Травя черный син с неистовой луной.
Он не идет—бежит, нет, настиг лавиной.
Отчаян дерзостью снарядят взор оранжевый,
Л руки он пр-стор взволнованно вперед,
Как бы желая низа обрушить побои сюда.
Скими кулаки, борец иустомный,
Все время мечется, как бесом одержанный.

И когда Маркс в своей „исповеди“ отмечает, что его отличительная черта „единство цели“, что счастье для него—в борьбе, а несчастье в подчинении, что его любимый лозунг—„подвергай все сомнению“

ни», что больше всего он ценит в людях простоту и неподдельное уединчество—он дает нам прекрасную характеристику своей личности. И прав тов. Рязанов, когда, ссылаясь на письмо Маркса к Энгельсу от 31 июля 1865 г.: «Я не могу решиться отослать что-нибудь пока весь труд («Капитал») не будет лежать перед мной готовым. Какие бы недостатки ни имели мои работы, их достоинство заключается в том, что они представляют художественное целое, и этого я достигаю тем, что никогда не начиная их, пока они не лежат перед мной целиком!» — замечает: «то же самое можно сказать и о всей жизни Маркса. Каковы бы ни были его недостатки, она представляет редкое по своей красоте художественное целое, равное которому трудно найти в истории человечества». Дружба М. и Э. делает это «целое» еще более прекрасным.

Эта дружба нечто исключительное. Энгельс точно устанавливает долю своего участия в совместной работе, а Маркс всегда подчеркивает значение советов и помощи Энгельса. После смерти Маркса, Энгельс не только принял в порядок и дал нам богатое Марковое наследство, его «Лайт-Доргин» остается выдающейся книгой, разъясняющей основные начала марксизма.

Марксизм формировался постепенно на протяжении десятилетий, поэтому для выяснения его развития следует проследить историю немецкой общественной мысли первой половины XIX и. Прежде всего должно, по мнению тов. Рязанова, представлять дела так, что малый фабрикант Энгельс проявил особый интерес к экономическим и социальным проблемам, а Маркс — к философским. Уже в 1842 г. он занимался один и те же духовные интересы, при чем Ф. Энгельс, правда, не покончил еще своих счетов с христианством и ему, а не Бакунину, принадлежал блестящая критика последней фазы в развитии философии Шеллера. Мы знаем, что Маркс и Энгельс через Фейербаха пришли к марксизму. Но путь от левого гегельянства к марксизму был сложен, потому что было не только выяснить социальную сущность человека, следовало также найти путь к «массе», к «народу». Именно это было переломным моментом в истории марксистской философии, в отличие от братьев Базуров, которые, «изобретя, усмотрели причину этого брака (крупнейшего в 1842 г.) в том, что философия в том же 1842 г.—вышла из своего разреза и апеллировала к «массе», которая» — и это доказывалось равнодушением последней при запрещении «Рейнской Газеты» и «Немецкой Литературы»—, «позворами образом изменила своим вождям». Но впасть в «массу» рягах исторического процесса далеко еще не значит марксистски трактовать процесс общественного развития. Следуя формулировке Д. В. Рязанова, будучи политиков радикалов, заточившихся уже в 1843 г. в противоречие между «политической» и «социальной» революцией, Маркс пишет около 1845 г. находит решение вопроса о соотношении между социализмом и политикой. Маркс выдвигает учреждение идеи пролетариата, как авангарда этих масс, он формулирует идею партии этого авангарда, отличной от всех остальных группировок рабочего класса. Это отличие в том, что комартина защищает интересы пролетариата в целом, а не отдельных частей его. Однако, прежде чем кристаллизовалась эта идея, основоположники научного социализма прошли пологу серьезного увлечения «истинным социализмом». Особенно Энгельс с большим трудом порвал идеологическую связь с «утопическими социалистами». Выяснение этого вопроса Д. В. Рязанов уделяет несколько интересных страниц своей книги. Именно к этому периоду относятся утверждения Энгельса, что «в Германии, более чем где-либо, можно надеяться на утверждение коммунистической партии среди образованных классов». В одном из своих писем к Марксу Энгельс пишет (17 марта 1845 г.): «Буржуазия политизирует и ходят в первых, а что делает пролетариат — мы не знаем, да и я вряд ли можем знать». К этому, примерно, периоду относится также письмо Энгельса из Парижа, где он дает яркую картину успехов утопических идей в рабочих немецких кружках и с печалью отмечает: «И глупые рабочие — говорят на немцах... — верят в этот пиджак, который с трудом могут втащить в бутылку, чтобы ветром собрались в кабачке, хотят из своих сбережений скупить все Франции... Право, поплыть можно от злости. Самая бес смысленная фраза имеет для них больше смысла, чем простой факт, использованный в экономической аргументации. Не говорю ли это, что еще приходится выслушивать против такой парижской небылицы?.. Но, если раньше Энгельс находился еще в пленах некоторых иллюзий «истинного социализма», то в 1846 г. он был уже свободен от этих иллюзий, он находит теперь помощь рабочим основываясь на идеях Грефа, однако он все еще не связался с рабочими массами, не нашел пути к ним. Но установить связь с массами возможно было лишь в практической революционной работе. Этой работе основоположники коммунизма и привела к созданию «Союза Коммунистов» и его «Коммунистического Манифеста».

Здесь Д. В. Рязанов уничтожает одну из широко распространенных версий о происхождении «Манифеста». Обычно дело изображают так, что существующая в Лондоне «Союз Справедливости», уединившаяся в превосходстве взглядов М. и Э., пригласила их написать Манифест. Эта версия не соответствует действительности. «Союз Коммунистов» был объединением новых, возникших «корреспондентских концепций», которые на съезде в ноябре-декабре 1847 г. поручили написать Манифест. Можно, утверждает Рязанов, представление о Марксе и Энгельсе, как о людях, стоявших в стороне от этого движения.

В «Чернцах» помещена также статья о «Марксе и русских лицах 40-х гг.». Мы не будем подробно останавливаться на разборе этого очерка, он появился еще раньше в виде отдельной брошюры. Д. В. Рязанов задался целью,— и это одна из первейших заслуг

его,—не только проследить развитие марксизма на Западе, но и в России, у его истоков. Почему Маркс до 60-х гг. относился, если не пренебрежительно, то очень скептически и недоверчиво к «империалистической России», будучи врагом официальной России. Автор показывает нам, что те русские люди, с которыми Маркс встречался на Западе, не могли ему верить доверия к русским «демократам-туркестанцам»; они же, по словам И. Давыдова, считали отсталыми тех, кто «одинаково смеялся на какой-либо «одной идее», если они бросились на самые крайние идеи, то только потому, что... для них это просто токое лихомство». (Маркс и лучшие среди них Сазонов, чрезвычайно ненавидящий Маркса, обличив себя его сторонником, различно выглядели, иначе общего с марксизмом не имеющие). То же явление и в других. Толстой был удручен в прокоговорстве. При всей популярности Маркса в России, где еще в 1900 г. его имя значило среди наиболее авторитетных экономистов марксизм, неизвестно чисто индивидуальное влияние и кристаллизовалось только в случайных выражениях. «Оно не вполне определенным звуком в дальнейшее развитие русской общественной мысли и никакой преемственности между „марксизмом“ Анищенко и Боткина и современным—нет и не может быть». Таковы выводы Рязанова.

Если автор книги по истории марксизма дает нам много интересного материала для эпохи до 1848 г., то еще больше ценнего мы находим в книге для эпохи после 1848 г. В своих лекциях Д. Б. Рязанов обильствует нам поведение Маркса и в революции 1848 года. К сожалению, мы вынуждены для краткости пропустить многое из этих интересных страниц. Остановимся на эпохе 30-х и 40-х гг., участия Маркса и Энгельса в «Нью-Йоркской Трибуне», «Нью-Йоркской Прессе» и «Новой Олдерской Газете». Здесь автор извлек из неизвестности ряд важных документов по истории марксизма и для биографии Маркса. После 1848 года Маркс в Лондоне пережил тяжелые годы. Ее семья голодаала, он вынужден был откладывать от своей основной работы над «Капиталом», чтобы «подработать» на стороне о моральных и материальных уловках «от работы дают представление следующие строки из письма Маркса к Фигнеру. «Всюду гуанско быть обиженным на то, чтобы считать счастьем, если подобные письки берут тебя в свою ладу». Тогда же, перемалывать их и ворить из них суп, как то делают повари в рабочем доме—такова же политическая работа, на которую я осужден в этой компании. Вместе с тем, я чувствую себя ослом за то, что—правда, не в последнее время, во в предложении—многих лет—давал так много этим москвичам, слишком много за их деньги!.. В «Нью-Йоркской Трибуне» были помещены статьи о революции в Германии, написанные, как показывает Д. Б. Рязанов, Энгельсом на основании статей Маркса в «Новой Рейнской Газете» и его заметок. Здесь там был им ряд исторических статей, а также обзор международного положения и специально статьи по

восточному вопросу. Последние статьи были результатом совместной работы М. и Э. Но статьи о боязни Гладстона, о господстве англичан в Индии, о Пальмерстоне принадлежали перву Маркса. В связи с русско-турецкой войной был помещен Марксом ряд военных статей Энгельса, которые возбудили всеобщее внимание, и публика решила что их автором является американский генерал Николаус Скотт. Затем на эту же тему писал и в «Путгемском Обозрении». Перу Маркса и особенно Энгельса принадлежал ряд статей против панславизма. В связи с ним они начали изучать шведский, румынский и балканский вопросы. Но ни одна из этих статей не появилась в «Трибуце». Не мало интересного печатали, а еще больше писали в этот период М. и Э. и для других органов. В «Бенкской Прессе» Маркс поместил блестящую статью об американской гражданской войне. Он писал также об английской хлопчато-бумажной промышленности, о продвижении русских в Азии, о мексиканских делях и т. д., но далеко не все было напечатано. Уже эти несколько строк должны показать, что работу проделал Рязанов для установления литературного наследства М. и Э. и что еще предстоит сделать в этом области.

Переходим теперь к «очеркам», писавшимся И-му Интернационалу, первое взаимоизменение между Марксом и Бакуниным. Мы знаем, что анархистские историки (Гильом, Неттлеа, Брунхар) пытались изобразить Маркса как дезорганизатора и виновника раскола Интернационала, а Бакунистам как оклеветанным Марксом. Меринг пытался выгородить Маркса, но при этом не отрицал некоторую вину его, хотя и приводил ряд «смягчающих» обстоятельств. Д. Б. Рязанов пытается выяснить сущность и происхождение анархистской легенды для того, чтобы, как он пишет в ответе Мерингу, обезоружить анархистов и установить нравственную чистоту Маркса. Легенда имеет свою историю. Еще в «Новой Рейнской Газете» появилась заметка корреспондента о циркулирующих слухах в связи с Бакуниным, о русском агенте. Маркс утверждал, что корреспонденция была помещена с целью дать возможность Бакунину рассеять клевету. Маркс поместил все посланные ему опровержения и разъяснения. Второй эти связи с поднятым в «Morning Advertiser» Уикарта вопросом: был ли Бакунин русским агентом или нет? Но ни Маркс, ни «марксисты» не признавали в это время никакого участия в «Morning Advertiser». И инициалы Ф. М. под заметками о Бакунине были псевдонимом Френсиса, а не Карла Маркса. Последний считал иниц. зиат, связанный с «Н. Р. Газетой», явно искаженным и писал 26.II—1862 г. Энгельсу: «Прилагая при сем донес подпись против Бакунина, с которым я не знаком...» Бакунин, однако, не считал инициат искаженным и в опубликованием Д. Б. Рязановым письма Генриху мы увидим о лицемерном поведении «опровергнутого», который хвалил Маркса для того, чтобы перейти в наступление и звать открытую войну с ним. И уже в ходе борьбы распространяется легенда о «жизнестранке» Марксе. Д. Б. Рязанов проделал ог-

романную архивную работу и обнаружил, что ссыльные историки архивисты ходят на документы должны, что они не читали документов, которые они цитируют. Сир-бор загорелся из-за следующих строк из письма Бакунина в «Локните» за 1869 г.: «Как видим, сам Бакунин выставляет себя защитником панславизма. Лишь непонимание славянских дел и ненависть ко всякому движению могли бы считать его русским „шиловым“, состоящим из жалованья у петербургского правительства». Таким образом «легенда» оказывается сочиненной из пустяков, и това. Рязанов замечает: «можно только угадывать эту образуемую склонностью и деловитого изложения» и «преступному легкомыслию», с какими столь «суровым» приговор (Марксу) произносится на основании несочувственных статей». И, наконец, последнее звено этой «истории», дело о конфиденциальном сообщении Генерального Совета Интернационала. Мы не будем останавливаться подробно на этом эпизоде, хотя он имеет не один только биографический интерес и служит лучшим доказательством, как скверно дело обстоит с марксоведением. Этот очерк Рязанова дает не мало также материала для выяснения вопроса о подготовке раскола, об организационной работе бакунистов, и о самом Бакунине. Рекомендуем читателю прочесть два письма Бакунина из стр. 233 и 278, чтобы видеть «отца анархии» в роли яркого антисемита. Для Бакунина «еврейский мир в большей своей части находится в настоящее время с одной стороны в руках Маркса, а с другой стороны — в руках Рогачильева...». И если с первого взгляда кажется, что на выяснение личного, незначительного вопроса автор отдал слишком много внимания, то по ознакомлению с архивами материалом, приведенным для выяснения истини, мы получим много и для выяснения борьбы в Интернационале между марксистами и бакунистами.

Нельзя обойти молчанием статью: «Маркс и Энгельс, как шахматисты», посвященную Ю. Гарденину (Чернову), не «злостному кинисту», но «злостному клевете на революционный социализм». Гарденин, желая инкарнировать Маркса, пытался доказать, что основоположники научного социализма были шахматистами в эпоху франко-пруссской войны и что социал-патриоты их близкайшие ученики. Эту жалкую политику разоблачает Д. Б. Рязанов и опять-таки имеет дело с документами, вновь найденными или воспрещенными из забвения. Считал ли Маркс франко-прусскую войну оборонительной стороны Пруссии? Ответает цитируемое Рязановым письмо Маркса письмо 4-го сентября: «Франция... и ее дело, и счастье, однако еще не безнадежно... сражается в настоящее время не только за свою национальную независимость, но и за свободу Европы». Маркс и Энгельс прекрасно понимали историческое значение сухой прусской победы не только для Германии, но и для всей Европы. Они пророчески указывали на неизбежный, как последствие войны, союз Франции и России, который превратит Германию в вооруженный лагерь, заставит ее готовиться к оборонительной войне, но не нивелировать ее

национализированной войне, а к войне рас, к войне с союзниками славянами и романцами... М. и Э. надеялись, что Франция сможет отстоять себя в борьбе с Пруссиями. Этую борьбу они связывали с победой народной Франции и верили в возможность революционирования Германии.

Ю. Гарденин пытался доказать, что Маркс и Энгельс мешали созданию Коммуны. Это очередная выдумка опровергнута Рязановым. В Манифесте к франц. рабочим от 9 сентября 1870 года Маркс писал: «Французские рабочие должны выполнить свою гражданский долг, и они делают это, но они не должны дать себя ослепить национальными требованиями 1792 г., как франц. крестьяне дали себя ослепить национальными традициями первой Империи. Они должны не реквизитуировать прошлое, а строить новое будущее». Республику следует им использовать для создания своей классовой организации и для освобождения рабочего класса. Об отношении Маркса к Коммуне мы знаем также из его письма к Кутельману от 12 апреля 1871 г. Это письмо должно быть, как лягушка, на-зубок известно каждому коммунисту-марксисту. Маркс называет коммунаров «шеббиорами», он вместе с тем дает точный анализ ошибок Коммуны, а письмо Кутельману от 12 апреля 1871 г. показывает так: «Как бы она ни кончилась, теперь завоеван новый исходный пункт всемирно-исторического значения».

Мы указывали выше, что Д. Б. Рязанов занят не только изучением истории марксизма на Западе, но и в России. Он пытается любой вопрос европейской революционной мысли рассмотреть в свете формирования европейского марксизма. Подобный метод может дать и дает наилучшие результаты. Очерк «Две пряди» (народничество и марксизм) трактует вопрос, который подвергался блестящиму раскрытию такими мастерами, как Плеханов, Ленин. И если Д. Б. Рязанов не вносит ничего нового, то во всяком случае дает своеобразное «сочинение» его. Между «старой» и «новой» Россией нет пропасти.

По какому пути подает Россия? «Пореформенная Россия была краевым детинцем, плотью от плоти и костью от кости России до 1861 года». Умудренные опытом мы в пылу спора и как победители смирились над семидесятиками. Надо стать в этом вопросе на историческую точку зрения. Надо понять «субъекта и вида» трагедии тех, кто подобно народникам часто чувствовал неизбежность капиталистического пути для России, но стремились избежать этого пути, не допустить его победы в стране. И делали они это, по словам Н. Михалковского, «не по управлению, а по тому же убеждению, по какому человек никогда бросается в воду спасать засохшего подлежащего спасения утопающего, с риском самому утонуть». Да, замечает Д. Рязанов: «мы ошибались, но субъективно они были правы». Нам не следует присоединяться к тем, кто забрасывает грязью это поколение татанов. Как будто несколько странная постановка вопроса! Д. Б. Рязанов прекрасно понимает неизбежность трагедии этого титанического

поколения, он разделется вместе с марксистами победе новых идей, из он биограф, и это наиболее ярко сказалось в этой "субъективно-постоянно вопроса о народничестве. Однако мы в указанном очерке имеем и достаточно яркую марксистскую трактовку общего вопроса о борьбе марксизма с народничеством.

Поколение тех, для кого "жизнерадостная проповедь личных счастья" разделялась из казематов Петровалковской крепости", смирилось поколением ищущих примирения, "правды-истины" и "правды справедливости". В их идеологии вошли, как составные элементы, и антроподогмат Феллерах из Н. Чернышевского, и Д. Добролюбова и П. Лазарева, и учение о самочуждающейся личности, вошло же салевское построение идеи рабочего сословия, приложенное к русским условиям, идея службы народу. Д. Рязанов цитирует забытое указание Добролюбова-Макриенчика: все, что Лассаль говорил о рабочем сословии, мы перенесли на крестьянство, являвшееся для нас наших обездоленных четвертым сословием... и не без основания утверждают, что элементы народнической мысли были выработаны в Западной Европе еще до 1844 г. Русское народничество и достигло желанных результатов и вскоре пред интеллигентией сыграло трагический вопрос: все для народа, но через народ ли? Без народной революции ни к кому не приведет, а народ не хочет этой революции! В свое время и перед германской интеллигентией стоял тот же вопрос, как примирить "мнения" народа с его "интересами"? С того времени последних Маркс начал расширять ход общественной жизни, он нашел класс, понял желанные законы истории, ведущие его к победе, он увидел путь его "качественного" роста, он обрел форму под ногами, субъективный идеал принял в соответствие с объективным ходом вещей. Русская интеллигентия увидела спустя много лет подобно западно-европейской, что "ограниченность человеческой мысли каждой отдельной эпохи возле нее есть безграничность исторического развития", она поняла, как следует объяснять мир и как надо приступить к его изменению. Тем самым "правда-истина" и "правда справедливость", так долго жившие в разделе между собой в теории и на практике слились в одну двусмыслицу "великую правду". Мы повторим, если в этой статье нет ничего нового, то субъективный подход, скажем, подход биографический, не лишен интереса и своего обрамления.

Большой интерес представляет последний раздел "Очерк поиских взглядов М. и Э. на внешнюю политику, области знаний и разработанной. К сожалению, мы не можем здесь подробно остановиться на разборе и издожении этой части книги. Статья "Англо-русские отношения" очень К. Маркса" — центральная в этом разделе. Русский царизм сыграл решающую роль в событиях 1848—1849 гг. "Царь стоит перед воротами Тории", — письмо Н. Ильиной Газеты, и это должно было служить, как моменто моти. Борьба с Россией стала решавшей задачей революционной демократии. Но, позже

ческое порабощение континентальной Европы Россией, по словам Маркса, дополнялось экономическим порабощением ее Англией*. Вот почему Маркс и приступает к изучению истории международных отношений Англии и России с XVII—XVIII ст. Основной вывод Маркса, что "империя" или фантом "империи" мог распространиться только благодаря поддержке Англии. Маркс дает мастерски художественную картину развития русской дипломатии в связи с историей страны. Продал выводы его стороны. Д. Рязанов дал нам критический разбор взглядов Маркса на историю России. Он показал, что Маркс не учел в достаточной степени ее внутренних социально-экономических процессов. Маркс переоценял роль внешних факторов: татарского ига и капиталистического влияния Англии. "Не в славном варварстве норманнской эпохи, а в кровавом болоте монгольского рабства привыкли носить колыбель Москвы. Современная Россия, ведь, только метаморфозой былая Москва", — уверял Маркс. И дальше: "Дальнейшая история покажет нам, что ханы Золотой орды не в большей степени были орудиями для выполнения планов Ивана III и его предшественников, чем Англия — орудием Петра и его преемников; планы которых она помогала осуществлять". Подобная постановка вопроса, по словам Рязанова, способствовала установлению недраильного взгляда Маркса на русский абсолютизм, как на нечто неизменное. Маркс "просмотрел тот факт, что Россия была одной из главных колоний капиталистической Англии в XVI—XVIII вв.", что в XVIII в. на вывоз из России основывалось благосостояние кораблестроительной промышленности в Англии, а, следовательно, и ее торговой гегемонии в течение всего машифурального периода, что в XIX в., еще до 60-х гг., Россия была мастерской, поставляющей сырье для крупной промышленности в Англии и хлеб для ее илотов. Одним словом, он просмотрел, что коммерческое подчинение и эксплуатация (зужающих классов различных европейских наций) дескотом всемирного рынка, Англии, возможны были, между прочим, только при помощи полн. лесостоя — России". Лишь позднее Маркс приступил к пересмотру своих взглядов на значение России, но уже в связи с русским рев. движением. И тогда потеряла свое значение и схема М. Альзы З. Европы, там Азиатская Россия, здесь — революция, там — одна "европейской реакции".

Критика Д. Рязанова не лишена основания, но нам кажется, что в одном она несправедлива: она прельяет к работе Маркса требования, которые он себе неставил. Когда, в 24-й главе I-го тома "Капитала", Маркс дал гениальную характеристику эпохи первоначального накопления, многие историки его обвиняли в том, что он слишком большое значение придал "внешним" факторам, насилию, и не учел значения внутреннего социально-экономического процесса распада доминантристических отношений. Но критики не учли одноголосца Маркса была в том, чтобы выяснить роль насилия как "помывальной обрабки истории". Он в 24-й главе отмечал и внутренние про-

десты, но особенно ярко выявила роль "насилия" как революционного фактора истории. И в очерке об англо-русских отношениях не следует забывать, что основной задача Маркса сводилась не к изображению процесса роста капитализма внутри России, а к выяснению "гипертрофии государства", угнетчивости рабства и абсолютности в стране. Вот почему при всей правильности замечаний Д. Б. Ризанова, нам кажется, что он недооценил, во всяком случае в достаточной степени не выявил, значение работ Маркса об изработке англо-русских отношений; этой единственной большой работе Маркса (и марксистов вообще) по истории международной политики.

В известной связи с разобранным выше очерком стоит и глава о взглядах Маркса и Энгельса на польский вопрос. Д. Б. Ризанов пишет: "в дальнейшем и делам попытку впервые собрать воедино мысли Маркса и Энгельса по польскому вопросу". При чем, не изменяя своему методу, он ставит себе целью не столько разобрать и критиковать, сколько повествовать. Целью моей работы, — пишет он, — является исключительно стремление представить по возможности "исчерпывающее" вопрос. Мы знаем, какое значение М. и Э. придавали польскому вопросу. Еще в "Н. Р. Г." Маркс писал: "Пропасть, которую три державы выбрали между различными частями Польши, служит связью, соединяющей их друг с другом, совместный грабеж сделал их единой, друг с другом". Вот почему освобождение Польши заняло центральное место в системе международной политики пролетариата. Но какое польское освобождение? Среди польской коммунистки поддерживают партию, которая ставит аграрную революцию на обобщенном уровне национального освобождения, — ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1845 года". В 1851 г. Энгельс (когда еще раньше Маркса отставил эту точку зрения) в своем письме к Марксу убеждает его, что Польша может быть использована, как средство до тех пор, пока Россия сама не втянута в аграрную революцию. М. и Э. упорно настаивали и поддерживали всякую борьбу за независимость Польши. Для выяснения этого вопроса огромное значение имеет письмо Энгельса от 2 июня 1874 г. Энгельс пишет: "Независимость Польши и революции в России обусловливают один другого... В этом сущность эволюции взглядов М. и Э. на польский вопрос. "Польский" вопрос сделался также русским, а не только немецким вопросом".

Взгляды Маркса и Энгельса на польский вопрос имеют и еще одно значение, что дает нам возможность установить их взгляды на национальный вопрос. В своей речи на собрании 22 ноября 1847 г., созывавшемся общество "Братских демократов", Маркс сказал: "Победы пролетариата над буржуазией являются вместе с тем победой над национальными и промышленными столкновениями, которые иные враждебно противопоставляют одни против другого различные народы. Победы пролетариата над буржуазией являются поэтому одновременно и сигналом к освобождению всех угнетенных наций... Из всех стран в

Англии наиболее развились противоречия между пролетариатом и буржуазией... Польша ввиду этого будет освобождена не в Польше, а в Англии". Здесь дана классическая формулировка пролетарской национальной политики.

Мы далеко не исчерпали весь богатый материал книг Д. Ризанова, во имя которых напечатаны в заключение два слова о главе "Маркс и Р. К. И.". В 1870 г. Маркс получил мандат от русских революционеров в Женеве для представительства в Ф. Совете I-го Интера. Вскоре вышел в России рапорт о месте где-либо, перевод первого тома "Капитала". Через 13 лет Плеханов развернул знамя рев. марксизма, через двадцать лет русский пролетариат поставил проблему "заговора князей", а в 1871 г. он осуществил идею Маркса о диктатуре пролетариата. Именно в установлении значения последней для освобождения пролетариата Маркс заслужил свою главную заслугу. Р. К. И. впервые эту задачу вынесли. Таким образом коммунистическое движение является не только наследником гитаннского поколения в России, но и первым отраслью и борцом за идеи Маркса и Энгельса в мировом масштабе.

Мы остановляем в стороне ряд других достоинств книг Д. Б. Ризанова. Мы преимущественно занимались изложением, чтобы показать, какая огромная работа проделана автором для научной постановки исследования истории марксизма, жизни и деятельности Маркса и Энгельса. Обе книги должны быть поэтому внимательно прочитаны марксистами.

Ц. Фридлянд.

делии, которые захватывали внимание экономистов и политиков предыдущего периода.

Первая же часть сел.-хоз. экономики, трактующая вопрос с точки зрения нового народного хозяйства, до сих пор переживала застой. Правда, в прошлом ее заменила обширная литература по аграрному вопросу, которая давала ответы на основные вопросы политики и практики в области сельского хозяйства. Однако, теперь, когда Советская власть разрешила аграрный вопрос, потребность в экономической литературе, которая бы освещала основы сел.-хоз. промышленности и его экономику, несомненно, имеется налицо. И можно лишь только покаяться о том, что марксистская мысль еще слишком мало уделяет этому внимания.

Книга проф. Н. Кажанова «Основные положения сельскохозяйственной экономики»¹⁾ раз и пытается исполнить этот пробел и если не разрешить, то хотя бы поставить основные вопросы сел.-хоз. экономики. Следует отметить, что эта книга очень выгодно отличается от всех предшествующей литературы по сел.-хоз. экономике. И хотя автор сам признает свою книгу «схематичной», «отвлеченно-теоретической», выражаемой мысли «в отвлеченно-схематических контурах», тем не менее книга не признать чрезвычайную своеобразность и ограниченность встановленных и трактованных затронутых в ней вопросов.

По своим воззрениям Н. Кажанов примыкает к своему учителю А. И. Скворцову, пользуется его отвлеченно-научным методом, игнорирует сел.-хоз. статистику, однако, он идет гораздо дальше и затрагивает целый ряд новых вопросов (в частности, вопрос о роли финансового капитала в сельском хозяйстве). Выгодно отличает эту книгу от других монографий по сел.-хоз. теме помимо и то, что в ней удалено достаточно серьезное место вопросам труда в сельском хозяйстве, чего избегали многие экономисты.

У проф. Кажанова обращает внимание прежде всего чрезвычайно ограниченное расположение материала: его книга разбивается на разделы: 1) природа, как фактор сел.-хоз. производства, 2) техника, как фактор сел.-хоз. производства, 3) капитал в сельском хозяйстве и 4) труд в сельском хозяйстве.

Изучая природу сельского хозяйства, он приходит к выводу, что «природа претерпевает глубокие изменения под влиянием развития капиталистические отношения, которые вызывают специализацию земледелия по отдельным районам (культура льна в Сев.-Зап. области, картофеля в Костромской губ., хлопка в Туркестане и др.). Это специализация И. Кажанов называет „географической локализацией сельского хозяйства“.

До сих пор «агрономы-натуралисты» объясняли это явление все-таки природными условиями, а «агрономы-экономисты» — «плотностью населения тех или других районов, количеством рабочих рук и т. д.» в единице площади». Однако дело обстоит гораздо сложнее: в этом процессе скрещиваются более глубокие взаимоотношения хозяйствую-

Старые ошибки в новом освещении.

(О книге проф. Н. Кажанова: «Основные положения сельскохозяйственной экономики»¹⁾)

Несмотря на то, что Россия страна земледельческая, несмотря на то, что сельское хозяйство играло и сейчас играет решающую роль в народном хозяйстве нашей страны, — до самого последнего времени у нас наблюдалось почти полное отсутствие серьезной и глубокой литературы по экономике основного промысла республики. Учебники А. И. Скворцова «Основы экономики земледелия» да краткий курс лекций проф. А. Ф. Фортунатова «Несколько страниц из экономики и статистики сельского хозяйства» исчерпывали собою всю «научную» литературу в этой области.

Россия, однако, в этом отношении не представляет собою исключения — книг и пособий по сельскохозяйственной экономии почти нет и в мировой литературе. До сих пор еще не только не установлены самы предмет, объем, характер и методы этой науки, но даже не существует установленнойся терминологии. Происходит это, с одной стороны, вследствие сложности тех процессов, которые проходят в сельском хозяйстве, вследствие отсталого его характера, а с другой — по причине того, что научные и общественно-политическая мысль направляла свое внимание совершенно в другую сторону, в сторону разрешения «аграрного вопроса».

То небольшое количество монографий, которое представляет собою сел.-хоз. экономику, как науку, поражает необыкновенной нестройностью и разнообразием как содержания, так и подхода. Все их можно разбить на две части: 1) основные принципы сел.-хоз. экономии, связывающие сельское хозяйство с общей системой народного хозяйства (народно-хозяйственные основы сел.-хоз. экономии), и 2) руководство по организации сельского хозяйства, связывающие теорию сельского хозяйства с его экономикой. За последнее время литература второй категории заметно разнится, главным образом, в среде строиников, так называемого «семейно-трудового» направления крестьянского хозяйства (проф. Чайков, Брускун и др.). Это происходит под влиянием, с одной стороны, потребности в том, чтобы осмысливать и изучать крестьянское хозяйство, а с другой стороны, вследствие сознания бесплодности споров о крупном и мелком хозяйстве в земле-

щего человека и природы, он представляет из себя одну из форм материального синтетического разрешения изменяющихся диалектических отношений человека к природе, сам по себе является своего рода тезисом сельского хозяйства" (Курсив мой).

Какие народно-хозяйственные предпосылки необходимы для того, чтобы процесс географической локализации сельского хозяйства получило широкое массовое выражение, как процесс территориальной специализации отраслей и культур, территориального разделения труда в сельском хозяйстве? Элементарно ясно, что историческое развитие этого процесса немыслимо без перехода сельского хозяйства в товарную стадию производства, т. е. стадии производства не продуктов собственного натурального потребления, а товаров, для отчуждения их на рынок. Только тогда сельский хозяин может перейти в исключительном разведении на своих полях ненужному ему непосредственно хлопку, табаку, сахарной свекле и т. д., если продукты этих культур кто-либо у него берет и дает взамен необходимые предметы личного и хозяйственного потребления".

В этом случае "нам представляется, что на этих громадах пространства действует какая-то одна хозяйствующая сила, организующая массовое производство строго определенных сельскохозяйственных продуктов: в одних районах — хлопка, в других — картофеля и т. д. Так эту картину и приходится рассматривать; здесь действительно проявляется единица поля законов капиталистического развития, обративших все отдельные поля и поместья в крестьян в крупную фабрику массового производства определенных специфических товаров. Мы утверждаем таким образом, что явление географической локализации сельского хозяйства — такого же порядка, как явление технической концентрации обрабатывающей промышленности, при чем подчеркиваем: мы усматриваем здесь не простую аналогию, а однозначность явления".

Признавая вслед за Марксом, что "концентрация капитала", основанные своему покоятся на росте производительности труда", Н. Кажанов усматривает в явлении географической локализации сельского хозяйства "основной путь развития производительных сил сельского хозяйства".

Остановившись далее на "проблеме расстояния в сельском хозяйстве" и отмечая, что развитие капиталистов опрокидывает все построения Троцкого, выраженные в его знаменитой "схеме" капиталистического расположения сельского хозяйства в порядке убывания интенсивности, И. Кажанов, в противоположность ряду агрономов-экономистов (напр. проф. А. Чайкову и др.), приходит к следующим выводам:

"Поскольку (в связи с развитием жел.-дор. транспорта) процесс инвиллирования цен во времени и пространстве приобретает все более

всобщий характер, нестолько утрачивает свою роль та основа формирования сельского хозяйства, которая имеет решающее значение в схеме Троцкого, именно дифференцированное формирование сельского хозяйства по уровню интенсивности, в зависимости от более или менее близкого расположения районов от ценоуставливавшего центра быта сельскохозяйственных продуктов. Прежняя дифференциальная разница местных цен на сельскохозяйственные продукты, в зависимости от расстояния от рынка, при географической инвиллировке цен утрачивает значение стимула для конкурентного оборота различных отраслей и культур разной интенсивности. Отдельные районы начинают производить не те продукты, которые, вследствие благополучного расположения их относительно рынка, последний выше оплачивает сравнительно с другими районами, а те, которые они могут дешевле производить; те продукты, производство которых обеспечивает большую производительность затрат. Мы знаем, что это достигается географическим отбором отраслей и культур по степени их приспособленности к тем или другим физико-географическим условиям. Мы пришли, в конце концов, снова к явлению производственной географической локализации сельского хозяйства, как системе развития производительных сил сельского хозяйства. Только в этот момент сельскохозяйственное производство начинает освобождаться от опеки рынка, от активного регулирующего режима последнего, только в этот момент при капиталистическом спросе народного хозяйства условия производства сельскохозяйственных продуктов начинают торжествовать над условиями обмена их; только с этого момента сельскохозяйственное производство выступает в точном смысле слова в фазу капиталистического производства".

Исследуя в дальнейшем те процессы, которые происходят в сельском хозяйстве в связи с проникновением в него сначала торгового капитала, захватывающего область обмена его продуктов (частью через кооперацию) и влияющего на само производство, И. Кажанов подробно останавливается на внедрении промышленного, а затем физического капитала. При этом он совершенно правильно отмечает, что промышленный капитал подчиняет себе отдельные (по промышленству дополнительные — молотьба, размол и т. п.) процессы сельского хозяйства, как бы окружая основное его "биологическое ядро". Но, "через объединение разрозненных отдельных производств мировой торговый капитал, не внедряясь непосредственно индивидуально-капиталистически в технику производства, утверждает свою победу над интимными производственными процессами сельского хозяйства" (содержание скота, птиц и т. п.).

Однако наибольшую зависимость сельского хозяйства от капиталистов создает банковский капитал. "Банковый капитал оказался действительно приспособленным, чтобы с достоинством" выполнить эту общую миссию капитала в сельском хозяйстве. В одних случаях он действует колоссальной экономической мощью современного крупного

централизованного капитала, в других—своей крайней узкоточностью, утонченностью приемов. Не останавливаясь на разнообразных конкретно исторических варианциях формы проникновения банковского капитала в сельское хозяйство, мы рассмотрим два главных пути этого проникновения, две основные формы расширения банковского капитала в сельском хозяйстве. Один путь идет в сторону производственного изменения общих условий сельского хозяйства, другой—проводит капиталы в недра самой производственной ячейки, в точном смысле слова является вмешательством капитала в внутреннюю жизнь агрономического хозяйственного предприятия*.

«Когда говорят о мелком кредите в сельском хозяйстве, то обычно имеется в виду кредит на покупку всяческих улучшенных орудий производства, в результате применения которых в производстве появляется доходность хозяйства, что даст последнему в конечном итоге возможность разрываться с долгом. Но это первая упрощенная стадия кредита в сельском хозяйстве; гораздо существенное и более революционное действует кредит в той его стадии, когда он становится первоисточником регулятором всего денежного обращения сельскохозяйственного предприятия».

Только централизованный банковский капитал в современном его колоссальном развитии может более или менее устойчиво, плавно и органично организовать обращение денежных средств в массовом сельском хозяйстве, при всеобщей перестройке последнего в сторону мирового разделения труда, специализации, мировой географической локализации».

В результате исследования вопроса о проникновении банковского капитала в сельское хозяйство, мы, таким образом, приходим к беспоровому заключению, что сельское хозяйство, и силу биологической природы основных его производственных процессов, «оставшись во форме мелкого производства, с развитием капиталистических отношений, все в большей и большей мере в чистом виде становится капиталистическим производством. Та же основа капиталистического развития, которая преобразует весь строй обрабатывающей промышленности,—развитие производительных сил, дает направление и капиталистической перерганизации сельского хозяйства, в частности неизбежно приводит к технической концентрации сельского хозяйства в форме географической локализации. Этот процесс локализации за первых своих этапов осуществляется преимущественно при посредстве торгового капитала,лагающего в массовом мелком сельском хозяйстве в капиталистические товарные обращение, но окончательно он завершается в результате непосредственного проникновения финансового капитала в производственную организацию этого хозяйства и подчинения ее себе».

Как видно из предыдущего, проф. Н. Кажанов чрезвычайно оригинально подошел к постановке вопроса о концентрации капитала в сельском хозяйстве, перенеся вопрос из области рассуждений о борьбе

крупного и мелкого хозяйства в совершение другую плоскость. Расходясь со всей плеядой «ревизионистов», он правильно подметил, что влияние капитала на земледелие сказывается не только через укрупнение сел. хоз. предприятий, сколько через подчинение мелкого хозяйства торговому, а затем финансовому капиталу. В противоположность ревизионистам он учитывает также, что, подходя к вопросу о сельском хозяйстве, необходимо ясно различать, какую стадию общественного развития переживает оно как в целом, так и в отдельных его частях, так как только при этом условии можно правильно поставить законы его развития. В этом у него замечается, несомненно, чисто марксистская постановка вопроса.

К сожалению, правильную марксистскую линию проф. Кажанов выдирает далеко не полностью и не до конца. Уже в введение, характеризуя метод диалектического материализма, он допускает ряд существенных ошибок, а затем запутывает вопрос о земельной ренте, приодеваясь в этом вопросе по многому к А. И. Скворцову (ошибки которого в свое время отмечал т. Ленин). Неправильная постановка этого вопроса отразилась прежде всего на том, что дифференциализм ренты он отнес к отдалу «природы, как фактор сел.-хоз. производства», а абсолютному—к «технике», тогда как всякий, знакомому с Марком, должен быть ясно, что частная собственность на землю, юрисдикция на нее лежит в основе абсолютной ренты.

Но самую грубую ошибку он делает, признавая за «закон убывающей производительности затрат в сельском хозяйстве. Этот закон» лежит в основе всех его построений и теоретических обобщений. В этом он резко отступает от марксизма и не только переходит в лагерь «ревизионистов», но прямиком вплотную к буржуазной экономике. Правда, Н. Кажанов дает своеобразное обяснение этому «закону». По его мнению, основу для него образует то, что в промышленности техника непосредственно овладевает ее первичными силами, а в сельском хозяйстве (как «биологической промышленности»)—техника скорее окружает эту стихию, биологически организованную в сложные самодовлеющие образования, частично только метаморфизируя их. Это окружение исторически ядро все дальше и дальше, но у него есть грязь самоохранения биологической цельности организма, переход через которую грозит разрушением или наследственным выражением последних».

«Здесь мы наблюдаем как бы своеобразную революцию биологической природы против хозяйствующего человека: развитие производительности организма опередило развитие той производственной обстановки, которую создает для организма эксплуатирующий его человек».

Правильная закон убывающей производительности затрат в сельском хозяйстве, Н. Кажанов отмечает, что действием этого закона бесспорно почти всеми объясняется контрастное историческое положение сельского хозяйства по сравнению с обрабатываемой промыш-

ленности, выражавшееся в том, между прочим, что цены на продукты обрабатывающей промышленности с техническим прогрессом таковой несомненно падают, цены же на продукты сельского хозяйства определенно возрастают. Под его действием земледельческая культура, сосредоточившаяся еще не в столь далекие исторические эпохи на небольших относительно площадях поверхности земли, неизменно даже на наших глазах захватывает все большие и большие пространства, не оставляя свободным почти ни одного клочка даже мало удобной земли".

"Только закон убывающей производительности затрат объясняет то явление, что высоко-культурные англичане, переселившись в свои колонии, забрасывают все свои привычки и возвращаются к варварским способам обращения с землей, стремясь не столько к высокой культуре растений, сколько к распространению интенсивной культуры из возможно большей площаи..."

"Законом убывающей производительности затрат в сельском хозяйстве объясняются, за немногими исключениями, почти все экономисты явление ренты (второй вид дифференциальной ренты)".

Исходя из этого же закона, он делает совершенно неправильный вывод и в отношении судьбы абсолютной земельной ренты, которая, по его мнению, исчезнет не в результате национализации земли, как учит Маркс и марксисты, а в силу иных обстоятельств: "при свободной капиталистической конкуренции и отсутствии частной собственности на землю, абсолютная земельная рента уничтожается ее потому, что продукты сельского хозяйства продаются ниже их стоимости (ценности), а потому, что увеличивающееся применение капиталов в сельском хозяйстве повышает цену производства продуктов, не выходя за известные границы повышения рыночных цен".

"Поскольку же уже нет свободных неискорrigируемых хозяйств, способствое простирает землю, поскольку всяческое увеличение применения капитала в сельском хозяйстве неизбежно идет в сторону интенсификации его, почему неизбежно наталкивается на своеобразную преграду своему распространению (уже не юридическую) — на закон убывающей производительности затрат в сельском хозяйстве".

"Одним словом, в сельском хозяйстве имеется внутренний производственный регулятор, уничтожающий абсолютную ренту, в виде закона убывающей производительности затрат".

История закона убывающей производительности затрат в сельском хозяйстве является весьма поучительна и этот вопрос представляет камень преткновения для всей буржуазной экономики. Внимание к этому явлению сельского хозяйства, — как справедливо отмечает сам проф. И. Кажанов, — всегда значительно усиливалось, и научная мысль начинала заниматься им в периоды тех или других кризисов сельского хозяйства, например, если сельское хозяйство процветало, о законе убывающей производительности затрат почти забывались".

Первоначально этот закон был формулирован экономистами, как "закон убывающего плодородия почвы", затем астрономы центр тяжести перенесли на растение (и даже на количество усвоемой им солнечной энергии). И. Кажанов переносит это на все организмы (в том числе не только растения, но и животные), с которыми приходится иметь дело человеку в сел.-хоз. производстве. И. Кажанов считает, что этим законом сельское хозяйство отличается от промышленности, а в это же время буржуазно-экономическая англо-американская школа (лине проф. Маршалла) доказывает, что этот закон присущ всему капиталистическому производству (и в частности имеет значение даже для индустриальных машин). Колебания и шатания мысли ученых по этому вопросу с достаточной убедительностью указывают нам на то, что попытка привлечь этот закон к объяснению основных явлений сельскохозяйственной экономики и политики обнаруживает полную несостоятельность экономики старой школы (буржуазной и революционистской).

В свое время, касаясь этого вопроса, т. Ленин правильно отметил, "Аграрный вопрос и критика Маркса": "Закон убывающего плодородия почвы не применим к тем случаям, когда техника прогрессирует, когда способы производства преобразуются; он имеет силу лишь в тех случаях, когда техника остается неизменной. Вот почему на Маркса, на марксистов и не говорят об этом 'законе', а кричат о нем только представители буржуазной науки, ароде Бреанто, которые никак не могут изъяться от предрассудков старой политической экономии с ее абстракциями, вехами и естественными законами".

...Вся история XIX века массовыми данными по отношению к самым различным странам неопровергнуто доказывает, что "универсальный" закон убывающего плодородия совершил парадигматическую "временную" тенденцию технического прогресса, который дал возможность умножающемуся относительно (а иногда даже абсолютно) сельскому населению производить увеличивающееся количество земледельческих продуктов на убывающуюся массу населения".

Таким образом книга проф. И. Кажанова ясно обнаруживает, что, несмотря на целый ряд верных положений, ему оказалось не под силу создать новое направление в сел.-хоз. экономике и что последняя еще ждет своих творцов, которые, очевидно, могут притти лишь из коммунистического лагеря. При всем том следует призвать, что во многих книгах проф. Кажанова является чрезвычайно интересной и издающаяся сериями внимания и изучения.

И подобно тому, как Маркс освободил теорию дифференциальной ренты от всякой связи с "законом убывающего плодородия почвы", на котором исходил "отец земельной ренты" Рихард, экономисты должны взять правильные положения проф. Кажанова о влиянии капитализма на сельское хозяйство и освободить их от "закона убывающей производительности затрат в сельском хозяйстве".

Фамусовы наших дней.

Самым верным признаком наступающего ревизионизма и его самым налаженным основанием было и остается равнодушие практических деятелей пролетарской партии к теории.

Всюду, во всех странах и на всем протяжении истории марксизма это равнодушие было самой верной гарантой успеха или неуспеха оппортунистических "пересмотров" всяких сортов и родов.

На самом деле, попробуйте припомнить бегло историю возникновения и роста разного рода ревизионистских учений, попытесь чинить Маркса, "исправлять", "дополнять" его и т. д.

На чем был основан их успех? На полном равнодушии практических деятелей и руководителей партии рабочего класса к теории, на их пренебрежительном отношении к ней.

Пересмотры и Бернштейна, и Жореса, и Богданова, и многих других возникли и стали целым течением, целой школой внутри, в рядах рабочего класса, именно на основе этого "равнодушия". Иначе эти, быть может, сами по себе и талантливые люди, оказались бы вне рабочего движения с самого начала "пересмотров" и ревизий.

Но если опасен сам по себе факт равнодушия к теории, то насколько же должен быть опасен он, если его превратить в логотип?

По нашему правам и обычаям до сего — практический деятель, равнодушиный к теории, стыдился этого равнодушия и считал себя виноватым в этом.

Насколько же должно было встать равнодушие в плоть и кровь практиков и деловых людей, ежели в наши дни появляются люди, ставящие себе специальную задачу — возвести его в добродетель и сделать его всеобщим и обязательным явлением. Ежели в наши дни стало признаком хорошего тона пренебрежительно относиться к теории, и не только относиться — но стало прямой обязанностью всякого преподавателя любой уездной совпартиколишки "изгнать всякую абстракцию" из стен и программ комшкол и комвузов.

И все эти недоучитчики преподаватели комшкол и партшкол ведут свой погон во главе с самим ректором всероссийского комвуза тов. М. Лядовым.

Грешно было бы называть его недоучившимся, ибо что вся его учёность об局限яется наперстком доброй старой тетушки — это показала его последняя статья в "Правде": "Спасает ли философия от оппортунизма".

Никто не сможет объяснить, почему философии такая честь спасительница от оппортунизма. Никто и не ставит ей такую специальную задачу. У нее другая, гораздо более специальная, хотя не менее почетная задача — спасение от партикуляризма, ограниченности и узости "деловых людей" рабочего движения, коммунизма. Так что, когда ставится вопрос о том, надлежит ли преподавать философию (скажем так, чтобы это и неверно, ибо речь идет, как увидит читатель, не о философии, а о теории марксизма вообще) ее следует толковать не как вопрос о том, как вести борьбу с оппортунизмом, а как другой, не менее важный вопрос, а именно: как мыслим без совершенствования теоретических основ пролетарского движения — марксизма — образование общеполитического воззрения — отрещания, отказа от точки зрения группы и единиц и перехода на точку зрения целого, коллектива.

Борьба с оппортунизмом есть борьба с единицами мелко-буржуазной и буржуазной идеологии на пролетариат и его идеологию, поставленный же вопрос есть вопрос о борьбе с ремесленническими, т. н. "лаборон" ограниченностью. Задачи теснейшим образом друг с другом связаны, но не идентичные. Вторая есть частично случай первой, более широкой и более объемистой задачи.

Последняя готовит блестящую почту для успеха первой; и в этом смысле как и в других, современные нам пророки, конкретных задач — являются знатчными, как вульгарные предшественниками грядущего оппортунизма».

Но перейдем на несколько минут к статье Лядова. В ней и вульгарная упрощенность, и деловой партикуляризм, и ограниченная беспредельность выражены с одинаковой откровенностью и, если позволительно будет так выразиться, яростью.

"В прежних программах мы имели "историю философии", "исторический материализм", "диалектический материализм". Под тем или другим названием, во философском курсе проходился обязательно, проходится и сейчас. В противоположность т. Гоникману я полагаю, что эти курсы, в том числе абстрактной, философской постановке, в которых они проходились и проходят, нашей учащейся молодежи пользы не приносят, а приносят только вред".

Немоторя и немалая доля правды в этом утверждении тов. М. Лядова имеется: всякая дисциплина, если ее преподают абсолютно, становится не только бесполезной, но прямо вредной. Но, во-вторых, из этого совсем не следует, что дисциплина плоха, вредна и нужна единственно заключение может и должно быть то, что пре-

подаватель никаку не годится. Во-вторых, что означает «философская постановка» преподавания истории философии, скажем? Если это же бессмыслица, то оно означает, что преподавание истории философии, как истории философских систем, порождающих одна другую и в связях с конкретной действительностью, с историей человечества или иначе—как историю, изъянную из истории человечества—вредна. Тогда это заблуждение-истина. На самом деле, каков марксизм, который свое преподавание строит на столь ненадежных и шатких немарксистских основаниях? Грош ему цена. И опять дисциплины при чем, вина оказалась за плохим преподавателем.

Но это двусмысленное утверждение может означать и нечто иное.

Когда Лядов с явным видом повторяет триадические фразы: «Без диалектического материализма мы создать настоящих марксистов не можем. Но не может быть и усвоен диалектический материализм вне связи с конкретной жизнью»—я невольно припоминаю тетушкин наперсток. Связь с конкретной жизнью превосходная вещь, но, что есть конкретная жизнь? Для одних это есть сумма единичных явлений, для других она представляется единой системой явлений. Усвоить диалектический материализм в связи с конкретной жизнью может означать изучение проявления динамики в единой системе, оно же может означать—изучения противоречий (частный случай диалектики) в единичных проявлениях; в первом случае будет марксистское решение вопроса, во втором—метафизическое.

О том, что Лядов понимает дело по второму, говорят он сам, «научить человека мыслить диалектически нельзя», не изучив его анализировать те явления, с которыми он повседневно сталкивается. И, наоборот, мы любого рабочего научим мыслить диалектически, не объяснив ему даже, что такое диалектика, если изучим его правильно понимать окружающую жизнь. Ребенок учится говорить не зная грамматики, и он никогда не научился бы говорить, если бы мы сделали нелепую попытку научить его, лепечущего отдельные звуки, синтаксис или этимологию. Студент или рафаковец из рабочих мыслит и говорит конкретно, он все усваивает в конкретных ясных образах. Его мышление прямо противоположно мышлению интеллигентии, исковерканной «классической» старой школой, которая главной целью своей ставила оторвать ребенка от жизни, от конкретного мышления, от умения разбираться в современной жизни».

Я очень подозреваю, что тов. М. Лядов учился диалектике по рекомендованному им самим методу, иначе он не смог бы изворотиться безумно противоречий и рябчества в такой маленькой цитате.

Само собою разумеется, была бы удивленной достойна мать, которая начала бы обучение речи своего полуторагодового ребенка грамматике.

Но уж коли аналогии, так до конца.

Каково было бы человечеству разниться, если бы каждому ребенку пришлось проделать всю сумму конкретного опыта? Тогда вменившая точкой развития человечества была бы тов. М. Лядов.

Но, благодарение судьбе, человечество избегло подобных несчастий; избегнет их и рабочий класс. Есть известный минимум конкретных знаний, приобретая которые, человек становится способным к истинным обобщениям—с одной стороны, и с другой—он же и определяет степень восприятия человеком абстрактных идей.

Педагогика дошкольного воспитания—это нечто фундаментально отличное от педагогики коммузов, спасительным ректором которого считает тов. Лядов. Отличие это заключается в том, что дошкольник знает ребенку серию отдельных конкретных фактов, сумма которых должна служить фундаментом для восприятия многих и многих абстрактных положений, опытно добтыых всей предыдущей жизнью человечества. Отсюда и вся сложность дошкольного воспитания: вопрос в том, каков должен быть этот комплекс конкретных фактов—труднейший вопрос, над которым бьется практическая педагогика. Но ведь коммуз—это не институты дошкольного воспитания. Следовательно, и всякий разговор о минимуме конкретных знаний отпадает. Конкретное мышление рабочего не есть предметное мышление дошкольника. Рабочий мыслит конкретно—это несомненно. Но что это значит? Разве это утверждение есть отрицание способности рабочего заслать и усвоить теорию? Ничуть не бывало. Наоборот—подлинными смыслом этого утверждения в том и заключается, что всякая теория рабочий воспринимает как отражение реальной действительности. Но реальная действительность, как целого, как системы, а не как сумму. Отсюда, между прочим, и то, что первый взгляд необыкновенно явление, что «зелочук» И. Диценко, комезинки и уши никак не получивший классическое воспитание, так превосходно справлялся с философскими проблемами, что среди рабочих там много Диценко, менее элитарных, но не менее очарованных абстрактными спорами и отвлечеными построениями. Их горе—в отсутствии достаточно законченного философского образования, подчас в абсолютном отсутствии систематического образования, но отнюдь не в излишнем пристрастии к ней. Не потому же конкретно нельзя понимать как единичное, если в эти единичные явления лучше всего, проще всего и яснее всего обнаруживается диалектика. В том-то и все дело, что все это какую-то облегчение; на самом деле в единичных явлениях диалектика проявляется лишь как частный случай, единичное проявление общей системы.

В самом деле, что такое диалектика? Это наука об «общих законах движения» как во внешнем мире, в человеческой истории, так

"*В человеческом мышлении*", как говорит Энгельс. Дialectika не может не рассматривать мир как целое, он не может не рассматривать "вещи и отражающие их понятия преимущественно в их общей связи, в их сцеплении, в движении, их возникновении и исчезновении", как говорит тот же Энгельс.

Не рассматривать вещи в их общей связи, а брать их как единичные явления, означает скатываться с точки зрения dialectики на точку зрения метафизики. Рассматривать же вещи в их общей связи — это значит для слушателей этот принцип "общей связи".

А ведь принцип общей связи — один из самых отвлеченных и абстрактных принципов dialectики!

Наконец вся трудность вопроса в том и заключается: как научить его, т.е. "любого рабочего", правильно понимать окружающую жизнь.

Само собой разумеется, если мы этому научим рабочего (как и любого другого слушателя), то он будет прекрасным dialectиком. Но его этому правильному пониманию никогда не научит методами Лядова. Правильно понимать окружающую жизнь — это не значит в какой мере иметь утвержденную сумму правильных связей с явлениями, — это означает не более ни менее как понять и уметь в частных явлениях обнаруживать общую связь между ними, это значит уметь в каждой единице найти целое. Более того, это значит уметь во всем конечном и завершающем искать и находит развитие, возникновение и исчезновение его.

Можно ли всему этому научиться, не изучая dialectику абстрактную, отвлеченную, как угодно обругайте, но ту самую dialectику, которая составляет неотъемлемую часть марксизма?

Разумеется — нет.

Описательные науки ставят себе совершенно определенную задачу: дать объяснение небольшому количеству конкретных фактов. А и уже говорил, что какая угодно сумма правильных представлений о конкретных явлениях еще ни в коей мере не дает "правильного понимания окружающей жизни".

Наоборот, описательные науки без обобщающих теоретических дисциплин выработали из наших слушателей ком-и просто будущих отвлеченных пурпуролистов, с прекрасными, быть может, практическими познаниями (или было бы лучше сказать: познаниями "фактов"), но абсолютно (из каких бы то ни было способности) "правильно" понимать окружающую жизнь.

Бесконечное многообразие конкретного с его бесконечно много отвлеченными связями и взаимоотношениями есть первое, абсолютно не-

продолжиме препятствие к тому, чтобы учиться dialectику: на конкретных примерах "не объясняю ему даже (!), что такое dialectика". Вероятно и уже на этот раз принципиальное препятствие, не менее непреодолимое с точки зрения dialectики, и тем более образом обусловленное первым, это то, что "конкретные примеры", взятые сами по себе, будут всегда оторваны от общей связи и системы; они всегда будут метафизическими мертвками, неподвижными, застывшими, извращенными образами-занозами. Ни них dialectику не научиться.

Но почему же каждый конкретный пример ("не объясняю ему даже...") нельзя рассматривать в общей живой связи как dialectический процесс, а не как завершенное, законченное образование?

По первой причине. Педагог-марксист и dialectик, который этого не понимает — не понимает буквально язов.

Но, совершенно резонно спросят у нас, если так многообразны связи между явлениями и так бесконечно многообразно конкретное, можно было бы тут же прибавить: так dialectическая неустойчивость на совокупность т. и конкретных явлений, что изучать по ней dialectику не представляется возможным, то как мысленно открытие и конкретностью той общей связи, о которой выше было сказано.

Путем опыта, и не единичного, а коллективного тысячелетнего опыта человечества. Но и это не ответ, который решает весь вопрос. Нет никаких доказательств тому, что опыт человеческого обнаружил все многообразие конкретного и всю многосторонность ее связей. Наоборот, мы с каждым днем все более убеждаемся, что то, что нам известно, благодаря опыту человечества, составляет исключительно малую часть того, что нам неизвестно. Но тогда как мысленно открытие и формулировка закона dialectики — которая устанавливает принцип общий не только тому, что нам опытом известно, но и тому, что становится нам известно в процессе дальнейшего опыта изо дня в день?

Совершенно понятно, что одним методом индукции тут не обойтись. Следственно понятно, что, если человеческий опыт "наводил" (индуктировал) на определенные закономерности в явлениях, в том числе и в dialectику, то обществознательская мысль deduktoriza (выводила), распространяя ее на все явления и проверяя эту dedukцию за рамки сегодняшнего дня. Отсюда совершенно понятно, что одним излучительным методом dialectику во всем ее богатстве подлинной dialectики не обнаружишь, а следовательно, и не обучишь. Неизбежно придется сочетать индукцию с dedukцией, конкретное с абстрактным; отсюда также и совершенно понятно, что изучать придется не только историю материальной культуры, но и историю духовной культуры человечества, и самой отвлеченной из них — философии: проследить нужно будет при преподавании не только развитие об-

щественных отношений, но и развитие тех идеологий, которые порождаются развитием этих отношений.

Равно не понятно, что всякий преподаватель, который пытается противопоставить конкретное абстрактному и, исходя из этого, огульно отрицает абстрактное вместо того, чтобы сочетать их при составлении программы и при преподавании—закрывает себе все пути к пониманию вопроса, с самого начала ставит крест над всякой диалектикой?

Тот Лядов это как-раз и делает. «Я вполне согласен с т. Лениным, что без „солидного философского образования“ наука не выдержит борьбы против ватника буржуазных идей». Но именно поэтому (—В. Р.) я подозреваю, что философия, как отдельная дисциплина, из наших программ должна быть решительно вычеркнута».

Почему? Помилуйте, как мысленно, солидное философское обобщение* без изучения философии как „специальной дисциплины“ особенно задорно звучит „по именно поэтому“! Ленин находит, что нельзя быть марксистом, нельзя убечь себя от влияния буржуазных идей, не изучая материализм, не зная историю развития его, а Лядов „именно поэтому“ делает вывод: «Не изучайте материализм и его историю». Как хотите, а такая логика выдает в том. М. Лядов заразительные для ректора способности последовательного мышления.

Но он не только обнаруживает эту свою способность. Он в этой же статье, несколькими строками ниже, забыв совсем, что он выше согласился с Лениным, прямо оплачивается против вышеупомянутых слов Ленина: «Конечно мысливший пролетарский студент без всякого философского образования неизвестен для буржуазной идеологии. Он ее никогдя (sic! — В. Р.) не проникнется. Но тот же студент, прошедший абстрактный курс марксистской философии (слушайте, слушайте, не какуюнибудь, а именно „марксистскую“, т.-е. материалистическую, В. Р.), легко станет жертвой любой архебуржуазной философской школы». Если, достаточно посчитавшись бесконечной, нелепоти этого предложении, основным словом Ленина, то я право не знаю, какому слепому не покажется смешным „именно поэтому“ Противоречие кричало; но, отметив это яко бросающееся в глаза противоречие, я хочу два слова сказать о существу высказанных здесь глубокомысленных идей.

Итак, пролетарский студент неизвестен для буржуазной идеологии, он становится особенно податливым, когда начинает изучение марксистской философии, т.-е. материализма.

По мнению Лядова выходит, что и енчимизм, и богоизанчия, и эмилионикритицизм, в каинянской ревизии—излились результатом налипшего пристрастия к теории, а не результатом пленечества и изъятия ее.

Лядов без колебания на этот вопрос отвечает положительно: „Она (абстрактная теория, В. Р.) не удовлетворяет его страстного желания осмыслить этот опыт, а, наоборот, заставляет его искать новых теорий, более легко перенарываемых, более соблазнительных своей кажущейся простотой. Он и не заметит, как от Маркса скатится к Мазу, Богданову или Ейтмену. Абстрактным философским курсом мы изнасиловали его мышление. Он механически запомнил несколько истин, он не умеет оперировать этими истинами, он не умеет диалектически приложить их к конкретным фактам. Они в конце концов в его уме превращаются в догмы, в абсолюты, которые мешают ему мыслить диалектически“.

Как угодно, товарищи, но эти слова в устах ректора Свердловского университета, нашей надежды и нашего будущего, приобретают роковое значение.

На один мракобес на всем протяжении страстной борьбы науки за существование не говорил более пиничко насчет вреда знаний. На ректор Свердловского университета.

Фамиусов, ты не умер до сих пор! Да будет благословенен тот кто обессмертил тебя в русской литературе!

„Ученые, вот чума: ученьи—вот причина“...

Но, подождите, почтенный современный Фамиусов, при чем тут ученьи при чем тут ученьи?

Абстрактная теория, не связанная с текущей действительностью, не удовлетворяет пролетарского слушателя и толкает его к упрощенным теориям. Поэтому, умозаключает Лядов, необходимо совершенно прекратить преподавание абстрактных наук, долой всякую философию, из хранитеустутуту конкретные знания».

Такая стройная логика очень достойна ректора университета, но она же не удовлетворяет. На самом деле, если абстрактную теорию „мы“ не сумели связать с текущей действительностью*, то ведь тут ища же абстрактных теорий, а как будто бы „наша“. Тогда совершенно ясно, что из этого вытекает не то, что Лядов преподносит нам «именно поэтому» абстрактной теории,—а нечто другое, а именно, что „наш“ нужно учиться преподавать абстрактные теории. Но больше!

Но так рассуждает человек, для которого царила связь и взаимные взаимоотношения между абстрактным и конкретным, а товарищу Лядову эта связь органически непонятна. Он пишет: „Голько тогда диалектический материализм станет действительным орудием борьбы против всякой буржуазной идеологии, когда мы научимся преподавать его не абстрактно, как отдельную философскую дисциплину, а конкретно, изучая нашу борьбу, нашу тактику, нашу историю, нашу современность, нашу природу, диалектику нашей жизни“.

А куда же дался Ленин со своим требованием „солидного философского обоснования“? Тутерь особенно уместно припомнить, как задорно Лядов пытался выше притянуть за волосы ленинскую цитату к своей новой оппортунистической теории („ио именно поэтому“).

Таким образом, отрицая абстракцию преподавание, мы с вами, читатель, понимаем отречение преподавания философии, как историю философских систем вне связи с историей человечества, а т. Лядов—всякую философию, и даже такую, которая преподается материалистом и марксистом, а, следовательно, преподается в неправильной связи с историей человечества, с развитием общественных отношений, считает ее за абстракции и выбрасывает вон из программ коммузотов.

Это нужно сказать открыто, нечего скрываться за двусмысличными формулярами: вы против преподавания истории материализма и диалектического материализма в коммузах, даже когда их преподает марксист, т.е. человек, для которого человечество продолжает лишь одну историю, т.е. человек, который не мыслит преподавание материализма иначе, как в тесной связи с историей, с конкретными, с общественными отношениями.

Что тут прятаться за спину Ленина? В разгар борьбы с либералитетом и в эпоху самой гибкой ревизии марксистской теории, самого убийственного разводнения к теории со стороны малодушных „практических людей“ рабочего движения, Ленин написал свою знаменитую книгу о марксистской философии. А в жестокие дни осени и 20-го года Ленин нашел необходимым свою „абстрактную“ книгу перенадать для молодежи и писал в своем предисловии: „Я надеюсь, что оно будет бесценно, независимо от полемики с русскими „мазистами“, как пособие для ознакомления с философией марксизма, диалектическим материализмом, а равно с философскими выводами из новейших открытий естествознания“.

Нет, милейшие оппортунисты всех цветов, сортов и мастей, Ленин вам плохой патрон, помните где-нибудь около старого Бернштейна, там вернее наложите себе и покровителя, и достойного человека, чтоб пример будет для вас поучителен.

Мы не спросим долго задерживаться на сравнительно небольшом статейке тов. Лядова.

Начинается поход на материализм, идет неорганизованный, но достаточно напористый новый оппортунизм, ставящий себе цель пересмотр философских основ учения Маркса. А так как после работ Плеханова и Лядова этого под флагом Российской Коммунистической Партии непосредственно сделать невозможно, то совершение естественно оппортунистическая мысль пробивает себе побочные, пресловутые дорожки.

Самым опасным, чреватым гигантскими последствиями, просе-

ком являются наши коммузы, программы которых соответствующим образом теперь перерабатываются, присасываются под шумок „к новым“ запросам, изгоняется из них все, что напоминает инициативную оппортунистическую теорию марксизма.

Законно желание связать преподавание марксизма с действительностью, столь же законно стремление усилить преподавание описательных наук, но попытки изъять философию из программ коммузов, попытки заменить диалектику метафизикой, диалектический материализм—концепциями и описательными науками,—суть попытки зачать самый неприкрытый поход против марксизма, против материализма, против научного социализма, и мы не можем не требовать самой свирепой борьбы с нарождающимся оппортунизмом.

Равнодушные к теории, фанусонщицы в наших дни, лень и неподготовленность ума—все это ад-лишие враги марксизма и лучшие помощники намечающегося ревизионизма.

Нужно вести с ними беспощадную войну. Нужно, чтобы пересмотр программ коммузов находился в надежных руках, нельзя позволить кому бы то ни было превратить коммузы и коммисхолы в теплое оппортунизма.

В. РУИН.

БИБЛИОГРАФИЯ

По провинциальным журналам.

По примеру прошлого года, мы пытались подвести итог теоретической работе нашей провинциальной печати; к сожалению, должны признаться, что не заметили не только определенного прогресса в улучшении в вышедшем году, но, по сравнению с прошлым годом, наши губернские органы дали еще менее теоретических статей, а в числе помещенныхых, мы не можем этого не отмечать, еще менее таких, которые привлекают к себе внимание читателя.

Специфический агитпроповский характер органов губернских комитетов, выражавшийся в том, что почти все они из москвы и московских заполонены "газетами" по разным вопросам и отчетами, недавно перепечатанными из центральных органов, этот специфический характер особенно выпукло выявился за истекший год.

Почти каждый губернский комитет имеет свой ежемесячник, из год по всей России выходят из-под стяга сотни тысяч книг, а когда просматриваешь их одну за другую, то оказывается, что не устаревшего, ценного на сколько-нибудь длительный период времени, чрезвычайно мало в них.

И не думай, чтобы каждый губернский агит-отдел мог обойтись без того, чтобы через свою ежемесячную библиотеку держать в курсе текущих боевых политических и хозяйственных вопросов своих агитаторов. Это необходимая работа, ее не избежать. Но если параллельно с этим не ведется систематическая работа теоретического характера, то существование такого количества толстых журналов становится, по меньшей мере, нецелесообразным. Их перестают читать, они не делают и сотой доли того, что могли бы сделать.

Часто ссылается на отсутствие сил в провинциальных центрах. Сил, действительно, мало, однако и то малое, что имеется, разбросано по России, и в какой мере не используется в нальжащей стечении. В частности, соперникою неиспользованными остаются префектаты и профессора провинциальных университетов, областные симпозиумы, национальных университетов.

При желании и организованной споровне можно создать, во крайней мере, несколько хороших, популярных журналов, нужда в которых по прошлому чрезвычайно велика.

Занимательными организациями необходимо обратить серьезное внимание на это, такими центрами могли бы явиться первые разы городов: Харьков, Киев, Тифлис, Минск, Саратов, Омск, Чита, Екатеринбург, Баку, Тбилиси, Ташкент, Одесса, Ростов.

В некоторых из этих Центров уже имеется ежемесячник, более или менее удачно пытающийся разрешить поставленную задачу

Так, например, Киев со второй половины прошлого года определенно перешел на путь создания областного популарного журнала "Коммунистическая Мысль" Киевского губкома—один из таких провинциальных ежемесячников. Это не только не означает, что и отдаются лишь похвалы по ее адресу, — напротив, оно может обозначать быть особенно гибким в критике, а значит быть вынужденным сказать ряд горьких истин реалии "К. М.".

Пренеся всего "К. М." не имеет определенного, фиксированного лица, что так необходимо популярному, рассчитанному на широкий круг читателей — журналу. В самом деле, только отдел "Наука и марксизм" более или менее устойчив, хотя крайне не однороден по содержанию: то это одно естествознание (№ 1), то почему-то там Ленин трактует там о матур-философии (№ 8), что же касается до других отделов, то во всех их господствует пестрота наименований: обзор германских событий чередуется с письмами Гейне к Марксу, Ленинградский собор Маркса — с обсуждением внутрипартийных вопросов, то дается внутреннее обозрение, то нет. Все эти недочеты необходимо исправлять. Чем устойчивее будет этот круг вопросов, которым занимается журнал — тем лучше; чем определеннее и подробнее будет начинаться разработка журнала — тем удобнее для рядового читателя.

Но наше недовольство не может ограничиться подобными внешними, в значительной мере практическими замечаниями. Просматривая тот теоретический материал, который предполагается "К. М." своим читателям, мы видим в нем случае не можем не обратить внимания реалии на ряд очень опасных моментов. Первый момент, это — называемое пристрастие редакции к "материалам" и "переводным памятникам", которые тем меньше привнесут пользы, что они обильно обсажены сопровождающимися комментариями различными и являются случайными, без системы, внося щобище внутренней связи как со всем миром, так и между собой.

Второй момент — нашел точку зрения, особенно опасный — может привести к тому, что журнал приносит делу ортодоксального марксизма большие злы, чем пользы. Я говорю о той позиции, которую занял один из руководителей журнала (тот Верхноторский) по вопросу о ленинизме. Не хотелось бы быть резким в эзитете, однако все же наша магистрат и благосклонность к "К. М." квалифицируют эту позицию иначе, как жестоко оппортунистическую, мы не можем.

Такие утверждения, как — "Мы должны откровенно констатировать, что до предыдущего года, до XII-го съезда Р.К.П.—это означало Ленин", напоминают худшие примеры в истории марксизма. Еще яснее это видно далее:

"Р.К.П. становится Р.К.П. только в момент, когда "обстоятельства заставляют ее взять в свои руки инициативу руководства государством в революции"; и как золите киевские товарищи, а это ни в коей мере не обнаруживается в авторе хорошего лениниста, как не обнаруживает это и поэты Верхноторского определять, что есть ленинизм. Даже из этих набросков видно, что мы имеем дело с теорией, имеющей некоторые отличительные черты от марксизма. Зачем ленинизм, мы в то же время получаем и марксизм, но, изучая только марксизм, мы до завидов ленинина, да основ его учения можем и не добраться" — это нашим читателям должно показаться очень знакомым; утверждение это равносильно

¹ Коммунистическая Мысль, № 8, стр. 42.

² Коммунистическая Мысль, № 8 (август 1923 г.), стр. 48.

тому, что ленинизм есть нечто отличное от марксизма. «Почему Кауткин или Плеханов, как известно, основательно изучавшие Маркса — почему они не пришли к ленинским выводам? Что у них для этого не было — гений или знания? Нет, не потому. К этим выводам они не пришли прежде всего потому, что они (выходит) не для всякого неизбежного вытекающего из основ марксизма. Необходимо к существующим основам марксизма добавить еще „чего-то“, всеми в разных правах находящегося в основах марксизма, чтобы получиться то, что мы называем ленинизмом»¹.

Очень явно сказано, но смысл не грубо разгадал Верхорусский очень хорошо за свою „чего-то“, которое он не может ни определить, ни то, что отнести. В нем старое марксистское приходит к жестокому противоречию с новым „чего-то“, от чего оно сама становится противоречием. И неуверенное, однако. В прошлом поставленный не может быть не решен. В первоупомянутой статье Кауткин ставит себе вопрос: «Если бы Маркс жил в наше время, был бы он ленинистом? Был бы в известном смысле марксистом—Маркс, взят из наших же, не поддающихся сомнению, пробы бы все те положения, которые новыми условиями жизни вымыкаются в Ленинском фиксаторе»².

Казалось бы, что проще раз было бы, то разве не ясно, что учение Ленина есть дальнейший этап развития и развертывания марксизма, что оно есть современный марксизм. Нет, если не всем Верхорусским, пусть в трех словах, пишет: «Нельзя бы в таком случае ленинизм назвать просто современным марксизмом! Нет, нельзя, потому что между марксизмом, в таком виде, как оно осталось у Маркса и Энгельса, и ленинизмом в таком виде, как он существует в настоящий момент, есть, несомненно, различие в „качественном“ свойствах, в количественном. Ленинизм мы склонны считать событием, на другом level после падения власти, марксизм же лишь доводит нас до этого уровня, а мы уже знаем, что, при беспрерывном накоплении количества, это переходит в качественное. Тот шагов на Ленине, как нельзя лучше, отразился»³.

Вот уж чего даже Н. Багдасар не осмелился бы сказать, сказал Верхорусский и не только сказал, но поспешил еще и подтвердить «Донецкого переворота». Ленин отважился при помощи марксизма одно событие за другим. По мере приближения к Октябрю и последнего события количественно настолько прогрессирует, что в концепции Ленина политика к нему и общественное изображают сплошной политический характер, количественно различимый от известных нам полей марксизма всечленовых оттенков⁴.

Довольно Ефим Левинский полюбил есть новый „качественный“ различия от известных им полей марксистов всевозможных оттенков, то даже Багдасар соглашается с нами, что это означает отрижение марксизма, т. е. говоря проще, что это есть чистейшая оппортунистическая марксистская. Верхорусский проповедует несомненный оппортунизм, тот, кто сочиняется в этом, пусть прочтет его статью в „К. М.“, особенно в № 5 и 11.

«Коммунистическая Миссия» может принести много пользы, но этого вреда, поскольку кому видим ленинцам подносится коммунистическому читателю чистейший язык оппортунизма.

Но это мы «срачаем», внимание редакции „К. М.“. Веритеесь, товарищи, вы можете стать центром оппортунизма в превращении.

¹ „Большевистский Мир“ № 5 (август 1927 г.), стр. 45.

Харьковское „Знамя Коммунизма“ орган ЦК КПУ и Харьковского губкома КПУ. Иными отличается от винской „Миссии“.

Он пытается соотнести в себе по-популярный журнал с центральным руководством в политических и экономических вопросах. Оттуда — большое разнообразие материала, богатство статей по текущим военным политики и экономики, как Советской Федерации, так и капиталистических соседей.

(Соизерединено естественно, что при этом теоретические вопросы решаются с участием и крайне недостаточно.

За весь прошлый год (мы имеем под руками №№ 1—10) можно перечеслить лишь одну другую статью: С. Диаконштейна, В. Рожинина (того самого). К Грасинскому, да, конечно, и все.

Сама собой понятно, это до смешного мало. Но не только в этом дело — это малое даже бессистемно и с участием. Это исключением К. Грасинского, который местами раскрывает в творении „западноголага“ Е. Бачинского (№ 7—8), другие статьи не имеют связи с текущей жизнью. Статьи Рожинина трактуют вопросы о том, как возможно доказательство несмысла Бога, в статье Димитриевна „Любовь марксизма“ (№№ 3—4 и 5—6) продолжают сражаться с К. Каутским. Естественно Каутским: почему украинские товарищи так мало занимаются борьбой с Каутским-оппортунистом? Всёяд за „Зн. Комм.“ не удивляется и ринулась в бой „К. М. Миссия“, подставив, что после двух битницких броширов В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого вузам в том, чтобы заниматься последними „инициативами“ Каутского, нет никакой двусмысленности со дня рождения Гольбмана журнал отмечен статьей В. Рожинина в № 3—4 (Февраль — март) — это хорошо, но нецелесообразно отмечать в марте годовщину, которая исполнилась в декабря.

Харьковскому „Знамени“ рекомендуем особо усиливать свой отдел „Теория марксизма“ и завести себе отдел, в котором читатель мог бы найти популярный материал по новейшим успехам естествознания. Этого тем более необходимо, что в центре Украины сил вполне достаточно.

Если мы хотим задержать внимание читателя на „партийском Народном Случинке“, то только потому, что там была помещена статья В. Соловьева. А все-таки Минин блаже к интии! Речь идет о мининской пропаганде философии для пролетариата. Т. В. Рожинина с возражениями против Минина (твои статьи у вас нет), В. Соловьев и антициклический Минина от наваждения Рожинова.

Мы не знаем, как отвечать и урезонивать Рожинов Минина, но мы хотим показать читателю, как сторонники Минина аргументируют же него.

Легко отделившись от всех проблем ссылкой на те цитаты из Энгельса, которые приведены были Мининым, В. Смоленский останавливает свое пренебрежение внимание на том месте, где Энгельс говорит о том, что за философией остается лишь диалектика и логика:

„И в самом деле, „учение о законах самого процесса мышления“, — что это да! И-но, — мы скажем, — психология, больше того, — физиология. Это утверждение уже из проф. Павлов, а за ним и Тимирязев. Так что мы estamos в покое: они могут великолепно существовать и без философии. Остаётся диалектика“.

Не просто у этого простого и ясного „мыслителя“. Но диалектика все-таки остается, куда же без неё? „Что такое диалектика?“ Это метод мышления, метод, говорящий нам, что все надо рассматривать в общей связи, в общей зависимости, в общем сцеплении, в

дливически, в противоречиях, в возникновении и исчезновении, в практике. Он так прост, общепонятен и неопровергаем, что его только нужно применять во всех областях нашей практики и нашего опыта, и никакой "философии" из него не делайтъ... Для организации наших действий, скажем мы, нам нужны только научные методы организации труда и производства (искаженного труда и умственного и физического). А для этого у нас вырастут изученные институты по организации труда и производства, где никакая философия не нужна".¹⁾

Не сказал я, что все очень просто? Есть НОТ, есть тейлоризм, есть физиология — вот все, что необходимо для современного марксизма, а диалектика, теория обобщения — все это от дьявола, все это за борт!

И, не довольствуясь общими рассуждениями, В. Смоленский попытался — и не плохо — иллюстрировать, что получается, когда марксисты руют с плащом все теоретическую и линейную философию. "Принципы сегодняшней материалистической философии", пишет он, "какую-нибудь энергию, силу, электрот и проч.; признаваем, что мир это — комбинация сил. Провозглашаем материализм, как наименее философской изысканной систему, мы не можем, ибо тогда придется, может быть, занять же противоположную энергетику. Не надо философствовать, не надо искать преисполненный единства, пока оно не предстанет само в нашей практике. Теоретические науки, вообще, склоняются со временем; история и политическая экономия уже сыграли социологию. Революции в жизни вызывала уже и вызывает еще не одну революцию в науке".²⁾

Не правда ли показательно? Милейший Смоленский, ведь, вы говорите давно известной идеалистической пропаганде, сами того не подозревая! Вы не только не знаете философию — вы просто не знаете элементарных основ марксизма. Если в споре с Мининым мы лишь отъединяли демократическую суть его новой "теории", то В. Смоленский походит конкретно, что и утверждения Минина будут сделаны не только не марксистскими, но материалистическими, но прямо враждебными марксизму и материализму выводы.

Партийному же "Спутнику" губокома нам ничего не остается солгать, кроме как "не берись за свое дело". Чем распространять под видом "обсуждения" всякие оппортунистические небылицы и чушку, не лучше ли писать простые без всяких претензий популярные статьи?

Следует отметить очень разносторонний журнал Дальбюро Ц.К. Р.К.П. "Наш Путь", издававшийся в Чите. Журнал становится на все выдающиеся события, пользуется замечательными датами для более или менее всестороннего освещения деятельности лиц и событий перед своими читателями. Так, например, 75-летие "Коммуны. Маниф" было отмечено двумя статьями, 25-летие партии под одной статьей, 40-летие Маркса и пятилетие Плеханова — все нашло себе отражение. Однако этого недостаточно. Журнал почему-то избегает систематических подсказываний статей по теории, почти совершенно нет статей по естествознанию, имеется постоянный отдел "Политика, экономика и философия", а философские статьи за год не было ни одной, — это, разумеется, недостаток, его необходимо исправить. Жур-

¹⁾ "Народники Сибири" Читинского губ. ком. Р.К.П. № 9—10 (февраль—апрель 1921 г.), стр. 104.
²⁾ Так же, но в сокращении.

нал должен стать центром дальневосточной теоретической мысли — на то имеются и материальные и академические возможности.

Кстати, в статье о Г. В. Плеханове, тов. Г. А. разумеет, "Каков же роль Плеханова в русской революционной движении?" Как действительно из этого вопроса можно отыскать "громадную, качественно новую". Это, разумеется, совершенно излишняя скромность и склонность в оценке.

Только ли была полезна его деятельность? Нас статья говорит о том, что автор несправедливо скуч на более сильные и яркие выражения, характеризующие деятельность Плеханова.

На самом деле человек, о котором автор пишет, "Человеческая слава Плеханова заключается в том, что он сделал марксизм достоянием русских революционеров и, тем самым, дал им в руки сильнейшее оружие классовой борьбы", и далее, что "он всю свою жизнь отдал на японскую пропаганду марксистских идей, но склончивание русской социал-демократии. Он был одним из тех, кто склонял ее к тому, когда сейчас мы, на каждом партийном скеле, любимся за боеспособность, единство и дисциплинированность нашей партии, мы должны помнить, что, в свое время, Георгий Иванович Плеханов много потрудился над идеейным воспитанием добрых половины делегатов любого нашего съезда, над их обереганием от соглашательства и оппортунизма".³⁾

Разве о таком революционере можно ограничиться тем, что его деятельность была лишь "полезна"?

Или же восторженность вредна, но и незаслуженная скромность не менее вредна, а самое главное — неужужна.

Наконец, саратовский "Вестник Губкома" и минский "Вперед" оба города — университетские, в обеих университетах имеются коммунисты — преподаватели профессора, и однако же, несмотря на это, оба коммюничики и на поту не поднимаются выше среднего Губбюджетного органа, все те же агитпропские тезисы, все те же узкие местные и случайные вопросы. Давно пора улучшить и обогатить свою коммюницики обоим губкомам.

В национальных республиках издаются журналы на местных языках и, судя по оглавлениям (мы, не владеющим языками этих народов, реагируем, очевидно судить о содержании их по существу) эти журналы пытаются распространять среди национальной интеллигенции идеи марксизма и материализма.

Так, например, Азербайджанский "Кызыл-Шарк" (Красный Восток) включил восьмь статей и переводов 40-летие Маркса, отметил 75-летие Плеханова, 75-летие "Коммуны. Маниф" и т. д. массу статей по популяризации различных проблем естествознания, — это чрезвычайно полезная работа, но еще интереснее и полезнее это исследование, которое производят товарищи из "Кызыл-Шарк" в своей национальной литературе, с целью изучить материалистические и атеистические идеи своей страны.

Это чрезвычайно полезная работа и образцом подобной работы является статья тов. Георгия Али Ахмад "Турецкий материализм и земельный поэт-герой Тенгиз Фикрет" ("Кызыл-Шарк" № 2—3). Буржуазия этой стран и народов предавала забвению материалистов и атеи-

³⁾ "Наш Путь", ежемесячный журнал Дальбюро Ц.К. Р.К.П. № 10 (август 1921 г.), стр. 12.

стов—наш долг их теперь оценить по должностному, вот почему мы с особой удовлетворенностью отеческим высокодорожной статьей.

«Кызыл Шаркъ» предстоит большая и тяжелая работа, мы желаем ему всемерной удачи.

«Эрзинь» имеет журнал уже совершенно иного типа.

«Норкъ»—это солидный двухмесячник из подобия российской «Красной Нови», имеет превосходный отдел беллетристики, где позадаются времена первоклассные беллетристические вещи, имеет обзоры и итоговые статьи и является одновременно лучшим органом популяризации новейших достижений науки.

И при всем том мы имеем некоторое осложнение быть недовольными «Норкъм». Он слишком много внимания уделяет истории и археологии своего народа (армян) и слишком мало дает марксистской теории.

Разумеется, каждый национальный журнал обязан применять марксизм прежде всего к об解放军 и изучению своей истории, своего окружения; это тем более необходимо у армян, что дававшие идеологию национальности безудержно, безудержно идеалистичной или, метафизической и националистической чепухи, в литературе армянской бедной художества, в которой нужно разобраться и при всем том не следить забыть, что растет молодежь, которая плохо владеет русским языком, который необходимо дать из номера в номера в имена неизбывной долю теоретической пищнице по философии, по политической экономии, по истории международного социализма.

«Норкъ» недостает боевого темперамента, «Норкъ» нужна вместе с солидным академизмом сочетать задорный воинствующий материализм, и тогда «Норкъ» будет одним из интереснейших явлений в литературе мелких народов.

Нам известны грузинские журналы, которых в Тифлисе издаются несколько, но мы до сих пор не могли разобрать ни одного академиста из них, хотя бы для того, чтобы судить о том, в каком направлении идет работа. По итогам обильнейшим судя, в вышедшем году в Тифлисе начнет выходить специальный журнал марксистской теории. Дальше пора! Тифлис легко справится с задачей создания подобного теоретического органа.

Уже раз заговорил о марксистской просвещении среди национальных меньшинств, но можем притягивать только перевода брошюра книг на эти языки. В эти народы в России, которые тоже еще не начали создавать свою литературу, имелись и такие, которые имеют чисто языковую историю литературы, но у всех народов марксистской литературы не было ни перевода, ни оригинальной. Иclusivem могут быть лишь грузины, армяне и, быть может, украинцы.

Т-пере, после советской революции почти на все языки соплемени переводятся книги и брошюры, самого разнообразного содержания, среди которых отнюдь не последнее место занимает марксистская литература.

Л-чше всего это дело перевода классической марксистской литературы на новый язык поставлено в трех Закавказских республиках

Б. Резника проект все национальные и громаднейшие силы общества привлекают к изданию признанных марксистских трудов.

Этот же краине блокают нашу жизнь противоборства обширное успехом марксистского просвещения во провинциях и среди национальных меньшинств.

и на Украине. Под руками у нас немного названий, но и они дают вполне представление о направлении работы.

На тюркский язык переведены Ф. Энгельс «Проникновение семьи, частной собственности и государства» (перевод А. Хасанова), К. Каут斯基 «Происхождение рабочего класса» (его же перевод), К. Маркс и Ф. Энгельс «Коммунистический Манифест» (вопулярное издание с прим. Д. Гризанова). Кто чем живет? с предисловием Ильяшиона, Б. Гоги-бронхири «Плеханов и т. д. и т. д. На грузинском языке издана «Коммунистический Манифест» с комментариями Д. Гризанова и с предисловием Ф. Махрадзе. На узбекском языке в Туркестане издано много брошюр просветительского характера; антирелигиозная литература процветает и у армян.

Как-нибудь мы постараемся, обрасти этот интересный процесс распространения марксизма в наиболее отдаленные уголки России, а теперь для нас важно то обстоятельство, что к общей теоретической работе если не применимо, то очень скоро примутся десятки и сотни новых сил из рядов молодежи угнетенных народов.

Процесс разложения националистического партикуляризма и ненужества имеет очень быстрый, и мы надеемся, что не далек тот день, когда материалистическая наука приобретет новых и новых тружеников из среды ранее забытой и угнетенной России.

Подведем итог:

Наши губернские органы крайних неудовлетворительны, их нужно, быть может, числом скратить, но качеством улучшить во что бы то ни стало.

Те журналы, которые выделяются, делают ряд очень грубых ошибок—они могут стать вреднейшим явлением, их нужно систематически исправлять.

Чем лучше будут поставлены нами провинциальные популярные журналы, тем легче будет нам привести в гущу пролетарских масс марксистскую науку, оси их это будет почти невыполнимая задача.

В. Румий.

Профессор истории в круговороте жизни Р. Виннер. Круговорот истории. Изд. «Возрождение». Б-рия, 1923 г. 202 стр.

Проф. Виннер написал книгу о круговороте в истории. Всейкий круговорот проявляет первый подъем и первый упадок. В книге проф. Виннера есть и то, и другое и остроумная критика нек-где прервавшихся исторической науки, и б-спомощественный лепесток науки. Но нас во интересует сейчас внимание по заслугам тем или иным замечанием в книге Виннера—как интересует исключительно ее общественный смысл и значение.

В применении к истории новый круговорот проявляется эпохи расцвета и эпохи заката общественной жизни и культуры. В один случаях круговорот выявляется как выявление воли к прогрессу (издр., из Нью-Йорка), в других—как заявленное идеология расцвета старых отношений и бесконечного цикла новых. (Из того, что Виннер и Шпенгер придавалют второму типу—углоу таих извездий не по мановению ни на один грань.

Цел Виннера—показать, что мы переживаем упадок современной культуры.

Наш век есть век индустриализации. Вот враг, по которому следует открыть огонь! Во всех статьях так или иначе звучит об оценке современной общественности, о выяснении переживаемого ею кризиса⁽⁵⁾. Практи-

ческая общественная цель теория здесь выступает перед нами, не привратив никакой крыши. И еще говорят после этого, что марксизм не научен, потому что он—партийная идеология, ставящая себе некоторые практические цели.

Г. профессор перечисляет, на каких чертах современного общественного строя он хотел бы остановиться.

«1. На скорость развития, первичной последовательности, жажды и неизменности устройства общества, явлений, которых и пришли к завершенному гибелю (?) культуры. В истории нет примера столь быстрого распадения сдвигов цивилизации.

2. На увлечении нового века вопросами техники, машинных изобретательствами, развитием разрушительных и испортильных средств, ускорением социальной науки на ущаде личных умений, с сокращением организованной личной жизни.

3. На демократизации политики, правов, учреждений и развития крайней нетерпимости между классами и общественными группами, при жажде решить задачи социального устройства.

4. На самонадеянности, бесконечном критицизме, крикливости века, постоянных вспышках противоречий, лицемерии панификации и исказивания, при наличии жестокости, воинственности, заняты, усиленного желания поставить себя в привилегированное положение» (6—7).

Уже из этого тела этого поражающего очертаний то мельхиора, против которого собираются сражаться наши новейшие Дон-Кихоты. Ибо, конечно, более всего на Дон-Кихота похож человек в XX веке, мало рабочей революции, машины противостоящие ремеслу. А таким именно былой ратни пропадессы явно состоявший на ведомстве посвященных, проф. Р. Ванпер.

Можно сказать, что дланями отрицаний проф. Ванпер «запомнил кодекс». Старое деление истории на древнюю, среднюю и новую должно сменить новое: палеолит, неолит и эпоха металла. Ноиновационный разделит Ванпер не замечает при этом, что он говорит проезд материялистического понимания истории, в том, что в разделении истории, называемом от того, проявлено ли оно или нет технический признак. Бирюса, греческий статуэтка, за старой примисле, с проф. Ванпером и в память места, как, напр., на стр. 11, где он членение государства Иоанн III и Иоанн IV объясняют заменой азиато-европейской техники. Это не сожжено по состоянию с тем толкованием истории, которая видит основную движущую причину исторических событий в идейных и личностях. Но не в этом сейчас дело.

Каждый век выдвигаетсяперед в исторической классификации эпох не из научных целей, а в итоге, на мало-затык противостояниями эпох современности. Еще в «Краткосе исторической науки» Ванпер указывал, что сравнительно с издавнейшими эпохами «изделия металлического века грубо, же зачинчивые» (7). Повидимому, изобретение металлической плавки, литки и ковки составляло не столько усовершенствование, сколько урок в области искусства и художественного ремесла»¹.

Любопытен здесь этот переход с ремесленно-эстетической точки зрения.

В новой своей книге проф. Ванпер идет еще дальше.

Сравнивая современность с каменным веком, он утверждает, что мы... —ничего не изменили в смысле системы культурных ростовий и жизней животных. Мы, главным образом, укоряли производство орудий и тканей, а также ускорили средство сообщения.

Мы, похоже, быстрее привыкли трогать изысканные продукты, быстрее распечатывать наши физические и духовные силы, что мы не создали других основ цивилизации сравнительно с каменным веком» (9).

¹ Краткосе исторической науки, стр. 19.

«Когда мы сравним по существу неолитическую культуру с нашей, мы увидим, что прошлое есть со техникой, но далеко не уступает в знании предметов (очкинчили, ее колдуны и знахари О, люди науки!), в усвоении ее таек. Ведь человечество существует и множестве все-таки благодаря земледелию и скотоводству, а не благодаря электрическим и паровым машинам (какое детское-наивное противопоставление!); изобретение каменного века разрывается по сию и жизненной важности с остроумнейшим созданием эзотерического-философского типа нового времени» (104). Возражать против всего толкования изложенного—сложно самому автору,—более чем бесполезно. Да опровергнется—эти мысли достаточно выразить для всякого непредубежденного и для чисто-известного читателя. Да и сам проф. Ванпер при всей своей беспомощности разобьется в его оружии, но решается, естественно, знать и в каменный век современное человечество. Цель его же—искреплять успехи машинной техники последних столетий, реализовывать все то же ремесло. Склад влечет его неведомым силам. Он ошибается или, вернее, хотел бы ошибиться, потому что не может сознательно положение данного слова истолковать и для великого буржуазии, а социальное положение этого слова интеллигентии блаже всего в мозгах буржуазии, иначе так же чуждо, как фабрики и машинное производство. Мозговой буржуа—профессор,—как мозг потребитель, знает лишь их другие стороны.

«Гений изобретателей устремился на фальсификацию, суррогаты (очень типичные картины!) или на истребительные орудия. Работа на удешевление ополза лакомые, быстро разующие материю, тогда как старинная индустрия уела изыскывать контекст на всю жизнь человека» (20). Между пижаками в брюках г. профессора и современной фабричной культурой оказывается перекрестный антиголом. Но не одна только фальсификация отталкивает от нее устремления великого буржуа. Машинам есть источник всевозможного излияния.

«Можно сказать, что вся эпоха капитализма сложилась заполнена революциями и смешанными боями, конца, что она состояла из непрерывных гражданских и военных разрываний. В сражении с этими жестокими колебаниями, как парализаторя уточняющей и сокращающей самодержавия монархий и феодальных обществ»—воскликнет Ванпер (20—21). Эта атмосфера вечного движения в борьбе органически чужда мелко-буржуазной интеллигентии.

И поэтому, принимая социалистическую критику капитализма, Ванпер не может принять социалистическую политическую программу. В этом первоочередном круговороте проф. Ванпера в лагерь реакции, когда эта программа начала осуществляться в жизни. Так это счлено с действительным социализмом—коммунизмом—оказалась интуиция.

Его критика капитализма—острорезкая, но типично-мелко-буржуазная критика. Сыздило же, но вместе с тем бесчестия и морализующего подхода в замечаниях о бирже, как средство поощрения промышленности. Что же это за система, которая может хорошо функционировать только при содействии множества паразитов, точно необходимоечно статья пиявками для правильного кровообращения слишком видного организма» (22).

Следует подчеркнуть корни своего мировоззрения современной культурой проф. Ванпер разобьется сам, говоря об американской цивилизации: «Американская цивилизация стоит на опасном уклоне. Спешность жизни там явно служит в пользу интеллигентии» (16).

Потому же и коммунизм расуется проф. Ванпер как возмущение против индустриальной системы (26), поэтому же таким образом коммунист не заслуживает своего слова, когда он говорит о пренебрежительном отношении их к «общественности», «обществству», «мелко-буржуазности понятий» (24). Отсюда же цивилизации старицы: «Всматрившись внимательно в обломки, мы

можем мысленно воссоздать эту старину, красную, прочную, умевшую себя оправдать и сохранить, созданную им к домашнему очагу, и союз в своем племени, к родной земле, с уважением к человеческой личности» (25).

Старина—вот идея! Еще в «Кризисе исторической науки» Виннер обосновывал фразами идеи прогресса, как предпосылку к реформации старин: «Переосмыслив на расстоянии пяти тысячелетий строй в государственном учреждении Баварии и Египта, Ассирии, персидской, спартанской, римской империи, Нидерландов и Голландии, священной германо-романской империи, Золотой орды и московского государства—право, тут же видно некий закон»⁴. «Новое время исключено из этого перечня, как, очевидно, сгрехвшее машиной, не имеющей того значения в прошлом, какое ее прези-
стремило наше время».

Так, круговорот истории оканчивается вичной пылью, как тощанием за места в промысле и пропасти. Старина—вот всем целиком лекарство против капитализма, коммунизма, индустриализма, уничтожающих предпосылки человеческой культуры и ее заподлицо последников, современную международную буржуазию и т. н. средние классы.

Здесь, мы должны освобориться, необъятно разделять между разбираемыми нами словом интеллигентской и технической интелигентией, а также с современным способом производства и, наконец, идеологическими способами наших позиций.

Вера влечет за собой пророчество. Р. Виннер также пророчествует о будущем. Но не то удачно, что он пророчествует, а то, как он эти пророчества, сделанные в 1920 г., решается опубликовать в 1923 г.

Образы глубины своего понимания современности проф. Виннер давы-
ю в «Кризисе исторической науки», в свое время отмеченные М. И. Покра-
сским⁵. Там же мы могли бы отнести такой термин, как «терция классов», согласно которой же классы выработали-нет свою идеологию, а «передельная идеология» (безделья, небытства) склоняла, собирая это-умышленники, образует собою новый класс (13). Уже после этого можно сказать, что про-
фessor Р. Виннер несет для истории, как науки, если будет не только декларировать, но и в своих трудах применять эту теорию. В новой книге Р. Виннера делает новые успехи и провозглашает гибель города (30). Это пишется в 1920 году! Кто опасался и обличалы бывают в романах эпохи концепции одного-двух лет. В них концепционистам не открывали подлинный лик эпохи.

Варочко, что г. Виннер дает действительных исторических реалистов⁶. Согласно его новым выражениям, «вместе с тем самое ядро историческая реальность и заключена в изобретении (красоты), в человеческой представительности, насквозь художника и поэта струя не защищать и передать...» (107).

Напрасно, напрасно смеются проф. Виннер перво в критический виз-
вестника на кисть художников и про-рока.

Отходя к бесконечному его предположению о якоре постоянным согла-
шением веби и революций. Отожде тадж и связанные то и другое, он не раз-
личает таджей инженеров, воз тадж к воинственному магу и революции, от
революционной таджи, по-своему революции.

Отсюда мешанина трактовки отчима собственности в гражданской войне, как грабежа⁷, смешение патриотов и реального отчима империалистической войны во имя войны гражданской и многое другое.

Самая война понимается как вечное свойство человеческой природы, которая воюет, как известно, ничего не объясняет, а террор объясняет как улучшение германского народа в людях, ищущих проявления своей

антигностическом характеру (с. стр. 48). Это (несомненно) шедевр глубины исторического анализа.

И, наконец, снискательством соперничающей дезориентации является очевидное заявление на стр. 88—89, что археология—это типичная для XIX в. «науковая материалистическая» наука. Ненужество только—со стороны историка-идеалиста—во осуждение это или в похвалу?

Изя, изя—старина, Феодализм, средневековье, с некоторыми пор-
тами золотым веком всех элементов рассказа современного общества.
Изя за средневековье, за его античный героический изя, личную
храбрость и удальство (так-то, г. профессор!), за усиление воиннической
сторон жизни (30).

Но, раскрыши этот свой изя, г. профессор не говорит ничего нового.
Он высказывает лишь тайну своего собственного существования.

Он высказывает на услышание корпоративного начала. Он за усиление изя жизни в «дне умственного труда». Но уже не раз, и особенно М. И. Покрасским, размышлялась мысль, что старая университетская организа-
ция вела на себе до сих пор все отпечатки старой школы организаций
реческ в средние века. Проф. Виннер подтверждает это целиком и полностью.
Более того, Покрасским предложено всплыть—имеющие к средневековью—имеют вполне
материалистические корни в самых условиях труда и жизни ученого цеха
занятия прошлого.

Углубло интеллигенты в политической борьбе проф. Виннер противостоит необходимости большего ее корпоративного сближения. В нем
ласко гибнущей культуры (111—114). Это вместе с тем есть снискательство занятия политической роли опионированной интеллигентации. Еще поддава-
ем она была в отсталой России представителями всего общества в борьбе с моз-
гарадом Романовых. Собачьи они инвентаризуют вместе с выступлением на исто-
рическую сцену рабочего класса — захватившей группы с особенностями инте-
ллигенты. Мы видим преступность и недобросовестность борьбы классов, говорит проф. Виннер, и бессызия против них (116). Они бессызия с их славно-сантиментальными речами—это верно. Их историческая роль сыграла. И так как
они понимают недобросовестность борьбы классов, то совершающаяся изя борьба клас-
сов вполне устанавливает смыслы сущности социальным идеалом их позиций.

И когда проф. Виннер, ворзажа против марксизма, говорит, что «об-
щественные группы различаются между собой не одними интересами панци-
ры, щиты и квадраты, не одними способами и размерами заработка, но также
богатыми привычками, наследованными науки, выкрикнувшими в пределах
изя из языка в руки художников; что есть, кроме сопричастия в размерах
зароботной платы, еще глубокие тяготы и привязанности к товарищам по занятию; что, кроме расчетов, у человека есть еще нормы филантезии» (119),
то увидевшись, неужели творец подобных тревожных и заведомо неверных
фраз о марксизме был искону ему близок и пытался писать его историю?

И не буду налагать этого написавшего Виннером против демократизации
высшей школы в 1918 г., его план пеховой организаций частной школы и т. д.
Но все это—это нашего времени строительства рабоче-крестьянских вузов
не имеет никакой цены и не нуждается в опровержении.

Тенденция веде одна в та же—сократить прошую замкнутость высшей
школы, оторвавшую ее от фактической жизни, поставить смену ере по
тому побуждению в средние века мастеров обеи заместителей.

Идеология проф. Виннера есть реакционная идеология не изживших
еще революций традиций представителей умственного труда. Потеря устойчи-
вости потуги в для революций, они закружились в водовороте соб-
бога. Их собственный круговорот представляется им через их исторические
изя, как круговорот истории. Но действительная история не развивается

⁴ «Кризис исторической науки», стр. 20.
⁵ «Под знаменем Маркса»—1922 г., № 3.

ни по какому заранее ей избране, независимо кем, предписанному плазу, а творится в действительной борьбе классов. Чтобы понимать ее, надо снять очки профессорского позла и наложить на глаза трезвым взором марксистской науки. Но не составляют ли эти очки проф. Р. Вишера уже непримиримую часть его душевной и физической организации?

Ник. Карев.

А. Г. Бульфиус. Основные проблемы эпохи „Просвещения“. Птт., „Наука и школа“, 1923, стр. 122.

Заглавие рецензируемой книги значительно шире ее содержания, так как автор сознательно ограничил свою задачу, сосредоточившись лишь на тех проблемах, которые близким образом связаны с жизнью общества и государства*. При такой постановке вопроса, естественно, вышли все философские проблемы „Просвещения“, т.е. краеугольная часть второй эпохи, которая в наше для привлекает больше всего интереса. Конечно, было бы недоразумением упрекнуть автора в отсутствии в книге того, что он сознательно изъял из объекта своего исследования, хотя проблема философии, несомненно, относится к „проблемам духовного развития новой истории“, представить которые является основной целью работы автора.

Но и при указанном ограничении своей задачи автору следовало бы оставаться особо на стыке важных пунктах штетцелектантизма и движения XVIII века, как этическая проблема и проблема теории исторического процесса. Их весьма отчетливо в сфере „чистой философии“, они тесно связаны с жизнью общества и государства, а вторая из них тем более должна была оказаться близкой автору „книги, написанной историком“ (см. предисловие).

Автор сосредоточивает внимание на проблеме и эволюции естественной религии, на проблеме и эволюции учения о естественном праве и на проблеме веротерпимости, сас, взаимоотношения государства и церкви. Эти вопросы в аспекте XVIII века являются повторением служили темами научных и научнопопулярных работ, и А. Бульфиус добавляет нечто нового к историю литературоведению предшествующего нашего столетия. Это происходит не в силу отсутствия у автора таланта исследователя, в следствии того, что он идет по старине и не привлекает к подсобному рассмотрению (а не к базису) указанных на основании уже сюдах работ при изведении материалов, умышленно замалчивающих буржуазными историками.

В центре внимания автора остаются Бальзар, Монтески и Руссо. Испира, что исследователь XVIII века обязан уделить им должное внимание, но искал по-прежнему склоняться к Дидро, Гельвеци и некоторым других. Если бы, короче говоря, А. Бульфиус более заинтересовался материалистами, а не следовал бы в этом отношении прогрессивной горючей для них и для наших дней много интересного и нового. Автор правильно указывает, что темы были спрашиваемые ради иль не осмысливать разрывную линию, что мыслителям, стоявшим на этой рациональной основе и впередиходящим к иррациональному обоснованию решения Руссо, если были они выходят — затем. Значит, на известной ступени развития проблемы естественной религии переходила в проблему в атомизма, и на этой последней следовало бы оставаться значительно проще, ибо широкое распространение идеи атомизма, во Франции, — и чем ближе к революции, тем больше — из истории „Просвещения“ не вычеркнуть.

Точно так же у истоков идеи естественной религии историку следовало бы отличить от личных тем, как первый шаг в сторону от первою иррелигии, — отвлеченные выражение у современников значительную роль. В изображении „Проблема исторического развития религии и исторического прошествия и отношения к ним религиозно-философской мысли Просвещения“

свершилось воспреподнесено прозвучи Вольтэй. Этот доказал, стоящий у самого конца эпохи Просвещения и как бы подытоживающий социальную фабрифию ее, чрезвычайно любопытен в своих историко-религиозных взглядах. Отправная глава „Промахождение и финация религиозных идей“ из „Les Idées“ должна была бы привлечь внимание А. Бульфиуса и показана бы за закрытыми автора.

„О принципах не спорят“. Поэтому мы оставляем в стороне вопрос о „легитимности“ Гольбаха (стр. 34), а словоательство, и всего материализма XVIII века, тоже, конечно, это неверно. Равным образом, совершенно не верно утверждение автора о том, что молчанка Дидро „одарена желаниями в отвращении, памятью и разумом, чувством и мышлением“. Столь богатая „полезическая“ жизнь молчанки вызвалась тезисом Мольерта, и как раз против этого тезиса Дидро возражал самым решительным образом.

Переходя к проблеме естественного права (гл. III), мы должны сказать, что в общем автор вполне правдально замечает разрешение этой проблемы некий, недостаточно, показуя, оттенено созадание в глазах мыслителей эпохи понятий общества и государства. Разграничение этих понятий составило задачу уже следующего, XIX века. Но и в этой главе автор, оперируя, главным образом, именами Монтески и Руссо, оставляет в теме полемическую картину материалистов, особенно, как она наметилась к 1770 году. Всего этого слова „акрайности“ философии века Просвещения ставлены, и автор защищает „середину априористической“ идей. Не использованы взгляды Дидро на „естественное“ состояния людей: борьба с природой, как основное содержание этого состояния; таким образом проблеме реалистических моментов в мысли XVIII века в противовес подавляющим разынаджистическим не отражены в книге А. Бульфиуса.

Нам представляется, что ограничение „дополнения“ материалистов на стыке рецензируемой книги, допущенное в весьма скромных размерах, заслуживает внимания и уступкой духу времени*, а между тем, с нашей точки зрения, именно эта „акрайность“ включительно и повредила научной цене в общем интересной и полезной книге.

Несмотря на гл. IV („Государство и церковь, или веротерпимость“) определяется высказыванием уже сообразившими А. Бульфиус снова предодолеть слово Бальзар, Руссо и Монтески. Атеисты, по его мнению, „изъяли точных и левых указаний на то, как должно государство относиться к отдельным вероисповеданиям и к историческим религиозным коллективам“; они же указали „методом этой борьбы (с религиозными предрасудками и вероизменческими организациями) в государственном масштабе“. Конечно, при решительном атеизме не может возникнуть сложной и научистической теории государственного церковных отношений, но сводить все положения материалистов к вольфардской простоте требование Дидро: „увидеть последний париж кинематографа последнего вида“, значит выставить учение материалистов в наричие тупикового вида.

Тот же Дидро дает гораздо более обширный материал и для обоснования, и для практики конт-религиозной политики. Некоторая метафизика должна быть государственным и моральным заменена смыслями, научными знаниями, ибо промежуточные между ними быть не может. Дидро требует уничтожения представления закона божия в школах, закрытия богословских факультетов, „упомянутых“ духовности, вскрытия противоречий между их логикой и повседневностью, и т. д. Приводят „доказательства“ А. Бульфиуса из „Discours d'un physicien à son fils“ и „Mélanges...“. Дидро, а также на адрес, который ученик Дидро, Нажон, представил Национальному Собранию в первые годы революции. В этом весьма остроумном адресе Нажон дает сверхточно точные и левые указания на то, как должно государство относиться к церкви; он предлагает ряд законодательных мер, он обосновывает свои предложения. „Очевидность религии, необ-

хозяйство, являются у всех людей временем величиной, и, следовательно, являются также эпохами разума, когда эта очевидность разма нуло, и, также, когда она становится величественным отрицательным,—тот-рат, между прочим, Ноксон, а в его языке и все сопровождение уже к тому времени с жизненными сценами французского материалистов.

Вот это-то направление мысли французской эпохи Просвещения вошло себе места в книге А. Вульфиса; подобный пробел в связи с указанными в начале рецензии недостатками в достаточной степени обесценивает общую старательно выполненную работу автора.

и. Лупшина.

Борхардт Юлиан. Введение в научный социализм. Отдел снабжения Центрального Б. 1923 г. 104 стр.

Ю. Борхардту коммунистам зашифровал и его действенный международный орган Коминтерн казалось в свое время слишком прямолинейным и оправдывавшим в ряде этого он покидал наши ряды. Поэтому том интересовался новая работа, предшествовавшая которой помещено избрание 1922 г. На него мы удачно, не забывайте—от левого “расчетного” коммуниста—что первые годы войны и немецкой в окопах стали проводить различные международные и коммунистические. “Петровские причины” учитывать эту первенствующую, воинственную по числу-полиграфическим причинам в труде чисто-учебных (3). Задумано это различие между частной политической и чистой наукой, предполагающее наше земляк, потому что этот сочинял научный труд, который мы разбираем, является не чист и мы, как “общим” очерков социалистического учения и сущности эрфтутской программы”. Значит выходит, что эрфтутская программа является чисто-научным произведением. Это раз. А во вторых, ходит разве левый, который—говоря, в наши дни—занимается производством эрфтутской программы, которую сами с.х.—также называют гордостью. Вот в чем приходит безд от горячего сердца. Ведь левые обычно анализируют в науке, но к научному анализу, а к чувству, пожале разгулу западерской напористикой спешки.

Именно этим чувством, а не научным анализом, мы считаем указанные дважды (40 и 41 стр.), что новейший капитализм основан на Марксе. Автор говорит нас к устройству нового строя. И на естественный вопрос о том, что же на себя будет представлять этот строй, неожиданно замечает: «Пусть ничего не изменится в социальных условиях будущего, но все-таки в точности звено, одно,—что эти условия будут другие, не имея существующего» (74). Но почему, он дальше смыкается и приоткрывает замысел над тем нововведением будущим, которое нас так заинт. В будущем, сре-
зинки получат, чего он хочет. Организацию себе можно представить так, как группа лиц, соответствующих по своей профессии телевизионной коммерции, установив размер и количество сырья, затем подозревают об их подготовке предметов мужского количества и качества, даже получают об доставке на место потребления, о размещении и хранении в складах и наконец, о доставке их на дом по желанию потребителя» (101—102).

Объяснение исторических фактов современности, в частности войны, выражает своей практическостью. Заранее можно было знать, что Германия и Австрия не смогут бороться против пражской коалиции. Поэтому следовало бы играть союзником. «Если есть возможность дипломатии, то всегда создать такую грозную коалицию против Германии, то одну из главных причин этого надо исключить в общей ненависти германской элиты» (81). В мирной войне, например, группировка союзных держав действительно в крайней мере замедлила отвоевание Австро-Венгрии (82) и лёгкий Бордига совершенно серьёзно предложил сдачу: «Германия

правительство могло предложить концепции французскому, чтобы заручиться его союзом против Англии или наоборот — предложить «концепцию Англии против французов» (S2). И этот наименее избранный путь назывался французской «экспедицией Рура», так как французы якно показали, каких концепций они добиваются в войне.

Читатели могут пожаловаться на основания вышеизложенного, что книга Борхардта плохая и никогда не глядят. Вот в том-то и беда, что в общем-то она очень полезная и изысканная. Она заслуживает признаний поэтического материала чистой и фактов, расширяющих положение рабочего класса. Тяжелые насквозь войны, показывающие, что бедствия рабочих были ниже уровня прокураторского. Дамы прекрасные характеристики капиталистами и интеллигентами и т.д., которым они принадлежат. Вполне возможно вскрыть причины перехода рабочих в лагерь борцов за социализм, при чем сами левые отвергают «правый» ее и эту главу оглашивают «личною сущностью социал-демократии». Очень хорошие некоторые цитаты «свободы слова» и многое другое. Вот почему глубоко жаль, что редакция этой в основном хорошей книги не выбросила или по крайней мере не отогнула указанных выше мифов. Мы же нарочно застегнули машину критики, чтобы показать, что кого-то уязвил лично проплащенный Борхардтом, при всех этих хороших качествах, писавший тем самым последовательный марксизм, он сошел с правильного пути, и начались заглаты как научные, так и позитивистские, потому что еще Мир, язычники, «Критична философия при Гегеле», показали нам, что проправы науки есть практика, т.е. политика, и всякое отделение науки от практики и обратно будет некорректным. Борхардт стоит, как викинг, на изгибѣ плавни и по сутиству, значит, объективно упаковывает в себя окупацию Тура и говору Стименса с Пузинкой. Над этим все левые должны промолчаться.

Ст. Нрывцов.

«Проблема преступности». Сборник статей под ред. Я. Розанова. Изд. 1924 г. Упр. Госиздат, 266 стр.

Уголовное право, как известно, область, где, по выражению Т. Радомыла, «все почтят мару яки». Известно, конечно, вполне понятие о уголовном преступлении, только и существовавшее до 1917 года, можно сказать, и практику преступлений и наказаний только буржуазную; как ни было касательно рабочего класса вопрос о преступности, которая по удовлетворенному замечанию Ледора так наз. социологическая. Шаги в наше время очевидно, «заподлицо» ложились, и, точнее, «пролетариаризировались» — «культурного пролетариата», занятая криминальной основой отношений капиталистического «права», не имела ни избыточной энергии, ни достаточных оснований для краткосрочных уголовно-правовых.

Поскольку же сейчас, в государстве пролетариата, вопросы уголовного права получили актуальное значение, нельзя не приветствовать книги, ставящей себе задачей «укрепление» наших марксистских позиций в малоизученной области криминической социологии».

Но для выполнения этой задачи необходимо было сознание двух главных. Всевозможного, надо было сознать по возможности все, из того немного, что, зная марксистскую мысль по вопросам преступности и что смогло бы иметь теоретический интерес и в наши дни. И вторых, прежде всего надо было разъяснять о том, что преступность является буржуазной криминалистикой в концепции XIX века, когда преступность разрабатывалась, то предложил «социально-патологического изложения» преступности, несмотря на то, что пытается вспомнить, что преступность, борьба с ней только национализмом и тем самым шире поставила перед буржуазным государством эту же самую «проблему преступности», своей национальностью, узаконившим в

социологии "новая школа" резко отличается от чисто юридической старой (классической) школы, а у некоторых своих представителей, страдающих левизмом убеждений, может для некорректного глаза показаться даже более или менее близкой к марксизму. Однако, казалось бы оттого же что эти криминалисты, "правовым нормам" или "социализмом", их социологические упражнения являются однозначно объективно-реакционными, служа разрушением и усилением пропрессуализма буржуазного государства ("одинокое состояние" и "меры социальной защиты" вместо "либерности" в идеи индивидуального возмездия, несправедливые приговоры, досрочное обострение и т. п., принятых однозначно всеми разновидностями так наз. социологической школы), и однозначно лишенные теоретического значения, ибо однозначно отражающие нульважущий электизм и субъективно-индивидуалистический подходом к общественным явлениям (замечательны "факторы" и сакритетная "личность", являющиеся параллельно с "экономическими изменениями" определением момента). В социологии и политической экономии марксисты борются с такими особенностями буржуазно-декадентской науки, имено, что в углубленной социологии задача марксистов — борьба с такой "шумной", сколь бы она ни любила поговорить про "экономическое", а вместе не с классической криминалистикой, которая вообще не знает социологии, ограничивающей технический, юридико-юриспруденциальный окладением положительных прав, и потому вообще с наукой, с марксизмом и историчеством, что, к сожалению, не видят редактор обзорника (он, его представители).

Об эти условия в сборнике по соблюдению. Из марксистских работ по криминалии не использована ряд статистических исследований (Григорьев, Линднер, Герц), печатавшихся в тех же 90—1900 годах в "Neue Zeit", откуда пять статьи Кунова, Каутского, Сурского, нет и краиной в центральной марксистской работе по криминалии — докторской диссертации Т. Раковского, защищенной им 26 лет тому назад во Франции (что уж все-таки было есть статьи украинских товарищей: этой работы, правда, не в России, но через автора ее можно было бы достать за границей), и как раз криминалистическая статья столлов марксизма П. Го Интернациональ-Кунова и Каутского, интересные перепечатаны на русский язык, представляют мало интереса, так как по теме — полемика с давно славившимися в архиве организационных отрывками в криминалии, так и по своему жаргонно-обобщенному характеру (как должно отнести социал-демократии к теории Леберга?). Зато сборник наполнен не имеющими ничего общего с марксистскими статьями Форра, вышедшего изильмского социальца, а также полуфашиста, видавшего в преступлении "главный образ" биологической феноменики, Козлакина, "социального республиканизма", с комичной серьезностью опровергнувшего подложки Э. Ростана о криминалистических свойствах злодейской социал-демократической пропаганды в буржуазных странах, немецкого с. д. Гросса, защищавшего реалистическую юридическую оружие Леберга и, наконец, русского профессора Гернета ("социалистическая крыша социологической школы"), гужанно настроенного по отношению к рабочим и решительно несогласного почему зачинщиков уже не раз у нас "по марксизму"; все эти статьи способны не "закрепить" в марксизме, а обратить внимание с толку беспотребленного пролетариатского читателя, занимавшегося криминалией.

Зато очень полезными для него окажутся статья Ляфара (превосходящее статистическое исследование о зависимости преступлений от промышленных конъюнктур, имеющееся уже в русском переводе), Бонгартса (именно этого ортодоксального марксиста из криминалиста по профессии) и отчасти Сосновского, интересно стоящего вопроса о герардской силе преступности с основными оттенками капиталистического общества, но поскольку практически все же понимающего привилегиальную роль между "социалистами" и марксистским подходом к изучению преступности (те, мол, в свои

этапно-политических выводах ограничиваются реформами, мы же стремимся в социализму).

За эти статьи начинаяющие криминалисты будут благодарны издателю сборника, тем более, что вадан он превосходно.

Игудилов.

Академик В. Стеклов. "Математика и ее значение для человека". РСФСР Госиздат. Берлин. 1923 г. Стр. 137.

Книга академика Стеклова посвящена вопросам философии, математики и методики. Главным образом в ней говорится о происхождении основных понятий и законов указанных наук. Кроме того Стеклов разбирает вопрос о научном творчестве вообще и об отношении математики к философии. Все это делает книгу очень интересной. К тому же эту книгу выделяет из ряда других книг на эту тему, имеющихся на современном русском книжном рынке, интересной точкой зрения автора и блестящим изложением.

В противоположность многим и многим современным профессорам проф. Стеклов задает от религиозности¹) и вообще какого бы то ни было преклонения перед религией, чужд догматизма и метафизики. Книгу свою он начинает с краткого обзора основных философских течений, начиная с Бокона и кончая Кантом. Первый упомянут греческой культуры до эпохи возрождения и скончавшийся как "тысячелетний комар" (стр. 7). Причиной же скора является как "всевлачущее безличие" — "христианство" (стр. 5). "Невежество" (в лице народов. А. М.) с удивительной ловкостью использовало учение Христа, чтобы под его прикрытием загубить всякое проявление живого духа, сковать всю Европу, калечить, пичкать беспросветного мрака" (стр. 6). После "тысячелетнего комара", начиная с Бокона, Кодуба, Висо-де-Гама, Лонгварда да Винчи, Д. Бруно, Концептика, Галилея, Кеплера, Стенона, Гейгенса, Лейбница, Ньютона и многих других математиков, физиков и астрономов, книга распахивает науку. Особенно выдающуюся роль играет при этом математика и математики. Клеркализм и теология жестоко разгребаются со всеми полемидами и широ расठачают "ужасающие птицы", "сжигают живые" и пр. Однако им не удалось остановить научного развития. Мало того, "математика" не только прорвала фронт теологических броней, отбивших авторитетом первых и славившихся жажденiem тисками земи у человечества, но проникла в самое сердце теологической системы и, наконец ей был нанесен удар за ударом, вирбески разбрасывая все ее устои, которые с такой фантастической восточностью и последовательностью возлагались в течение раза восьми" (стр. 10).

Это "сердце теологии" укрылось в философских учениях о существовании промежуточных идей, в учении априоризма. Так, по мнению Стеклова, "в учреждении Декарта о невозможности воздействия материальной природы на живой дух складалось основное положение старой теологии о коренном противоречии между душой человека, находящейся в ведении всеобщего бога, и его плотью, т. е. "сокрушом скучедильным", которым все-таки заведует антипод душа-сущина" (стр. 13). Для объяснения возникновения рожденных живых Декарт прибегал к ссылке на несметного бога. Но, "если бы во многом ошибся его", Система Декарта оказалась ложной. Учение о рожденных идях, порождение теологии, в грубой форме проповедуемое в учении Декарта, в дальнейшем совершенствуется. Таким более совершенными системами являются философские учения Лейбница и особенно Канта. Стеклов отме-

¹) Любопытным фактом подтверждая профессорами, в том числе и германскими, является подозрение профессора И. Менк. Гог. Университета Боннса в дальнейшем германа, т. и. с. Гернета, где они вынуждены были что рождаются стоять бесподобно на старом стуле. Некогда распространено и увлечение восточной кистью.

чает, что «именно математика всегда являлась и является источником философии, что она создала философию и может быть назана „матерью философии“» (стр. 31). Но, если математика давала «новых к созданию философских систем», допускаемых автором и безусловно истинное знание, то она же являлась той «стальной силой разума», который тяжела к все новым и новым изысканиям и в критике учения об авторионе и безусловном знании (см. стр. 31). Именно в этом видят главную автогику математики анал. Стеклов. Как же современный вынужден философия Канта, математика показала ошибочность ее и прежде всего в учении о пространстве.

По Канту геометрические фигуры, линии, поверхности, объемы есть созидания чистого разума, чистые воззрения, предшествующие опыту. Поэтому, например, ребенок, никогда не видевший круглого предмета и увидев его впервые, отыскает его как круглый потому, что образ круга наизрел зарожден в его мозгу от природы. На основе таких же авторионных чистых воззрений опираются в положения анализа и Евклидовой геометрии. Они, по Канту, базируются на истине.

Против этого положения обращается анал. Стеклов. Он в левой и правой очных остроумной форме высмеивает идею авторионизма, в течение веков не оправданную учеными от заблуждений. Он показывает, как мездено вырабатываются геометрические представления, как много ложных взглядов приходится преодолеть, прежде чем удастся достигнуть правильных представлений. Приводя достаточное число примеров геометрических заблуждений, Стеклов довольно островерно замечает: «ведь в этих примерах можно скорее вспомнить о врожденной способности человека к ложным представлениям, которые затем, через долгий промежуток заблуждений, с большим трудом разбиваются именно опытом, и их только направляются на путь истины» (стр. 20). Тут же он понимает, как образуется представление об авторионах знания, «запечатленного», — говорит он, — «что добьется таким путем (г.-е. опытом, А. М.) более правильная мысль и запечатленное определение представляется затем иной, но очевидной, прописью как бы за аксиому, не имеющую имена и доказательства внизу ее очевидности».

В другом месте по поводу основных аксиом в математике он говорит: «В настоящем времени мы do такой степени основались с подобными истинами, что они кажутся нам данными в нашем сознании навсегда, составляя как бы его природное свойство, возникают и мельчайши самы собой с возникновением самого сознания; устранить из него сознания эти истины представляется невозможным без утраты того, что мы называем сознанием» (стр. 98).

Но если истины математики очевидного прохождения, то в чем же ошибки Канта и вообще заблуждения, допускаемых авторионами?

Ошибка их заключается в том, что они заранее допускали то, что нужно было доказывать: бесцелесообразную истинность геометрических и математических положений. «Принципы, например абсолютной достоверности аксиом обычной геометрии, этической геометрии, истины и то пр., т. е. на первом допущении то, что нужно было доказать, они, после длинного развода, — иссыпь остроумных и сложных логических построений, приводят к тем выводам, которые наперед допустяты т. ч. в отвлечении философской фантазии повторяя ту же ошибку, которую допускают чистые геометры в течение почти двух тысяч лет, стараясь доказать независимость от постулата Евклида, что сумма углов правильнейшего треугольника всегда и необходимо равна двум прямым» (стр. 77).

Рассуждения ошибки Канта. Стеклов подробно останавливается на вопросе о происхождении постулата Евклида, аксиоме анализа и законах в математических спорадах. Некоторые из постулатов Евклида, критически разоблаченные исследователями, приходят к выводу, что все эти постулаты, аксиомы и законы «получены из опыта». При этом доказательство Стеклов пользуется то данными физиологии, то данными истории науки, то данными историей

культуры. Для нас особенно ценно, что академия Стеклов пользуется исто-рическим методом. Так в вопросе об опытом прохождении понятия о числе, он приводит (правда, небольшими) данные о счете первобытных народов, вышибающих, ведущих и греков, и русских.

В результате разностороннего анализа он так разумеет свои выводы: «Мы полагаем... что основы всех наук, в том числе и чистой математики, созданы путем данного рода опыта и наблюдений, и обобщения замечаний на многих частных случаях общих закономерностей» (стр. 104).

Таким же образом исследует Стеклов и аксиомы Ньютона механики и законы причинности. И здесь он не находит места для авторионизма.

Но если автор разрабатывает книги отверг авторионный характер законов в духе математики и механики, то, может быть, он допускает бесцелесообразную истинность, метафизическую неизменность найденных смыслах опыта правильных явлений? И этого нет! Стеклов против догматизма и метафизики. Он доказывает в том смысле, как это слово употребляется у марксистов. Так по поводу языка математики он говорит: «Создаваемые таким путем основные законы, якобы ничего им предшествовавшего в содержании разума, не являются, вообще говоря, точным воспроизведением фактов действительности, и только приближаются им выражениями. Они имеют только относительную достоверность, которая тем более приближается к абсолютной, чем более подтверждается дальнейшими из них чисто логическим путем выводом данных опыта и познаний, чем чаще и точнее опровергаются основанные на них предположения будущих явлений. Однако абсолютная достоверность никогда не достигается, и никогда не исключается возможность того, что те же опыт и подтверждение доказут недостоверность тех приближенных утверждений, которые мы приносим в течение иногда длинного промежутка времени достоверными» (стр. 73—74). Точно также приближенными Стеклов считает законы геометрии (стр. 77—78) и законы анализа (стр. 103).

Они наше здание мира действительности лишь приближенно и постепенно в известной доле относительно, если рисуем на нем сознания опыта имена природы лишь включением отражения ее, то все же такое знание есть единственно достоверное, положительное знание. Оно устраивает «важный элемент истины», логичным и «надежно» об авторионных истинках в абсолютной достоверности человеческих знаний» (стр. 134).

И совершение «правданного акта», Стеклов со всей решительностью разрушает против метафизических притязаний и потут идеалистов в лице проф. А. Ш. В-денического содействие им озлато истинное знание. «Возможность приводить будущее, изобретать и делать открытия неизмеримой для человека пользы при помощи приборов и знаний природы их не удовлетворяет. Их жажды теряя сада на собою...» Онг хотят бесцелесообразного, абсолютного знания. «Очень постыдное требование, и, к сожалению, в угоду ему делают природу не приложиться», — замечает Стеклов (стр. 63—64).

Мы не можем не приветствовать этой защиты Стекловым научного знания.

Большая половина разрабатываемой книги посвящена критике идеализма в философии. Другая половина книги посвящена положительному изложению философии самого академика Стеклова.

Самой интересной частью из этих изложений является взгляд на основы математического творчества.

После того, как открыты основные исходные точки, аксиомы данной науки, являющейся обобщением всего нашего опыта о фактах данной науки, за них яконо, что «затруднительным путем могут быть получены все возможные следствия». Потом — вот о другом, которое разваливает аксиомы в доказательную систему. Но все, что в такой системе должно быть из области опыта, черпается лишь из основных аксиом. Наряду с этим доказательство ничего

не создается. Логика лишь исчерпывает содержание аксиом. Поэтому логика (формальная) ничего нового нам дать не может и очевидным образом не при посредстве ее создаются новые научные итоги, новые открытия, обновляются возможность новых, член существующие, аксиом в научных системах.

Вот на механизме создания новых научных итогов и спородочечает свое внимание акад. Стоклов. И здесь, конечно, онти пишет некий торжественный отчет о том, что онти является источником научной мысли. Онти даёт материалы, на которых оперируют учёный. Но в чем заключается открытие учёного? В чём оказываются талант и гений?

Стоклов видит причину истинного учёного в способности из небольшого числа фактов вывести, вернее, угадать общую закономерность, закон, которые охватывают не только эти исходные факты, но и множество других. Эта способность есть физиологическое свойство нашего мозга (стр. 91, 105, 112). Таким образом основные идеи не извне откуда-то проникают в головы вит в нашу голову, а являются продуктом активной деятельности нашего мозга.

Но, поскольку разработаны и ясны законы дзутинского мышления, настолько же тесен для нас процесс творческого открытия новых итогов. Стоклов этот процесс называет и вступительной и подытоживает рядом примеров, когда открытие для самого учёного является итогом решения проблем стихии физической мысли, счастливой догадки.

Для нас важно отметить, что Стоклов признает для области патологии бессильной формальную логику (стр. 99). Патология дает в качестве обобщения всегда нечто большее, чем заключается в тех фактах, из которых она исходит. Здесь мы, возможно, перейдем в область диалектической логики. И поэтому процесс патологии склоняется к более сложному. И тут мы располагаем с академиком Стокловым в разные стороны. Он говорит (стр. 111): «Наличность этой патологической способности устанавливается непосредственно из наблюденiem; новая объяснение или причины возникновения невозможно, ибо они сама является первым признаком исключительного объяснения чего бы то ни было»...

Мы подозреваем, что акад. Стоклов ошибается, утверждая, что, если патология есть механизм создания итогов, то нет итогов, которые бы могли служить исходным пунктом для построения самого процесса патологии. Тогда именем являются имена науки физиологии, в частности, рефлексологии. Механизм рефлексии, лежащий в основе мыслительной деятельности, может служить не только анализу сложного раздражения, расположено он на составные части, но и обобщению частных раздражений на основе того объекта, что в них имеется. Таким образом имена рефлексологии лают в руки право, возможность существования чисто академической Стокловской патологии.

Но не только в этом пункте мы не соглашаемся с акад. Стокловым. Более всего своих идей он пишет краю кому изложение основ собственно философских взглядов, которые он считает продолжением того изложения в теории познания внешнего мира, которое было создано Лобачевским и Чебышевым, великими русскими математиками.

Здесь он высказывает свою вагнаду на вопрос о познаваемости внешнего мира, о сущности душевных явлений и о возможности познания этой сущности.

Если в большей части книги мы видели в Стоклове вооруженного другой кризисной естествознания, то в эпике именных заключительных страниц мы видим в Стоклове математика, невидимо перешедшего лично в сторону формального мышления, в сторону переходящей той логики, кото-

1) На вопрос рефлексологии можно рекомендовать на русском языке следующие книги: А. А. Альбукерке. Доказательства о роли объективного источника имена перед познанием явлений Година 1923. Альбукерке В. Бехтерев, Образы основ рефлексологии человека, Година 1923.

рро на выше ссыпанной. Этим невольным преклонением пред формальным мышлением мы объясняем явные противоречия и ошибки, которые обнаруживаются в книге Стоклова.

Прежде всего о том, что является первичным: внешний мир или наши ощущения? Несмотря на то, что Стоклов достаточно часто раз в своей книге подчеркивает значение науки как модели, приближенной картинки внешнего мира, несмотря на то, что он признает этот мир существующим и находимшим источником наших ощущений, — несмотря на это, у него встречаются формулировки такие, которые при дальнейшем их развитии (как, например, что видим у мышления или воображения) привели бы к прямо противоположным положениям, чем указанные. Так, на стр. 38 он говорит: «Ощущения пространства, цветов, звука, запаха, тепла и т. д. сами по себе есть первичные факты, не имеющие ничего из предшествующего, служащие исходной точкой всей дальнейшей материальной деятельности».

На основе этих суждений создается наше представление о материальных предметах, о наивной физической природе, о действительности (стр. 129). Но именно потому, что мы знаем только ощущения и ничего более, Стоклов считает, что «они о том, действительность ли существует вещи вне нас — внешний материальный мир, не имеет смысла» (стр. 130). «Он действительно существует по самому своему определению, ибо существует определенная категория ощущений, ему соответствующим и непосредственно им ощущаемым».

Быть признаваемо существование действительности «по определению», правильнее было бы сказать, что ощущения и находимся не правильными. Если стоять на формальном почве зрения, то правильнее будет признавать одни лишь ощущения, а предметы, мир, как комбинации ощущений, или же делают мышление. Признаю же мир действительности за источники наших ощущений, иначе ити до конца и признавать эту действительность не только «по определению». Вопрос о существовании действительности тогда будет не только не бесмысленным, но, наоборот, полным глубочайшего смысла. Разве дальнейшее развитие естествознания и техники, опиравшихся именно на признание существования мира действительности, не дает нам в руки таких данных, которые должны уточнить прежние формальные соображения? Разве возможно существование без этого допущения существования действительности? Разве естествознание не дает нам в руки данных, обобщающих возникновение в ряду элементов действительности ощущений и сознания? Разве оно не доказало первичности именно не ощущений, а действительности, получающей у Стоклова существование лишь по формальному определению? — Из всех этих вопросов естествознание дает нам самые последние ответы.

Так же не удовлетворяет нас формулировка Стоклова о характере существования душевных явлений нашего организма. Подчеркивая во многих местах физиологическую роль основного такого основного механизма нашего мышления, как механизм науки, он все же заявляет на стр. 130: «Если в большей степени мы непосредственно чувствуем невозможность придать явлению материального существование так называемым душевным явлениям нашего организма». Хотя из смысла всего рассуждения, из которого вина появление цитата, и можно заключить, что здесь Стоклов рассматривает душевые явления с субъективной точки зрения, однако же, во сформулированном конкретизированном душевных явлений.

Действительно, переходя субъективно свои собственные душевые переживания, мы не можем ничего сказать об их материальности, так как между вообще возможностью исследовать их как-либо иначе, чем в субъективных переживаниях. Мы лишены при этом возможности измерения и оправдания основных требований при познании чего-либо. Как велика

смерть аршином аршина, так нельзя субъективно переживающей себя характеризовать себе как материю». Но то, что субъективно не может быть названо как материальный процесс, объективно таковым является. Весь, ложные процессы, как хорошо известно и академик Стеклову, есть лишь сложные процессы в очень сложной организованной материи. Так Стеклов в них относит к области физиологии. И, действительно, рефлексологи учат нас исследовать душевые явления как «особый род материальных, физиологических процессов. Принятый материальный характер „душины“ проявлен, мы должны лишь отстраняться трактовать их как обычные химические процессы материи». Но процессы физиологии неизменно являются процессами механизмов, и одни лишь закончили механизмы неизменно для объяснения душевных явлений... Но эти явления существуют объективно, как процессы материальны».

Погородившая роль ощущений и оценок чувств в познании якобы внешнего мира объясняется, и два следующие неложности в изложении авадеана Стеклова.

Правильная пространственность свойства объективно существующих предметов, признавая объективно существующей простираемость их, он в то же время отказывается признать объективное существование пространства (стр. 79, 38). Но Стеклов пространственное восприятие предметов есть физиологическое свойство нашего нервного и мозгового аппарата. Не сложиться на точку зрения априоризма, Стеклов том не менее, во вопросе о пространстве заявляет, таким образом, позицию, родственную в некотором отношении к Канту. Мы подаем, что пространство существует объективно, как форма расположения материи, ее частей. Признают простираемость материи, как объективное ее свойство, и отрицают объективность пространства—воплощенное противоречие, совершившее Стекловым несомненно лишь из желания во что бы то ни стало поддержать традиции «чтения» им основоположников русской математики—Лобачевского и Чебышева. Так не изменил и сам Стеклов догматики, против которого он вышел!

В заключение укажем еще на явную ошибку Стеклова при обосновании им его точки зрения из возникновения представления о силе. Здесь он обосновывает свой взгляд соображениями из области физиологии. Но опыт, который он берет в подтверждение своего вывода, совершенно выворачивает. Количественные представления о силе он выводит из мышечных усилий. Он говорит: «с глубиной личности человека должен быть заметить, что, при поднятии или натяжении одного в тоже же груза двух руками, мышечные усилия каждой руки независимо оказываются выше более сильными, чем при поднятии или натяжении того же груза одной рукой» (стр. 65).

Очевидно, что в зрительном поле своих мышечных усилий определяется объективно. При этих условиях никак не могут получаться представления о пропорциональности между сопротивлением и мышечными усилиями. Их психологию известно, что если первые расут в геометрической прогрессии, то вторые—в арифметической, что и имеет название закона Ньютона-Фихтера. Этот закон все никакого сомнения хорошо известен и самому академику Стеклову и если он берет указанные иллюстрации к возникновению количественных представлений о силе, то лишь отдача, с одной стороны, за радиономичному, которого он, вовсе с тем, и сам не избегает, с другой стороны—доказательство противоречия органам чувств и опущенное.

Но некоторые из критических замечаний, которых мы считали нужным сделать по поводу содержания книги Стеклова. Риль другие вопросы, затрагивавшие в книге, мы не каснулись, но вспомним, что сделанные замечания достаточно для характеристики книги.

Несмотря на указанные философские ухищры, книга академика Стеклова, так ярко в своей критической части, так метко бьет по априоризму и изв-

лому, так легко расгоняют идеалистический туман, обильно распространяющийся сейчас в научно-популярной литературе и с университетских кафедр, что ее нельзя не рекомендовать нашему студенчеству. В то же время эта книга может служить и объектом для критического ее разбора в марксистских кружках с точки зрения диалектического материализма.

А. Максимов.

О. Д. Хвольсон. «Строение атома и рентгеновы лучи». Петроград, 1923 г. Научное издательство.

Проф. Д. А. Гольдгаммер. «Невидимые глазу мир». ч. I—Молекулы и атомы. Госиздат, Берлин 1923 г.

Книги посвящены одной и той же теме. Но в проф. Хвольсон видят вождя теории строения атома (Бора-Джонсбергфельда), в то время как по мнению Гольдгаммера, написавший книгу в эпоху блокады (1919 г.), мог использовать только старый спиритуальный материал. Изложенные у обоих авторов введение и истинно попудрение, т. е. читатель с известной элементарной физикой подготовленной сумеет получить основательные и строго научные знания по затрагиваемому вопросу. С точки зрения сознательности и взысканием учениями об атоме книга проф. Хвольсона превосходит. С приводом ему мастерством, Хвольсон вводит читателя в теорию Бора, налагает ее на рациональную форму, развитие теории у Джонсберга (круговые орбиты Бора заменены эллиптическими; наблюдается замечательное тождество атома и макромира с планетным микромиром) и, наконец, приложение теории к лучам Рентгена.

Сочинение Гольдгаммера, трактуяще до-Боровскую кинетическую теорию материи, может служить прекрасным введение в работу проф. Хвольсона. В этом отношении книги образуют как бы единое целое, и их можно сердечно рекомендовать читателю, жаждущему быть в курсе важнейших вопросов современной физики.

Это единство было бы полным, если бы не одна особенность, которая ведет разрыв между сочинениями. Эта особенность заключается в коренном различии тенденций авторов. Эти тенденции можно формулировать так: проф. Хвольсон тяготеет к классической интерпретации научных явлений, в то время как Д. А. Гольдгаммер стоит на строго материалистической почве времени.

О. Д. Хвольсон старый римарь идеалистической философии. Свои воззрения он особенно ярко выражает в книге: «Гегель, Гинкаль, Кошут и другие», направляемой против знаменитого автора «Мировых загадок». В. И. Ленин, присущий ему революционность и спорадичность, назвал это сочинение «черносотенной брошюрой».

В реформируемой книге онстал верен себе.

«Чудесное явление механической теории является лучистой энергии рентгена»,— сообщает нам автор.

Из всех частей нашей науки постепенно вытесняется идея непрерывности. Эффер (читай: материя); властно царствовавший в старой физике, должен был спуститься в дарство темной, неизвестной—жизни или мертвых, и во всяком случае сейчас, хотя может быть и только временно, для науки ненужный». Это слова представления повторяющие то, что проф. Хвольсон писал еще в 1916 г. Но проф. Хвольсон почему-то скромно умалчивает о том, что сам побудил Эффера, знаменитый Эйнштейн, после 15-летней эволюции снова привел Эффер (материя). При чем этот Эффер уже не тот глупоманский и поганый Эффер (материя). При чем этот Эффер уже не тот глупоманский и поганый Эффер (материя).

Причем Эффер Эйнштейна—это грозный Эффер Дешарта, т. е. пространство, как физическое тело (материя), Эффер, против которого

идет 300-летняя борьба и разыгрывается, по выражению Гаусса, крах «богатств». Правда, учено Эйнштейна окутано густым скользким туманом (исследование физиков чистого описания), но в нем есть то здорово и премного выражено ясно, что, оно, наконец, поставило во строго научную почву проблему доктора, т.-е. проблему научения пространства как физического тела (См. Эйнштейн, Геометрия и опыт, принцип относительности и т.д.). Каково бы не было решение вопроса о природе нашего пространства (Евклидовы ли они или не-Евклидовы) но это решение должно получаться из опыта. Поэтому доктор называет пространство не бесконечным (infini), а неопределенным (indefini) и в письмах к Генрику Мору (который, между прочим, является одним из первых инспекторов нового времени, трактующих вопрос о не-Евклидовом пространстве; см. книгу *L'interprétation de l'espace et du temps* и др.) и в *Dimension des Nations* говорит о своей „благородной историчности“ в этом важном вопросе².

Необходимо учесть, что физика уже давно изучает пространство как физическое тело. Так называемая „гидроинженерная идеальная жидкость“ не что иное, как механика Евклидова пространства. В этом смысле легко видеть, прочти определение „идеальной жидкости“ Макклелла в его знаменитой статье „Atom“ (См. Британская энциклопедия, 9 изд., тле The Scientific Papers of J. C. Maxwell, т. II). И так как электромагнитные явления в „пустоте“ не что иное, как неопределенные процессы в такой „жидкости“, то отсюда и получаются замечательные „аналогии“ между выразимыми гравитацией и гидравлической механикой Макклелла. Вот почему электромагнитная теория лучистой энергии не есть антипод механической! теории (как уверяет проф. Хьюльсон), а *положительная механическая теория*.

Руками же механической теории, а несовершенной механической теории. Ибо основная симбиота старой теории в том, что она уподобляла эфир обычной „упругой материи“ (призыв формула из теории упругости), т.-е. более элементарной наивной логике энергии и вообще электромагнетизма, пытались вывести из более сложного. Неудивительно поэтому, что эфир старой физики представляет собой весьма удивительное „существо“: то это тело из тонкой плотности и громадной упругости, то это сплюснутый пар или газ, привнесенный с стеклом сосуда морозильной, то это пульсирующие волны, то собрание гармоник, то он является, т.е. неподвижен. Словом, с эфиром, то отстроенным выражению Эйнштейна (Маклод) каждый день, что едва только подумашь, и эфир, от такого обращения, превратится в „большого человека физики“.

Вернемся, однако, к книге Хьюльсона. В § 1 второй главы он заявляет: „Лучистая энергия прежде обнаруживалась колебаниями частички эфира, гипотетического вещества, заполняющего „пустое“ междузвездное пространство, а также внутри матери ее промежутки между атомами. Однако от такого взгляда наука отказалась, окончательно признав, что частички эфира представляют распространение электромагнитного колебания, сущность в характере которого мы здесь можем оставить без рассмотрения“. Очень ясно, что проф. Хьюльсон! Вы бы хотели в кратких словах познакомить нас с тем, что именно колеблется! Но пусть нынешний читатель не думает, что он таким вопросом может пренебречь к степени современного профессора. Уже давно химики Остwald и биологический физик Бальфур (согласно которому законами физики были отмечены в момент воспроизведения и возобновления Хрома) заявляли: разве природа (читай: дух) обвязана в каждом склону пра-ставить подлежащее? Колеблется — больше ничего. Колебание не нуждается

² Я не знаю и сочинений Доктора практикующего упомянутые небаканской геодезии. Т. него имеется, однако, академическое место (les Hautes pour la direction de l'École), ст. 300, им. U. Cesaria, где он разбрасывает вопрос о зоните „импорта“. Доктор утверждает: „Il appartient plutôt à la physique d'examiner si le fondement de ces divisions est tel ou tel“.

и в каком „что“, т.-е. кол-биться может „ничто“ (в действительности это „ничто“ = «всегда» = «всегда» = «всегда» = «всегда» = «всегда») пространству как физическому телу, т.-е. материи, и в это висит ядро скользкой склонности³. Все это не стала беспомощно, как может показаться человеку, искривленному в скользких туманах физики. Но, в конце концов, это, конечно, мистицизм и метафизика. Против последней выступает проф. Гольдштаммер в своей блестящей азовской работе.

„Ученые м-тифицикой и мистицизмом, — говорит он в главе X, — обнаруживаются в двадцатом веке в современном обществе, наложив свою печать на людей точного знания. Взамен логики и светлых образов механики идет стремление к каким-то таинственным схемам, не поддающимся отчетливому представлению, и вместо того, чтобы ставить целью истинствование разрывов тайны природы, люди готовы прокладывать ненужные тайны одну за другую. Чем необычайно, чем таинственна е, тем лучше...“ (Между прочим: Гольдштаммер в свое время выступил в защиту Массальса, теории которого обнаружил таинственный скемой, несмотря на то и потому, что она застала на ураждении Лагранжа). И вот, в то время, как Хьюльсон во всех своих выгодах постоянно твердил или делал наименее из того, что механическое объяснение явления невозможно и потерпело „окончательный“ (сколько раз!) крах, Гольдштаммер старается дать читателю ясное и отчетливое, т.-е. механическое, объяснение явления на основании данных той же науки. Взамен, например, элементарную теорию кванта, т.-е. атомов энергии. Эта теория сидела в руках мистики и метафизиков, орудием мистификации несметных умов. Авторитетные ученые, вроде Хьюльсона, заявляют: никто еще не пост, что такое кванты, тем не менее они чудесно объясняют различные явления. И когда Хьюльсон подходит к операции извлечения корней, то чувствуется, что здесь перед нами происходит не научное исследование, а алгебраическая месса. Гольдштаммер не существует, однако, заявлением авторитетов, так как он великолепно видят тайны природы этих заявления. Он прямо говорит (стр. 119): понятие кванта энергии есть необходимо для следствия понятия атомной структуры вещества. Нельзя, что проф. Гольдштаммер не наложил читателю замечательнуюную веху на теорию материи, великого английского физика Коллинз-Томсона. О, правда, затронул ее в вопросе о сущности упругости (стр. 132), но это недостаточно. Между тем, эта теория прямо доказывает необходимую природу понимания того, что такое энергия. Иланк, создатель теории кванта, в своей речи „О Течении света“ ставит один „томный“ вопрос теории кванта: как на основе этой теории может происходить интерференция света? Между тем, разумеется, теория вахрик неопределенно отвечает на вопрос Шанка.

Отмечаем в книге Гольдштаммера две главы: „Что такое молекулы и можно ли надеяться увидеть молекулы“.

Первыми из этих глав разбирает известное изречение Планка: „или мы будем думать, что бог, созидающий мир, газы, иссушает тем, что он опроверг, что и мы, приступати к игре партии игры на биллиарде“. Планка — замечательный математик и физик, но весьма поверхностный физик. Его физиония, опирающаяся на краину авторитета Планка, на математику и физику, в высшей степени предна для поисковых умов, подтверждено вовсе не для серьезной философии (это, между прочим, отмечал Б. И. Ленин в одном месте. Материализм и эмпириокритицизм). Цитированное изречение великолепно доказывает философскую поверхность некоего гения Молекула с биллиардов шаром! Что не следует слишком

³ См. например, курс электричества и магнетизма Т. М. который говорит, что электричество — это „Механика вакуума“, и рассматривает „свойство вакуума“.

уточнить явление? Но разве баллонный шар простая вещь? Разве сама уточненность, которую приносит такой шар, это нечто всем известно и замечательное? Всякий толковый рабочеконь знает, что то же самое (что и то что Пушкин!) должна знать, что строение кости имеет величайшую сложность, а более поясняющий в тайны физики человек знает, что явление силы уточненности—явление громадной сложности и на объяснение этого явления испытывают свои силы крупицышии умы (Лейбенсон, Павлович, Бернхольд, Сен-Венсан, Кельвинг-Томсон). Простая как-будто проблема ухода двух „абсолютно твердых шаров“ ссыпана в труни Ильинова, Лебинсона, Гейтингса и до сих пор как-будто нет споров в этом „простом“ вопросе (см., например, поэмущему между проф. Жюноновским-Шильдером в журнале „Гусарский физико-химического общества“ за 1864—1855 г.). Итак, сравнивая молекулу с баллонным шаром, мы не только не „упрошаем“ эту молекулу, но как раз наоборот.

Проф. Гольдштаммер вынужден читателю, в чём смысл уподобления молекулы такому шару.

В X и последней главе он обсуждает вопрос о том, как увидеть „собственные глазами“ молекулы.

Уже проф. Хольмсон соглашается с Планком в том, что „Атомы не имеют реальности, чем небесные тела: если мы говорим, что они этим вопросом весят $1.6 \cdot 10^{-11}$ грамма, то это не means реально, чем вес души в $7 \cdot 10^{-14}$ гг. И как этот вопрос нельзя положить на чашку весов, так и масов извести. Непту не извещена ранее, чем его увидел человеческий глаз“. Невидимый человек этот Планк! Он совершенно не покушал в тоистах философии! Ему бы следовало сказать: „Атом не менее реален, чем самозваные Карла Петровна, единомышленника Эрнеста Маха“. Ибо Карл Петров называет в „Грамматике Науки“, что вышеупомянутые „огромности из бесконечного тела и пространства не более, как вульгарные мифы наивного разума“. На самом деле существует только „бесконечная способность“ мышления преобразования. Солнце, но определению Маха, это только круг на линии в тарелке в поле нашего сознания.

Было время, когда эта философия имела успех. Это время, если и прошло, то проходит. Высшее могуществество философии чистого описание однажды усекли науки. Характерно выступление М. Планка против Маха. Мах заявлял, что миропонимание французских энциклопедистов XVIII века (продолжая, напр., Лавасса) „есть математическая мифология, недалека от антической мифологии древних религий“. Планк отвечает: „Но это ты, то эти мифологии очень своеобразны...“ Ах характерный признак! Это стремление к единству составленного нами себе образа физического мира, единству во всем, единству для всех мест и времен, для всех исследований, для всех наций и всех культур“.

Ясно, что то единство науки, о котором говорит Планк, осуществляется лишь вместе с социально-экономическим единством человеческого рода.

3. Цитаты.

Аграрная политика в России (Книга Н. Мессиана, изд. „Новая Агропром“).

Вопрос о сокращении между крестьянством и рабочими классом в нашей стране—есть, прежде всего, вопрос о смычке между государственной промышленностью и крестьянским сельским хозяйством. Это положение является несомненным, как беспспорной истиной, и, несмотря на это, наблюдалось все же некоторое разрывание, не только в теоретической разработке вопросов сельскохозяйственной экономики и политики, но даже и в систематизации этого богатейшего материала, какой дала и дает русская революция и современная аграрная действительность. Все то, ерзантельно, огромное коли-

чество популярной и научной литературы, которое появилось за последние годы в книжном рынке, почти совершенно не затрагивает этих основных вопросов сельскохозяйственной жизни.

Книги т.т. Осинского и Мессиана, освещавшие вопросы текущей земледелия и промышленности в революционных Съездах Советов и постановлениях ВЦИК, книги тов. Дубровского, сборник статей речей тов. Троцкого, небольшая статья тов. Стукки (в журн. „Коммунистическая Революция“) и предложенная к „Аграрному вопросу“ Бартского), несколько работ т. Осинского, посвященных разбору современного мирового сельского хозяйства,—и в то, что написано за последнее время марксистами по этому вопросу. Объект сельскохозяйственной экономики—до сих пор еще представляется обобщенными экономистами буржуазной и, в особенности, менно-буржуазной школы (Бруштад, Чапков, Суханов, Каханов и др.).

Предназначение сельскохозяйственной экономики, дополненной за последнее время аграрной политики,—является основой нового курса сельскохозяйственных учебных заведений. Несмотря на решительные меры, принятые в отношении коренного изменения социального состава студенчества и слушателей сельскохозяйственных учебных заведений, никто из марксистов до сих пор еще ничего не сделал в смысле разработки хотя бы небольшого учебника пособия, которое помогло бы студентству разобраться во всей существующей буржуазно-аграрной, а отчасти и старо-марксистской литературе.

А, между тем, мы—коммунисты—имеем огромное преимущество в этом отношении: не только перед всей плюхой буржуазно-аграрных экономистов, но и перед теоретиками марксизма XIX и начала XX века; мы не только имеем методос марксизма, тем методом, который давал нам возможность правильно ставить и разрешать основные вопросы экономики, но мы обладаем богатейшим опытом, полученным от великой русской революции и нашего советского строительства. Такого опыта, такого знания не имеет ни одна страна в мире и перед нами, которые обладают таким богатым наследством, которое является доказательством великой аграрной революции, творениями аграрного строительства, настойчиво стоящими обозначности возможно скорее суммируя аграрный опыт нашей революции, свести его в стройную систему и обработать, пользуясь марксистским методом. Нам даже не приходится бы заниматься что-либо новое, достаточно хотя бы собрать и систематизировать то, что дал нам по этому вопросу наш великий учитель, тов. Ленин. Уж это это позволило бы нам уяснить чрезвычайно многое и в смысле метода, и в смысле постановки и разрешения основных вопросов аграрной экономики и в смысле постановки и разрешения основных вопросов аграрной политики.

Эту задачу и поставила себе тов. Мессиан в своей новой книге „Аграрная политика в России“. Автор сам принимал участие в нашей революции и советском строительстве, с первых ее дней работает в области сельского хозяйства, принимал активное участие в разработке Земельного Кодекса, практически работает и до сих пор в области сельскохозяйственной политики. Поэтому тем ценнее те указания, какие мы встретили в его работе.

Автор считает основной целью своей работы „подведение итогов марксистской аграрной мысли“ и „научно-коммунистическое обоснование современной аграрной политики“. До сих пор (говорят он) аграрная политика находилась в жизни, но практика, но до сих пор не дало ей теоретически-систематического обоснования и объяснения в литературе“. И работа т. Мессиана представляет собой не только изложение основ аграрной политики, но и первую попытку, поскольку это позволяет имеющейся в распоряжении фактической материали, дать характеристику того, каким образом должна быть правильно построена эта политика в конкретных современных условиях и обстоятельствах, каким образом сухой остаток экономии должен перерастать живой плотью социально-политических форм“.

К сожалению, автор по причинам, от него изложенным («недостаток времени и загруженность текущей работой по Наркомхозу»), не смог «исполнить полностью намеченную программу». «По первоначальным замыслам (указанным в заключительной главе тога. Месцеля) книга должна была включить себя еще насколько гдеи посвященным более подробному рассмотрению следующих вопросов: 1) экономическому воздействию государства на сельское хозяйство (налоги, кредит, и т. п.), 2) планово-аграристической мероприятием (агрономическая аграрная политика), 3) механизации и электрификации сельского хозяйства, 4) разбору вопроса о группах и мелком хозяйстве и оценке спекулятивной теории о природе крестьянского хозяйства (семейно-трудовая и т. п.) и 5) в прору о будущности сельского хозяйства в России и условиях перехода его на социалистическую почву».

Без рассмотрения этих вопросов книга тога. Месцеля, конечно, очень многое проигрывает и, как справедливо сознается и сам автор, «заполнила лишь первые шаги в деле обобщения и систематизации материала по аграрной политике», представляет скромную монографию, первую попытку о систематизации с точки зрения революционного марксизма». Бумажу надеялся, что рано или поздно автор удастся выполнить намеченные им программы, а, может быть, ее докончить кто-либо из более свободных писателей аналитиков-коммунистов.

Но даже и этот первый шаг, первый опыт—занял у него многое: он ставит основные вопросы для нашей страны и пробуждает интерес к аграрной экономике и политике, делает первую попытку для учебников по нашей монографии не только по аграрной политике, но частично и по сельскохозяйственной экономике. Не будь, что книга не охватывает всех вопросов, не заставляет исследователя материала, может быть даже допускает некоторые теоретические ошибки—важно то, что она ставит наиважнейшие вопросы, пытаясь подойти к ним методологически, рассматривая их в историческом перспективном, с учетом прошлого опыта. Она дает танку для дальнейшего исследования и разработки вопросов и в этом ее первое и основное достоинство.

Тога. Месцель делает весьма целесообразно, когда предвочает в вежливых мостах говорить словами авторитетных теоретиков марксистской мысли и руководителей коммунистического движения, в частности, слова величайшего авторитета в этой области, творца и руководителя аграрной политики в России, тог. В. И. Ленина. Для данного момента важно не столько мнение отдельных рабочих (практиков и теоретиков), сколько систематическое выражение основ политики, учреждение, какой мере это отражают в себе и согласуются с учением тог. Ленина и по-настоящему коммунистической партии. И ссылки на пачтевые для ученики, статьи тог. Ленина, постановления Съездов Советов в ВЦИК—являются лишь достоинством книги (см. га. IV, V и VI).

В дальнейшем, когда отложенные задачи станут для столицей широкой массы, можно будет упростить изложение, опустить звенительную часть цитат, и для настоящего времени они совершенно необходимы.

Книга тога. Месцеля «Аграрная политика в России» содержит в себе введение, в котором подробно выясняется роль и значение сельского хозяйства в системе народного хозяйства России до реформации и то есть, в 7 главах: 1) аграрная политика; техника и экономика сельского хозяйства, 2) аграрная политика в дореволюционный период (до 1917 года), 3) аграрная программа, тактика и политика РКК (со 2-го съезда до новой экономической политики), 4) современная земельная политика в Земельном Кодексе РСФСР, 5) основы и направление аграрной политики в связи с современным состоянием сельского хозяйства в России, 6) сельскохозяйственная консервация и 7) аграрная политика и национальный вопрос. В конце приложен список новых действующих документов и постановлений по сельскому хозяйству.

Как видно из этого и введение, книга закончена к печати еще в начале лета (15 июня 1923 г.), поэтому в ней не нашли отражения важнейшие и доблестные вопросы современной с.-хоз. политики (в связи с «поминами», развязываемой ЦК по экономическим строительству и др.). Но имея возможность дать подробную оценку хотя бы наиважнейших частей книги тога. Месцеля—придется остановиться лишь на преимуществах на I и IV главах,—о некоем общем подходе к постановке вопросов и на разборе основ современной земельной политики.

Аграрную политику автор разбрасывает нациками рассматривает как систему государственных мероприятий, влияющих на экономическое и социальное развитие и производственные условия сельского хозяйства*. В этом определении ее нет почти ничего нового (то же определяют, приверо, встречая мы у А. И. Скворцова, Брунука и др.). Но это же у тога. Месцеля то, что, рассматривая аграрную политику, как систему государственных мероприятий, совокупность приемов государственной власти, используемых на сельскохоз. производстве и на классах, им занимается—он в то же время рассматривает ее как систему содержания и выражение в связи с учением о государстве. А это до сих пор экономисты другого лагеря тщательно скрывали и замалчивали.

Но противление всей своей книге тога. Месцеля подобно анализирует, как классовые интересы влияли на направление аграрной политики, поднимая интересы какого класса она складывалась в тоге или наше стадии общественного производства (феодальную, капиталистическую и переходную к социалистическому). И хотя экономика является основой политики, но, однако, «в феодальном, крепостническом и капиталистическом обществе аграрная политика определяется не только экономикой сельского хозяйства, сколько классовыми интересами правящих групп и господствующих классов; очень часто она идет в разрез с экономикой народного хозяйства и, в частности, крестьянского хозяйства». Изучение аграрной политики в России после реформы 1861 г. (гл. I), а затем в XX веке (гл. II) служит тому достаточно яркое подтверждение.

Наконец, блокировка самодержавно-помещичьими аграрных политики приводила к аграрному движению и революции 1905–1906 г.г., крепостническо-буржуазной политики Столыпина не смогла разрешить основных вопросов русской аграрной экономики и привела к краху сельского хозяйства и революции 1917 г. Аграрно-крестьянское и революционно-поплардарское движение в эту эпоху являлось основной движущей силой изменения направления аграрной политики. Аграрное движение конца 50-х и начала 60-х годов подталкивало правительство на реформу 1861 г., крепостническое движение 1905–1906 г.г. подталкивало Столыпинскую реформу, аграрное движение 1917 г. ускорило конец земельной реформы.

Подробно анализируя состояние сельского хозяйства после реформы 1861 г., в особенности его подъем в ХХ веке (в книге приведен интересный исторический материал), тога. Месцеля в то же время указывает, что «в подъему с.-хоз. производства были способны лишь незначительные слои крестьянства». «Земельный строй креационной России даже и после реформы Столыпина, благодаря все же огромному влиянию остатков крепостничества, бесприданничества и обнищанию огромной массы крестьянства, продолжал служить ограничением в деле развития производительных сил землемория».

«Большие починки на хлеб, неподъемные налоги, искусственно повышенные доходы землевладельцев-помещиков путем кредитов, покровительства санаторий, инновационной и др. властей помещичьей промышленности в управлении труженицами, скучна дворянских земель по посвященным целям, искусственное формирование системной ж.-хоз. тарифов одностороннего перевозки грузов—сельского хозяйства и т. д.—это это не только не разрешало эти противоречия, какие находились в деревне, а, напротив, их усиливали».

После значительного подъема сельского хозяйства в 1909-1912 гг. из базы разваливающегося капитализма вышел начавшийся упадок сельского хозяйства перед войной (сокращение экспорт и т. п.), все больше и больше развязываются противоречия в деревне, разрешить которые могла лишь только партия пролетариата в новой революции (1917 г.).

Основными фактами, по влиянию которых происходило изменение аграрной политики, во мнении тов. Месицкого (стр. 297), являются: 1) остаточно-экономическое сельского хозяйства и его роль в общей системе народного хозяйства, 2) аграрно-преступленское и революционно-пролетарское движение, 3) классовое выражение политики и 4) национальный вопрос и национальная политика. Все эти факторы оказывали свое действие в различных зонах общественного развития нашей страны, но вопрос об них тщательно затушевывался буржуазными аграрно-экономистами.

Анализируя классовое содержание аграрной политики дореволюционного периода, вспомним ее действительные причины, тов. Месицкий приходит к выводу, что „только в коммунистическом обществе аграрная политика должна будет сводиться к аграрной экономике“.

Рассматривая подробно аграрную политику Советской власти за время после Октябрьской революции до изгнания („первой военной коммунизма“), как политику коммунистической партии, тов. Месицкий предполагает, что сферы разработки аграрной программы в тезисах РКП(б) до этого второго слева из Октябрьской революции. И первая чайка довольно ясно развертывается картина вполне аграрной позиции партии, он воочию убеждается, что партия коммунистов, в отличие от с.-р. и других буржуазных и мелко-буржуазных партий, никогда не давала крестьянству необходимости и экспроприативных обещаний, партия всегда обещала крестьянству гораздо меньше, чем дала ему на практике, истины у заблуждения.

Еще не так давно интерес в книге тов. Месицкого предстаивает собой наложение в оценках современной земельной политики. Делая подробное наложение Земельного Кодекса, разбирая его историческую подготовку, экономическое и политическое его значение, тов. Месицкий в те же времена отмечается подробно и на том, каково социалистическое содержание нового земельного закона и в чем оно выражается.

Социалистический характер Земельного Кодекса (указывает он) выражается: 1) в отмене частной собственности на землю и признании ее собственностью рабоче-крестьянского государства, 2) в государственном регулировании землепользования, 3) в предоставлении наследственных возможностей создания форм и нормах землепользования на основе приспособленности к производственным условиям сельского хозяйства и 4) в обеспечении интересов труженической бедноты и пролетариата*.

В чем практическое значение „земельного Болгарка“? В том, что „в нем впервые в конкретной форме и в ряде практических указаний раскрывается с достаточной ясностью и полнотой идея национализации земли. Там самым наименование, которое РКП в 1905 году выдвигалось, как основа всех земельных преобразований. Кроме того он определяет вполне ясно и точно взаимоотношения трудовых землепользователей с государственной властью на основе прочности и устойчивости трудового землепользования.“

Современная земельная политика РКП так же, как и ее деревенализационная позиция, определяется соединением двух факторов: 1) классовыми ее направлениями и 2) создание благоприятных условий для развития производственных сил в крестьянском садовом хозяйстве**.

В итоге упомянутые о том, каким образом подходят к аграрному вопросу тов. Ленин еще до походной революции. „Мы не можем заплатить какой-нибудь особый „проект“ реформы“, — писал он в 1907 году***, — мы должны изучить объективные условия крестьянского, аграрного перехода в капиталистически развивающейся России, отслеживать, на основании этого

объективного анализа, ошибочную идеологию тех или иных классов от реального содержания экономических перемен, — и определить, чего требуют на почве этих реальных экономических перемен интересы развития производительных сил и интересы классовой борьбы пролетариата*.

С породившего (говорят тов. Месицкого) оба эти фактора в настоящий момент находятся во взаимном противоречии, ибоirst производительных сил в сельском хозяйстве идет быстрее в крупном капиталистическом хозяйстве, включая в мелком трудах, но это противоречие лишь кажущееся. В капиталистическом обществе, действительно, развитие производительных сил может идти не иначе, как через развитие крупных капиталистических хозяйств, и при этом партия пролетариата ведет классовую политику: она организует пролетариат (а вместе с ним и все трудящиеся массы) и руководит его классовой борьбой с капиталистами.

В обществе, переходном к социализму, при огромном числе малых хозяйств, при отсутствии отхода из деревни на фабрики и заводы — вопрос о землях производительных сил крестьянского сельского хозяйства смыкает земли производительной его массы, „мелкого и мельчайшего“, по выражению тов. Ленина, преступленства**.

Земельные беднейших и малоимущих слоев современной деревни Советской власти обеспечиваются: 1) классовым правом на землю, 2) всенародной ее управляемостью, 3) разрешением сдачи для них земли в аренду и 4) разрешением применения наемного труда в земледелии, запрещенного законом о социализации земли.

Социалистический характер Земельного Кодекса заключается и в том, что он аннулирует последний остаток крестьянства в деревне, являющийся огромным тормозом в деле развития производительных сил сельского хозяйства, приводящим к общему и ставит на место его новое земельное общество, в котором в полной мере обеспечиваются необходимые условия для сел.-хоз. развития. В этом и состоит замыкательный аккорд земельной революции и начинается новая эра земельно-хозяйственного строительства.

Современное земельное общество коренным образом отличается от старой проприетарной общины (даже в том случае, когда она возникла заново из нее) и имеет чрезвычайно много общих черт с кооперацией, предполагая как бы начало общего ее разветвления. Современное земельное общество — это различного рода и типа земельные товарищества с наемом рабочих перешедшие от общности, они несущего на себе следы старой проприетарной общины, и от объединения обобществленных землевладельцев (гуттеров, отрубников и поземориков) до сел.-хоз. артелей и коммун, являющихся уже полной вилой производственной сельско-хозяйственной кооперации***.

Хотя при установлении новой земельной политики государство формально заявляло о своем „нейтралитете“ в вопросах землепользования, хотя с первых и пока экономической политике коренным образом изменились самы методы и способы его воздействия на крестьянское хозяйство, — тем не менее это еще не значит отказ государства от регулирования сельского хозяйства.

Сельское хозяйство (справедливо указывает тов. Месицкий) настолько сильно сошло со всем народным хозяйством, что государство не может предложить ему свою „свободную силу“. Поскольку государство является активной, прогрессивной силой, подготавливая планированную экономическую политику, поскольку оно должно согласительно руководить огласко-хозяйственной стихией, подавляя ее в определенных планомерные рамки, согласно единого производственного народно-хозяйственного плана**.

*Основной и важнейшей областью применения государственного регу-

лирования сельского хозяйства является прежде всего огромная сфера земельных отношений. Здесь наилучшее отдельное хозяйство, в особенности в результате революционных изменений сельско-хозяйственной территории, привело в такое тесное соприкосновение с другими хозяйствами, что без именнинствительного государства обойтись невозможно¹.

«Земельный Кодекс довольно ярок по этой идеи отражает: выход из общего обеспечения известными и строго определенными условиями, проводится борьба с частными в беспорядочными переделками, строго регулируется аренда земли, запрещается земельный оборот и т. п. Земельное законодательство, с которого по существу и началось как раз ту область, где производится в наименьшей мере государственное регулирование сельского хозяйства».

Другой важнейшей областью государственного регулирования сельского хозяйства является область мероприятий, связанных с защитой сельского хозяйства от неблагоприятных внешних условий: борьба с предителями сельского хозяйства, с эпизоотиями, регулирование мероприятий по мелиорации, находящихся во владении отдельного хозяйства (мелиорации), борьба с вредителями лугов и посевов и т. п.

Однако и область такого агрокультурно-технических мероприятий, поскольку неизвестно им предстоит отражаться в хозяйстве соседей—также не может не быть затронутой сферой государственного именнинства. В свое время в Америке гос-дирекция всемирных миссий проводила институции сорняков на полях. ПРИЧИСТИ И НАМ (и придется в самом ближайшем времени) регулировать законом и особенно правилами проведение таких мер, как борьба с многочисленной, улучшение семенного материала и т. п.

Гораздо сложнее дело обстоит с теми мероприятиями, которые требуют предварительного наличия экономических и технических условий:ведение промышленных занятий требует предварительного разрешения кормовой проблемы для сектора: распространение минеральных удобрений зависит от высоты цен на продукты сельского хозяйства, начинаясь со многогранной зависят от наличности и стоимости семян традиций, корнеплодов и т. п.

Таким образом область государственного регулирования, ограниченная некой сферой земельных отношений да защищает сельского хозяйства от неблагоприятных внешних условий, должна будет все более и более расширяться и, меняя свои методы, переключаться в сферу агрокультурных технологий.

Еще более глубокую сферу государственного регулирования сельского хозяйства (как уже отмечалось выше) представляют собой области экономической политики, в особенности в части налогов и рыночных отношений².

Однако, несмотря на то, что государство не может отказаться от неосущественного регулирования крестьянского сельского хозяйства (административно и директивно регулирование) или косвенного экономического влияния на него, это метод воздействия через организацию проявления самодействительности самого населения наилучшими основными и наиболее важными. И том. Месицкий показывает целую главу подробному разбору значения, развития и строительства сель.-хоз. кооперации, а также отношения к ней коммунистической партии.

Книга том. Месицкого, по указанию самого автора, «составлена приложение к курсу лекций, читанным автором в 1922—1923 учебном году в Московском Механико-Институте и Петроградской Сель.-Хоз. Академии», без первой наброска нового курса, новой лекции математики, набросок, конечно, требующий дальнейшего углубления, уточнения и развития. Эта работа требует времени, опыта; она не под силу одному человеку и требует коллегиальной ее разработки. Том. Месицкий дал толчок к основу для этой работы,

указав, как надо применять метод марксизма при разборе вопросов сел.-хоз. земель и колхозов. И мы усиленно привлекаем коммунистическую молодежь наших вузов заинтересоваться современным поставленной аграрного вопроса в нашей стране и усиленно заняться его разработкой.

В. Манниковский.

Герман Вендель. Август Бебель. Изд-во «Книга», пер. В. Н. Розанова, стр. 96.

Двадцатипяти годовщина смерти А. Бебеля вызвала ряд статей и брошюр. Рецензируемая брошюра написана с. д. депутатом германского рейхстага скончавшимся автором.

Это одни уже говорят за то, что объективной, самое главное, критической оценки автор явить не мог.

Словождия панегирическим немецким с. д. является его анализа развития политики за прошлое эпохи³. Все темные стороны ее для автора не существует. Это—два основных недостатка брошюры, в общем интересной, но без богата фактическим материалом,—нельзя не отметить.

Автор работал долго вместе с Бебелем в с. д. фракции рейхстага, целиком ориентируясь в истории с. д., поэтому в брошюре содержатся очень большое количество интересных и важных фактов. Особенно разработана и отечественная эпоха жизни Бебеля, которая в других брошюрах и статьях стоит в теме—эпохи, начинаяющейся со вступления Бебеля в лейбницкий союз син-бронзовиков и кончивающейся социальным эпохой эпохи син-бронзовиков.

Много удачна глава, рисующая его детство и юность. П-литика автора обясняет характер Бебеля—общественного деятеля—соподчиненный психологии той эпохи—Рейнской промышленности, где он родился, крайне неудачной.

Из этой панегирической почвы выросла его высокая способность к видоизменению, его математический дух и отвага борца, выявлено его лучшие утверждения в юные и в преклонные годы. С этими свойствами счастливо связаны трезвый глазомер, чувство реальности и понимание дисциплин в парламентах. «Панегирическая почва» Рейнской области тут ни при чем, ибо им социальная жизнь Бебеля протекала вне ее.

60-е годы автором зарисованы мастерски. Живо набросана эволюция Бебеля от панегирического, связанным даже с отъединением—всебюдного избирательного права—признания обособленности крестьянских интересов парламента. Автор прав, считая это отрижение классовой борьбы отражением превращения классовой идеологии немецкого пролетариата (в начале 60-х г.г.).

Конечно, это не упоминает и другое очень важное—влияние романтической среды Л-Щапки на идеологии Бебеля. Объяснения эволюции Бебеля в с. д. идеологии, Вендель перенесенивает, по нашему мнению, влияние Лассала, считая, что сочинение последнего сыграло главную роль в идейной эволюции Бебеля, не говоря уже о том, что сам Бебель об этом не говорил, поскольку (когда в 60-х г.г.) деятельность его показывала, как мало он позаимствовал из идейной сокровищницы Лассала.

Вендель, как и большая часть дооцененных с. д. вообще, благосклонно относится к лагостинству. Он дажеает за щеня и замечает Швейцера. Последний у него выступает в качестве более остого с. д. политика, чем Бебель и В. Либкнехт. Вендель противопоставляет бахромурин антибахромурин Бебеля—Либкнехта принципиальной классовой борьбы и отважи бахромурин Швейцера. Он считает также, что Швейцер был вполне правы.

Это—подлинно блестящее выражение.

Так, напр., он про В. Либкнехта пишет: «оставаясь всегда солдатом

¹ Этим спадает и брошюра И. Майкова: «А. Бебель», написанная им до войны.

своей революции — в этом была его сила и слабость... слабость — потому, что отходя от прошлых историй, иногда затуманивавших перед ее взором истинное положение вещей" (курс моб. Н. Л., 23 стр.).

То, что составляло историческое достоинство В. Либкнехта — не терять в последовании роли революционного духа, романтику, как говорили потои революционисты, уметь сознавать мелкую работу с конечной целью, употреблять народы и превращаться в слабость.

Конечно, где уж В. Либкнехту «змыскии покашему порог» до Бебеля и К.-о., сделавшим свою карьеру на избирательных записках!

Характеризуя же позицию Бебеля в рабфаке во время франко-прусской войны, он дает прямую националистическую интерпретацию интернационалистических выступлений Бебеля.

«Среди криков ненависти, насмешки и презрения Бебель ненавидел столы у ораторской трибуны и смотрел сверху на шумящую толпу своих приятов. Он чувствовал себя добрым юношем и не худшим патротом, чем всякий другой. Хоть в его голове и сердце и было сильное убеждение в интернациональной солидарности рабочего класса, однако, и тогда, и впоследствии, он всегда был против того, чтобы растирять немецкую народность (!), немецких (!) и немецкую сущность (?) в общем интернационализме» (курс моб. Н. Л., 41 стр.).

Право измашники являются и симпатиями Венцеля «молодым» рабочей оппозиции начала 90-х гг. «Если в 1890 г. т. н. группа "молодых" хотела произнести чутъ ли не немедленный переворот, то это воюхое было во внешнюю воду, которая уходит через край, когда с горшка снимают крышу» (курс моб. Н. Л., стр. 69).

Пользуясь общепринятым методом, Венцель вначале приносит «молодым» определенные имена (которых они не пропоновывают), а затем делает из них именами своих явов.

«Молодые» стремятся же к немедленному государственному перевороту, а к немедленному с. л. восстает уже ученик реформистской парламентской работы и выти в союз с мелкой буржуазией.

Характеризуя эпоху закона против социалистов, Венцель, конечно, подчеркивает «анклаваторские» моменты деятельности Бебеля. Но, с другой стороны, он почему же совсем выпустит отношение Бебеля к «технократам», где последний себя проявил менее выраженно, чем, напр., Энгельс.

Как подразумевает извротисту, Венцель доволен тем, что Бебель, вопреки Мосту, не заявляла готовность с. л. защищать свое отечество против чужих западоевропейских планов и на упреки Моста отвечал, что «с. л. не имеют отечества».

Несмотря на выдачание такого Бебеля, Венцель все же вынужден назвать и другого Бебеля, нашего Бебеля.

Бебель, напр., не раз «прострелят» против переворота т. н. политической работы, которая не ственяется ради выигрыша 2-3 участков отказатьься от 2-3 принципов. Он часто говорил, что резко отрицательная критика есть лучшая политическая работа» (курс моб. Н. Л., 85 стр.).

Уже будучи прелестным стариком, в сороках берлинских рабочих, во слухах его 70-тилетия, Бебель говорил: «Люди бы должны до тех пор, когда я похож на гравю в революции, свою красное знамя».

Самая слабая глава в романе Венцеля — это характеристика Бебеля в конечной с. л. последних десятилетий. Здесь все «тиши да глахи» либо «благодать». Читая Венцеля, мы не видим ни одного обличья, ни горизонта Бебеля.

Он, напр., с умилением описывает поездку Бебеля в 1913 году из

конгрессе буржуазных нацифлистов — один из печальных фактов Бебеля, на котором Бебель вместо революционно-марксистского анализа милитаризма и угроз войны, занимался декламацией: «Мы защищаем правду, справедливость, гуманность, мир и благосостояние народов, и мы уверены на то» и т. д.

И, закрывая последнюю страницу, у читателя остается неизвестным факт из немецкой с. л. в 1914 году.

Такова брошюра Венцеля, довоенного центриста, со всеми недостатками, присущими этой «породе» политических деятелей.

Но живой, образный стиль, масса фактов для современного читателя будут стимулом для прочтения, опровергнув же места он свободно предает.

Брошюру можно рекомендовать и тем, кто интересуется немецкой с. л. вообще.

Н. Л.

Мари Баскин. Что нужно знать подготавливенному марксисту*, — под ред. В.З.О. при МК РКП. Библиотека самообразования. Новая Москва, 1924 г.

Сама по себе брошюра не стоит того, чтобы о ней отзывались. Если кто заставляет нас воспользоваться несколько строк ей, так это марка Моск. ком. РКП.

Бюро злачного обучения (это и есть подлинный смысл библиографического труда Б.З.О.) при Агитотделе МК издает библиотеку самообразования; это хорошее предприятие, нужда в подобном злочином руководстве очевидна. Но товарищи из Агитотдела не знают, очевидно, что заочное обучение очень ответственной вещи, имеет свою историю, свой метод и с конца века ничего путного в этой области не сделано.

Но если бы они это знали — никогда бы не выпустили безграмотную во всех отношениях брошюру Марка Баскина.

Летя брошюру широковещательно пишет в предисловии: «Задача настоящей брошюры для отдельных разытых товарищам, не имеющих систематической марксистской подготовки, примерный план самообразовательных занятий по изучению марксизма. По каждому отдельному вопросу мы указываем важнейшую литературу».

Но стоит только пробежать несколько страниц, чтобы видеть, сколь безнадежно бесцельен автор выполнить хоть в отдаленном виде свои обещания.

В § 1 автор советует «каждому марксисту, иметь знакомство с главными выводами современных наук, знать краткую историю их возникновения и развития, наконец, понимать те проблемы, которые встают в настоящие времена перед научной мыслью» (стр. 5), отсюда совершенно естественно вытекает обязанность автора хоть в двух словах дать «примерный план» выводов современных наук. Однако автор этого книжки,—он в § 2 пишет буквально: «Из естественных наук необходимо прежде всего иметь общее представление об астрономии, физике, химии и биологии. Изучать их нужно не затем, чтобы специализироваться в деталях какой-либо из указанных дисциплин, но для того, чтобы понимать и знать основные положения такихов, а также и методы» (стр. 5). И только. Если это изъять, то что же тогда есть надомогульство над читателями?

Таким сплошным извратительством насыщены почти все пять из начальства главы. Чтобы не быть голословным приведу ряд примеров, как ни жалко места в журнале.

В § 13 автор пишет: «Для лиц, желающих изучить историю социализма более основательно, мы рекомендуем исследующий список литерату-

трумы" и далее идет по греческому коммунизму рекомендация трех книг: «Д. Пельман. "История античного коммунизма и социализма"; б) Нальто. "Государство", первая; Карнова; в) П. И. Новгородцев. "Политические идеалы древнего и нового мира" (стр. 11).

Что к гоги-рату, глубина неясноизвестна, особенно у Павла Ивановича Новгородцева.

А вот что советует читать о Сен-Симоне все ради того же углубления: «Сознание Сен-Симона», т. I, Изд. 1912 г., Иван в., «Сен-Симон и социализм», 1907 г. (стр. 12), о Р. Оузле—Р. Оузле. Об образовании человеческого характера, Давидсон, Р. Оузле, Изд. 1906 г., А. Каминский, Р. Оузле Изд. Наклонкова (стр. 13), о Фурье—Фурье, его жизнь и учение» (стр. 13) и так далее, в том же духе о всех ученых. Читатель, вероятно, и без меня заметил, что маленький М. Баскин слова то и же претягивает. Вместо всей этой он существует устаревшей, а в некоторых случаях просто предной болберни, что если бы автор приложил... Г. В. Новиков: «У него, правда, не столь "утягнуто", как у профессора Новгородцева, но по марксистски разобраны все уточнения: англиканские (а не ведь Орден англикан!), французские (Сен Симон и Фурье, несколько сидим! французам), немецкие (Вейнгарт ведь не без греха в этом!).

Или возьмем философов. Из них М. Баскин признает "предтечами марксизма" четырех идеалистов—Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля,—а из материалистов—французских материалистов и Л. Фейербаха. Ну, тут уж ничего не поделаешь, это дело икусства,—не хочет и не признает остальных, хочет и признает даже того, кого и не надо бы,—что можно возразить за это? Для него Синайца, английские материалисты никакого значения не имели для марксизма.

Но каков "премьерный план" хотя бы по отношению к этим признанным? Очень простой: кто может—читай—Кую-Фишер, т. 4, 5, 6, и 7, а кто не может—пусть ограничится соответствующими главами из какого-либо небольшого общего курса по истории философии" (стр. 16).

Но то с Гегелем. Его значение М. Баскину невозможно понять. Он пишет: «§ 16—Изучение гегелевской диалектики—дело весьма серьезное и трудное. Неподготовленному читателю язык Гегеля кажется чрезвычайно туманным, почти недоступным. И в действительности, гегелевская философия считается одной из труднейших философских систем, когда либо существовавших. Начинающему читателю легче всего проработать Гегеля по 2-му тому "Философского лексикона" Гогодека; — к сожалению, очень редкое, но зато блестящее издание, где звучит едва ли не лучший популярный очерк философии Гегеля. В дальнейшем следует проработать два книги о Гегеле: 1) Карл Гегель—1898 г. и 2) Гайд. "Гегель и его время". Только после этого можно перейти к I и 2 полутомам 8-го тома "Истории новой философии" Куро-Фишера, а также и к самому Гегелю" (стр. 16). Больше ничего. И опять у читателя ощущение, что Баскин просто невежественный человек. А такое ощущение получается оттого, что он оставил забыт три статьи Плеханова, известных любому советско-марксисту: «К 60 годовщине Гегеля», гл. IV из «Моя взгляда» и гл. II из «Очерков по ист. материализма».

Пишет: «нельзя обойтись образованному марксисту и без Плеханова» (стр. 28), а перечисляет статьи по философии и социологии, выпуска многочисленных из них: напр., «От идеализма к материализму», «Эссеопы в философии», «Прандзиско и Коммунист. Манифести» и т. д. и т. д.

Пишет руководство для марксистов и не указывает ни разу ни в какой связи пневматическую книгу Д. Б. Рязанова «Маркс и Энгельс», где так прекрасно развернута биография обоих великих мыслителей на фоне истории рабочего движения того времени; пишет целую главу по истории марксизма,

и не указывает Д. Б. Рязанова «Очерки по истории марксизма»—богатейший источник этой истории и единственная в своем роде книга.

Да и стоит ли далее задерживаться на этой, ничего не стоящей брошюре?

Вернемся на несколько минут к Агит-отделу МК.

Дорогие товарищи, не умеете вести заочное обучение, не беритесь! Нет соответствующего подготовленного персонала, приступайте к подбору его. Ведь заочное обучение—это одностороннее оружие. Можно помочь читателю, но можно и окончательно его сбить с толку всякой беспричинной в бодяковской чепухой, подобно только что разобранному.

Это очень просто, и не знаю почему В.Д. Агитателя МК таких элементарных вещей не соображает.

Нужно реорганизовать биржу заочного образования, необходимо составить его из компетентных людей и вести систематическую в этом направлении работу.

Пора превратить издание таких невежественных брошюр,— они сеют не образование, а пустяки и новежество.

В. Румян.

СООБЩЕНИЯ и ЗАМЕТКИ

Редакция нашего журнала посыпала в ЦК РКП письмо следующего содержания:

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Смерть великого вождя пролетариата В. И. Ленина — тяжелый удар делу рабочего класса. В его лице международный пролетариат потерял не только величайшего мастера революции, но и великого теоретика. В урагане революции, в кропотливой повседневной практической работе, в международной политике как и классовой стратегии всюду В. И. являл примеры последовательного и выдержанного диалектического материализма, применялся его в сложнейшей обстановке и создавал из этой почвы блестящую прорывку теории своего великого учителя — Маркса.

Марксизм в его руках стал разящим мечом пролетарской революции, поэтому он придавал такое чрезвычайно большое значение изучению теории, сохранению ее чистоты от оппортунизма, от влияния буржуазной и мелко-буржуазной идеологии. Занятый исключительно важными и большими государственными делами, Вл. Ильин вырвал время, чтобы наметить программу органа воинствующего материализма — нашего журнала.

Под Знаменем Марксизма ставил себе задачей осуществление этой, начертанной им, программы.

Со смертью Вл. Ильина воинствующий материализм потерял своего признанного великого вождя.

Мы, поставленные на этом посту, скорбим вместе с Вами, со всей РКП, со всем международным пролетариатом о великой потере, однако эта скорбь не оспаляет, а лишь еще более усиливает нашу бдительность и готовность вести войну на идеологическом фронте.

Мы потеряли вождя, но мы имеем его приказы и предначертания нам.

Борьба за марксизм, суровая, последовательная борьба за материализм — таков будет наш ответ врагам, радующимся нашей тяжелой утрате.

„Под Знаменем Марксизма“.

Издатель: Издательство „Материалист“.

Отв. редактор: В. Тир.

ИДИОИЗДАТЕЛЬСТВО „МАТЕРИАЛИСТ“.

Библиотека атеизма под редакцией А. М. ДЕБОРИНА.

Тов. Ленин два года тому назад писал: „Энгельс давно советовал рукописи писателей современного пролетариата перевести для массового распространения в народе блестящую атеистическую литературу конца 19 века К Сталину нашему, мы до сих пор этого не сделали“.

Лишь спустя два года мы оказались в состоянии приступить к изданию этой крайне важной и чрезвычайно актуальной серии.

Атеистические памфлеты XVIII века давно оценены по заслугам. Принимаются только что было склонено о них сказать авторитетнейшими теоретиками нашею РКП: К. Т. Польским, А. М. Дебориным.

...Драмы, языки, газеты, памфлеты, остроумно и открыто нападавшие на господствующую поповщину публицистика старых атеистов XVIII-го века сплошь и рядом оценивается в 1000 раз более подозрительной для того, чтобы пробудить любовь от религиозного сна, чем скучные, сухие, не иллюстрированные почтой никакими умело подобранными фактами пересказы марксизма, которые преображен в нашею литературе в который (нечего грешать) частично искаженный „Истоки“ („Люди знаменем марксизма“ № 3 за 1922 г., стр. 7). Оригинал Плеханова мы не приводим, надеясь, что его блестящее по истории материализма известны читателям „Под Знаменем марксизма“.

ИЗ ЭТОЙ СЕРИИ ВЫШЛО И ПОСТУПИЛО В ПРОДАЖУ:

Вып. 1. Гольбах — „Заряд смысла“. Атеистический памфlet XVIII столетия.
С пред. А. М. Деборина.

ПЕЧАТАЕТСЯ И СКОРО ВЫЙДЕТ:

Вып. 2. Ж. Молье — „Излечениe из заблуждения“.

Вып. 3. Гольбах — „Разоблачение христианства“.

Готовится к печати ряд других названий из этой серии, о которых будет объявлено в дальнейшем.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

А. ДЕБОРИН—ЛЮДВИГ ФЕЙЕРБЕРГ с дополнениями и исправлениями А. М. ДЕБОРИНА и Я. ПАВЛОВА, 260 стр. Издательство „Маркса и Энгельса“.
Цена: 2 руб. чисто.

Л. ФЕЙЕРБАХ—Причины материялизма чистой воды в изложении с практическим смыслом статьи А. М. ДЕБОРИНА «В. ФЕЙЕРБАХ» и гравюра на дереве Я. ПАВЛОВА, 220 стр. Цена: 2 руб. чисто.

на 1924 год. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1924 год.

— на большую — РАБОЧИЙ КРАЙ — на большую — ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

— ЕЖЕДНЕВНОСТЬ С. ИВАНОВОГО ПОДПИСКА

ЕНКЕДИВНОСТЬ ИЗДАНИЯ ПОДПИСКА

На 1 месяц для коллекционеров и рабочих 2 руб., для остальных 3 руб., 50 коп.

На 6 месяцев для коллекционеров и рабочих 3 руб., для остальных 1 руб., 50 коп.

На 1 год для коллекционеров 1 руб., для остальных 1 руб. 25 коп.

В розничной продаже цена на год 5 копеек. С о приложением будет объявлена особо.

Карикатуры и комиксы г. Иваново-Вознесенск, Нижегородская ул. Телефон 3-28.